ВОЕННАЯ АКАДЕМИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА
ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

На правах рукописи

ОВЧИННИКОВ
Владимир Дмитриевич

АДМИРАЛ Ф.Ф. УШАКОВ: ВЛИЯНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА СТРОИТЕЛЬСТВО ОТЕЧЕСТВЕННОГО ФЛОТА И РАЗВИТИЕ ВОЕННО-МОРСКОГО ИСКУССТВА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVIII – НАЧАЛО XIX в.)

07.00.02 – Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук

Научный консультант – доктор исторических наук, доктор юридических наук, профессор В.А. Золотарев

Москва – 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ ……..…...…….…..... 4

Глава 1. ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ, ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА И ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ИССЛЕДОВАНИЯ ……..…..…… 14

1.1. Историография проблемы …….……..... 14

1.2. Источниковая база исследования ……. 39

1.3. Теоретико-методологическая основа исследования …….. 51

Выводы по главе ……..……. 66

Глава 2. ФОРМИРОВАНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ Ф.Ф. УШАКОВА …….……..…… 68

2.1. Формирование личности Ф.Ф. Ушакова …….…... 68

2.2. Становление Ф.Ф. Ушакова на флотской службе ……..… 92

Выводы по главе …….……. 116

Глава 3. ВКЛАД Ф.Ф. УШАКОВА В СТРОИТЕЛЬСТВО ОТЕЧЕСТВЕННОГО ФЛОТА …….……. 119

3.1. Участие Ф.Ф. Ушакова в организации сил Черноморского флота и создании основ системы базирования …… 119

3.2. Деятельность Ф.Ф. Ушакова по подготовке сил флота ……..... 145

Выводы по главе …….…….. 167

Глава 4. ФЛОТОВОДЧЕСКАЯ И ВОЕННО-ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Ф.Ф. УШАКОВА В КОНЦЕ XVIII в. ……..... 170

4.1. Участие Ф.Ф. Ушакова в подготовке и ведении Черноморским флотом боевых действий на первом этапе Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. ……...…….. 170

4.2. Деятельность Ф.Ф. Ушакова на посту командующего Черноморским флотом ..……...…….....……... 190

4.3. Военно-государственная деятельность Ф.Ф. Ушакова в период Средиземноморской экспедиции 1798–1800 гг. ……..…...… 223

Выводы по главе …….……. 256

Глава 5. ВЛИЯНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Ф.Ф. УШАКОВА НА РАЗВИТИЕ ВОЕННО-МОРСКОГО ИСКУССТВА .……..… 260

5.1. Эволюция морской тактической мысли в России и взглядов на вклад Ф.Ф. Ушакова в развитие военно-морского искусства ……... 260

5.2. Вклад адмирала Ф.Ф. Ушакова в развитие военно-морского искусства ……..... 276

Выводы по главе ……..……. 289

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ……...…….. 291

СПИСОК ТЕРМИНОВ …….……..…….. 316

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ ……... 323

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ …….....……. 336

ПРИЛОЖЕНИЯ (ОТДЕЛЬНЫЙ ТОМ)

ВВЕДЕНИЕ

Жизнь и деятельность известных исторических личностей всегда были в центре внимания общественности и объектом для изучения историков. Для настоящего исследования автор избрал одну из выдающихся личностей отечественной истории, наиболее яркого представителя русских военных деятелей второй половины XVIII – начала XIX в. – адмирала Федора Федоровича Ушакова. Его богатый опыт по строительству отечественного флота и боевая деятельность, в ходе которой государством были достигнуты крупные военно-политические цели и внесен весомый вклад в развитие военно-морского искусства, оставили заметный след в истории Российского Военно-морского флота. Его ратный путь и морские победы навечно написаны на скрижалях отечественной истории. Сражения при Фидониси, Керчи, Тендре, Калиакрии и штурм Корфу стали поучительными примерами в истории военно-морского искусства.

Деятельность адмирала Ф.Ф. Ушакова по строительству отечественного флота дала значительный импульс к его развитию. Она заложила прочные традиции в системе подготовки сил флота, повлияла на духовно-нравственные основы морской службы в российском флоте.

Общеизвестно, что реализация законов общественного развития осуществляется через деятельность людей (личностей), следовательно, механизм действия этих законов и их содержание можно выявить через анализ человеческой деятельности. Знание же механизма действия этих законов принципиально важно для общества при определении направленности общественно-исторического процесса. Вместе с тем, выявление условий и факторов формирования личности, механизма и способов ее влияния на общественно-исторический процесс позволяет дать и комплексную оценку роли личности в истории.

В современных условиях влияние личности продолжает оставаться достаточно значимым. Весьма существенным личностный фактор является и в области военного строительства, особенно на переходных этапах развития государства.

Сегодня вопросы военного строительства и его основной составляющей – строительства вооруженных сил – стоят особенно остро. За последние десятилетия в этой области накопилось множество проблем, причины которых, помимо экономических факторов, кроются и в управленческих просчетах, в оценках угроз, а также состояния и перспектив развития Вооруженных сил.

Кардинальное изменение положения и устранение негативных тенденций в оборонном строительстве и искусстве применения Вооруженных сил требуют взвешенных подходов и всестороннего учета исторического опыта. В этой связи использование богатого опыта Ф.Ф. Ушакова по строительству флота и применению его сил является, на взгляд соискателя, весьма актуальным.

Исследование личности и деятельности Ф.Ф. Ушакова чрезвычайно важно и в деле обучения и воспитания личного состава. Значение этой личности многократно усилилось после принятия в конце 2000 г. Русской Православной церковью решения о канонизации Ф.Ф. Ушакова. На основании этого решения 5 августа 2001 г. впервые в истории христианства к лику святых был причислен воин-моряк – адмирал Российского флота. Это, как показывает опыт последних лет, значительно повлияло на укрепление духовно-нравственных основ военной службы – весьма актуального аспекта функционирования современных Вооруженных сил.

Вместе с тем, жизнь и деятельность адмирала Ф.Ф. Ушакова до настоящего времени недостаточно изучена. В научной и научно-популярной литературе продолжают иметь место неточности, связанные с биографией флотоводца. Недостаточно исследован и его вклад в строительство отечественного флота. В 1940-х гг. во взглядах отечественных историков сформировалось противоречие по вопросу вклада Ф.Ф. Ушакова в развитие военно-морского искусства, которое до настоящего времени остается

неразрешенным. Представители дореволюционной историографической традиции считали его новатором морской тактики эпохи парусного флота, представители же современной военно-исторической науки – создателем новой, так называемой «маневренной тактики».

В этой связи жизнь и деятельность этой многогранной личности давно нуждается в серьезном комплексном научном исследовании и осмыслении, так как, несмотря на то, что кардинально изменилась эпоха и условия военно-морской деятельности, принципы остаются неизменными, а субъективные качества личностей и в современных условиях оказывают существенное влияние на исторические события.

Исходя из вышеизложенного, **актуальность** диссертационного исследования определяется:

– потребностью научного осмысления феномена личности Ф.Ф. Ушакова;

– недостаточной разработанностью темы влияния деятельности адмирала Ф.Ф. Ушакова на строительство отечественного флота и важностью использования его методов организации процесса в современном военно-морском строительстве;

– необходимостью научного анализа и обобщения вклада адмирала Ф.Ф. Ушакова в развитие военно-морского искусства и разрешения сформировавшегося противоречия;

– возрастающей потребностью в укреплении духовно-нравственных основ военной службы и пропаганды славного боевого прошлого Российского флота.

Данное исследование позволит, кроме того, получить более полное представление о морской политике России во второй половине XVIII – начале XIX в., подходах руководителей государства к вопросам военно-морского строительства; об организации взаимодействия сухопутных и морских сил; сквозь призму деятельности конкретной исторической личности, более детально показать особенности применения сил флота в решении важнейших

военно-политических задач и, вместе с тем, расширить знания в области отечественной истории, а также истории войн и военно-морского искусства.

Степень научной разработанности темы.

За долгие годы исследования жизни и деятельности адмирала Ф.Ф. Ушакова, начиная со второй четверти XIX в., сложилась устойчивая историографическая традиция. К изучению флотоводческого наследия адмирала обращались многие известные историки дореволюционного периода, такие как Е.И. Аренс, П.И. Белавенец, Ф.Ф. Веселаго, А.В. Висковатов, В.Ф. Головачев, В.П. Ильинский, Н.Л. Кладо, Д.А. Милютин, Р.К. Скаловский. Вопросы, связанные с рассматриваемой темой, отражены в многочисленных военно-исторических трудах, биографических изданиях и публикациях.

Большой пласт историографического наследия по данной теме сконцентрирован в трудах советских историков: В.А. Золотарева, В.Д. Доценко, И.А. Козлова, Р.Н. Мордвинова, Ф.В. Носова, А.М. Станиславской, Е.В. Тарле. В трудах указанных авторов тема получила свое дальнейшее развитие, но, вместе с тем, появилась и преобладает доныне отличная от дореволюционных предшественников точка зрения на вклад Ф.Ф. Ушакова в развитие военно-морского искусства.

Отдельные аспекты деятельности Ф.Ф. Ушакова серьезно прорабатывались и некоторыми современными авторами, прежде всего В.Ю. Грибовским, Г.А. Гребенщиковой, А.А. Лебедевым и А.Г. Сацким. Однако до настоящего времени не существует комплексного научного исследования, многоаспектно охватывающего многогранную личность Ф.Ф. Ушакова и его деятельность как в области строительства отечественного флота, так и в области военно-морского искусства.

Более подробный историографический анализ проблемы изложен в подразделе 1.1.

Объектом исследования является личность Ф.Ф. Ушакова в отечественной истории.

Предметом исследования является деятельность Ф.Ф. Ушакова по строительству отечественного флота и развитию военно-морского искусства.

Научная проблема заключается в разрешении противоречия между устоявшимися в отечественной исторической науке представлениями о вкладе адмирала Ф.Ф. Ушакова в строительство отечественного флота и развитие военно-морского искусства и потребностью в современных оценках его деятельности на основе исследования вновь выявленных архивных документов и полученных новых знаний.

Целью диссертации является определение степени влияния деятельности Ф.Ф. Ушакова и оценка его реального вклада в строительство отечественного флота (военно-морское строительство) и развитие военно-морского искусства для использования полученных знаний в совершенствовании организации и способов применения современного Военно-морского флота, воинском и духовно-нравственном воспитании воинов Вооруженных сил Российской Федерации.

Для достижения поставленной цели соискатель решал следующие **исследовательские задачи:**

1. Определение степени разработанности проблемы в отечественной и зарубежной историографии.
2. Проведение научной реконструкции процесса формирования и становления личности Ф.Ф. Ушакова.
3. Обобщение вклада Ф.Ф. Ушакова в строительство отечественного флота.
4. Раскрытие флотоводческой и военно-государственной деятельности Ф.Ф. Ушакова.
5. Проведение анализа и оценка сложившихся в 40–50-х гг. XX в. и преобладающих до настоящего времени взглядов отечественных историков на деятельность адмирала Ф.Ф. Ушакова по развитию военно-морского искусства.
6. Обобщение и характеристика вклада Ф.Ф. Ушакова в развитие военно-морского искусства.

7. Выявление исторических уроков и формулирование рекомендаций и предложений по использованию накопленного опыта.

Источниковая база и теоретико-методологическая основа исследования освещается в Гл. 1 диссертации.

Границы исследования (все даты приводятся по старому стилю) определяются, прежде всего, периодом, в течение которого деятельность адмирала Ф.Ф. Ушакова оказывала активное влияние на процессы строительства флота и развития военно-морского искусства (1783–1802 гг.). При этом для более всестороннего и объективного изучения мотивации действий Ф.Ф. Ушакова, его квалификации, факторов, повлиявших на процесс принятия им решений и их компетентность, автор исследует и процессы формирования личности Ф.Ф. Ушакова с момента рождения (1745 г.) и его становления (1766–1783 гг.).

Исследование в рамках данного периода позволило наиболее полно и точно проследить этапы строительства отечественного флота, эволюцию военно-морского искусства, преемственность традиций в обучении и воспитании личного состава и охарактеризовать влияние на них деятельности Ф.Ф. Ушакова.

Научную новизну исследования определяют:

– исследование личности Ф.Ф. Ушакова на основе полидисциплинарного подхода, произведенное впервые;

– более глубокое и всестороннее раскрытие деятельности адмирала Ф.Ф. Ушакова по строительству отечественного флота;

– использование принципа интегрального объяснения в истолковании деятельности Ф.Ф. Ушакова с учетом мотивировки (раскрытие цели, обстоятельств действий, ценностных ориентаций) и объективной стороны исторического процесса;

– авторское обоснование положения о формировании Ф.Ф. Ушаковым отечественной школы военно-морского искусства;

– введение в научный оборот значительного количества новых архивных документов, касающихся жизни и деятельности адмирала Ф.Ф. Ушакова и истории Отечества.

Теоретическую значимость данного труда определяют:

– раскрытие и разрешение противоречия между устоявшимися в отечественной исторической науке представлениями о вкладе адмирала Ф.Ф. Ушакова в строительство отечественного флота и развитие военно-морского искусства и современными оценками его деятельности;

– выдвинутые аргументы и построенная система доказательств для решения научной проблемы, составляющие стройную методику в разрешении системных противоречий;

– изучение причинно-следственных связей между качественными характеристиками личности Ф.Ф. Ушакова, заложенными в процессе его формирования как личности, и результатами деятельности по строительству отечественного флота и развитию военно-морского искусства;

– выстроенная система доказательств, раскрывающих создание Ф.Ф. Ушаковым отечественной школы военно-морского искусства с использованием комплекса существующих базовых методов исследования;

– предложенная историческая периодизация, которая способствует систематизации и более четкой структуризации ряда вопросов морской тактики;

– введение понятия «отечественной школы военно-морского искусства», которая позволяет уточнить категориальный аппарат военно-морской, военно-исторической области;

– существенное приращение военно-исторических знаний о личности, жизни и деятельности Ф.Ф. Ушакова, а также научным знанием в области истории войн и военно-морского строительства конца XVIII – начала XIX в.

Практическая значимость состоит в том, что результаты могут быть использованы:

– ведущими военными школами России и оперативными управлениями всех уровней для развития теории применения сил флота в современной войне;

– Главным штабом ВМФ, штабами округов и флотов в практике строительства и развития пунктов базирования (в частности в Севастополе и Новороссийске) по решению вопросов расквартирования личного состава и всестороннего обеспечения флота;

– в процессе обучения курсантов и слушателей высших военно-учебных заведений МО РФ при изучении дисциплин «военная история» и «история военного искусства»;

– в работе структур по работе с личным составом ВС РФ и военного духовенства в процессе воинского, патриотического и духовно-нравственного воспитания военнослужащих;

– при разработке новых научных трудов, разделов учебников, справочных и энциклопедических изданий, в статьях, посвященных Ф.Ф. Ушакову и истории Российского флота.

Результаты исследования также могут служить дополнительным материалом в определении роли и места полководца (флотоводца) в современном военном строительстве, в уточнении критериев его оценки.

На защиту выносятся положения, раскрывающие:

– методологические и историографические подходы автора в исследовании личности Ф.Ф. Ушакова;

– уточненный автором вклад Ф.Ф. Ушакова в строительство отечественного флота;

– критический анализ и оценка взглядов ряда отечественных и зарубежных историков о влиянии деятельности Ф.Ф. Ушакова на развитие военно-морского искусства;

– выводы и обобщения о роли личности Ф.Ф. Ушакова в отечественной истории и в развитии военно-морского искусства;

– авторские выводы, исторические уроки и рекомендации.

Достоверность полученных результатов достигнута путем:

– всестороннего анализа работ по данной проблеме, проводимых другими авторами;

– использования фундаментальных достижений и обоснованного применения соискателем апробированного научно-методологического аппарата;

– привлечения широкой источниковой базы, в основе которой лежат более 36 фондов 10 архивов.

Основные положения и выводы диссертации отражены в 57 публикациях автора общим объемом 208,8 печатных листов. Они опубликованы в 7 монографиях, 2 брошюрах, 33 статьях (в том числе 18 в российских рецензируемых научных журналах, в которых должны быть опубликованы основные научные работы диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук), 6 военно-исторических трудах, 1 учебнике, 1 в сборнике документов, 7 в сборниках материалов международных и всероссийских научно-практических конференций, проводимых в городах Портсмут – Великобритания (2006), Москва (1999, 2000, 2001 и 2011), Ярославль (2007, 2015), Рыбинск (2007), Саранск (2006 и 2008), Обнинск (2013), Рязань (2014).

Полученные научные результаты востребованы и используются научным сообществом для разработки актуальных проблем военно-морской истории, теории и практики подготовки и применения сил флота.

Материалы диссертационного исследования использованы:

при разработке статей Военной энциклопедии (М., 2003. Т. 7. С. 623, 624; М., 2004. Т. 8. С. 59, 223, 224, 247) и Военного энциклопедического словаря (М., 2007. С. 404, 756, 757);

отделом Идентификации личности Российского центра судебно-медицинской экспертизы Министерства здравоохранения РФ при идентификации костных останков Ф.Ф. Ушакова (Приложение 1);

Синодальной комиссией Русской православной церкви по канонизации при рассмотрении вопроса о причислении воина Федора Ушакова к лику святых (Приложение 2, 3) и при составлении житийного описания адмирала[1].

Выявление считавшихся ранее неизвестными даты и места рождения Ф.Ф. Ушакова существенным образом повлияло на активизацию военно-патриотической работы в Ярославской области. В городах Рыбинске и Тутаеве установлены памятники флотоводцу. В г. Рыбинске образовано Общество им. адмирала Ф.Ф. Ушакова. В Рыбинском районе созданы музей адмирала и клуб «Юный ушаковец», в Ярославле – клуб юных моряков им. Ф.Ф. Ушакова. Среди областных наградных знаков, учрежденных губернатором, высшим определен знак «Адмирала Ушакова». На родине флотоводца – у деревне Бурнаково установлен памятный знак-указатель. Ежегодно там проводятся лагерные сборы и военизированные игры детских военно-исторических клубов.

Материалы исследования использованы в качестве исторического обоснования в проекте восстановления и реставрации церкви Богоявления-на-Острову – памятника архитектуры федерального значения. Собранные артефакты и материалы «полевых» исследований были переданы соискателем в музей адмирала Ф.Ф. Ушакова в поселке Ермаково Рыбинского района.

Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, списка терминов, списка источников и литературы, именного указателя и приложений.

[1] Святой праведный воин Феодор Ушаков: житие и служба. Издание Рождество-Богородичного Санаксарского монастыря, 2009. С. 36.

Глава 1. ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ, ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА И ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Историография проблемы

Для более углубленного анализа историографии проблемы ее условно можно разделить на три периода:

– первый (1828 – 1917 гг.);

– второй (1917–1991 гг.);

– третий (1991 г. – по настоящее время).

В основу указанной периодизации положена эволюция господствовавших в отечественной историографии взглядов на роль Ф.Ф. Ушакова в истории Российского флота и военно-морского искусства.

Первый период характеризуется накоплением исторического материала и систематизацией военно-исторических знаний, поэтому труды этого периода носят, в основном, описательный характер.

Первым из отечественных историков, который взялся за обобщение материалов, связанных с действиями Черноморского флота и, соответственно, с деятельностью адмирала Ф.Ф. Ушакова, был А.В. Висковатов[1]. Подтверждая факт неразработанности темы, автор в предисловии к своему труду отмечал: «К сожалению, у нас еще нет до сего времени подробных сведений о сих славных подвигах, тогда как англичане, французы и другие просвещенные народы, имеющие флоты, умели сохранить и передать потомству самые мелочные дела своих мореходцев»[2].

[1] *Висковатов А.В.* Взгляд на военные действия россиян на Черном море и Дунае с 1787 по 1791 г. СПб., 1828.

[2] Там же. С. 1.

Указанный труд отличается подробностью изложения исторических событий, происходивших на Черном море в конце XVIII в. Автор использовал обширный фактический материал, основу которого составили шканечные (вахтенные) журналы и воспоминания участников событий, но, к сожалению, без ссылок на конкретные источники. Вместе с тем, описывая события, Висковатов не подверг их анализу и обобщению, ограничившись лишь короткими оценками деятельности Ф.Ф. Ушакова. В частности им отмечалось, что «Ф.Ф. Ушаков принадлежит к числу славнейших и искуснейших адмиралов нашего флота», который «обладал всеми качествами хорошего флотоводителя»[1].

Более развернутая характеристика деятельности Ф.Ф. Ушакова присутствует в другой работе А.В. Висковатова, посвященной союзу России и Турции[2]. Высокая оценка, данная Висковатовым Ушакову, имеет место и в работе, посвященной действиям русской эскадры у о. Корфу, в которой говорится: «Сей отличный флотоводец и сотрудник Потемкина по Черноморскому краю, принадлежит к числу тех знаменитых людей, коих имена украшают историю царствования бессмертной Екатерины»[3].

Важно отметить, что А.В. Висковатов оценил Ф.Ф. Ушакова и как умелого воспитателя, говоря о том, что его офицеры «по всей справедливости могли назваться цветом Русского флота: все они своим поведением, служа примером подчиненным, умели снискать неограниченное к себе уважение и покорность турок, и способствовали к поддержанию той чести, какую победоносный флаг приобрел во мнении чужестранцев»[4].

В указанном труде, как и в первой его работе, восстановлена и подробно изложена хронология событий по овладению эскадрой Ф.Ф. Ушакова

---

[1] *Висковатов А.В.* Взгляд на военные действия россиян на Черном море и Дунае с 1787 по 1791 г. С. 77.

[2] *Висковатов А.В.* Союз России с Турцией и русский флот в Константинополе в 1798 г. // Северная пчела. 1833. №№ 46–49.

[3] *Висковатов А.В.* Блокада и осада Корфу 1798–1799 г. // Сын Отечества. 1828. № 3. С. 257.

[4] Там же. С. 259.

крепостью Корфу, блокаде Анконы и освобождению юга Италии, дано точное соотношение сил и описание всех крепостных сооружений противника, что подчеркивает все величие одержанной Ф.Ф. Ушаковым победы. К сожалению, А.В. Висковатов практически не оставил аналитических заключений.

Одним из фундаментальных трудов по исследуемой проблеме является большая работа первого биографа адмирала Р.К. Скаловского[1]. До настоящего времени она считается одним из наиболее авторитетных трудов по истории Черноморского флота и деятельности знаменитого флотоводца, что послужило поводом ее переиздания в наши дни с уточнением даты и места рождения флотоводца на основании исследований диссертанта[2].

В ней дан первый очерк истории морских сил юга России до 1768 г. Подробно рассмотрены все этапы службы Ф.Ф. Ушакова, охарактеризованы его личность и деятельность, правда, скорее, эмоциональная, чем рациональная[3].

В труде изложен ход морских сражений, при этом автор впервые использует схемы, составленные на основе донесений Ф.Ф. Ушакова. Достаточно полно исследованы вопросы состояния материальной и технической базы флота и изменения его численного состава. В отличии от работ А.В. Висковатова, Р.К. Скаловским впервые широко использованы архивные документы, в том числе рескрипты, ордеры, донесения и рапорты, приведенные в приложениях.

Несмотря на очевидные положительные моменты указанного труда, как выше указано, Р.К. Скаловский положил начало противоречию в вопросе о месте рождения Ф.Ф. Ушакова. Не имея на то никаких оснований, он указал, что «Федор Федорович Ушаков родился в Темниковском уезде Тамбовской губернии, от несостоятельных родителей, оставивших ему в наследство 19 ревизских душ»[4]. В результате, во всех последующих работах эта версия

---

[1] *Скаловский Р.К.* Жизнь адмирала Федора Федоровича Ушакова. СПб., 1856. Ч. 1.

[2] *Скаловский Р.К.* Жизнь адмирала Федора Федоровича Ушакова. СПб., 2006. С. 12, 13.

[3] *Скаловский Р.К.* Жизнь адмирала Федора Федоровича Ушакова. СПб., 1856. Ч. 1. С. 164, 165, 170.

[4] Там же. С. 4, 5.

была поддержана, растиражирована и прочно утвердилась в отечественной историографии.

Характеристика деятельности Ф.Ф. Ушакова нашла свое отражение в фундаментальном исследовании Д.А. Милютина[1]. На обширном архивном материале автор освещает ход и основные этапы коалиционной войны против Франции 1798–1800 гг., вопросы взаимодействия армии и флота. Однако названный труд посвящен в основном войне на сухопутном театре, поэтому морской аспект войны раскрыт недостаточно глубоко.

Вклад Ф.Ф. Ушакова в строительство пункта базирования Черноморского флота в Севастополе описывается в работе В.Ф. Головачева[2]. Эту работу, несмотря на ее название, с полным основанием можно причислить к биографическим изданиям об адмирале Ф.Ф. Ушакове, так как автор особое внимание уделяет его деятельности, связывая ее с историей строительства Севастополя.

С трудом В.Ф. Головачева схожа работа З.А. Арказа, в которой рассмотрены отдельные аспекты начального периода строительства Черноморского флота и описана его боевая деятельность под командованием Ф.Ф. Ушакова до 1798 г.[3] Работа З.А. Арказа примечательна и тем, что в ней автор дал оценку Ф.Ф. Ушакову как организатору и военному администратору.

К этому же периоду относится труд М. Мазюкевича, в котором сделана попытка исследования совместных действия армий и флотов мира. Достойное место уделено и действиям соединенной русско-турецкой эскадры под командованием Ф.Ф. Ушакова против морских крепостей на Средиземном море[4]. Важно отметить, что автор, на основе упомянутых выше работ А.В. Висковатова и Д.А. Милютина, не только привел подробное описание

---

[1] *Милютин Д.А.* История войны 1799 года между Россией и Францией в царствование императора Павла I. В 3 т. СПб., 1852–1853.

[2] *Головачев В.Ф.* История Севастополя как русского порта. СПб., 1872. С. 147–191.

[3] *Арказ З.А.* Начало учреждения российского флота на Черном море и его действия с 1778 по 1798 г. // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1860. Т. 2. Отделение 2. С. 261–309.

[4] *Мазюкевич М.* Прибрежная война. Десантные экспедиции и атака приморских укреплений. Военно-исторический обзор. СПб., 1874. С. 77–123.

военных действий, но и дал очень важную и объективную характеристику русской эскадре и ее командующему: «… хотя русские корабли по своим мореходным качествам уступали даже кораблям турецким, зато в тактическом образовании наши моряки если не превосходили, то, по крайней мере, стояли на одной степени совершенства с лучшими европейскими флотами. Все действия и распоряжения адмирала Ф.Ф. Ушакова обнаруживают в нем не только опытного и отважного моряка, но и замечательного политика»[1]. Это заключение принципиально важно для оценки уровня морской и тактической подготовки моряков русского флота того периода, особенно в контексте бытующего в западной и современной отечественной историографии мнения о несоизмеримости боевых возможностей русского и европейских флотов в XVIII в. и значительно более низком уровне подготовки наших флагманов.

Вместе с тем в работе М. Мазюкевича имеют место некоторые неточности, которые впоследствии стали устойчивыми стереотипами. Так автор отмечает, что причиной направления русской эскадры в Средиземное море в 1798 г. являлся захват французами Мальты[2] и что адмирал Ф.Ф. Ушаков был мало образован[3], что, как установлено в процессе исследования, не соответствовало действительности.

Для более глубокого понимания разрешаемого в диссертации противоречия соискатель отмечает работу Л.П. Семечкина, который взял на себя труд по теоретическому обобщению результатов боевой деятельности русского парусного флота[4]. Им, в частности, были разведены понятия «морские эволюции» и «морская тактика», очень важные в определении вклада Ф.Ф. Ушакова в развитие военно-морского искусства.

Подробное описание истории Черноморского флота в Екатерининский период дал в своей работе Е.И. Аренс[5]. Автор, анализируя исторические события, попытался разобраться в элементах российской «морской силы» и их

[1] *Мазюкевич М. Указ. соч*. С. 87.
[2] Там же. С. 78.
[3] Там же. С. 88.
[4] *Семечкин Л.* Лекции о морской тактике и эволюциях. СПб., 1868.
[5] *Аренс Е.И.* История русского флота: Екатерининский период. СПб., Николаев, 1897.

эволюции в зависимости от общих государственных условий, показывая роль адмирала Ф.Ф. Ушакова в этом процессе. Сражения Черноморского флота в войне 1787–1791 гг. Е.И. Аренс рассматривал как «материал» для характеристики боевой деятельности флота и флотоводцев, «как конечные результаты стратегических решений и комбинаций». В связи с этим, Е.И. Аренс полагал своей главной задачей изучение истории «в политическом и стратегическом отношении». Им же впервые в отечественной историографии введены термины «морская политика» и «морская стратегия»[1].

Вопросы создания и развития Черноморского флота в контексте истории всего русского флота нашли отражение в работе Ф.Ф. Веселаго[2]. В ней автором освещены все основные этапы становления флота на Черном море, охарактеризована деятельность Ф.Ф. Ушакова на посту командующего.

Весьма ценными представляются работы отечественных историков начала XX в., среди которых следует выделить монографию П.И. Белавенца[3]. В ней проведен исторический анализ значения флота в развитии Российского государства. Автор показал роль Черноморского флота под командованием Ф.Ф. Ушакова в «возвеличивании России». На основе исторического опыта он сделал вывод о необходимости укрепления флота.

Достаточно полно и подробно раскрыта боевая деятельность Ф.Ф. Ушакова во вторую Русско-турецкую войну 1787–1791 гг. и в период Средиземноморской кампании 1798–1800 гг. в многотомном труде «История русской армии и флота»[4]. По существу в нем использован весь накопленный ранее исторический опыт.

Среди трудов первого периода заметно выделяются работы В.П. Ильинского. Он являлся одним из немногих историков, обратившихся непосредственно к исследованию жизни и деятельности адмирала

---

[1] *Аренс Е.И. Указ соч*. С. VI, VII.

[2] *Веселаго Ф.Ф.* Краткая история русского флота. СПб., 1893. Т. 1.

[3] *Белавенец П.И.* Нужен ли нам флот и значение его в истории России. СПб., 1910.

[4] *Новиков Н.В.* Создание флота на Черном море. Вторая турецкая война // История русской армии и флота. М., 1912. Т. 8. С. 84–115; *Каллистов Н.Д.* Флот в царствование Императора Павла I // История русской армии и флота. М., 1913. Т. 9. С. 1–65.

Ф.Ф. Ушакова[1]. Важно и то, что В.П. Ильинский принимал активное участие в деле увековечения памяти флотоводца. Особенность работ В.П. Ильинского состоит в том, что автор не просто описывает события, связанные с жизнью выдающегося русского флотоводца, но и анализирует, и оценивает его деятельность[2]. Кроме этого, В.П. Ильинским подготовлены и опубликованы воспоминания офицера эскадры Ушакова периоды Средиземноморской кампании 1798–1800 гг. – капитан-лейтенанта Егора Метаксы (подробнее в подразделе 1.2.).

Работы, вышедшие в конце XIX – начале XX в., к сожалению, не в полной мере вобрали в себя боевой опыт адмирала Ф.Ф. Ушакова, хотя к этому времени уже был накоплен достаточный исторический материал, из которого можно было бы сделать определенные выводы о его вкладе в строительство флота и развитие военно-морского искусства. Однако этого не произошло. По мнению диссертанта, это связано с тем, что во второй половине XIX в. в военно-морском сообществе предметом всеобщего обсуждения были теоретические споры, в основу которых почему-то был положен, в основном, опыт европейских флотов. Поэтому отечественные теоретики, и, прежде всего, С.О. Макаров, строили свои заключения, в основном, на историческом опыте деятельности А.В. Суворова, Н. Бонапарта и Г. Нельсона[3], при этом, упустив отечественный военно-морской опыт, который был сконцентрирован во флотоводческом наследии адмирала Ф.Ф. Ушакова. В результате заслуживающей теоретической оценки деятельность Ф.Ф. Ушакова в рассматриваемый период не получила. Хотя, несомненно, такие попытки имели место.

---

[1] *Ильинский В.П.* Адмирал Ушаков в Средиземном море. СПб., 1914; *Его же.* К биографии Ф.Ф. Ушакова: Борьба с чумой в Херсоне в 1783 г. // Морской сборник. 1915. № 4. С. 1–15; *Его же.* Адмирал Ф.Ф. Ушаков: К 100-летию со дня смерти // Морской сборник. 1919. № 3. С. 57–84, № 4. С. 65–90, № 5–6. С. 83–103, № 7–8. С. 147–166.

[2] *Ильинский В.П.* К биографии Ф.Ф. Ушакова: Борьба с чумой в Херсоне в 1783 г. // Морской сборник. 1915. № 4. Неофициальный отдел. С. 1–15.

[3] *Макаров С.О.* Рассуждения по вопросам морской тактики. М., 1943. С. 139.

Так автор первого в России исторического труда по морской тактике Е.В. Березин, характеризуя флотоводческую деятельность Ф.Ф. Ушакова, поставил его в один ряд с такими выдающимися флотоводцами XVIII в., как Д. Родни, А. Сюффрен, Д. Джервис, Г. Нельсон и Д. Сенявин. Отмечая его энергию, искусство и смелость, он, в частности писал: «Контр-адмирал Ушаков был реформатором не менее решительным. В сражениях он становил свой корабль передовым и занимал самые опасные положения для руководства и поощрения своих командиров; стремясь к быстроте действий во время атак, он требовал, чтобы корабли перестраивались из походного ордера в боевой, не прекращая сближения с неприятелем; наконец, подобно Сюффрену, он требовал сближения с неприятелем на картечные дистанции и всегда настойчиво преследовал его после битвы»[1]. При этом автор впервые и, по мнению соискателя, необоснованно, высказал мысль о том, что в действиях Ф. Ушакова «замечается полное отречение от прежних тактических правил»[2]. Между тем, сам Ушаков отмечал: «… нельзя соблюсти всех правил эволюции: иногда нужно делать несходное с оною, **не удаляясь, однако, главных правил** (выделено мной. – *Авт*.), если возможно»[3]. Но на этом в труде Е. Березина, собственно, и закончилась оценка флотоводческого наследия выдающегося русского адмирала.

Справедливо по этому поводу высказался выдающийся русский военно-морской историк и теоретик профессор Н.Л. Кладо: «А что значение Ушакова и его достойного ученика и преемника в работе в области русского военно-морского искусства – Сенявина не понимали и продолжают не понимать и теперь, показывают факты»[4]. Н.Л. Кладо, пожалуй, был единственным на тот период времени, кто обратился к обобщению боевого опыта адмирала Ф.Ф. Ушакова, отмечая, что «… характерные особенности творчества Ушакова не являются какой либо новостью, которую нужно отрывать в архивах»[5]. Он

[1] *Березин Е.* Морская тактика. Часть историческая. СПб., 1880. С. 157, 158.
[2] Там же. С. 159.
[3] Материалы для истории Русского флота. СПб., 1895. Ч. XV. С. 156–157.
[4] *Кладо Н.Л.* Введение в курс истории военно-морского искусства. СПб., 1910. С. 374.
[5] Там же. С. 372.

произвел подробный тактический разбор его сражений, вскрыл истоки побед и по достоинству оценил: «… личность Ушакова, как новатора, как борца с рутиной, как человека следовавшего лишь велениям своего здравого смысла – выступает совершенно ярко, и является совершенною противоположностью личности Грейга – типичного таланта, находившегося во власти рутины»[1].

Отдавая должное мужеству и твердости духа Ф.Ф. Ушакова, Н.Л. Кладо все же на первое место поставил его знания и высокий профессионализм. И именно на примере этих качеств Ф.Ф. Ушакова он предлагал воспитывать офицеров флота, о чем справедливо писал: «Здесь вот нам говорят – традиции наши – в ″духе″. Нам выставляют на первый план Корнилова и Нахимова и заслоняют ими Ушакова и Сенявина»[2].

Вместе с тем, анализ трудов, опубликованных в первый период, показывает, что их авторами не сделан качественный переход от накопления исторического материала о деятельности адмирала Ф.Ф. Ушакова к глубоким историческим и теоретическим обобщениям.

Особенностью второго периода является сочетание дореволюционной историографической традиции с новыми подходами в исследованиях роли личности Ф.Ф. Ушакова в истории отечественного флота. Рассматриваемая проблема освещалась в основном в трудах наших соотечественников-эмигрантов. Так в 20–30-е гг. XX в. был опубликован ряд статей известного русского военно-морского теоретика А.Д. Бубнова[3]. С учетом исторического опыта, в том числе и Ф.Ф. Ушакова, в этих работах уточнены определения морской силы государства, военной и морской политики, морской стратегии и тактики, их взаимосвязи с общегосударственной политикой. Автор сформулировал общие задачи, решаемые флотом в соответствии с военно-политическими целями государства. Исследованы вопросы взаимодействия армии и флота, их взаимное влияние друг на друга, а также на ход и исход

[1] *Кладо Н.Л.* Введение в курс истории военно-морского искусства. С. 373.

[2] Там же. С. 443.

[3] *Бубнов А.Д.* Краткий очерк эволюции русской морской проблемы в XVIII и XIX столетии // Зарубежный морской сборник (Пильзен). 1929. № 6; *Его же.* Основы Русской морской политики // Морской журнал. (Прага). 1936. №№ 101–102.

войны. Особо подчеркнута роль флота на Черном море в деле разрешения Черноморской проблемы, заключающейся в обеспечении морских сообщений России со Средиземным морем.

Наибольший интерес представляет его работа, посвященная исследованию роли личности в морском сражении[1]. Основу в успешной деятельности командующего автор, прежде всего, видел в силе его духовных качеств. Говоря об этом, он отмечает, что «развитию боевого творчества способствует так называемая «школа» выдающихся вождей, которые постоянным духовным общением со своими сотрудниками как бы передают им частицу своего духа и любви к делу (каковы были, например, Нельсон и Ушаков)»[2].

О недооценке отечественного военно-морского опыта, в том числе и Ф.Ф. Ушакова, говорится в статье П.Ф. Келлера, справедливо отмечавшего: «Наша русская военная и военно-морская история дает нам богатейший материал для суждения, в чем именно заключается секрет побед наших великих полководцев и флотоводцев… Наши морские ученые, к сожалению, были настолько ослеплены западно-европейскими образцами, что сравнительно мало обращали внимания на тот кладезь, который хранится в действиях наших собственных флотоводцев от Петра Великого, через Ушакова и Сенявина, вплоть до Эссена и Эбергарда»[3].

Частично восполнить данный пробел много позднее попытался в своей статье Г. Гельмерсен[4]. Произведя подробное описание сражений при Калиакрии (1791 г.) и Абукире (1798 г.), автор дал сравнительную оценку тактике действий флагманов в этих сражениях. Однако, на взгляд соискателя, он, как и его предшественники в отечественной историографии, поддержал

---

[1] *Бубнов А.Д.* Командующий флотом в сражении / *Козырь И.В.* От Цусимы до Рагузы. Приложение № 4.С. 140–246.

[2] Там же. С. 150.

[3] *Келлер П.Ф.* Национальная военная доктрина // Морской журнал, Прага 1938. № 4. С.8.

[4] *Гельмерсен Г.* Федор Федорович Ушаков 1752–1817. Бой у Калиакрии 31 июля 1791 г. Горацио Нельсон 1758–1805. Бой у Абукира 1 августа 1798 г. // Военная быль. Париж, 1972. Июль. № 117.

идею заимствования Г. Нельсоном тактических приемов, произведенных Ф.Ф. Ушаковым. И это несмотря на то, что сражение при Калиакрии происходило в открытом море и на ходу, а сражение при Абукире – в бухте и на якоре, что по определению подразумевало разницу в тактических действиях.

В 40–50-х гг. XX столетия уже в СССР вышел целый ряд работ посвященных жизни и деятельности Ф.Ф. Ушакова[1]. Однако, следует заметить, что подавляющее большинство из них носили ярко выраженный пропагандистский характер. При слабой документальной базе описание исторических событий и оценка деятельности флотоводца носили не всегда объективный характер. Личность адмирала Ф.Ф. Ушакова изображалась в соответствии с политическим заказом того времени. Это, прежде всего, выразилось в стремлении авторов приблизить Ф.Ф. Ушакова к простому народу и противопоставить его самодержавию. В этой связи научная значимость указанных работ представляются ограниченной.

В рассматриваемый период опубликовано несколько публицистических работ с оценкой вклада адмирала Ф.Ф. Ушакова в развитие военно-морского искусства. К ним, прежде всего, необходимо отнести статьи Н.М. Коробкова, Ю.Ф. Ралля, С.И. Исакова и Р.Н. Мордвинова.

С одной стороны, авторы совершенно справедливо упрекали дореволюционных военно-морских теоретиков в отсутствии адекватной оценки деятельности адмирала, а с другой – ему же (Ушакову) были приписаны все приоритеты в развитии военно-морского искусства XVIII в.

В годы Великой Отечественной войны профессор Н.М. Коробков выступил с рядом газетных статей, посвященных боевой деятельности адмирала Ф.Ф. Ушакова и его вкладу в развитие военно-морского искусства. В них автор, по аналогии с А.В. Суворовым и тактикой, «которую установил на

---

[1] *Анциферов В.* Адмирал Ушаков. М., 1940; *Таланов А.* Адмирал Ушаков // Знамя. 1941. № 4. С. 142–160; *Кровяков Н.* Русские в Корфу. М., 1943*; Снегирев В.Л.* Адмирал Ушаков: Очерк жизни и деятельности великого русского флотоводца. М., 1943; *Богомолов Н.А.* Адмирал Ф.Ф. Ушаков. М., 1944; *Зонин А.И.* Федор Федорович Ушаков. М., 1944; *Андрущенко А.И.* Адмирал Ушаков. М., 1951; *Корниенко Д.И.* Великий русский флотоводец адмирал Ф.Ф. Ушаков. М., 1951; *Носов Ф.В.* Адмирал Ушаков. Л., 1955.

суше великий фельдмаршал», называет Ф.Ф. Ушакова создателем «решительной и смелой тактики», «активной морской маневренной тактики», «русской военно-морской тактики» и борцом с закостенелой западной «линейной тактикой»[1].

Мнение одного из самых известных на тот период времени исследователей истории русского флота сформировало достаточно устойчивый стереотип по этому вопросу. Вполне закономерно, что в 1945 г. в своей статье, посвященной флотоводческой деятельности адмирала Ф.Ф. Ушакова, вице-адмирал Ю.Ф. Ралль (кавалер ордена Ушакова II степени № 1) использовал практически тот же термин – «новая наступательная тактика»[2]. Того же термина придерживался и академик Е.В. Тарле[3]. В 1950 г. капитан 1 ранга И.П. Зюзенков говорил о «тактике решительного боя»[4]. А в 1951 г. капитан 1 ранга Р.Н. Мордвинов окончательно закрепил в научном обороте термин «маневренная тактика»[5].

Обращает на себя внимание то, что указанные авторы в своих работах давали не научную, а, скорее, образную оценку тактическим действиям Ф.Ф. Ушакова в сражениях. Однако, несмотря на это, термин «маневренная тактика» впоследствии вошел в учебники,[6] научные и энциклопедические издания[7].

На определенном этапе работы указанных авторов сыграли свою

---

[1] *Коробков Н.* Творец решительной и смелой тактики // Красный флот. 1942. 9 октября; *Его же*. Адмирал Ушаков – создатель русской военно-морской тактики // Красный флот. 1944. 22 марта; *Его же*. Творец русской наступательной морской стратегии // Красный флот. 1945. 14 октября.

[2] *Ралль Ю.Ф.* Наступательная тактика адмирала Ф.Ф. Ушакова // Морской сборник. 1945. № 7. С. 48.

[3] *Тарле Е.В.* Адмирал Ф.Ф. Ушаков на Средиземном море в 1798–1800 гг. // Морской сборник. 1945. № 11–12. С. 124.

[4] *Зюзенков И.П.* Русское военно-морское искусство во второй половине XVIII века. М., 1950. С. 3.

[5] *Мордвинов Р.Н.* Адмирал Ф.Ф. Ушаков / Русское военно-морское искусство. Сборник статей. М., 1951. С. 123.

[6] *Козлов И.А.* История военно-морского искусства. Учебник. М., 1963. С. 103; История военно-морского искусства. Учебник. М., 1969. С. 57.

[7] Советская военная энциклопедия. В 8 т. М., 1980. Т. 8. С. 242; Военная энциклопедия. В 8 т. М., 2004. Т. 8. С. 15.

положительную просветительскую роль. Однако, следует заметить, в своих суждениях авторы вошли в противоречие с существовавшими на тот исторический период взглядами на периодизацию развития морской тактики, что явилось основанием для возникновения противоречия по вопросу вклада Ф.Ф. Ушакова в развитие военно-морского искусства.

Отдельно следует отметить труд Е.В. Тарле[1]. Сохраняя соответствующую идеологическую направленность – непременный атрибут того времени – работа Е.В. Тарле аккумулировала в себе опыт многих его предшественников (в том числе и упомянутые работы Р. Скаловского и В. Ильинского) и подкреплена новыми документами внешнеполитического ведомства. Обобщен и другой обширный архивный материал. Книгу Е.В. Тарле отличает большое знание автором эпохи конца XVIII – начала XIX в.

Примечательной является и работа Г.П. Шторма[2]. Несмотря на свой научно-популярный характер, она отличается глубоким анализом всей предшествующей военно-исторической литературы о жизни и деятельности адмирала Ф.Ф. Ушакова. Г.П. Шторм систематизировал и ввел в научный оборот множество ранее невостребованных документов из центральных архивов страны. Важно, что автор уделил особое внимание исследованию ранее неизвестных биографических данных о флотоводце, в частности, касающихся даты и места его рождения.

Г.П. Шторм первым начал эту работу. В Центральном государственном историческом архиве (ныне РГИА) им была обнаружена подлинная родословная Ушаковых (Приложение 4), где указывалось, что имение за ними стоит в сельце Бурнаково Романовского уезда Ярославской провинции, а не в Тамбовской губернии, как было принято считать ранее. В Центральном государственном архиве древних актов (ныне РГАДА) им же была найдена «Скаска недоросля Федора Ушакова»[3] (автобиография), в которой также идет ссылка на Романовский уезд как место жительства Ушаковых. Архивные

[1] *Тарле Е.В.* Адмирал Ушаков на Средиземном море. М., 1948.
[2] *Шторм Г.П.* Ф.Ф. Ушаков. М., 1947.
[3] РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 499. Л. 549.

изыскания Г.П. Шторма легли в основу другой его книги[1]. Однако установить дату и место рождения Ф.Ф. Ушакова ему так и не удалось. Тем не менее, исследование Г.П. Шторма можно считать этапным. Именно его работы побудили автора настоящего диссертационного исследования заняться данным вопросом и окончательно его решить.

Наиболее основательно деятельность Ф.Ф. Ушакова в период Средиземноморской экспедиции 1798–1800 гг. была исследована известным советским историком А.М. Станиславской[2]. По своей значимости соискатель ставит эту работу в один ряд с трудом первого биографа адмирала – Р.К. Скаловского. А.М. Станиславская на богатом документальном материале, извлеченном из Архива внешней политики Российской империи, дает глубокий анализ деятельности адмирала Ф.Ф. Ушакова по созданию на Ионических островах новой государственности, показывая многогранность его таланта. Однако автором не были до конца исследованы ряд фондов и дел указанного архива. Недостаточно отражен чисто военный аспект деятельности Ф.Ф. Ушакова, в результате в работе целостной оценки флотоводца, на взгляд диссертанта, не получилось.

Кроме того, введенный А.М. Станиславской в научный оборот термин «политическая деятельность» применительно к Ф.Ф. Ушакову не совсем точно отражает ее содержание. Отчасти это касается и термина «военно-дипломатическая деятельность» Ф.Ф. Ушакова. Фактически же Ф.Ф. Ушаков не участвовал в работе политических партий и не занимался политическим устройством государств. Все политические установки определялись императором Павлом I и главами союзных государств. Дипломатическую деятельность осуществляли Коллегия иностранных дел и штатные российские дипломаты в странах пребывания. С другой стороны, не стоит отрицать и факта участия Ф.Ф. Ушакова в переговорах союзных представителей. Однако обсуждаемые на них вопросы касались формирования коалиционной стратегии

[1] *Шторм Г.П.* Страницы морской славы. М., 1954.
[2] *Станиславская А.М.* Политическая деятельность Ф.Ф. Ушакова в Греции. М., 1983.

и конкретных планов ведения вооруженной борьбы с республиканской Францией. На освобожденных Ионических островах он занимался вопросами государственного устройства. В этой связи более точным, по мнению диссертанта, является определение его деятельности как военно-государственная.

Вопросы, связанные с действиями Российского флота на Средиземном море, и, в частности, Средиземноморской экспедиции адмирала Ф.Ф. Ушакова освещают в своем труде В.А. Золотарев и И.А. Козлов[1]. На основе опыта отечественной историографии, авторы описали историю создания российского Черноморского флота, взаимодействия флота и армии в противоборстве с Османской империей на Черном и Средиземном морях; раскрыли роль и значение деятельности адмиралов Ф.Ф. Ушакова и Д.Н. Сенявина, а также показали влияние этой деятельности на дальнейшее развитие военно-морского искусства.

В другой работе указанных авторов непосредственно личности Ф.Ф. Ушакова и его флотоводческой деятельности посвящена отдельная глава[2]. В ней раскрыты основные этапы его становления, дано подробное изложение сражений Черноморского флота под командованием Ф.Ф. Ушакова, проведен сравнительный анализ флотоводческого искусства Ф.Ф. Ушакова и Г. Нельсона. Выявлены характерные черты боевого творчества русского адмирала. Однако, оценки и выводы авторов изложены в контексте сформировавшихся в рассматриваемый период взглядов.

В русле этого труда, работ В.П. Ильинского и Е.В. Тарле в 1990 г. последовала небольшая работа П.Е. Гармаша, в которой в хронологической последовательности воспроизведен штурм крепости Корфу[3].

Важным элементом в исследовании флотоводческого наследия адмирала Ф.Ф. Ушакова, являются сведения о тактико-технических элементах и других

---

[1] *Золотарев В.А., Козлов И.А.* Российский военный флот на Черном море и в Восточном Средиземноморье. М., 1988.

[2] *Золотарев В.А., Козлов И.А.* Флотоводцы России М., 1998. С. 98–129.

[3] *Гармаш П.Е.* Штурм Корфу. М., 1990.

качественных характеристиках кораблей Черноморского флота, на которых ему приходилось сражаться. В этом отношении примечательны работы историка-кораблестроителя А.Г. Сацкого. В них подробно описаны конструктивные особенности этих кораблей, исследована история их создания и эксплуатации, а также участие Ф.Ф. Ушакова в данном процессе[1]. Дан глубокий анализ влияния конструктивных особенностей кораблей черноморской постройки на эффективность их боевого применения.

Во второй период было защищено ряд диссертаций. Среди наиболее близких по проблеме исследования является работа Ф.В. Носова[2]. Он первым из советских историков в своей диссертации обобщил боевой опыт применения Черноморского флота в Русско-турецкой войне 1787–1791 гг. На основе донесений командующего флотом контр-адмирала Ф.Ф. Ушакова и работы Р.К. Скаловского автором были составлены схемы сражений и проведен их анализ. Однако диссертация в значительной степени подвержена идеологическому влиянию эпохи, что повлекло за собой преувеличение Ф.В. Носовым заслуг отечественных флагманов (а порой и неверная оценка их деятельности), прежде всего, адмирала Ф.Ф. Ушакова, в развитии военно-морского искусства и принижение роли зарубежных флотоводцев. Все это, несомненно, отразилось на результатах исследования.

Более цельной представляется диссертация А.А. Смирнова[3]. В данной работе достаточно полно раскрыты причины и организация строительства Черноморского флота. Автором добросовестно проработана и использована вся имеющаяся на момент написания диссертации историография по теме исследования, использованы новые документы из фондов Российского

---

[1] *Сацкий А.Г.* Начало создания Черноморского флота // Вопросы истории. 1985. № 8. С. 177; *Его же.* Штаты Черноморского парусного флота // Судостроение. 1986. № 9; *Его же*. Линейные корабли Черноморского флота конца XVIII века // Морской исторический сборник. СПб., 1992. № 3. С. 3–17.

[2] *Носов Ф.В.* Русский Черноморский флот в Русско-турецкой войне 1787–1791 гг.: дис. … д-ра ист. наук. М., 1952.

[3] *Смирнов А.А.* Создание линейного флота на Черном море (конец 70 – начало 90 гг. XVIII в.): дис. … канд. ист. наук. М., 1991.

государственного архива ВМФ. Показана роль Ф.Ф. Ушакова в строительстве флота на Черном море.

Некоторые аспекты настоящего диссертационного исследования затронуты в диссертациях Ю.П. Гладышева[1], В.И. Куроедова[2] и М.В. Московенко[3].

Анализ диссертационных исследований указанного периода показал, что в них затронуты лишь отдельные аспекты исследуемой соискателем проблемы. Недостаточно полно раскрыты вопросы деятельности адмирала Ф.Ф. Ушакова, роли и места Черноморского флота в процессе достижения Российским государством военно-политических целей в конце XVIII – начале XIX в.

Характеризуя в общем данный историографический период, следует отметить, что он был отмечен большой активностью советских историков в исследовании жизни и деятельности адмирала Ф.Ф. Ушакова. В основном они вобрали в себя предшествующий историографический опыт по данной проблеме. Но при этом в рамках советской историографии возникло системное противоречие во взглядах на вклад адмирала Ф.Ф. Ушакова в развитие военно-морского искусства.

Основным недостатком большинства указанных работ является слабая документальная база исследования. Многие факты биографии Ф.Ф. Ушакова носят легендарный характер. Это, прежде всего, относится к личной биографии флотоводца. Имеет место необъективная оценка его флотоводческой и военно-государственной деятельности. Практически все труды об адмирале, написанные в советский период, имеют ярко выраженный идеологический характер.

Третий – постсоветский период характеризуется большей свободой авторов в суждениях и оценках исторических событий и отсутствием

---

[1] *Гладышев Ю.П.* Военно-морская политика. (Теоретико-методологические основы): дис. … д-ра полит. наук. М., 2002.

[2] *Куроедов В.И.* Стратегия государства по защите и реализации национальных интересов России в Мировом океане: дис. … д-ра полит. наук. М., 2000.

[3] *Московенко М.В.* Отечественный флот в истории Российского государства (конец XVII – начало XX в.): дис. … канд. ист. наук. М., 1995.

идеологического и политического влияния со стороны государства, имевшего место в советский период. К этому периоду относятся ряд военно-исторических трудов отечественных авторов[1]. Они вобрали в себя историографический опыт первых двух периодов и в какой-то степени дополнили его. Но при этом подавляющее большинство современных исследователей, оценивая флотоводческую деятельность адмирала Ф.Ф. Ушакова, тем не менее, остаются на позициях отечественных историков 1940–50-х гг. Деятельность адмирала Ф.Ф. Ушакова рассматривается у них в основном в контексте общей истории отечественного флота.

Наиболее объективная характеристика флотоводческой деятельности Ф.Ф. Ушакова дана в работах В.Ю. Грибовского[2]. В них автор всестороннее исследовал вооружение и конструктивные особенности кораблей Черноморского флота, провел сравнительный анализ материальной части российского и турецкого флотов и сделал вывод о значительном превосходстве в этом отношении флота противника. На основе шканечных (вахтенных) журналов русских кораблей автор составил подробные (поэтапно) схемы сражений и произвел общий тактический разбор действий Черноморского флота под командованием адмирала Ф.Ф. Ушакова.

По оценке диссертанта, В.Ю. Грибовский первым обратил внимание на несоответствие преобладающих в нашей стране взглядов на вклад Ф.Ф. Ушакова в развитие военно-морского искусства основам морской тактики и указал на имеющее место противоречие[3].

---

[1] *Грибовский В.Ю., Раздолгин А.А.* История Российского флота. СПб., 1996; *Зимонин В.П., Золотарев В.А., Козлов И.А., Шломин В.С.* История флота государства Российского. В 2 т. М., 1996; Три века Российского флота. В 3 т. / *В.Ю. Грибовский, В.Д. Доценко, Б.И. Родионов, С.И. Филонов.* СПб., 1996; *Золотарев В.А.* Ф.Ф. Ушаков: 200-летию Средиземноморского похода / Под Российским Андреевским флагом. М., 2000. С. 21–73; *Григорьев А.Б.* Вера и Верность: Очерки из истории отношений Русской Православной Церкви и Российской армии. Жуковский, М., 2005. С. 310–320.

[2] *Грибовский В.Ю.* Российский Черноморский флот в морских сражениях Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. СПб., 1994.; *Его же.* Российский флот на Черном море. Страницы истории. 1696–1924 гг. СПб., 2012.

[3] *Грибовский В.Ю.* Российский флот на Черном море. Страницы истории. 1696–1924 гг. С. 92.

Существенным вкладом в историографию жизни и деятельности Ф.Ф. Ушакова является статья А.Г. Сацкого[1]. Автору удалось найти ряд ранее неизвестных документов, касающихся командного состава флота, на основании которых у него сложилась своя оригинальная точка зрения на личность и деятельность Ф.Ф. Ушакова. Однако в статье имеют место некоторые неточности, что, впрочем, не снижает ценности статьи в целом.

Отдельные аспекты деятельности адмирала Ф.Ф. Ушакова по духовно-нравственному воспитанию подчиненных изложены в диссертации А.Б. Бадьянова[2]. Автором сделана первая попытка исследования духовно-нравственного наследия адмирала Ф.Ф. Ушакова. В диссертации отмечено, что «на флоте военная школа обучения и воспитания личного состава создавалась адмиралом Ф.Ф. Ушаковым», и показано несколько направлений его деятельности.

Не менее важной для исследования явилась небольшая брошюра И.Б. Ушакова и О.К. Бумай о деятельности Ф.Ф. Ушакова по сохранению физического и нравственного здоровья морских служителей[3]. Это первая попытка на основе достижений современной медицины оценить значение деятельности флотоводца в этой области. Исследование проведено авторами по трем основным направлениям: условия (качество) жизни, деятельность и духовное состояние человека при их взаимосвязи и взаимообусловленности. Единственным недостатком работы можно считать недостаточность источников.

Другой работой, характерной для данного периода, является четырехтомный труд В.Д. Доценко[4]. Исследуемому периоду посвящен первый том. В нем автор, по мнению соискателя, также бездоказательно утверждает о существовании маневренной тактики парусного флота, однако, приписывая ее

---

[1] *Сацкий А.Г.* Федор Федорович Ушаков // Вопросы истории. 2002. № 3. С. 51–78.

[2] *Бадьянов А.Б.* Роль духовно-нравственного фактора в российской армии (Историко-социологический аспект): дис. ... канд. социол. наук. СПб., 2004.

[3] *Ушаков И.Б., Бумай О.К.* Святой адмирал Федор Ушаков о нравственном и физическом здоровье. М. – СПб. – Темников: Воронеж, 2003.

[4] *Доценко В.Д.* История военно-морского искусства. В 4 т. СПб., 1999. Т. 1.

создание не Ф.Ф. Ушакову, а английскому адмиралу «Роднею» (Дж. Родни. – *Авт.*)[1]. Труд голландского адмирала (контр-адмирала русской службы) И.Г. Кинсбергена[2] автор считает «руководством по линейной тактике», в котором, вместе с тем, по его мнению, «впервые в России сформулированы принципы маневренной тактики»[3].

Диссертант считает труд В.Д. Доценко примером, подтверждающим кризисное состояние современной отечественной военно-исторической мысли, касающейся истории развития парусного флота, и углубляет сложившееся в 40–50-х гг. XX в. противоречие по вопросу вклада Ф.Ф. Ушакова в развитие военно-морского искусства.

В последнее время также вышел ряд работ, которые в той или иной степени касаются рассматриваемой проблемы. Одной из них является труд М.С. Монакова. Несмотря на всю значимость данной работы для исследования проблем военно-морского дела, ее автор продолжает оставаться на позициях историков, признающих одновременно существование «линейной» и «маневренной» тактики парусного флота, «внедренной в русском флоте Ф.Ф. Ушаковым». В соответствии с этой позицией, автор, как и его предшественники, продолжает утверждать, что Ф.Ф. Ушаков нападал на противника «с ходу, не теряя время на перестроение из походного порядка в боевой», что «он стал внедрять резерв», что им был найден выход «из кризиса линейной тактики»[4]. Соискатель считает такой подход упрощенным.

В том же контексте написана и статья В.И. Корявко, который утверждает об отрицательном влиянии линейной тактики на дальнейшее развитие военно-морского искусства периода парусного флота[5]. Так, к примеру, в качестве

---

[1] *Доценко В.Д. Указ. соч.* С 55.

[2] *Кинсберген И.Г.* Начальные основания морской тактики / Пер. с немец. *И.Л. Голенищева-Кутузова.* СПб., 1791.

[3] *Доценко В.Д.* Указ. соч. С. 56.

[4] *Монаков М.С.* Военно-морская наука в России: происхождение, возникновение и становление национальной системы знаний о вооруженной борьбе на море. М.: Кучково поле, 2011. С. 96–98.

[5] *Корявко В.И.* Военное искусство Ф.Ф. Ушакова // Морской сборник. 2011. № 5. С. 17–21.

положительного момента он отмечает, что «на молодом Черноморском флоте второй половины XVIII в. еще не успела распространить свое влияние английская школа линейной тактики»[1]. На взгляд соискателя, утверждение весьма спорное.

Характеризуя боевую деятельность адмирала, В.И. Корявко считает, что «Ф.Ф. Ушаков, как правило, преследовал бегущего противника до его полного разгрома»[2]. Однако донесения Ф.Ф. Ушакова и русских агентов из Константинополя, свидетельствуют о том, что эффективного преследования противника, тем более, «до его полного разгрома», достигнуть, в виду ряда обстоятельств, Черноморскому флоту все-таки не удавалось. А основное поражение флот противника терпел непосредственно в ходе боя.

Другой работой последних лет является труд А.А. Лебедева[3]. В ней автор рассматривает предысторию создания Черноморского флота. В оценках деятельности Ф.Ф. Ушакова автор в основном ссылается на монографию соискателя[4].

В двух последующих работах А.А Лебедев уже непосредственно обращается к деятельности Ф.Ф. Ушакова[5]. Однако автор ограничивается только анализом ранее опубликованных документов, на основании которых делает заключения об условиях, при которых приходилось действовать Ф.Ф. Ушакову, не касаясь вопросов его вклада в строительство Черноморского флота и развитие военно-морского искусства.

Наиболее заметной работой последнего времени является фундаментальный труд ГА. Гребенщиковой[6]. В нем детально и скрупулезно

---

[1] *Корявко В.И.* Военное искусство Ф.Ф. Ушакова. С. 17.

[2] Там же. С. 18.

[3] *Лебедев А.А.* У истоков Черноморского флота России. Азовская флотилия Екатерины II в борьбе за Крым и в создании Черноморского флота (1768–1783 гг.). СПб.: Издательско-полиграфический комплекс «Гангут», 2011.

[4] Там же. С. 415, 513–517, 566, 583, 584, 591, 621, 624, 636, 637, 639, 641, 643, 644, 648.

[5] *Лебедев А.А.* Г.А. Потемкин в создании Черноморского флота России // Гангут. 2011. № 62. С. 5–38; *Его же*. От Фидониси до Корфу: За кулисами больших побед Ф.Ф. Ушакова // Гангут. 2011. № 66. С. 14–32.

[6] *Гребенщикова Г.А.* Черноморский флот в период правления Екатерины II. В 2 т. СПб.: ИТД «Остров», 2012.

исследованы все этапы создания флота на Черном море от Азовской флотилии до собственно сил Черноморского флота, роль и место в данном процессе Ф.Ф. Ушакова. Особое внимание уделено технической и организационной составляющим данного процесса: вооружению, местам производства, способам доставки и порядку финансирования. Подробно описаны конструктивные особенности кораблей черноморской постройки, их достоинства и недостатки. Большое внимание уделено анализу кораблестроительных программ. Однако автор не ставила для себя целью более углубленное исследование боевых действий Черноморского флота под командованием Ф.Ф. Ушакова.

Историографический анализ зарубежной литературы, посвященной истории парусных флотов, которая до 1917 г. в подавляющем большинстве была переведена на русский язык и издана в России, показал, что в ней практически отсутствуют оценки деятельности адмирала Ф.Ф. Ушакова как флотоводца[1].

Так известный британский военно-морской историк Д. Джемс, подробно описывая все военные действия на Средиземном море в 1798–1799 гг., лишь коротко заметил о том, что «6 (октября 1798-го. – *Авт*.) русско-турецкий флот… под командованием вице-адмирала Ушакова… показался у острова Цериго… К 10 октября русские и турки завладели без затруднения всеми островами, исключая Корфу… 3 марта гарнизон острова сдался на капитуляцию»[2]. Таким образом, со слов уважаемого историка получается, что никакого штурма крепости не было в принципе!

Как и Д. Джемс, немецкий исследователь морской тактики А. Штенцель

---

[1] *Джемс Д.* История великобританского флота от времен Французской революции по Наваринское сражение / Пер. с англ. Николаев, 1845. Т. 2; *Жюрьен-де-ла-Гравьер Ж.Б.* Морские войны времен Французской республики и империи. В 2 ч. / Пер. с фр. СПб., 1851. Ч. 2; *Гривель Р.* О морской войне до новейших изобретений и после них. Атака и оборона берегов и портов. Исторический и стратегический этюд / Пер. с фр. СПб., 1871; *Коломб Ф.Х.* Морская война. Ее основные принципы и опыт. Историческое исследование / Пер. с англ. СПб., 1894; *Лебрес Р.* Политика и морская война / Пер. с нем. СПб., 1904; *Бернотти Р.* Основы морской тактики / Пер. с ит. СПб., 1914; *Бридж С.* Искусство морской войны / Пер. с англ. СПб., 1912; *Штенцель А.* История войны на море в ее важнейших проявлениях с точки зрения морской тактики / Пер. с нем. Пг., 1918. Ч. 4.

[2] *Джемс Д.* Указ. соч. Т. 2. С. 217, 305.

также лишь обозначил сведения о пребывании русского флота при Корфу[1].

Подобным необъективным подходом отличается и работа Р. Гривеля[2]. Не беря во внимание опыт удачного штурма крепости Корфу, автор пишет: «До введения пара, за исключением нескольких больших предприятий, между которыми первое место занимает прекрасный вход Дюгэ-Труэня в Рио-Жанейро и отважная экспедиция Нельсона в Копенгаген, история прибрежной войны заключает в себе только продолжительные блокады, взятие колоний, несколько более или менее счастливых высадок и мало действенные бомбардировки, как, например, бомбардировка Гавра и Булонской флотилии»[3]. Ниже, достаточно подробно рассматривая примеры действий против приморских крепостей, автор также не приводит примера штурма крепости Корфу[4].

Игнорирование опыта Ф.Ф. Ушакова по удачному штурму приморской крепости утвердило западных военно-морских теоретиков того времени во мнении о нецелесообразности подобных штурмов. Характерной в этом отношении является работа Р. Лебреса, который в начале уже XX в. отмечал: «Что флот в бою с береговыми укреплениями всегда в убытке – это факт, **доказанный многочисленными примерами из военной истории** (выделено мной. – *Авт.*) и вряд ли кто-либо будет оспаривать, что обстоятельства в этом направлении не изменятся и в настоящее время»[5].

На Западе не подвергались исследованию и сражения Ф.Ф. Ушакова на Черном море. Так, упоминаемый выше, А. Штенцель, подробно рассматривая и анализируя сражения русского флота на Балтике в Русско-шведской войне 1788–1790 гг., описанию сражений на Черном море отводит всего несколько строк: «В 1790 г. турецкий флот снова двинулся на север, где и был разбит

---

[1] *Штенцель А.* История войны на море в ее важнейших проявлениях с точки зрения морской тактики / Пер. с нем. Пг., 1918. Ч. 4. С. 291.

[2] *Гривель Р.* О морской войне до новейших изобретений и после них. Атака и оборона берегов и портов. Исторический и стратегический этюд / Пер. с фр. СПб., 1871.

[3] Там же. С. 4.

[4] Там же. С. 50–67.

[5] Лебрес Р. Политика и морская война / Пер. с нем. СПб., 1904. С. 111.

19 июля у Йеникале (Еникале) русским линейным флотом под командой контр-адмирала Ушакова. В следующем же году тот же адмирал 8 августа одержал еще одну победу у мыса Калиакрия и преследовал неприятеля до самого Босфора»[1]. При этом, как видно из текста, автор забыл упомянуть о сражении при Тендре 1790 г.

Результаты флотоводческой деятельности Ф.Ф. Ушакова на Черном море лишь косвенно были отмечены французским военно-морским историком Ж.Б. Жюрьен-де-ла-Гравьером, который писал: «Русский флот, сделавший в течение полустолетия такие громкие успехи, в то время (1801 г. – *Авт*.) был известен только своими сражениями с турками». На боеспособность русского флота автор смотрел с характерным для европейцев пессимизмом, говоря, что он «с трудом мог бы бороться с англичанами»[2]. А при описании событий на Средиземном море, как и прочие западные исследователи, только упомянул о том, что в октябре 1798 г. русско-турецкая эскадра подошла к Ионическим островам и «через месяц остров Корфу был занят»[3].

В других зарубежных работах начала XX в., посвященных вопросам морской тактики[4], имя Ф.Ф. Ушакова также не упоминается.

В новейшее время зарубежные исследователи лишь несколько раз обращались к исследованию флотоводческой деятельности Ф.Ф. Ушакова, и в основном это касалось действий соединенной русско-турецкой эскадры под его командованием в Ионическом архипелаге[5]. Основная мысль, которую стремились донести авторы этих работ, состоит в том, что коалиционные

---

[1] Штенцель А. Указ. соч. Ч. 4. С. 78.

[2] *Жюрьен-де-ла-Гравьер Ж.Б.* Морские войны времен Французской республики и империи. В 2 ч. / Пер. с фр. СПб., 1851. Ч. 2. С. 2.

[3] Там же. С. 181.

[4] *Darrieus G.* (профессор морской стратегии и тактики в Высшей военно-морской школе в Париже) Война на море / Пер. с фр. СПб., 1907; *Бридж С.* Искусство морской войны / Пер. с англ. СПб., 1912; Б*ернотти Р.* Основы морской тактики / Пер. с ит. СПб., 1914.

[5] *McKnight J.L.* Admiral Ushakov and the Ionian Republic the genesis of Russia's first Balkan satellite / James Lawrence McKnight. Thesis/dissertation -University of Wisconsin Ann Arbor, Mich., University Microfilms, 1965; *McKnight J.L.* Admiral Ushakov and the Ionian Republic the genesis of Russia's first Balkan satellite. Ann Arbor, Mich. UMI 1979; *Sapherson C.A. Lenton J.R.* 1781–1791 : the Russian Navy comes of age. Leeds : Raider Games, 1987.

морские силы под командованием Ф.Ф. Ушакова осуществили не освобождение, а оккупацию Ионических островов.

Наиболее объективная оценка деятельности Ф.Ф. Ушакова, дана на международной конференции историков в декабре 1961 г. во Франкфурте-на-Майне, где «Ушаков справедливо назван основоположником морской тактической школы»[1].

Оценивая в общем западную историографию по названной проблеме, соискатель солидарен с мнением военно-морского историка В.Ю. Грибовского о том, что в ней преобладает поверхностный, достаточно пренебрежительный взгляд на боевое прошлое Российского флота[2], а характеристика деятельности адмирала Ф.Ф. Ушакова и его вклада в развитие военно-морского искусства практически отсутствует. Ярким подтверждением этому служат Военно-исторический биографический словарь, в котором на букву «U» указан только немецкий летчик и военный деятель Третьего Рейха E. Udet (1896–1941)[3], а также работа известного современного биографа Г. Нельсона и директора одноименного музея в г. Портсмуте (Великобритания) Колина Вайта, в которой имя адмирала Ф.Ф. Ушакова также не упоминается[4].

Историографический анализ показал, что в отечественной военно-исторической науке сформировалось противоречие во взглядах на вклад Ф.Ф. Ушакова в развитие военно-морского искусства. Исследователи более раннего (первого) периода считали его талантливым новатором морской тактики (тактики парусного флота). Начиная с 40-х гг. XX в., исследователи второго и значительная часть третьего периодов считали и продолжают считать Ф.Ф. Ушакова создателем новой «маневренной» тактики.

В прямой постановке ни в одной из работ не рассматривается весь спектр многогранной боевой, военно-административной и военно-государственной

---

[1] *Алафузов В.* Немецкая критика русского и советского флота // Военно-исторический журнал. 1964. № 12. С. 101.

[2] *Грибовский В.Ю.* Российский флот на Черном море. Страницы истории. 1696–1924 гг. СПб., 2012. С. 92.

[3] *Keegan J., Wheatcroft A.* Who’s Who in Military History. London, 1976. P. 331.

[4] *White Colin.* Nelson The Admiral. Thrupp, 2005.

деятельности Ф.Ф. Ушакова. При этом деятельность флотоводца по подготовке сил флота практически упущена, хотя, несомненно, некоторые принципы обучения и воспитания, сформулированные и внедренные в практику боевой подготовки отечественного флота Ф.Ф. Ушаковым, в указанных трудах нашли свое отражение.

1.2. Источниковая база исследования

Основой источниковой базы являются законодательные акты, уставные, руководящие и иные официальные документы, позволяющие составить представление о нормативно-правовой базе в Российском государстве и деятельности должностных лиц, органов военно-морского управления и сил в ходе строительства и применения Черноморского флота. С их помощью была вскрыта правовая среда, и выявлено ее влияние на формирование личности будущего флотоводца, его становления и последующую деятельность.

При исследовании вопроса формирования личности Ф.Ф. Ушакова весьма ценными явились такие правоустанавливающие эпохи, как указы и грамоты[1], а также учреждения в области воспитания дворянских детей (недорослей)[2].

Исследуя вопросы становления Ф.Ф. Ушакова как офицера флота, приобретения им специальных знаний и накопления практического опыта, а также деятельности уже в должности командующего флотом не менее важными являются документы, регламентировавшие деятельность флота. К ним, прежде

---

[1] Грамота на права, вольности и преимущества российского дворянства; на права и выгоды городов (Городовое положение). 21 апреля 1785 г. СПб., 1785; Указы блаженныя и вечнодостойныя памяти государя императора Петра Великого, состоявшимся с 1714 по генваря 28 дня 1725 г. СПб., 1739.; Указ Екатерины II «О дворянстве» от 18 июля 1785 г. СПб., 1785; Указы Екатерины II. 1768–1769. СПб., 1786.

[2] *Бецкой И.И.* Генеральное учреждение о воспитании обоего пола юношества. СПб., 1764; Собрание учреждений и предписаний, касательно воспитания в России обоего пола благородного и мещанского юношества, с прочими в пользу общества установлениями. В 3 т. СПб., 1789, 1791, 1791.

всего, относятся уставы, регламенты, тактические руководства, доклады, приказы, постановления и штаты[1].

При анализе боевой деятельности адмирала Ф.Ф. Ушакова и оценке его вклада в развитие военно-морского искусства наибольший интерес представляет труд П. Госта, заключающий в себе основные тактические рекомендации для парусных флотов[2]. Долгие годы в отечественной военно-исторической литературе наблюдалась безапелляционная критика данного труда за то, что якобы П. Гост установил жесткие **каноны** ведения морских сражений, за нарушение которых флотоводцев отдавали под суд и даже казнили.

Источниковедческий анализ указанного труда показал, что главное его достоинство как раз в том и состояло, что П. Гост не устанавливал каких-либо жестких рамок в действиях флотоводцев, а показывал им лишь возможные варианты. В подтверждение этому автор книги отмечал: «Я не сомневаюсь, что мои читатели найдут другие, не сходные с моими эволюциями, кои им покажутся лучше, да и советую им употреблять в практике по рассмотрению соединенных с ними обстоятельств, по представленным здесь основаниям»[3].

Впоследствии труд П. Госта был по достоинству оценен и последующим за Ф.Ф. Ушаковым поколением флотоводцев. Так С.О. Макаров назвал эту

---

[1] Книга штатов / Полный свод законов Российской империи. Т. 44. Ч. 1; Инструкция и артикулы военные, надлежащие к российскому флоту, напечатанные повелением Царского Величества в Москве 1710; Регламент Петра Великого о управлении Адмиралтейства и верфи. Апреля 5. 1722. СПб., 1722. (1778); Книга полного собрания о управлении военных одного корабля и многих на море в мирное время; военное или экзерциция флота на море при якорном стоянии и в походе под парусами в благополучные погоды и в штормы о распоряжении целого флота на эскадры и дивизии и на разные ордеры о погоне за неприятелем и о побеге от него одним кораблем и целым флотом и разных поступках флота во время штормов и бою с неприятелем. 1736. Рукоп.; Книга Устав морской. 1720, апреля 13. СПб., 1763; Регламент Екатерины II о управлении адмиралтейств и флотов. Августа 24. 1765. СПб., 1766; Штаты российских флотов, содержащихся на Балтийском, Черном и Каспийском морях, по повелению Государя Императора Павла I, особым комитетом сочиненные в 1798 г.; Приказы Высочайшие с 7 ноября 1796 по 1 марта 1797 г. СПб., 1796–1850; Приказы и циркуляры о личном составе морского ведомства. СПб.–Пг., 1798–1917.

[2] *Гост П.* Искусство военных флотов или сочинение о морских эволюциях / Пер. с фр. *И.Л. Голенищева-Кутузова.* СПб., 1764.

[3] Там же. С. 185.

работу «образцовым классическим произведением»[1]. А германский военно-морской историк А. Штенцель писал: «…взгляды на морскую тактику освещаются им яснее, чем всякого рода инструкциями или описаниями сражений того времени»[2].

Значительную часть источниковой базы исследования составляют документы Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ), Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), Российского государственного архива древних актов (РГАДА), Российского государственного архива Военно-Морского Флота (РГА ВМФ), Российского государственного исторического архива (РГИА), Центрального городского исторического архива Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.), Государственного архива Николаевской области (ГАНО) и Государственного архива Ярославской области (ГАЯО) с филиалами в городах Рыбинске и Ростове. Всего было изучено и обработано около 1000 дел, из которых в диссертационном исследовании использовано 205. В научный оборот введены многие ранее неисследованные архивные материалы, способствующие более полному и аргументированному раскрытию темы диссертации, решению исследовательских задач и разрешению научной проблемы.

Наибольшую ценность для исследования по теме диссертации представляют фонды АВПРИ: №№ 5 (Секретные мнения министерства), 20 (Дела о вооруженном морском нейтралитете), 32 (Сношения России с Австрией), 33 (Венская миссия), 35 (Сношения России с Англией), 36 (Лондонская миссия), 37 (Сношения России с Баварией), 41 (Сношения России с Венецией), 48 (Сношение России с Генуей), 57 (Сношения России с Ионическими островами), 70 (Сношения России с Неаполем), 76 (Берлинская миссия), 89 (Сношения России с Турцией), 90 (Константинопольская миссия), 93 (Сношения России с Францией), 123 (Сношения России с Крымом). В этих

[1] *Макаров С.О.* Рассуждения по вопросам морской тактики. М., 1943. С. 114.

[2] *Штенцель А.* История войны на море в ее важнейших проявлениях с точки зрения морской тактики / Пер. с нем. Пг., 1917. Ч. 3. С. 381.

фондах содержится обширный, ранее невостребованный исторический материал по названной проблеме.

В документах архива, в число которых входят императорские указы и рескрипты, распоряжения по флоту, постановления и деловая переписка Коллегии иностранных дел, военачальников, донесения о ходе и результатах сражений, реакции на них иностранных государств, отражены все основные этапы борьбы России за выход к Черному морю и завоевания господства на нем, и борьба за достижение целей внешней политики в Черноморско-Средиземноморском регионе. Архив содержит большой массив документов, касающихся непосредственного участия Ф.Ф. Ушакова в данном процессе. В фондах архива хранятся подлинники его реляций и писем по вопросам военно-морского строительства и боевого применения Черноморского флота, которые позволяют оценить его вклад в строительство отечественного флота и развитие военно-морского искусства.

Наиболее ценными из них являются документы периода Средиземноморской экспедиции 1798–1800 гг., в которых находятся приказы по планированию и боевому применению сил флота по освобождению Ионических островов, материалы о военно-государственной деятельности адмирала по созданию Республики Семи Соединенных островов, многочисленная военно-дипломатическая переписка с императором, российскими дипломатами, главами правительств и государств, органами военного управления и военачальниками. Здесь же соискателем выявлены документы, ранее не введенные в научный оборот, с характеристикой многогранной деятельности Ф.Ф. Ушакова.

Особое место среди документов архива занимают данные о флотах зарубежных стран. В них нашли отражение кораблестроительные программы западных государств и Турции, направленность их морских устремлений. Особо ценными для нас являются точные сведения о составе турецкого флота, характере полученных им боевых повреждений и их потерях в сражениях, что позволило более объективно оценить вклад Ф.Ф. Ушакова в победу над

противником и достижении государством намеченных военно-политических целей.

Для исследования хода военных действий в Русско-турецких войнах, вопросов взаимодействия армии и флота, а также деятельности Ф.Ф. Ушакова по военно-морскому строительству в Северном Причерноморье существенное значение имеют документы РГВИА. Более детально были исследованы дела фонда 52 (Г.А. Потемкин-Таврический), в которых, помимо общего хода войны, прослеживается и деятельность Ф.Ф. Ушакова. Среди документов особый интерес вызывают планы и распоряжения Г.А. Потемкина по строительству и укреплению Черноморского флота, созданию системы его базирования и всестороннего обеспечения. В частности, приводится десятилетний план строительства города Севастополя, начиная с 1786 г. Приводится также подробный списочный состав Черноморского флота на конец 1786 г. с указанием вооружения и мест базирования (Приложение 5).

Выявлена ранее не вводившаяся в научный оборот переписка Ф.Ф. Ушакова с Н.В. Репниным, касающиеся планирования и проведения кампании 1791 г., а также донесения М.И. Кутузова Г.А. Потемкину о ходе морского сражения у о. Тендра в 1790 г. Определенную ценность представляют донесения русских агентов из Турции о состоянии и планах турецкого флота.

Важными являются и документы фонда ВУА (Военно-ученый архив), в которых прослеживается весь ход вооруженной борьбы с Турцией. В указанном фонде выявлено «Описание походов россиян против турков. 1787–1791 г.», составленное в 1827 г. Тульчиным, которое в 1880 г. было издано А.Н. Петровым[1]. В данном труде впервые подробно рассмотрены не только ход военных действий на сухопутном театре, но и морские сражения под командованием Ф.Ф. Ушакова, а также вопросы взаимодействия армии и Черноморского флота, что способствовало решению поставленных

[1] *Петров А.Н.* Вторая турецкая война в царствование Екатерины II. 1787–1791 гг. В 2 т. СПб., 1880.

исследовательских задач по выявлению вклада Ф.Ф. Ушакова в развитие военно-морского искусства.

Для исследования ранней биографии и вопросов формирования личности Ф.Ф. Ушакова соискателем исследованы документы фонда 2583 (Лейб-гвардии Преображенский полк), на основании которых установлены данные о социальном и имущественном положении отца будущего адмирала, прохождении им службы в лейб-гвардии.

Источниковедческий анализ документов АВПРИ и РГВИА позволяет судить о высокой степени их достоверности, что способствовало выявлению объективной информации о флотоводческой деятельности Ф.Ф. Ушакова и получению достоверных результатов исследования.

Документы, которые были исследованы в РГАДА, также во многом способствовали решению исследовательских задач. Среди них в фонде 20 (Дела военные) диссертантом выявлены весьма ценные документы, раскрывающие сведения о начале создания системы базирования Черноморского флота в Севастополе и описание укреплений и системы базирования турецкого флота в Константинополе; материалы, характеризующие состояние армии и Черноморского флота.

В фонде 21 (Дела морского ведомства) представлены важные для исследования документы Г.А. Потемкина, касающиеся Черноморского флота, мнения императрицы по флотским делам, переписка председателя Черноморского адмиралтейского правления Н.С. Мордвинова и ряд других документов.

Особую ценность для исследования представляют «Бумаги Ф.Ф. Ушакова» из фонда 159 (Приказные дела новой разборки), где находятся указы о его награждениях, письма к нему короля Обеих Сицилий, британских адмиралов Дж. Кейта и Г. Нельсона, различных государственных деятелей. Это, в частности, дало возможность произвести сравнительный анализ результатов деятельности Ф. Ушакова и Г. Нельсона, оценить их вклад в развитие военно-морского искусства и коалиционной стратегии.

В плане уточнения биографических сведений об адмирале и его социальном положении, в фонде 286 (Герольдмейстерская контора) удалось выявить документы, касающиеся истории рода Ушаковых, в том числе и первая родословная (Приложение 6) и ранее выявленная Г.П. Штормом автобиография флотоводца – «скаска недоросля Федора Ушакова».

Из фондов РГА ВМФ для исследования вопроса становления Ф.Ф. Ушакова на флотской службе исследованы ряд дел фондов 406 (Послужные списки чинов флота) и 432 (Морской кадетский корпус), во многом позволившие проследить служебный путь как самого адмирала, так и представителей рода Ушаковых, что способствовало установлению родовых связей и составлению родословной (Приложение 7). Наибольшее внимание уделено исследованию фонда 192 (Походная канцелярия адмирала Ф.Ф. Ушакова по командованию эскадрой судов в Средиземном море). Основу фонда составляют императорские указы и рескрипты, письма дипломатических представителей, рапорты и письма Ф.Ф. Ушакова в различные инстанции о ходе кампании, материальном обеспечении эскадры, организации самоуправления на Ионических островах и другие. Основная масса документов фонда опубликована в Т. 2 и 3 сборника документов и материалов «Адмирал Ф.Ф. Ушаков»[1]. Установлено, что часть документов дублируют оригиналы, хранящиеся в АВПРИ.

Важные сведения об истории рода Ушаковых и личной биографии адмирала удалось почерпнуть в РГИА (фонд 1343). В фонде приводится полная «поколенная роспись» рода, представленная Ф.Ф. Ушаковым в 1798 г. с приложением доказательств о его дворянском происхождении. Кроме того, имеется подлинник обращения адмирала к императору Александру I о внесении герба рода Ушаковых в Общий гербовник дворянских родов Российской империи. Важная информация о земельных владениях, пожалованных Ф.Ф. Ушакову в Севастополе, которые использовались для нужд Черноморского флота, находится в фонде 468.

[1] Адмирал Ушаков. [Документы.] В 3 т. / Под ред. *Р.Н. Мордвинова.* М., 1951–1956.

Наиболее ценные документы, касающиеся личной биографии флотоводца (в том числе подлинная родословная с доказательствами о дворянском происхождении (Приложение 8), аттестация и копия завещания) и его ближайших родственников, а также его деятельности в период его пребывания в г. Рыбинске (1779–1780), удалось выявить в фондах ГАЯО: №№ 213 (Ярославское дворянское депутатское собрание), 72 (Романовский уездный суд), 77 (Ярославское наместничество), 170 (Судебные дела) и его филиалах в г. Рыбинске: 4 (Рыбинский городской магистрат), 36 (Рыбинский уездный суд), 432 (Коллекция документов церквей Романово-Борисоглебского уезда Ярославской губернии) и Ростове – 197 (Ростовская духовная консистория). Принципиально важной оказалась находка, сделанная в филиале ГАЯО в г. Ростове, где соискателем была обнаружена метрическая книга с записью о дате и месте рождении Ф.Ф. Ушакова, считавшиеся ранее неизвестными.

Определенную ценность представляет служебная переписка Ф.Ф. Ушакова, не вошедшая в сборник документов из Государственного архива Николаевской области.

Другими значимыми для исследования источниками являются сборники документов, составителями которых являются Ф.Ф. Веселаго, С.И. Елагин, Г.П. Мещерский, В.А. Машков, Р.Н. Мордвинов, А.С. Шишков и другие[1]. В них содержатся рапорты и донесения с Черноморского флота Ф.Ф. Ушакова, от командиров кораблей, флагманов и чинов Адмиралтейского правления и тому подобные документы, в которых в определенной степени раскрытии вопросы военно-морского строительства на Черном море и участия в нем флотоводца.

В процессе исследования использован информативный справочник В.В. Похлебкина[2]. В нем подробно освещается история войн и мирных

[1] *Шишков А.С.* Собрание морских журналов или ежедневных записок, содержащих в себе плавания эскадр и судов Российских в 1797 г. СПб., 1800. Ч. I, II; *Елагин С.И., Веселаго Ф.Ф.* Материалы для истории русского флота. СПб., 1877. Т. 4, 1890–1902. Т. 6, 13–16; Адмирал Ушаков. [Документы.] В 3 т. / Под ред. *Р.Н. Мордвинова.* М., 1951–1956; Адмирал Ушаков: Материалы и документы / Авт.-сост. *В.А. Машков.* СПб., 1998.

[2] *Похлебкин В.В.* Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах и фактах. IX–XX вв. Вып. 2. Войны и мирные договоры. Книга I: Европа и Америка. Справочник. М., 1995.

договоров Руси и Русского государства с IX по XX в. Определенный интерес представляют сведения о создании первой и второй антифранцузских коалиций.

Весьма примечательной является первая публикация об адмирале Ф.Ф. Ушакове – некролог по поводу его кончины в октябре 1817 г. с оценкой деятельности и характеристикой личности. В нем, в частности, говорилось: «Имя адмирала Ушакова причислилось к именам знаменитых русских мореходцев, а добродетели его запечатлелись в сердцах тех, которые пользовались его знакомством в последние годы жизни его, посвященной вере и благотворению»[1].

Интересные для исследования сведения о личности Ф.Ф. Ушакова приводит Д.Н. Бантыш-Каменский в Словаре достопамятных людей Русской земли[2], в котором он опубликовал первую биографию адмирала. Однако, при всей оригинальности информации, представленной Д.Н. Бантыш-Каменским, многое, как выяснилось в процессе исследования, не соответствует действительности.

Так, в самом начале автор пишет: «Ушаков, Федор Федорович, сын бедного дворянина древней фамилии, Федора Игнатьевича Ушакова, служившего Коллежским Регистратором, родился в 1743 году и обучался в Морском Кадетском корпусе, куда поступил уже в летах взрослых; ибо перед тем ходил со старостою на медведя»[3]. Указанный год рождения – «1743-й» – в последующем положил начало разночтению в вопросе даты рождения флотоводца.

Тем не менее, материалы Д.Н. Бантыш-Каменского, впоследствии часто используемые многими авторами, представляют большой интерес и

---

[1] Русский вестник. 1817. №№ 23, 24. С. 19.

[2] *Бантыш-Каменский Д.Н.* Словарь достопамятных людей русской земли, содержащие в себе жизнь и деяния знаменитых полководцев, министров и мужей государственных, великих иерархов православной церкви, известных по участию в событиях отечественной истории. М., 1836. Ч. 5. С. 187–200.

[3] Там же. С. 187.

существенно дополняют наши представления о личности адмирала Ф.Ф. Ушакова.

Из опубликованных документальных источников интерес представляют постановления, наставления и поучения, отражающие вопросы существовавшей в России системы духовно-нравственного и физического воспитания дворянских детей в средине и во второй половине XVIII в.[1] На их основе можно судить о направленности, уровне и качестве начальной подготовки и воспитании дворянских недорослей, в том числе и Ф.Ф. Ушакова.

Исследование ряда воспоминаний современников о быте, нравах и процессе домашнего воспитания в дворянских семьях, какой являлась и семья Ушаковых, в основном подтверждает действенность вышеуказанных постановлений, наставлений и руководств[2]. Однако выявлено и их определенное противоречие с бытовыми традициями, нравами и другими существовавшими пороками русского общества второй половины XVIII в., негативно влиявшими на процесс воспитания подрастающего поколения.

В диссертации соискателем использованы письма и записки видных государственных и военных деятелей: Екатерины II, Г.А. Потемкина, А.В. Суворова, И.В. Гудовича и А.В. Храповицкого с их характеристикой деятельности Ф.Ф. Ушакова, а также с изложением взглядов на строительство

---

[1] *Иоанн*, иеромонах. Речь благородным и почтенным Морского Шляхетного кадетского корпуса юношам при вступлении в должность обучения их христианскому Закону, говоренная в Кронштадте 1771 года декабря 18 дня. СПб., 1771; Отец и патриот. Религиозно-нравственное наставление отца к сыну. XVIII в. Без указания места и года издания; Священная история Ветхого и Нового завета с выбранными от святых отцов истолкованиями к исправлению нравов каждого христианина / Пер. с греч. СПб., 1763; Стязи благонравия или Нравоучительные рассуждения. М., 1791; *Теплов Г.Н.* Наставление к сыну. СПб., 1768.

[2] *Глинка С.Н.* Записки. СПб., 1895; *Григорьев И.Г.* Современные записки надворного советника Ивана Григорьевича Григорьева, им самим написанные. СПб., 1802; *Данилов М.В.* Записки // Русский архив. 1883. Кн. 2. Вып. 3. С. 1–67; *Ильинский Н.С.* Воспоминания моей жизни // Русский архив. 1879. Кн. 3. Вып. 12. С. 377–434; *Брусилов Н.П.* Воспоминания // Исторический вестник. 1893. Т. 52. № 4. С. 37–71; *Комаровский Е.Ф.* Записки графа Е. Ф. К. СПб., 1914; *Степанов А.П.* Страничка из истории воспитания в России конца прошлого века. Из воспоминаний //Русская школа. 1891 № 1. С. 9–27; *Стогов Э.И.* Записки // Русская старина. 1903. Т. 113. № 1. С. 131–148.

отечественного флота и, в частности, на роль и место Черноморского флота в достижении намечаемых военно-политических целей[1].

Отдельные аспекты личности и боевой деятельности Ф.Ф. Ушакова освещены в немногочисленных воспоминаниях участников событий: П.А. Данилова, Е.П. Метаксы, И.А. Полномочного, И.С. Поскочина и Д.Н. Сенявина.

Так «Записки флота капитан-лейтенанта Егора Метаксы»[2] интересны тем, что их автор был живым свидетелем событий Средиземноморской кампании 1798–1800 гг. и, кроме того, являлся уроженцем о. Кандия. Поэтому они дают богатый материал для анализа и обобщений Средиземноморского похода и оценки деятельности адмирала Ф.Ф. Ушакова. Важно отметить и то, что живой и эмоциональный стиль изложения дает богатый материал для изучения духовно-нравственных аспектов деятельности адмирала Ф.Ф. Ушакова.

Существенным дополнением к указанным «Запискам» является «Журнал капитана 2 ранга Поскочина»[3], детализирующий действия русско-турецкой эскадры на Средиземном море.

В записках П.А. Данилова[4] изложена причина принятия Ф.Ф. Ушаковым решения по выводу части фрегатов из линии в Керченском сражении. Это единственный источник, где подробно описана причина принятия данного решения.

---

[1] *Гудович И.В.* Записка о службе генерал-фельдмаршала графа И.В. Гудовича, им самим составленная // Русский вестник. 1841. Т. 1. № 3. С. 607–681; Памятные записки *А.В. Храповицкого.* М., 1862; *А.В. Суворов.* Письма / Сост. *В.С. Лопатин.* М., 1986; *Екатерина II и Г.А. Потемкин.* Личная переписка 1769–1791 / Сост. *В.С. Лопатин.* М., 1997; Жизнь Суворова, рассказанная им самим и его современниками / Сост. *В.С. Лопатин*. М.: ТЕРРА, 2001.

[2] *Метакса Е.* Записки флота капитан-лейтенанта Егора Метаксы, заключающие в себе повествование о военных подвигах Российской эскадры, покорившей под начальством адмирала Федора Федоровича Ушакова Ионические острова при содействии Порты Оттоманской в 1798 и 1799 годах. Пг., 1915.

[3] *Поскочин И.С.* Журнал капитана 2 ранга Поскочина, командовавшего отрядом российских и турецких военных судов, веденный при занятии острова Чефалонии, с 14 по 23 октября 1798 г. // Славянин, 1828. Ч. 8. № 46. С. 245–258.

[4] *Данилов П.А.* Жизнь моя (1756–1806) // Кронштадтский вестник. 1913. №№ 67–100.

И.А. Полномочный служил мастером на корабле Ф.Ф. Ушакова и существенно дополнил морально-психологический образ адмирала[1]. Не менее важными для нас являются и оценки Ф.Ф. Ушакова, данные Д.Н. Сенявиным[2].

Важными источниками, проливающими свет на отдельные факты и события, участником которых являлся Ф.Ф. Ушаков, стали воспоминания И.А. Глухова, Э.В. Дримпельмана, И.И. Ханыкова и А.С. Шишкова[3]. В них раскрываются подробности малоизвестных эпизодов службы Ф.Ф. Ушакова на Азовской флотилии (1770 г.), похода фрегатов с Балтики на Средиземное море (1776–1779 гг.), борьбы с чумой в Херсоне (1783 г.), освобождения Неаполя (1799 г.).

Для исследования вопросов создания Черноморского флота и системы его базирования определенный интерес вызывают описания городов Севастополя и Херсона второй половины XVIII в., оставленные иностранными и отечественными путешественниками, в которых подробно изложено состояние этих городов[4].

Анализ источниковой базы позволяет сделать вывод о том, что многообразие документов, привлеченных соискателем к диссертационному исследованию, не в полной мере отражает все аспекты жизни и деятельности Ф.Ф. Ушакова. Существенные источниковые пробелы имеют место в ранней биографии флотоводца, в результате чего при исследовании вопросов

---

[1] *Полномочный И.А.* Род мой и происхождение. Краткие автобиографические записки офицера Черноморского флота Ивана Андреева Полномочного (1764–1833) // Записки Одесского общества истории и древностей, 1889. Т. 15. С. 683–710.

[2] *Сенявин Д.Н.* Записки // Морской сборник. 1913. № 7. С. 99–142.

[3] *Шишков А.С.* Записки адмирала Шишкова, веденные им во время путеплавания его из Кронштадта в Константинополь. СПб., 1834; *Дримпельман Э.В.* Записки немецкого врача о России в конце прошлого века // Русский архив. 1881. Кн. 1. Вып. I. С. 32–51; *Ханыков И.И.* Подлинные записки флотского капитана Ильи Ивановича Ханыкова о донской экспедиции. Записки Одесского общества истории и древностей. 1886. Т. 14. С. 66–90; *Глухов И.А.* Жизнь Ильи Алексеевича Глухова // Щукинский сборник. М., 1907. Вып. 6. С. 202–268.

[4] *Кравен Э.* Путешествие в Крым и в Константинополь в 1786 году миледи Кравен / Пер. с франц. М., 1795; *Людольф де.* Письма о Крыме. Перевод с рукописи // Русское обозрение. 1892. Т. 2. Март. С. 155–201; Отрывки из записок севастопольского старожила // Морской сборник. 1852. № 1. С. 33–47; *Ромм Ж.* Путешествие в Крым в 1786 г. / Пер. по рукописи с франц. Л., 1941.

формирования его личности, автору пришлось прибегнуть к методу научной реконструкции.

Тем не менее, выявленная источниковая база позволила автору провести комплексное исследование и решить обозначенную научную проблему.

1.3. Теоретико-методологическая основа исследования

Научное познание отечественной истории связано как с описанием и объяснением прошлого, так и с извлечением уроков для настоящего и будущего. Для решения конкретной научной проблемы диссертант шел по пути выбора оптимального методологического инструментария, применяя целый спектр используемых принципов, методов и теорий, обусловленных многообразием видов человеческой деятельности.

Так как роль личности в истории изучается в рамках различных дисциплин, что объясняется междисциплинарным характером объекта исследования, автор применил полидисциплинарный подход, используя принципы и методы различных дисциплин: истории, философии, социологии, психологии, педагогики, культурной антропологии и военной науки.

Базисом методологии является мировоззренческая сторона, формируемая философией. Она предполагает такие принципы, методы и подходы, которые способствуют пониманию объективных законов общества, более полному и всестороннему осмыслению исторического материала, позволяют сделать представление о явлениях как в целом, так и его отдельных сторонах. Кроме того, философские методы помогают раскрыть связи между законами и творческой деятельностью личности, предполагают преобразующую силу человеческого разума в раскрытии законов объективного мира, его прошлого, настоящего и будущего.

Наиболее продуктивным для настоящего диссертационного исследования автор считает диалектический метод и его принципы: всеобщий, универсальной связи и развития, из которых вытекают принципы историзма и противоречия.

В соответствии с принципом историзма (рассмотрение исторического явления в развитии, в сопоставлении с другими явлениями и их оценка, исходя из конкретных условий конкретного времени) диссертант рассматривает исследуемые явления в жизни Ф.Ф. Ушакова в конкретных исторических условиях, а также в исторической ретроспективе: как они возникли, какие основные этапы прошли и как развивались в последующем. С использованием данного принципа соискателем прослежен процесс изменения взглядов отечественных историков на вклад Ф.Ф. Ушакова в строительство отечественного флота и развитие военно-морского искусства, что позволило ему сформулировать положения, соответствующие современному уровню исторического познания.

Учет принципа противоречия позволил вскрыть внутренние пружины развития личности Ф.Ф. Ушакова и его позитивного вклада в обеспечение военной безопасности, строительство флота и развитие военно-морского искусства. В ходе исследования рассматривался целый комплекс противоречий, имевших место на протяжении всего рассматриваемого периода. Однако по изучаемым этапам некоторые из них имели наибольшее влияние. Так, при исследовании вопроса формирования личности, в качестве основного противоречия автор рассматривал противоречие между личностью и обществом; в процессе становления – между знанием, умением, физическими и психологическими возможностями человека и окружающей средой, в том числе, и морской стихией; в процессе деятельности по строительству флота – между потребностями Черноморского флота и преобразующей деятельностью личности; в развитии военно-морского искусства – между формами и способами применения сил Черноморского флота и развитием вооружения и техники.

При этом производился всесторонний анализ общих противоположных сторон конкретно рассматриваемого противоречия; рассмотрение предмета как единства (синтеза) противоположностей в целом на основе знания каждой из них; определение места противоречия в системе других противоречий предмета; прослеживание этапов развития данного противоречия; и, в конечном итоге, анализ механизма разрешения противоречия как процесса в результате его развертывания и обострения.

Стремясь свести к минимуму фактор субъективности в оценках личности Ф.Ф. Ушакова, событий и фактов, диссертант использовал принципы: объективности, всесторонности и конкретности.

Принцип объективности нацелил соискателя на то, чтобы картина жизни и деятельности Ф.Ф. Ушакова выстраивалась исключительно на основе проверенных, а, значит, достоверных фактов; на включение в анализ всех известных фактов, без какого-либо умолчания, независимо от отношения к ним диссертанта; чтобы факты рассматривались в их совокупности и выражали логику вещей в логике понятий.

В связи с тем, что деятельность Ф.Ф. Ушакова носила многогранный, многофакторный и многофункциональный характер, соискателю пришлось провести детальный анализ всех ее слагаемых. Предметом особого внимания стали свойства и признаки экономического, политического, военного, правового, технического, педагогического и тому подобных характера. Все это обусловило применение принципа всесторонности, выражающего всеобщую связь всех явлений действительности, и позволило рассмотреть все стороны и грани в деятельности Ф.Ф. Ушакова, вычленить их сущность и определить границы, провести целостное многоаспектное рассмотрение как «вглубь», так и «вширь».

Личность Ф.Ф. Ушакова рассматривалась в конкретной эпохе с соответствующей ей социокультурной средой. Поэтому в соответствии с принципом конкретности к изучаемому объекту автор подходил с мерками и ценностными ориентациями той эпохи.

Наряду с всеобщим – философским методом, автор использовал общенаучные и специальные методы, которые и обеспечивают связь и оптимальное взаимодействие философии со специально-научным знанием.

Из общенаучных методов использованы анализ, синтез, обобщение, абстрагирование, индукция, дедукция, аналогия, исторический и логический методы, метод классификации, которые позволили раскрыть генезис, развитие и сущность рассматриваемых исторических событий.

Исторический метод позволил произвести исследование конкретных событий, связанных с деятельностью адмирала Ф.Ф. Ушакова в их последовательности и многосторонности, в обусловленности всех этапов и форм развития, показать движение личности в интервалах времени. Опираясь на исторический метод, автору удалось не только реконструировать отдельные события и этапы жизни Ф.Ф. Ушакова, но и в целом раскрыть его многогранную деятельность по строительству отечественного флота и развитию военно-морского искусства во второй половине XVIII в., что, в конечном итоге, позволило выявить исторические уроки и произвести прогнозирование дальнейшего развития отечественного флота.

В тесной взаимосвязи с историческим методом использован и логический метод. На основе теоретических положений и принципов отбора исторических фактов, абстрагирования и обобщения он позволил проследить действительную логику развития событий (формирование личности Ф.Ф. Ушакова, его становление, флотоводческую деятельность) с определением вклада исследуемой личности в военно-исторический процесс. Логический метод явился своеобразным ключом к решению научной проблемы.

Данный метод явился наиболее востребованным и при исследовании ранней биографии Ф.Ф. Ушакова. Так как сущность рассматриваемых явлений была неочевидна, то на основе аналогий (имеющихся фактов, воспоминаний современников, описаний быта и нравов провинциального российского дворянства, системы обучения и воспитания и тому подобных) удалось выявить и сравнить общее и повторяющееся, необходимое и закономерное, с одной

стороны, и ситуативное – с другой. Тем самым были заполнены существовавшие пробелы, и исследование жизни и деятельности адмирала доведено до завершенного вида.

С учетом исторического и логического методов применен метод анализа и синтеза. В процессе синтеза были выявлены связи между отдельными фактами во флотоводческой деятельности адмирала Ф.Ф. Ушакова, объединены в единое целое по выявленным анализом основаниям. В результате синтеза соискателем вскрыты новые черты в деятельности Ф.Ф. Ушакова. Анализ и синтез рассматриваемых явлений позволил прийти к определенным обобщениям, на основании которых был выявлен ряд новаций, внедренных Ф.Ф. Ушаковым в военно-морскую практику, что также способствовало в целом обобщению вклада флотоводца в строительство отечественного флота и развитие военно-морского искусства.

При этом необходимо заметить, что важной формой исторических обобщений является формирование понятий. В этой связи, автором были вскрыты неточности ряда отечественных историков в обобщениях деятельности адмирала Ф.Ф. Ушакова по развитию военно-морского искусства, приведших их к формулировке понятия «маневренная тактика». С другой стороны автором было обосновано и сформулировано понятие «отечественная школа военно-морского искусства».

Метод индукции оказался, к примеру, незаменимым при исследовании процесса становления Ф.Ф. Ушакова на флотской службе. По отдельным фактам и случаям его участия в строительстве судов, военных действиях, реализации политики «Вооруженного нейтралитета», морских походах, испытании новой техники и другие, диссертант пришел к общему положению о том, что в результате Ф.Ф. Ушаков стал наиболее подготовленным офицером флота на тот исторический период.

С помощью дедуктивного метода удалось вычленить те элементы в многосторонней флотоводческой деятельности Ф.Ф. Ушакова, которые были

подвержены наибольшей модернизации и имели свое развитие в теории и практике строительства отечественного флота и применения сил.

Метод аналогий нашел свое применение при реконструкции процесса формирования личности Ф.Ф. Ушакова, домашнего обучения и воспитания. На основании сходства определенных признаков данного процесса, о котором практически не осталось документальных свидетельств, с известными подобными, было сделано заключение об их сходстве и в других признаках. В результате этого удалось воспроизвести достаточно целостную картину названного процесса и составить, с определенным допущением, достоверное суждение о нем.

В критике представителей советской историографической традиции, считавших одновременное существование линейной тактики и созданной Ф.Ф. Ушаковым маневренной тактики, соискатель применил метод классификации. Суть метода заключается в том, что изучаемые объекты, явления или процессы упорядочиваются в определенные группы (классы) на основе избранных признаков. Так при изучении процесса развития морской тактики, были выделены и раскрыты такие признаки, которые автором представляются в качестве основания для ее периодизации и систематизации в хронологическом, функциональном и структурном порядке. А указанные признаки были выявлены с помощью системного подхода и системного анализа.

Известно, что исходным в системном подходе и анализе является понятие системы. Строение системы определяется составляющими ее компонентами и закономерными связями между ними. Компонентами являются, в том числе, подсистемы и элементы. Основываясь на том, что все элементы одной подсистемы должны классифицироваться по одному признаку, при исследовании вопроса развития морской тактики в эпоху парусного флота, автор использовал в качестве такого универсального элемента «тактико-технические элементы кораблей», причем для всего периода развития морской тактики, а не только с периода развития парового флота. На основании

указанных методов диссертант предложил стройную систему периодизации морской тактики, апробированную в учебном процессе в Военном учебно-научном центре «Военно-морская академия им. Н.Г. Кузнецова».

В тесной связи с общенаучными методами использованы и методы, характерные непосредственно для исторического исследования: биографический, периодизации, историко-генетический, историко-сравнительный и историко-типологический.

Биографический метод давно знаком исследователям и используется как в исторической, так и других науках. При выборе данного метода автор исходил из того, что биографии – это, прежде всего, истории людей, являющихся свидетелями и участниками реальных исторических событий. Они отражают и закрепляют конфигурации социальных связей на определенном этапе жизненного пути. Содержание родственных, соседских, дружеских, профессиональных и иных связей Ф.Ф. Ушакова создает отчетливый рисунок взаимовлияний, возникновения предпочтений и вкусов, мнений и ценностных ориентаций в его жизни. Именно в его биографии раскрывается сложность принятия волевых решений, обоснование целей и мотивов, поиск средств их реализации, комплекс надежд и разочарований.

Кроме того, биографии выдающихся личностей, в том числе и Ф.Ф. Ушакова, свидетельствуют о социальном значении индивидуальности. Поэтому биографический метод (исследование личности во времени) принят в качестве одного из приоритетных. С его помощью была исследована не только историческая составляющая жизни и деятельности Ф.Ф. Ушакова, но и социальная, и психологическая, и другие.

Использован метод изучения личности по формализованному алгоритму. Он представляет этапный алгоритм работы, который дает возможность оценить наиболее существенные черты и особенности личности: изучить оценки личности современниками и современными историками; ознакомления с этапами, периодами и содержанием деятельности личности; усвоения личностью идейно-теоретических (политических, социальных, культурных,

религиозных и так далее) платформ; уяснить, чьи интересы на том или ином этапе данная личность выражала.

Применение данного метода позволило детально проследить жизненный и служебный путь Ф.Ф. Ушакова. Удалось уточнить и, в отдельных местах, восполнить биографические данные (к примеру, установить точные дату и место рождения). Кроме того, показать, какие социальные и духовные потребности своего времени он выражал в своих действиях, показать его внутренний мир, объективно охарактеризовать его деятельность, показать роль и место в истории России.

Другим методом оценки личности является метод по образу действий в экстремальных для Отечества и личной жизни обстоятельствах, каких в жизни Ф.Ф. Ушакова было немало. С помощью данного метода удалось выявить наиболее яркие черты личности Ф.Ф. Ушакова, его незаурядные способности и гениальность.

Методы биографического анализа в значительной мере способствовали реализации воспитательной функции настоящего исследования.

Биографический метод использовался в тесной связи с методом периодизации. С его помощью были определены наиболее важные этапы жизни и деятельности Ф.Ф. Ушакова: домашнее воспитание и обучение – обучение в Морском шляхетном кадетском корпусе – становление на флотской службе – флотоводческая и военно-государственная деятельность. Каждый из указанных периодов подробно исследован.

Кроме того метод периодизации оказался весьма эффективным в исследовании этапов развития морской тактики при разрешении противоречия во взглядах отечественных историков на вклад Ф.Ф. Ушакова в развитие военно-морского искусства. С его помощью автор доказывает, что указанное системное противоречие возникло во многом из-за нарушения советскими историками стройной системы периодизации морской тактики.

Историко-генетический метод предполагает анализ некоторого исходного состояния объекта и выведение из него последующих состояний. В основе

метода лежит генетическое доказательство, в котором в целях доказательства суждений исследуется их генезис, а также условия, при которых эти суждения дошли до нашего времени. Так с помощью указанного метода автором произведена оценка взглядов на деятельность Ф.Ф. Ушакова по развитию военно-морского искусства в различные исторические периоды до настоящего времени. Выявлена объективность исходной оценки в конце XIX – начале XX в. и ее трансформация в 40–50-х годах XX в., в результате чего возникло системное противоречие.

Историко-сравнительный метод дал возможность вскрыть сущность процессов строительства флота в России и Европе, выявить разницу в уровне развития военно-морского искусства в отечественной и зарубежных школах, а также провести сравнение по времени. Кроме того, он позволил провести сравнение Ф.Ф. Ушакова с другими флотоводцами и военно-морскими деятелями того времени, что способствовало более объективному определению его вклада в строительство отечественного флота и развитие военно-морского искусства.

При сравнительном анализе морских уставов с приказами Ф.Ф. Ушакова по флоту выявлены ряд схожих моментов, позволивших автору сделать заключение о преемственности подходов в военно-морском строительстве и активном использовании опыта адмирала Ушакова в данном процессе в последующем.

К использованию историко-типологического метода автор прибегнул в процессе структурирования диссертационного исследования, выделив основные типы (этапы) жизни и деятельности Ф.Ф. Ушакова, а именно: формирование, становление, активная деятельность, использование опыта деятельности. Кроме того, данный метод позволил восстановить строгую хронологию этапов развития морской тактики.

История военного искусства имеет свою специфику, благодаря которой может рассматриваться как относительно самостоятельная наука в системе

военно-исторических знаний, т.к. изменение форм и способов военных действий происходит по своим специфическим внутренним законам.

В данном случае автора в большей степени интересовало влияние человеческого фактора на развитие военно-морского искусства. При исследовании этого вопроса диссертант исходил из общественной сущности человека, его побудительных мотивов, стремлений и целей, его взаимосвязей с социальной средой. Важно было понять также источник морально-боевых и духовно-нравственных сил Ф.Ф. Ушакова.

Существенным являлось и понимание взаимосвязи человека с техникой, умение первого понять и использовать возможности второй. Эта диалектическая связь в первую очередь учитывалась при исследовании форм ведения боевых действий и способов применения сил адмиралом Ф.Ф. Ушаковым.

Непосредственный вклад адмирала Ф.Ф. Ушакова в развитие военно-морского искусства определялся через реализацию и развитие им принципов военного искусства на основе диалектики объективного и субъективного факторов в военных действиях.

Особое место занимает методология исследования творческого характера флотоводческой деятельности Ф.Ф. Ушакова. Творческий характер определялся на основе исходной фактической базы – опыта прошлого. В этой связи в диссертации исследован процесс накопления этого опыта (теоретического и практического). Большую роль в творческом подходе Ф.Ф. Ушакова к своей профессиональной деятельности играли мировоззренческие основы. В связи с этим показан процесс формирования его мировоззрения, а также раскрыта деятельность по подготовке и ведению боевых действий. Особенно это касается совершенствования методики подготовки сил флота, изменения способов действий, в первую очередь, боевых порядков и тактических приемов. Большое внимание уделено умению Ф.Ф. Ушакова использовать все факторы успеха, в том числе и моральный.

Большим подспорьем для автора в исследовании поведенческих функций Ф.Ф. Ушакова, как командующего флотом в сражении, явились соответствующие методические рекомендации, разработанные в начале XX в. А.Д. Бубновым. Были использованы и принципы, выявленные Н.Л. Кладо, в области обучения и воспитания личного состава.

При исследовании деятельности Ф.Ф. Ушакова по обучению и воспитанию личного состава были использованы методы, применяемые в педагогических исследованиях. В данном случае наиболее приемлемыми оказались методы: обобщения передового опыта и теоретического анализа передовой идеи.

С помощью первого удалось установить исторические связи между воспитанием в России, в том числе и на флоте, в середине XVIII в., воспитательной деятельностью Ф.Ф. Ушакова и современной школой воспитания, в том числе и воинского. С помощью второго – выявить наиболее важные проблемы, которые были решены Ф.Ф. Ушаковым в процессе обучения и воспитания личного состава и соотнести их с последующим развитием системы подготовки сил флота.

Более детальное исследование процесса формирования личности флотоводца в определенной этно- и социокультурной среде удалось провести с использованием методов культурной антропологии – комплексной науки о человеке и культуре, где в качестве исследовательских объектов в частности выступают интересующие соискателя нравы, обычаи, верования; системы родства и свойства; поведенческие системы; системы воспитания и тому подобные. Методы культурной антропологии привлекли соискателя своей универсальностью в исследовании личности, ибо базируются на признании многомерности человека, имеющего в себе биологические, психологические, социальные (культурные) стороны натуры. С их помощью появилась возможность исследовать историю развития культурной группы населения, в которой проходил свое формирование Ф.Ф. Ушаков, а также влияние не только

социальной, но и культурной среды на личность, выявить взаимосвязи между индивидом и обществом.

Методы культурной антропологии применялись в комплексе с рассмотренными выше историческими методами исследования, такими как сравнительный, типологический и картографический.

С помощью данных методов автору, в частности, удалось соотнести культурно-исторические явления в жизни флотоводца с нормой господствующего религиозного сознания в рамках православной традиции. Это, в свою очередь, позволило более убедительно раскрыть сущность процесса формирования личности Ф.Ф. Ушакова, мотивацию его деятельности по обучению и воспитанию личного состава, его всестороннему обеспечению, при ведении боевых действий, в отношении адмирала к своим обязанностям, Отечеству, верховной власти, начальству, подчиненным, близким, нуждающимся и страждущим людям.

На основе методов культурной антропологии соискателем были изучены регионы, с которыми были связаны жизнь и деятельность Ф.Ф. Ушакова. Основное внимание уделено составу населения (социальным группам), его социальной и культурной средам и материальным объектам эпохи. Детальному исследованию подверглись особенности жизни и ведения хозяйства, образование, обычаи, нравы, поведение, вероисповедание и тому подобные.

Результаты научных исследований в определенной степени были закреплены с помощью методов «полевых» исследований во время специальных поездок (экспедиций). В большей степени это коснулось места рождения адмирала – деревне. Бурнаково и прилегающее к нему село Хопылево, г. Севастополя и места, где Ф.Ф. Ушаков провел последние годы своей жизни – г. Темников и Санаксарский монастырь. При этом использовались разные приемы, обеспечивающие объективность собранных материалов. Это выборочное и сплошное обследование. Первое дало возможность более углубленно обследовать избранные объекты (конкретный дом, храм и тому подобное); второе – все объекты подряд: например, все

постройки данной местности (усадьбы, храмы, дороги). Это, в частности, дало возможность реконструировать план дома и родовой усадьбы Ушаковых в деревне Бурнаково и, с помощью музейных экспонатов и экспозиций, методом аналогий воссоздать уклад жизни и быт семьи Ушаковых. Кроме того, это позволило составить суждение о влиянии этих факторов на формирование личности будущего адмирала.

С использованием методов физической антропологии, в частности методом антропологической реконструкции, сотрудниками отдела идентификации личности Российского центра судебно-медицинской экспертизы Минздрава РФ под руководством профессора В.Н. Звягина и при участии соискателя, было проведено исследование по идентификации личности и реконструкции внешнего облика и физического здоровья Ф.Ф. Ушакова. Результаты антропологических исследований, в свою очередь, были использованы автором для составления психологического портрета флотоводца.

Кроме того, проведено исследование по подтверждению места рождения, документально установленного диссертантом. Методика исследования по данному методу заключалась в том, что почва каждой местности имеет свой неповторимый биохимический состав, отраженный в соответствующих почвенно-геохимических картах. Если человек первые 16 лет своей жизни прожил в определенной местности, то химический состав его костного скелета идентичен химическому составу почвы этой местности. Исследование подтвердило выявленные диссертантом данные о месте рождения флотоводца.

Среди методов культурной антропологии автором использованы также и положения этнопсихологического направления, в основе которых лежат идеи З. Фрейда и Э. Эриксона о том, что структура личности складывается в детстве в результате «опытов детства», где личностные аспекты рассматриваются в зависимости от детских впечатлений и бессознательных желаний субъекта.

В современной психологии изучение личности в истории является слабо разработанной областью. Однако для настоящего исследования вполне

приемлемым оказался комплексный метод изучения исторических персоналий, построенный на методологической основе комплексного подхода, разработанного в конце 1960-х гг. Б.Г. Ананьевым.

Основным использованным приемом данного метода явился психолого-биографический анализ, направленный на изучение диссертантом жизненного пути Ф.Ф. Ушакова, который включает в себя:

1) изучение биографий Ф.Ф. Ушакова, составленных различными авторами, с целью:

– воссоздания картины прошлого и проведения событийного анализа жизненного пути флотоводца;

– выделения факторов, повлиявших на его становление и развитие на всем протяжении его биографии (семьи, родственников, педагогов, сослуживцев, начальства);

– выделения кризисных моментов в жизни личности, характеризующих психологическую устойчивость адмирала, и его способность находить выход из кризисных ситуаций;

2) воспоминания современников и ближайшего окружения Ф.Ф. Ушакова для отражения различных аспектов его личности: особенностей характера, когнитивной, эмоциональной и поведенческой сфер;

3) письменное наследие (приказы, письма) Ф.Ф. Ушакова как источники, отражающие особенности его внутреннего мира, самооценочные компоненты, его жизненную позицию, внутренние противоречия, взгляды, установки и идеалы;

4) изучение медико-клинических данных о состоянии здоровья, так как данный фактор оказывал влияние и на саму личность, и на ее деятельность, и на результаты деятельности.

На основании обобщения полученных данных произведена реконструкция психологических характеристик и особенностей личности Ф.Ф. Ушакова.

В диссертационном исследовании использованы подходы и методы теории личности и теории социализации личности.

В качестве теоретико-методологических посылок автор определил несколько направлений в большом многообразии теорий личности. Прежде всего, интеракционистские теории, которые основаны на принципе взаимодействия внутренних и внешних факторов в управлении актуальными действиями человека; динамические теории, рассматривающие личность в развитии; теории, рассматривающие личность в рамках возрастной психологии; теории черт, гуманистические теории и другие.

Опора на теорию социализации личности и, прежде всего, культурологическую концепцию человека, была вызвана тем, что сама социализация представляет собой двусторонний процесс: с одной стороны, она включает в себя усвоение индивидом (Ф.Ф. Ушаковым) социального опыта путем вхождения его в социальную среду, систему социальных связей, а с другой – процесс активного воспроизводства системы социальных связей индивидом за счет его активной деятельности. Другими словами, теория социализации дала возможность исследования личности Ф.Ф. Ушакова на всех стадиях жизнедеятельности: в периоды формирования, активной деятельности и усвоения его опыта другими поколениями. Она позволила проследить, как Ф.Ф. Ушаков усваивал социальный опыт и преобразовывал его в собственные ценности, установки, ориентации и далее активно применял их для преобразовательской деятельности, результатом которой явилась не просто как бы «прибавка» к существующему опыту, а его воспроизводство.

Существенное внимание было уделено и обобщениям на теоретическом уровне – формулированию выводов и уроков из опыта деятельности адмирала Ф.Ф. Ушакова, которые могут служить отправными методологическими пунктами на последующих исследованиях, основой научного предвидения и военно-патриотического воспитания граждан.

Выводы по главе

Проведенный историографический анализ показал, что, несмотря на широкую известность личности адмирала Ф.Ф. Ушакова, множество научных трудов и публикаций о его жизни и деятельности, опыт боевой и военно-государственной деятельности флотоводца не нашел в отечественной историографии должного научного обобщения и достоверных выводов.

Наиболее значимые с научно-познавательной точки зрения работы были написаны в XIX – начале XX в. К ним, прежде всего, относятся труды А.В. Висковатого, Р.К. Скаловского, В.П. Ильинского, Н.Л. Кладо.

Взгляды Н.М. Кробкова, Р.Н. Мордвинова, В.Ф. Носова и ряда других авторов в 1940–1950-х гг. сформировали не разрешенное до настоящего времени противоречие во взглядах отечественных историков на вклад Ф.Ф. Ушакова в развитие военно-морского искусства.

Наиболее объективный взгляд на деятельность адмирала Ф.Ф. Ушакова характерен трудам авторов второй половины XX в., таким как А.М. Станиславская, А.Г. Сацкий, В.Ю. Грибовский.

Тем не менее, приходится констатировать, что на сегодняшний день не существует комплексного, научно-обоснованного исследования о влиянии деятельности адмирала Ф.Ф. Ушакова на строительство отечественного флота и развитие военно-морского искусства.

Для исследования проблемы автором привлечено значительное количество архивных материалов, многие из которых впервые введены в научный оборот. Кроме того, в диссертации широко использованы другие документальные источники, позволяющие в полной мере раскрыть тему исследования и решить обозначенную научную проблему.

Избранная теоретико-методологическая основа исследования, базирующаяся на полидисциплинарном подходе, позволила автору последовательно рассмотреть содержание предмета исследования, выявить сущность и причинно-следственные связи событий в их исторической

перспективе, показать роль и место личности Ф.Ф. Ушакова в истории отечественного флота и государства, решить научную проблему и обеспечить получение необходимых достоверных научных результатов.

Глава 2. ФОРМИРОВАНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ Ф.Ф. УШАКОВА

2.1. Формирование личности Ф.Ф. Ушакова

Формирование личности является первым и наиболее важным этапом психического развития человека, его активного вхождения в социальную среду общества, определяющим поведенческую мотивацию субъекта на всю последующую жизнь. Исследование данного процесса поможет более полно раскрыть степень влияния его личностных качеств на результаты деятельности.

В процессе формирования личности Ф.Ф. Ушакова соискатель выделяет два этапа: 1-й – ранняя социализация – от рождения до поступления в Морской шляхетный кадетский корпус (1745–1761 гг.), в ходе которого происходило установление иерархии мотивов, соотнесение непосредственных побуждений с социальными критериями, и 2-й – формирование в процессе обучения в корпусе (1761–1766 гг.), связанный с осознанием мотивов своего поведения, возможностью самовоспитания и последующего сдвига мотива на цель.

Для исследования соискатель использует как методику влияния различных сфер жизни общества на формирование личности будущего флотоводца (прежде всего, политической, экономической, социальной и духовной), так и методы культурной антропологии – влияния социокультурной среды обитания индивида.

Весь XVIII в. был отмечен сложной внутриполитической и внешнеполитической обстановкой, неравномерным ростом экономического развития, социальным неравенством в обществе, вместе с тем единым духовным началом – православной верой.

Беспрерывные войны, которая вела Россия с начала века, требовали подчинения государственным интересам всех сфер жизни общества. Решение задач внешней политики определяли внутриполитические задачи, в том числе и

экономики. Политическая и экономическая сферы оказывали существенное влияние на социальную и, отчасти, на духовную сферы, которые в совокупности определяли весь уклад жизни российского общества.

Для ведения войн требовались значительные материальные и людские ресурсы. В этой связи остро стоял вопрос с подготовкой военных кадров и особенно его командного звена. Неслучайно еще Петром I подготовка командных кадров для армии и флота была возведена в ранг государственной политики и легла бременем на дворянское сословие. В этом состояло основное влияние политической сферы жизни общества на социальную, в которой и происходило формирование личности человека, в том числе и Федора Ушакова.

Сословность издревле занимала главенствующее место в системе социальных отношений в России. Происхождение, кровь родителей во многом изначально определяли судьбу человека, его права и положение в обществе[1].

Определяя место рода Ушаковых в социальной структуре российского государства, установлено, что он был известен на Руси с XIII в. Из этого рода многие служили Всероссийскому престолу в разных чинах и жалованы были от государей вотчинами. В процессе исследования выявлено, что один из потомков этого рода – Дмитрий Калиныч Ушаков в XVII в. по разряду был написан в дворянских списках, и за ним значились поместья в Романовском уезде, в сельце Бурнакове с деревнями[2]. В конце XVII в. Бурнаково по наследству досталось его сыну, а затем внуку – Игнатию Васильевичу, определенному по высочайшему повелению к «соляным сборам» в Ярославской провинции[3]. К этому времени романовский род Ушаковых обеднел, и в документах происходящие из него считались «не от славных боляр»[4], то есть малоземельные и небогатые дворяне.

---

[1] См.: *Лакиер А.* Русская геральдика. Книга 2. СПб., 1855. С. 327–344.

[2] РГИА. Ф. 1343. Оп. 30. Д. 4573. Л. 2–2 об.

[3] РГАДА. Ф. 286. Оп. 1 Д. 473. Л. 32.

[4] Житие преподобного отца нашего Феодора восстановителя и честного настоятеля Санаксарского монастыря… / Ярославские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1890. № 21. Ст. 321.

По исповедальным ведомостям приходского храма Богоявления-на-Острову[1], метрическим книгам[2], документам Департамента Герольдии и Ярославского дворянского депутатского собрания[3], документам Морского кадетского корпуса[4], послужным спискам[5] и документам о прохождении службы[6] полностью восстановлена родословная Ушаковых и составлено жизнеописание каждого представителя этого рода (Приложения 2–5).

Установлено, что отец Ф.Ф. Ушакова – Федор Игнатьевич (как и его родные братья Сила и Иван) 27 июня* 1727 г. был определен в воинскую службу лейб-гвардии Преображенского полка в 9-ю роту мушкетером[7]. При этом следует заметить, что служба в гвардии для мелкопоместного дворянина считалась привилегией, так как по указу Петра I от 7 марта 1721 г. в гвардию определяли только недорослей знатного шляхетства, а прочих – в другие полки[8]. 20 февраля 1747 г. Федор Игнатьев был уволен со службы с награждением сержантским чином лейб-гвардии[9], вернулся в родовое имение и посвятил себя воспитанию детей.

Есть основания полагать, что Ф.Ф. Ушаков мало знал об истории своего рода и о своих предках. Подтверждение этому можно найти в его ранней автобиографии («сказке недоросля Феодора Ушакова») 1761 г., в которой говорилось: «А показанные крестьяне предков ево родных; а на дворянство предков ево герба и на деревни жалованных грамот он не имеет, а более о

---

1 ГАЯО. Филиал в г. Рыбинске. Ф. 432. Оп. 9. Д. 2, 3, 4, 6, 40, 41, 47, 49, 54, 56, 59, 77, 81, 93, 98, 123, 139, 144, 168, 177, 181, 200; Ф. 36. Оп. 1. Д. 3617, 3945, 4161, 4194.

2 ГАЯО. Филиал в г. Ростове. Ф. 197. Оп. 1. Д. 17, 21, 43, 46, 87, 186, 364, 659, 781, 809, 994, 974, 1111, 1168, 1209, 1329, 1360, 1475, 1938, 3336, 3341, 3579, 3763, 4060, 4334, 4524, 4691, 5038, 6068, 6712, 7016, 7376, 7646, 7836, 7875, 8127; Оп. 2. Д. 1575, 1837, 1972, 2227.

3 ГАЯО. Ф. 213. Оп. 1. Д. 3002, 3008, 4198, 4206.

4 РГА ВМФ. Ф. 432. Оп. 5. Д. 335, 336, 1076,1861, 2078, 3721,4159, 4568.

5 Там же. Ф. 406. Оп. 7. Д. 31, 36, 169, 178, 185.

6 РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 47, 66, 81, 84, 100, 111, 139, 142, 144, 148, 158, 168, 171, 183, 195, 220, 244.

* Все даты указаны по старому стилю. Международные акты и договоры, а также другие события всемирной истории приводятся в двойной датировке.

7 РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 244. Л. 4, 36, 39 об.

8 Указы блаженныя и вечнодостойныя памяти Государя Императора Петра Великого, состоявшимся с 1714 по генваря 28 дня 1725 г. СПб., 1739. С. 286–287.

9 РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 335. Л. 49 об.

дворянстве своем, в силу Табели о рангах 16 пункта, доказать чем не знает»[1]. Тем не менее, выявленные факты из истории рода Ушаковых дают полное представление о социальном статусе Ф.Ф. Ушакова.

При исследовании соискателем принято во внимание одно из важнейших положений культурной антропологии о взаимосвязи общества и географической среды. В этой связи принципиальное значение имеет место рождения человека, так как связь с родной землей является одной из важнейших связей человека с окружающим миром, в том числе культурной и социальной средой.

В исследовании изучению вопроса даты и места рождения Ф.Ф. Ушакова было уделено особое внимание. При проведении историографического анализа проблемы уже было отмечено, что до конца XX в. данный вопрос был фактически не изучен. Энциклопедические и справочные издания давали противоречивые сведения[2]. В научно-популярной литературе утвердилось мнение о рождении Ф.Ф. Ушакова в деревне Алексеевка Темниковского уезда Тамбовской губернии[3]. Дата рождения указывалась лишь приблизительно: 1743 г.[4]; 1744–1745 гг.; 1752 гг.[5]

В результате архивных поисков автору удалось выявить метрическую книгу церкви Богоявления-на-Острову Романовского уезда Ярославской провинции (совр. Рыбинский район Ярославской обл.) с записью о рождении Ф.Ф. Ушакова – 13 февраля 1745 г. в сельце Бурнаково (Приложение 9).

Процесс формирования личности Ф.Ф. Ушакова происходил в конкретной географической, этно- и социокультурной среде, каждая из сторон которой оказывала на него и весь окружающий социум определенное влияние.

---

[1] РГАДА. Ф. 286. Оп. 2. Д. 499. Л. 549.

[2] Большая Советская энциклопедия. М., 1956. Т. 44. С. 466; Советская военная энциклопедия. М., 1980. Т. 8. С. 242.

[3] *Скаловский Р.К.* Жизнь адмирала Федора Федоровича Ушакова. СПб., 1856. Ч. 1. С. 4, 5; *Снегирев В.А.* Адмирал Ушаков. Очерк жизни и деятельности великого русского флотоводца. М.: Воениздат, 1943. С. 5; *Корниенко Д.И.* Великий русский флотоводец адмирал Ф.Ф. Ушаков. М.: Изд. Правда», 1951. С. 5; *Носов Ф.В.* Адмирал Ушаков. Л., 1955. С. 36. и другие.

[4] *Бантыш-Каменский Д.Н.* Словарь достопамятных людей… М., 1836. Ч. 5. С. 187.

[5] *Шторм. Г.П.* Страницы морской славы. М., 1954. С. 15.

Так климат во многом определял особенности одежды (холщевая летом, меховая зимой), жилища (дерево, кирпич), набор возделываемых сельскохозяйственных культур (рожь, овес), транспортные средства в различные времена года (телега, сани) и так далее. Почва, рельеф и гидрография оказывали влияние на характер трудовой деятельности (ремесло и торговля), особенно в сельскохозяйственной сфере (землепашество, скотоводство, рыболовство). Кроме того, на основании положений физической антропологии можно утверждать, что биохимический состав почвы и воды напрямую повлиял на состав скелета Ф.Ф. Ушакова и его физическое здоровье, которое, на основании последних антропологических и медико-биологических исследований, нельзя было назвать крепким.

Согласно результатам последних исследований (с учетом вновь обретенных частей скелета в 2010 г.), он был среднего роста (167,34 – 169 см.)[1], широкоплеч, тонкого (грациозного) телосложения со слабым или средним развитием мускулатуры и с детства имел заболевание опорно-двигательного аппарата (частичный асептический некроз головки правой бедренной кости)[2]. Эти исследования опровергли домыслы о большой физической силе адмирала, будто бы он гнул на шее ломы и пальцами сгибал медные монеты[3].

Кроме того, по мнению соискателя, географическая среда, запечатлевшаяся в сознании Ф.Ф. Ушакова в виде представления о «родной земле» (родовое сельцо Бурнаково, река Волга, храм Богоявления-на-Острову) оказала определенное влияние на национальное самосознание.

Стремление Петра I реформировать государственное устройство, придав ему вид хорошо отлаженного «механизма», привело к подчинению социальной и духовной сферы жизни общества политической и экономической. Система подготовки просвещенных людей «железною рукою», введенная в России

---

[1] *Звягин В.Н.* Адмирал Ушаков: «посмертная судьба» останков // Рыбная слобода. 2014. № 1. С. 13.

[2] *Звягин В.Н. и др.* Исследование скелета адмирала Ф.Ф. Ушакова // Судебно-медицинская экспертиза. 2002. № 2. С. 24.

[3] *Веселаго Ф.Ф.* Морские училища при Петре Великом // Записки Гидрографического департамента. 1848. Ч. VI. С. 369.

царем-реформатором, определяла род будущей деятельности (военная или гражданская) малолетнего дворянина с момента его рождения.

Герольдии Сената вменялось в обязанность «ведать дворянство всего государства, высших и низших, прежних и вновь установленных военных, гражданских и придворных чинов». Для этих целей были составлены списки трех родов:

1) генеральные, именные и порознь по чинам;

2) кто из дворян к делам годится, кто в какой должности находится;

3) сколько у кого детей и каких лет[1].

По спискам герольдмейстер обязан был следить за тем, чтобы дворяне не укрывались от службы под страхом лишения имений и «живота». Поэтому все дворянские недоросли по достижении определенного возраста должны были являться в герольдмейстерские конторы Сената для смотра, где их или определяли на военную службу, или отправляли по домам для дальнейшего обучения[2].

Анализ законодательных актов показал, что система учета дворянских недорослей имела направленность в сторону ужесточения. Так Указом 1736 г. подтверждалось представление недорослей в герольдмейстерские конторы Сената. В нем, в частности, говорилось: «Мы указали, дабы офицерские и дворянские и всех вышеописанных служилых людей дети от семи лет и выше… явились в Санктпербурге у герольдмейстера, а в Москве в сенатской конторе.., годных в службу определять в армейские или гарнизонные полки по их желаниям, а малолетних записывать в школы и обучать грамоте и прочим наукам»[3]. Указом императрицы Елизаветы Петровны от 13 мая 1754 г. недорослей, своевременно не явившихся на смотр, «за утайку себе лет и за необучение наукам», надлежало навечно писать в матросы и солдаты. В марте 1760 г. последовал указ Сената «О присылке из всех губерний в Герольдию ведомостей о штаб-, обер- и унтер-офицерах и дворянах, умерших, выбылых и

[1] *Лакиер А.* Русская геральдика. СПб., 1855. С. 349, 350.
[2] Указы Петра Великого... С. 630.
[3] ПСЗ РИ. Т. IX. № 6949. С. 807.

новорожденных, о находящихся при делах, об отставных вовсе и о их детях». В январе следующего года последовал еще более жесткий указ, требующий непременного представления недорослей, имеющих за отцами их более 20 душ к смотру в Санкт-Петербург или в Москву, дабы «не остались без укомплектования дворянством полки лейб-гвардии, также сухопутный, морской, артиллерийский и инженерный корпусы и армейские полки»[1]. В соответствии с существующим законодательством, в 1759 г. Ф.И. Ушаков представил на первый смотр своего сына Федора в герольдмейстерскую контору, после чего он был отправлен домой для продолжения учебы[2].

Процесс обучения детей провинциального дворянства, происходил, как правило, при монастырях, храмах и других церковных учреждениях. Такая система сложилась с древних времен. Однако, если в древности целью обучения выступало приобщение человека к Богу, направление его «на путь истинный», «на путь спасения», то, начиная с Петра I, основой стало светское обучение, а духовно-нравственная сторона этого процесса носила уже подчиненный характер*.

Используя метод аналогий, с большой долей вероятности можно предположить, что домашнее обучение и, в определенной степени, воспитание Федора Ушакова происходило в Богоявленском островском монастыре, расположенном в трех верстах от Бурнакова, и было подчинено подготовке к поступлению в военно-учебное заведение и духовно-нравственному воспитанию.

---

[1] ПСЗ РИ. Т. XV. № 11.043. С. 454; № 11.197. С. 637.

[2] РГАДА. Ф. 286. Оп. 2. Д. 499. Л. 549.

* В 1714 г. Указом Петра I во всех губерниях при архиерейских домах и знатных монастырях были созданы школы для дворянских, приказного чина дьячих и подьячих детей от десяти до пятнадцати лет (См.: Указы Петра Великого. С. 1.). Одновременно генерал-адмиралу Ф.М. Апраксину было указано, в каждую губернию, к тем школам, направить по два человека, «разумеющих географию и геометрию» (См.: Указы Петра Великого. С. 45.). Сами же школы были подчинены директору Морской академии Г.Г. Скорнякову-Писареву. Особое внимание уделялось созданию таких школ в Москве, Ярославле, Костроме, Пскове и Новгороде. Не случайно в Морскую академию назначались преимущественно дворяне новгородские, псковские, ярославские и костромские, «яко живущие у водных сообщений».

В процессе домашнего обучения перед недорослями ставилась задача овладения грамотой, основам математики (грамоте и счету), географии и священной истории.

Анализ мемуарных источников позволяет судить о том, что обучение грамоте и чтению проходило, в основном, по примитивным учебникам-азбукам. Одновременно с этим изучалась «священная история» (катехизис) и Закон Божий. Знания обучаемых закреплялись на церковных службах при чтении псалмов и песнопении. Режим обучения и отношение учителей к обучаемым были достаточно строгими, с часто употребляемыми наказаниями, в том числе и телесными[1].

В детском возрасте, при вхождении ребенка в социальную среду, по оценке многих психологов, очень важным является процесс чувственного (эмоционального) познания окружающего мира. Предшествуя познанию рациональному (умственному), эта первая стадия закладывает основы формирования духовного и нравственного облика человека, и в целом его мировоззрения. Определяющую роль в деле воспитания в XVIII в. играли семья, церковь и культурные традиции. Поэтому в определении влияния духовной сферы жизни общества и социокультурной среды в целом на формирование личности Федора Ушакова соискатель рассматривает семейный, религиозный и социокультурный факторы.

Наиболее существенное влияние на формирование личности оказывали родовые (семейные) связи. В этой связи в ходе исследования установлено, что процесс воспитания Федора Ушакова проходил в традиционной большой дворянской семье, в которую входили его дед Игнатий Васильевич с бабкой Прасковьей Ивановной, родной дядя Сила Игнатьевич с семьей, отец Федор Игнатьевич с матерью Прасковьей Никитичной, родными и двоюродными

[1] См.: *Григорьев И.Г.* Современные записки надворного советника Ивана Григорьевича Григорьева, им самим написанные. СПб., 1802; *Данилов М.В.* Записки // Русский архив, 1883. Кн. 2. Вып. 3. С. 1–67; *Брусилов Н.П.* Воспоминания // Исторический вестник, 1893. Т. 52. № 4. С. 37–71; *Глинка С.Н.* Записки. СПб., 1895; *Стогов Э.И.* Записки // Русская старина, 1903. Т. 113. № 1. С. 131–148; *Комаровский Е.Ф.* Записки графа Е. Ф. К. СПб., 1914.

братьями и сестрами[1]. Вполне закономерно, что Федор находился в полной зависимости от той обстановки, духовной и нравственной атмосферы, которая окружала его с первых дней жизни. И именно здесь начался сложный и важный процесс идентификации его личности, физического, интеллектуального (умственного), духовного и нравственного возрастания. Он начался с ранних лет и проявлялся в бессознательном подражании родителям, родственникам и страшим братьям в манерах, речи, одежде, занятиях, с постепенным усвоением внутреннего содержания и черт старшего поколения.

Семейному воспитанию дворянских детей в России в средине XVIII в., придавалось большое значение, о чем свидетельствует ряд исследованных документальных источников[2]. При этом, как правило, воспитание было религиозным[3]. Как показало исследование, не исключением была и семья Ушаковых. То есть первостепенное внимание уделялось формированию духовных качеств, о чем А.А. Беляев (впоследствии священномученик Августин) писал: «Благодаря именно религиозному воспитанию в семье все познания ребенка о себе самом и о внешнем мире как бы концентрируются в религии»[4].

Необходимо отметить, что под духовностью в XVIII в. понимали производное от понятия «дух», который, согласно православному вероучению, есть та сила, которую Бог вдохнул в человека, завершая его сотворение. С понятием «дух» олицетворялась «искра богоподобия, горящая в душе

---

[1] ГАЯО. Филиал в г. Рыбинск. Ф. 432. Оп. 9. Д. 2. Л. 1, 1об.

[2] *Ильинский Н.С.* Воспоминания моей жизни // Русский архив, 1879. Кн. 3. Вып. 12. С. 377–434; *Степанов А.П.* Страничка из истории воспитания в России конца прошлого века. Из воспоминаний //Русская школа, 1891 № 1. С. 9–27.

[3] Отец и патриот. Религиозно-нравственное наставление отца к сыну. XVIII в. Без указания места и года издания; Священная история Ветхого и Нового завета с выбранными от святых отцов истолкованиями к исправлению нравов каждого христианина полезнейшими / Пер. с греч. СПб., 1763; *Теплов Г.Н.* Наставление к сыну. СПб., 1768; Стязи благонравия или Нравоучительные рассуждения. М., 1791; Наставление отца к сыну о познании Бога и самого себя, от чего человек имеет свои несовершенства, которые ведут к порокам и всем слабостям, и как от оных надлежит сохранять себя. СПб., 1798.

[4] *Беляев А.А.* Значение религии в деле воспитания // Духовное обозрение «Реутов православный». 2004. № 4. С. 56.

человеческой, возвышая ее безмерно надо всякой земной тварью»[1]. Поэтому целью духовно-нравственного воспитания того времени являлось воспитание человека в вере, что достигалось как путем познания (изучения священной истории и Закона Божия), так и путем православного образа жизни (соблюдения заповедей и участия в церковной жизни). В ходе воспитательного процесса Федору Ушакову прививались такие базисные понятия как «истина» и «добро», «стыд» и «совесть», формирующие мировоззрение православного человека.

Основные усилия учителей (родителей и священнослужителей) были направлены на то, чтобы помочь ребенку овладевать христианскими добродетелями, сверять свои дела и помыслы с христианской нравственностью, что достигалось воспитанием в ребенке потребности в вере. Такой подход, вне зависимости от социального положения индивида, как для дворянина, так и для простолюдина, помогал человеку встать «на путь истинный», не затрагивая вопросов его профессиональной подготовки.

Как показывает анализ воспоминаний современников, в православной традиции приоритет в воспитании отдавался второму пути – православному образу жизни (доброделанию). «Рассудочное познание» при этом занимало подчиненную роль, как «внешнее» по сравнению с «внутренним».

Исследование ранней биографии Ф.Ф. Ушакова позволило установить многочисленные факты его активного участия в церковной жизни. А именно: в крещении, исповедях, причастии и других церковных таинствах (обрядах)[2], которые, с точки зрения диссертанта, выступали как мощные и эффективные средства, воздействующие на его эмоции и волю. Так молитвы помогали научиться вырабатывать нужный душевный настрой; исповеди приучали к самоанализу, к мысли о неотвратимости наказания за грехи и проступки, к покаянию; посты, епитимьи, телесные наказания помогали укрощать плоть, смирять гордыню, вырабатывать стойкость.

---

[1] *Митрополит Иоанн (Снычев)*. Посох духовный. СПб., 2000. С. 398.

[2] Филиал ГАЯО в г. Ростов. Ф. 197. Оп. 1. Д. 994. Л. 19; Д. 1209. Л. 26; Д. 1360. Л. 52; Д. 1475. Л. 83; Д. 1938. Л. 2.

Посещение и обследование соискателем во время экспедиций («полевых» исследований) храмов XVIII века, сохранившихся в Рыбинском и Тутаевском (Романовском) районах Ярославской области, в том числе и церкви Богоявления-на-Острову, дает основание говорить еще об одной форме духовно-нравственного воспитания – почитание святых земли Ярославской: благоверных князей Феодора Ярославского и Александра Невского, преподобных Иринарха, Сергия Радонежского, Димитрия, Авраамия и Леонтия Ростовских и многих других. Сравнительный анализ показывает, что в храмовых настенных росписях часто встречающимися являются изображения указанных святых, в их честь отмечались и храмовые престольные праздники, что говорит о их особом (сугубом) почитании на Ярославской земле. На примере их праведной жизни воспитывались прихожане всей Ростово-Ярославской епархии, в том числе и Федор Ушаков.

Важность церковного почитания святых в деле духовно-нравственного воспитания заключалось и заключается в том, что процесс духовного совершенствования невозможен без осознания нравственных горизонтов и духовных идеалов. Сравнение своего «Я» с идеалом, какими являлись указанные подвижники благочестия, приводило к выявлению собственных пороков и уровня своего духовного несовершенства.

По оценке автора, искреннее восприятие Бога Федором Ушаковым в его детском сознанием воспитало в нем высоконравственные чувства и расположило его, с одной стороны, к совестливому отношению к людям, а с другой – к мужественным поступкам.

Подтверждение этой оценки соискатель находит у Р.К. Скаловского, который, в частности, отмечал: «До 16-летнего возраста Ушаков провел жизнь в уединенной деревне отца своего, предоставленный более самому себе, нежели кем-либо руководимый; но строгая нравственность и высокие религиозные чувства, возбужденные примерами его семейства, отличающегося особенною

праведностию и набожностию, глубоко напечатались в его сердце и сохранились во всю последующую жизнь»[1].

Другие исследователи жизни адмирала также отмечали: «К вере отцов своих Федор Федорович оказывал чрезвычайную приверженность: каждый день слушал заутреню, обедню, вечерню и перед молитвами никогда не занимался рассматриванием дел военно-судных; а, произнося приговор, щадил мужа, отца семейства многочисленного, исполненный доброты необыкновенной...»[2].

Дополнительным подтверждением выдвинутого положения могут служить многочисленные документально установленные факты (донесения, приказы и письма Ф.Ф. Ушакова). Так в письме Г.А. Потемкину от 12 июля 1788 г. он отмечал: «Милостивейший государь, я не имею никакого себе покровительства, кроме надежды на Бога»[3].

Еще одним примером высокой духовности (в понимании XVIII в.) и нравственности Ф.Ф. Ушакова может служить его письмо к Г.А. Потемкину: «Бог всем им (недоброжелателям. – *Авт*.) заплатит по достоинству, а я имею верную на Него надежду, что Он меня милостию Своею пред Вашим Сиятельством оправдает, и я оную заслужу и с тем останусь. Я не пекусь об удержании моего места, но единственно об одной справедливости и о удержании имени честного человека, чем бы я ни был»[4].

Влияние на процесс формирования личности Ф.Ф. Ушакова социокультурной среды соискатель считает противоречивым. С одной стороны – положительное влияние существовавших культурных традиций и народных обрядов, а с другой – отрицательное влияние обычаев и нравов.

Анализ выявленных фактов из жизни ярославских помещиков, предков и дальних родственников адмирала позволяет говорить о существовании в Романовском уезде (как, впрочем, и по всей России) достаточно суровых

---

[1] *Скаловский Р.К.* Указ. соч. С. 6.
[2] *Бантыш-Каменский Д.Н.* Указ. соч. С. 197.
[3] Материалы для истории Русского флота. Ч. XV. С. 257.
[4] Там же. С. 397, 398.

нравов[1]. Нередкими были случаи избиения помещиками дворовых людей и крепостных крестьян. Телесным наказаниям регулярно подвергались и дворянские дети. Можно смело утверждать, что ивовый прут в то время являлся непременным атрибутом в детском воспитании.

Однако автор полагает, что своеобразной «прививкой» к восприятию безнравственных примеров в быту, явились высокие духовно-нравственные качества Ф.Ф. Ушакова, заложенные в процессе воспитания, в ходе которого стремление к совестливому отношению к людям, к добру и справедливости, победило наклонность к пороку.

Противоположный пример выявлен соискателем в жизни родного брата адмирала – Степана, который уже в зрелом возрасте был осужден за жестокое обращение с крепостными[2]. Вместе с тем, на взгляд автора, этот факт говорит не о порочности существовавшей в семье Ушаковых системы воспитания, а субъективной наклонности Степана Ушакова к пороку и отрицательного влияния социальной среды. Подтверждением может служить другой пример из семьи Ушаковых – жизнь и духовные подвиги родного брата отца Федора Федоровича – Ивана Игнатьевича Ушакова, ставшего одним из выдающихся подвижников Русской Православной Церкви – святым преподобным Феодором Санаксарским. Он начал свой подвижнический монашеский подвиг еще в детские годы Федора Ушакова и оставил после себя глубокое духовное наследие[3].

Диссертант предполагает, что пример духовной жизни отца Феодора оказал существенное влияние на Ф.Ф. Ушакова. Неслучайно поэтому в 1810 г. отставной адмирал переехал из С.-Петербурга, где он имел безбедное существование и благосклонность монарха, в глухую деревню в Тамбовской

---

[1] *Листвицын В.И.* Юридические акты. Из собрания тридцати трех явочных челобитий и двух отпускных // Ярославские губернские ведомости. Часть неофициальная, 1854. № 46. С. 379.

[2] ГАЯО. Ф. 72. Оп. 2. Д. 1849. Л. 1–3; Оп. 3. Д. 100. Л. 28; Ф. 170. Оп. 2. Д. 481. Л. 21–24; Д. 902, Л. 1–8.

[3] Преподобный *Феодор Санаксарский.* Наставления духовным чадам / Сост. иеромонах *Венедикт Кулешов*. Рождество-Богородичный Санаксарский монастырь. 2009.

губернии близ Санаксарского монастыря, восстановителем которой был отец Феодор. В этой связи есть основания полагать, что в раннем возрасте образец-объектом идентификации для Федора Федоровича стал именно Иван Игнатьевич.

На основании проведенного исследования первого этапа формирования личности Ф.Ф. Ушакова на стадии ранней социализации можно утверждать, что семейное (домашнее) обучение и воспитание заложили в нем основы христианского мировоззрения, что оказало определяющее влияние на дальнейший процесс формирования его личности. Научная реконструкция данного процесса дала возможность выявить стремление к духовному и нравственному совершенствованию Федора Ушакова, что является своеобразным ключом в понимании мотивации его поступков и действий в последующей жизни и деятельности.

Дальнейший процесс формирования Ф.Ф. Ушакова происходил в период его обучения в Морском шляхетном кадетском корпусе (1761–1766 гг.). Из документов явствует, что 7 февраля 1761 г. он был представлен на второй смотр[1]. Через неделю после второго смотра, 15 февраля, принят в Морской корпус[2].

Для более полного понимания процесса дальнейшего формирования личности и становления Ф.Ф. Ушакова как военного моряка диссертант считает необходимым коротко осветить историю, организационную структуру и систему подготовки в Морском шляхетном кадетском корпусе, и проанализировать, каким образом указанные факторы повлияли на изучаемый объект.

Корпус был образован императрицей Елизаветой Петровной в 1752 г., но свое основание вел от московской школы математических и навигатских наук, созданной Петром I в 1701 г. За полвека своего существования Школа претерпела ряд преобразований. 1 октября 1715 г. на базе старших классов

[1] РГАДА. Ф. 286. Оп. 2. Д. 499. Л. 549.
[2] Общий морской список. СПб., 1890. Ч. V. С. 248.

Навигатской школы в Санкт-Петербурге была создана Морская академия. Здесь же, преобразованный из Морской академии, располагался Морской шляхетный кадетский корпус. Московское корабельное училище, находившееся в Сухаревой башне, также поступило в состав Морского шляхетного кадетского корпуса. Императрица Елизавета повелела устроить Корпус по образцу Сухопутного[1].

По утвержденному штату в Корпусе обучалось 360 кадет и гардемарин и 30 геодезистов «с приличным числом учителей, мастеров, подмастерьев и учеников»[2]. В строевом отношении воспитанники были разделены на 3 роты, а в учебном – на 3 класса по 120 чел. Воспитанники 1 класса изучали высшие «морские науки» и назывались гардемаринами. Во 2-м классе проходили навигацию и начинали изучать другие науки. Их именовали кадетами 2-го класса. В 3-м классе были кадеты 3-го класса, изучавшие тригонометрию и другие несложные науки. Из одного класса в другой переводили по экзамену только на открывающиеся вакансии[3].

Каждая рота состояла из 40 гардемарин, 40 кадет 2-го класса и 40 кадет 3-го класса. Из гардемарин, лучших по успеваемости, выбирали в каждой роте каптенармуса, подпрапорщика, фурьера, 4 сержантов, 4 капралов и 8 ефрейторов[4].

Все обучаемые были однородны по социальному составу – дворяне, что нашло отражение даже в названии корпуса (шляхетный), но разного имущественного положения, что негативным образом сказывалось на взаимоотношениях воспитанников.

На качество преподавания дисциплин существенное влияние оказывал подбор преподавательского состава. К моменту поступления Федора Ушакова в Корпусе преподавали многие известные педагоги своего времени: геодезист капитан А.Д. Красильников, с большой точностью определивший координаты

[1] *Веселаго Ф.Ф.* Очерк истории Морского кадетского корпуса с приложением списка воспитанников за 100 лет. СПб., 1852. С. 115, 120.

[2] *Берх В.* Жизнеописания первых российских адмиралов. СПб., 1836. Ч. 4. С. 32, 33.

[3] *Веселаго Ф.Ф.* Указ. соч. С. 117.

[4] Там же. С. 118.

многих мест в Сибири; В.И. Никитин и П.И. Суворов, первые из российских ученых получившие звание магистров Эдинбургского университета; математик Н.И. Курганов – издатель «Универсальной арифметики» – первого русского общедоступного руководства, основанного на доказательствах (Приложение 10); М. Гвоздев, первый из европейцев, увидевший северо-западные берега Америки и другие[1].

Учебная программа, по которой занимался Федор Ушаков, была насыщенной, хотя должной системы в преподавании отдельных наук и не было. Большее внимание уделялось изучению точных дисциплин: арифметике, геометрии, астрономии и навигации (Приложение 11). Преподавались также география, история, артиллерия, фортификация и корабельная архитектура. Обязательны были упражнения в фехтовании и танцах, что составляло основу физического воспитания.

Анализ формы обучения дает основание классифицировать ее как индивидуально-групповую, которая к тому времени стала уже недостаточно эффективной. В школе процветали зубрежка, муштра и физические наказания. Рутина и схоластика в методах при большом количестве обучаемых сводили на нет индивидуализацию обучения[2]. В этой связи директору Корпуса капитану 1 ранга А.И. Нагаеву пришлось столкнуться со многими трудностями в организации учебного процесса и поддержания воинской дисциплины. О внутреннем порядке в Корпусе историк В. Берх отмечал: «Многие гардемарины имели от роду от 25 до 36 лет, оказывали явное неповиновение к новому начальству»[3].

Этот факт подтверждал и первый биограф Ф.Ф. Ушакова – Р.К. Скаловский, который писал: «Ушаков не встретил там почти ничего, что способствовало бы к смягчению его наклонностей и привычек… Это была не бурса, но немного не доставало для того, чтобы вполне походить на нее, там

---

[1] *Берх В.* Указ. соч. С. 36; История математического образования морских офицеров в России с 1701 года до настоящего времени. СПб., 1995. С. 9.

[2] *Харламов В.И.* Русская военная школа (1700–1862). М. 1997. Т. 1. С. 90.

[3] *Берх В.* Указ. соч. Ч. 4. С. 35.

можно было приобрести познания, необходимые для морского офицера, но трудно было не усвоить себе также, более или менее, сурового обращения, грубых привычек, недостатка общежития... Каждый юноша… почти совершенно предоставлен был своему произволу внеклассного времени, мышцы были в постоянном упражнении для водворения прав сильного над слабым, дурные наклонности одного прививались другому»[1].

Один из выпускников того времени в своих воспоминаниях также отмечал, что в Корпусе существовал своеобразный обычай, когда новичка заставляли драться со старшим кадетом и бить внизу лежащего до тех пор, пока тот не скажет: «Покорен»[2]. На основании этого, Скаловский сделал вывод о негативном влиянии обстановки в Морском корпусе на Ф.Ф. Ушакова. Им, в частности, было отмечено, что «некоторую строгость и суровость, замечаемые в характере Ушакова, не столько, быть может, надобно отнести к природным свойствам, сколько принимать за следствие обстановки, сопровождавшейся юношеские годы его, – за отпечаток его века во флоте нашем, отразившегося на многих морских офицерах того времени»[3].

В сентябре 1761 г. директором Морского шляхетного кадетского корпуса был назначен контр-адмирал Ф.С. Милославский, который отмечал плохое материальное обеспечение учебного заведения, неудовлетворительное состояние внутреннего порядка и учебного процесса: «… кадеты ходят без мундиров, не обучаются языкам иностранным, слушают навигацию по писанной книге покойного (ум. 1739 г.) бригадира [А.Д.] Фарварсона, которая очень неполна и без доказательств, и не имеют даже надлежащего над ними надзора»[4].

На процесс формирования Федора Ушакова определенное влияние оказала внутриполитическая ситуация (политическая сфера). 25 декабря 1761 г. умерла императрица Елизавета Петровна, и на Российский престол взошел ее

---

[1] *Скаловский Р.К.* Указ. соч. С. 7.
[2] *Стогов Э.И. Записки* // Русская старина, 1903. Т. 113. № 1. С. 145.
[3] *Скаловский Р.К.* Указ. соч. С. 7.
[4] *Берх В.* Указ. соч. Ч. 3. С. 28.

племянник Петр Федорович, ставший императором Петром III. Потомок двух великих императоров – Петра I и Карла XII, он, тем не менее, воспитывался в прусских традициях. Приверженность нового монарха к прусской военной школе сказалась и на порядках, заводимых в Морском корпусе. Указом от 24 апреля 1762 г. он повелел соединить Сухопутный и Морской кадетские корпусы, Артиллерийский и Инженерный кадетские корпусы под одну главную дирекцию графа И.И. Шувалова.

6 июля того же года при помощи преображенских гвардейцев престолом овладела его супруга Екатерина, которая 8 августа повелела отделить Морской корпус от Сухопутного[1].

Эпоха «дворцовых переворотов» и последствия Семилетней войны (1756–1763 гг.) оставили Екатерине II тяжелое наследство. Оценив сложившееся положение дел, вектор государственной политики был ею резко изменен. Важнейшей составной частью общегосударственной политики стала морская политика, основы которой были заложены еще Петром I, а главным ее направлением – возрождение российской морской силы. Желая поднять значение флота, Екатерина II 9 декабря 1762 г. возвела в чин генерал-адмирала (главнокомандующего флотом) и должность президента Адмиралтейств-коллегии наследника престола Павла Петровича[2].

17 ноября 1763 г. состоялось учреждение «Морской российских флотов и адмиралтейств правления Комиссии для приведения оной знатной части к обороне государства в настоящий постоянный, добрый порядок», которой были предоставлены широкие полномочия. Главным направлением работы комиссии стало составление новых штатов флоту и разработка программы кораблестроения. Решая эту задачу, Комиссия, по согласованию с Коллегией иностранных дел, определила содержать флот не только равносильный каждому из флотов бассейна Балтийского моря, прежде всего шведскому и

---

[1] *Веселаго Ф.Ф.* Очерк истории Морского кадетского корпуса с приложением списка воспитанников за 100 лет. С. 137, 138.

[2] *Берх В.* Указ. соч. Ч. 3. С. 48.

датскому, но и превосходящий их. Кроме того, 18 июня 1764 г. был составлен новый штат Морскому корпусу.

Указанные мероприятия заложили законодательную базу в последующем военно-морском строительстве, в котором Ф.Ф. Ушаков примет самое деятельное участие.

Влияние политической сферы на процесс формирования личности Ф.Ф. Ушакова в Морском шляхетном кадетском корпусе заключалось и в том, что императрица, понимая важность подготовки морских кадров, лично наблюдала за процессами обучения и в целом формирования офицерского корпуса. По этому поводу известно ее изречение о том, «что флотская служба знатна и хороша, то всем известно, но на супротив того столь же трудна и опасна, почему более Монаршую Нашу милость и попечение заслуживает»[1].

Начатые преобразования в политической и военной сферах Российского государства несомненным образом отразились и на Морском кадетском корпусе, вновь получившем свою самостоятельность.

Директорствовать над ним был поставлен капитан 2 ранга И.Л. Голенищев-Кутузов. С назначением его директором обстановка в Корпусе заметно изменилась. Ф.Ф. Веселаго отмечал: «Все приняло другой вид; вместо прежней медленности и робких отдельных распоряжений, были приняты быстрые, решительные меры – следствия одного хорошего обдуманного плана»[2].

Улучшению учебного процесса способствовало и назначение главным инспектором над классами Г.А. Полетика – одного из образованнейших людей своего времени[3]. При нем наметился переход от индивидуально-групповой формы обучения к классно-поурочной. Рационально было составлено новое учебное расписание. Занятия стали проводиться с 7 до 11 часов утра и с 2 до

---

[1] Цит. по: *Аренс Е.И.* История русского флота: Екатерининский период. СПб., Николаев, 1897. С. 125.

[2] *Веселаго Ф.Ф.* Очерк истории Морского кадетского корпуса с приложением списка воспитанников за 100 лет. С. 141.

[3] См.: История математического образования морских офицеров в России с 1701 года до настоящего времени. СПб., 1995. С. 11.

6 часов вечера, с таким расчетом, чтобы воспитанники могли в классах же повторить все пройденное за три или четыре дня. Точные дисциплины, иностранные языки преподавались утром, а более легкие, так называемые «словесные» – вечером[1].

Улучшению качества обучения воспитанников способствовало стремление нового директора использовать в учебном процессе все последние достижения в науке и технике.

Во второй половине XVIII в. появилось много трудов, освещающих на основе физико-математических знаний все разделы навигационных наук. В трудах русских ученых впервые были поставлены и даже разрешены важнейшие проблемы развития всех видов мореходства. К ним, прежде всего, следует отнести: «Рассуждения о большой точности морского пути» и «Краткое описание разных путешествий по северным морям и оказание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию» М.В. Ломоносова; «Морская наука», «Физическое исследование о причинах приливов и отливов», «Теория движения луны», «Полное умозрение строения и вождения кораблей» Л. Эйлера, а также ряд переводных работ[2].

Среди последних следует отметить перевод И.Л. Голенищевым-Кутузовым книги профессора математики Королевского училища в Тулоне П. Госта, впервые изданной в Лионе в 1697 г[3]. Книга П. Госта (Приложение 12) вошла в обязательную программу обучения.

Говоря о ее важности, сам автор отмечал: «Имеющие хотя малое знание о морских делах не будут сомневаться, что служащим на кораблях искусство морских эволюций необходимо нужно: потому что они есть способ к учреждению всех движений морского воинства. Без сего искусства флот подобен флоту варваров, которые, нимало не имея правильного знания о войне, все действия свои располагают на удачу...»[4].

---

[1] *Веселаго Ф.Ф.* Указ. соч. С. 158.
[2] *Барбашов Н.И.* К истории мореходного образования в России. М., 1959. С. 81.
[3] *Гост П.* Искусство военных флотов или сочинение о морских эволюциях. СПб., 1764.
[4] Там же. С. 2.

Основу труда составляли рассуждения о том, какое положение флота было наиболее выгодно: наветренное или подветренное. Исходя из этого, давались рекомендации о том, вступать в бой или уклониться от него; как заставить противника принять бой; как его окружить и тому подобные. По мнению соискателя, книга П. Госта значительно повлияла на взгляды Ф.Ф. Ушакова по применению сил флота и его становление как флотоводца.

Важно отметить, что в 1763 г. в Морском Шляхетном кадетском корпусе третьим теснением (изданием) был издан Морской устав Петра I, который во многом созвучен с трудом П. Госта (соискатель предполагает, что и написан на основе труда П. Госта), и подлежал самому тщательному изучение воспитанниками.

Последующая боевая деятельность Ф.Ф. Ушакова дает основание утверждать, что труд П. Госта и Морской устав были достаточно хорошо им усвоены.

В 1764 г. Н.Г. Курганов перевел труд П. Бугера по навигации[1]. Написанная популярным языком книга П. Бугера в удачном переводе Курганова явилась, на взгляд диссертанта, полезным пособием по кораблевождению для будущих офицеров флота.

Учебная программа, предложенная Г.А. Полетикою, в плане общеобразовательных дисциплин была максимально приближена к университетской. Согласно этой программы, арифметика преподавалась по «Универсальной арифметике» Курганова; геометрия – по руководству Крафта и «Генеральной геометрии» Курганова[2] с летними выходами в поле для практических занятий; тригонометрия – по руководству Б. де Парсия; астрономия, география и навигация – по указанному выше Бугерову сочинению с практическими занятиями в обсерватории при Корпусе; артиллерия и фортификация – по лекциям.

---

[1] Бугерово новое сочинение о навигации, содержащее теорию и практику морского пути / Пер. с франц. *Н.Г. Курганова.* СПб., 1764.

[2] *Курганов Н.Г.* Генеральная геометрия или общее измерение протяжения, составляющее теорию и практику оной науки. СПб., 1765.

Особенностью обучения в Корпусе являлась тесная взаимосвязь общеобразовательных предметов с военными дисциплинами. Так арифметика, геометрия и тригонометрия находили свое практическое значение при изучении навигации, артиллерии и фортификации. Арифметика и геометрия были востребованы воспитанниками, изучавшими навигацию при счислении места корабля, прокладке курса и тому подобных. На занятиях по артиллерии – при проведении расчетов по наводке орудий, определении углов прицеливания и так далее. В курсах фортификации, как и в артиллерии, элементы математики не только служили основой для изучения предмета, но и непосредственно включались в него. Некоторые элементы геометрии и тригонометрии осваивались на примерах построения чертежей различных береговых укреплений. Анализ последующей деятельности Ф.Ф. Ушакова дает основание говорить о том, что данные предметы были усвоены им достаточно хорошо.

В преподавании иностранных языков весь Корпус делился на 3 класса. В 1-м учили азбуку и чтение; во 2-м – грамматику и произношение слов; в 3-м продолжали изучать грамматику и правописание. В каждом классе проводились и практические занятия.

Корабельную архитектуру проходили в основном на практических занятиях; географию изучали по книгам Академии наук; историю – по сокращенной книге М. ла Кроза[1]. Причем по последним двум дисциплинам уроков не задавали, а заставляли воспитанников повторять вслух сказанное преподавателем.

Анализ работы М. ла Кроза дает основание утверждать, что знания кадет по истории были весьма приблизительны, т.к. книга представляла из себя примитивное перечисление исторических событий в виде вопросов и ответов, начиная от сотворения мира.

Вот как, к примеру, в ней описана история зарождения Российского

[1] *Ла-Кроз М.В.* Краткая всеобщая история господина Ла-Кроца, пересмотренная и умноженная разными примечаниями от господина Формея, переведена с французского на российский язык с прибавлением вкратце историй Российской, Шведской, Датской и Голштинской. СПб., 1766.

флота: «Найденный старый ботик возбудил в нем (в Петре I) такую ревность к устроению флота, что по учинении опытов на озерах и Белом море, внезапно явились потом сильные Российские военные и купеческие флоты»[1].

Такелажным работам кадет и гардемарин обучал боцман под надзором преподавателя эволюции. Обучаемые должны были научиться рисовать человека и различные береговые ландшафты карандашом, тушью или красками[2].

Помимо занятий кадеты получали и практические навыки. Ежегодно старшие воспитанники участвовали в практических плаваниях по Финскому заливу и Балтийскому морю. С 1763 г. в них принимал участие и Федор Ушаков. В 1764 г. на линейном корабле «Евстафий» под командованием С.А. Мартынова Ф.Ф. Ушаков осуществлял плавание от Кронштадта до о. Гогланд, на корабле «Наталия» под командованием В.Ф. Лупандина – от Ревеля до Кронштадта. В 1765 г. участвовал в практическом плавании на фрегате «Ульрика» от Кронштадта до о. Гогланд и обратно[3]. Во время плавания он нес ходовую вахту под парусами вахтенным командиром, учился определять место корабля, вел шканечные журналы. Его обучали снастям и правилам использования парусного вооружения.

По оценке диссертанта, в этот период в Корпусе наблюдалось повышенное внимание к усилению роли воспитания[4]. Большее внимание стало уделяться духовно-нравственному облику кадет и гардемаринов. В программу обучения, как самостоятельные предметы вошли Закон Божий и мораль, которые преподавали иеромонах и иеродьякон[5]. При Корпусе имелись своя библиотека и церковь со штатным священником[6].

---

[1] *Ла-Кроз М.В. Указ. соч*. С. 294.

[2] *Веселаго Ф.Ф.* Очерк истории Морского кадетского корпуса с приложением списка воспитанников за 100 лет. С. 158–160.

[3] Адмирал Ушаков. [Документы.] М., 1951. Т. 1. С.1.

[4] *Нужнов И.Н., Вахмистрова С.И.* История становления и развития системы подготовки офицерских кадров Российского флота. СПб., 1997. С. 13.

[5] *Григорьев А.Б.* Вера и Верность: Очерки из истории отношений Русской Православной Церкви и Российской армии. Жуковский, М., 2005. С. 193, 194.

[6] *Веселаго Ф.Ф.* Указ. соч. С. 122.

В период обучения в Корпусе Ф.Ф. Ушаков 12 февраля 1763 г. был произведен в гардемарины, а 10 апреля 1765 г. – в капралы[1].

Определенное влияние на качество подготовки морских офицеров и поддержания внутреннего порядка сыграл Регламент «О управлении адмиралтейств и флотов», принятый в 1765 г[2]. В частности на его основании гардемаринам запрещалось «без указу жениться под штрафом три года быть в каторжной работе»[3]. При сдаче экзаменов, проводимых два раза в год, в Корпусе обязательно должны были присутствовать депутаты от Адмиралтейств-коллегии, а на выпускном экзамене, кроме того, должны были быть не только президент или вице-президент, но и все члены Коллегии с несколькими флагманами и капитанами, которым надлежало «не токмо в науках экзаменовать, но и в поведениях, утверждаясь о последнем на объявлениях командирских и поданных аттестатах, за подписанием всех при том случившихся, в выпуск и в произвождение их назначать и потом по коллежскому указу выпускать»[4]. Регламентом утверждался и официальный текст присяги[5].

Перед выпуском в 1766 г. Ф.Ф. Ушаков был экзаменован «в науках и в поведениях», и одним из лучших (четвертым из 58 воспитанников) окончил Морской шляхетный кадетский корпус с присвоением первого офицерского чина и приведением к присяге[6]. Таким образом, Морской шляхетный кадетский корпус дал Ф.Ф. Ушакову качественное не только военно-морское, но и общее образование, приравненное к университетскому.

О качестве подготовки воспитанников Корпуса конца 50-х – 60-х годов XVIII в. можно судить из анализа их последующей службы, который

---

[1] Адмирал Ушаков. [Документы.] С. 1.
[2] Регламент «О управлении адмиралтейств и флотов». СПб., 1766.
[3] Там же. С. 40.
[4] Там же. С. 38, 39.
[5] Там же. С. 10.
[6] Список воспитанников Морского кадетского корпуса с 1762 по 1843 год. СПб., 1843. С. 9.

показывает, что многие из них стали известными морскими деятелями, в том числе:

адмиралами – В.П. и М.П. фон Дезины, П.К. Карцов, М.К. Макаров, Н.С. Мордвинов, Ф.Ф. Ушаков, П.И. Ханыков;

вице-адмиралами, генерал-лейтенантами – Г.К. Голенкин, Т.Г. Козлянинов, П.П. Лялин, П.И. Лежнев, Н.А. Мосолов, Ф.А. Мосолов, К.Е. Обольянинов, И.А. Повалишин, П.В. Пустошкин, Н.А. Скуратов, А.Г. Спиридов, Н.И. Хрущов, Н.Л. Языков;

контр-адмиралами, генерал-майорами – Н.И. Баскаков, М.И. Борисов, Д.А. Доможиров, М.М. Елчанинов, Я.А. Жохов, И.Т. Овцын, И.А. Селивачев, Ф.И. Юхарин и другие, многие из которых прошли флотоводческую школу Ф.Ф. Ушакова[1].

Результатом большого и напряженного труда российской морской школы впоследствии будет тот факт, что подавляющее большинство командных должностей на флоте займут отечественные кадры, одним из выдающихся представителей которых станет адмирал Ф.Ф. Ушаков.

Таким образом, к моменту производства в офицерский чин Ф.Ф. Ушаков сформировался как самостоятельная личность. Он имел твердую духовно-нравственную основу, устоявшееся мировоззрение, получил качественное военно-морское образование и определенные практические навыки по будущей специальности.

2.2. Становление Ф.Ф. Ушакова на флотской службе

Процесс становления Ф.Ф. Ушакова на флотской службе ознаменовал собой очередной этап усвоения социального опыта и постижения воинской

[1] См.: Общий морской список. СПб., 1807; Общий морской список. Ч. IV–VIII; Список воспитанников Морского кадетского корпуса с 1762 по 1843 год. СПб., 1843.

специальности. Он подразумевал вхождение в социальную среду в качестве самостоятельной личности и становление в выбранной сфере деятельности, которая, в свою очередь, подразумевала: поэтапное освоение различных классов кораблей, правил кораблевождения, приобретение опыта командования, подготовки и боевого применения сил флота. Весьма существенным являлся опыт работы с подчиненным личным составом, умение мобилизовать его на решение поставленных задач.

К основным этапам становления Ф.Ф. Ушакова на флотской службе соискатель относит:

– участие в переходе на пинке «Наргин» из Кронштадта в Архангельск и обратно (1766–1767 гг.);

– службу на линейном корабле «Три Иерарха» на Балтийском флоте (1768 г.);

– службу на Азовско-Донской флотилии и участие в Русско-турецкой войне (1769–1774 гг.);

– участие в экспедициях на Средиземное море (1776–1779 гг.) и (1781–1782 гг.);

– участие в доставке корабельного леса в С.-Петербург с Верхней Волги и испытании фрегатов с металлической обшивкой днища на Балтике (1780, 1782 гг.);

– участие в строительстве кораблей в Херсоне и создании Черноморского флота (1783–1787 гг.).

Первый серьезный опыт морской практики Ф.Ф. Ушаков получил в 1766 г. во время длительного перехода на небольшом транспортном судне – пинке «Наргин» из Кронштадта в Архангельск и обратно[1].

Как показал анализ законодательных актов того времени, переход являлся составной частью плана по реализации морской политики государства по укреплению сил флота. На основании Регламента Екатерины II «О управлении адмиралтейств и флотов» Адмиралтейств-коллегии предписывалось иметь

[1] Общий морской список. СПб., 1890. Ч. V. С. 248.

«крепкое смотрение» за состоянием флота, чтобы тот всегда был готов к действию, а служители не забывали своей практики. Для этих целей и было определено «посылать ежегодно к городу Архангельскому по два судна, которые без выгрузки в тамошний порт входить могут, и там им зимовать, а на другой год другие туда посылать, а те суда, которые там зимовать будут, возвращать»[1].

Переход осуществлялся в сложных гидрометеорологических и климатических условиях, сопряженных с большими навигационными, физическими и психологическими трудностями. При бессилии флотской медицины того времени при переходе в высоких широтах у моряков появлялись так называемые «гнилые» болезни (цинга), от которых многие умирали[2]. Опыт выживания в этих условиях, по мнению автора, был важен для Ф.Ф. Ушакова в последующей службе во время длительных плаваний в Средиземное море (1776–1779, 1781–1782 гг.) и борьбы с эпидемией чумы в Херсоне (1783 г.).

Типологическое сопоставление исторических фактов позволяет предположить, что по прибытии в Архангельск офицеры и команда «Наргина» были определены на строительство двух пинков, заложенных там по указу Адмиралтейств-коллегии от 9 августа 1766 г.[3]

Указанный поход для Ф.Ф. Ушакова явился хорошей морской школой. Молодой офицер приобрел практический опыт в управлении кораблем при плавании в высоких широтах, опыт в кораблестроении, пригодившийся ему впоследствии при строительстве судов для Азовско-Донской флотилии (1769 г.) и кораблей Черноморского флота (1783–1785 гг.), а также опыт выживания в экстремальных для здоровья условиях.

Хорошие морские качества мичмана Ф.Ф. Ушакова были оценены командованием. Вскоре по прибытии он был переведен на лучший в Кронштадтской эскадре 66-пушечный линейный корабль «Три Иерарха» под

---

[1] Регламент «О управлении адмиралтейств и флотов». С. 105–106.
[2] См.*: Берх В.* Указ. соч. Ч. III. С. 270.
[3] Материалы для истории Русского флота. СПб., 1886. Ч. XI. С. 268.

командованием капитана 1 ранга (впоследствии адмирала) С.К. Грейга. Данный корабль находился в опытной эксплуатации, на котором проходили апробацию изменения в пропорциях мачтового и парусного вооружения, что позволяло ему увеличить скорость хода[1].

Служба Ф.Ф. Ушакова в Кронштадтской эскадре проходила под руководством самых опытных в то время флагманов и офицеров русского флота. В кампанию 1768 г. «Три Иерарха» снаряжался в практическое плавание в составе эскадры под флагом контр-адмирала (впоследствии адмирала) А.Н. Сенявина, 5 июня поднявшего свой флаг на корабле «Евстафий», командиром которого был (впоследствии адмирал) А.И. Круз. Командирами еще двух кораблей были* (впоследствии вице-адмиралы) Ф.А. Клокачев и Я.Ф. Сухотин[2].

Во время плавания в составе эскадры проводились ружейные, артиллерийские и абордажные учения (в Европе абордаж уже считался отжившей формой ведения морского боя). В присутствии императрицы – показное («примерное») сражение «в строе двух колонн корабль на корабль»[3].

Выше названные события дают основания утверждать, что в указанный период, в отечественном флоте продолжался процесс формирования тактической школы, которая базировалась на теоретической основе (тактических рекомендациях П. Госта). В ходе боевой учебы росли знания и продолжал формироваться характер будущего флотоводца. В результате Ф.Ф. Ушаков успешно прошел процесс становления в первом офицерском чине и был переведен на самостоятельную должность в Азовско-Донскую флотилию.

С началом Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. императрицей было принято решение о восстановлении Тавровской, Павловской и Икорецкой

---

[1] Материалы для истории Русского флота. Ч. XI. С. 319.

* Указанные лица впоследствии будут тесно связаны служебными и личными отношениями с Ф.Ф. Ушаковым и окажут на него определенное влияние.

[2] Материалы для истории Русского флота. Ч. XI. С. 331.

[3] Там же. С. 335, 336.

корабельных верфей на Дону, основанных еще Петром I. Кроме того, планировалось вновь выстроить Новопавловскую и Новохоперскую. Высочайшим указом от 9 ноября 1768 г. командование флотилией было поручено контр-адмиралу А.Н. Сенявину[1].

Решая организационные вопросы перед отбытием на место, А.Н. Сенявин 7 января 1769 г. подал рапорт на высочайшее имя о комплектовании экипажей на пять прамов и 60 лодок[2]. В число офицеров, направляемых в «Донскую экспедицию», А.Н. Сенявин включил и Ф.Ф. Ушакова. А.Н. Сенявин лично знал Ф.Ф. Ушакова как офицера, хорошо зарекомендовавшего себя в практическом плавании прошедшей кампании, т.к., в противном случае, последний остался бы на корабле «Три Иерарха» и позднее отправился в Средиземное море в составе эскадры адмирала Г.А. Спиридова.

На Икорецкой верфи под Воронежем Ф.Ф. Ушаков принял команду над достраивающимся прамом № 5 (Указанные прамы были заложены еще в 1739 г. вице-адмиралом П.П. Бредалем во время Русско-турецкой войны 1736–1739 гг. и находились в разобранном состоянии в «лесных сараях»[3]). 5 апреля Ф.Ф. Ушаков первым спустил свой прам на воду, чему способствовали приобретенный ранее опыт в кораблестроении и хорошие организаторские способности.

Из спущенных на воду прамов, для отражения возможного нападения турецких кораблей со стороны Азовского моря, был сформирован отряд под командованием капитана 1 ранга (впоследствии адмирала) П.И. Пущина[4]. (Важно заметить, что одновременно в Азовско-Донской экспедиции проходили службу сокурсник Ф.Ф. Ушакова по Кадетскому корпусу мичман

---

[1] *Ханыков И.И.* Подлинные записки флотского капитана Ильи Ивановича Ханыкова о донской экспедиции // ЗООИД, 1886. Т. 14. С. 66.

[2] РГАДА. Ф. 21. Оп. 1. Д. 63. Л. 52.

[3] *Расторгуев В.И.* Судостроение на верфях Воронежского края в 1768–1800 гг. Воронеж, 2003. С. 7, 46, 47.

[4] Материалы для истории Русского флота. СПб., 1877. Ч. VI. С. 314–315.

П.В. Пустошкин, и, упоминаемый выше, капитан 2 ранга Я.Ф. Сухотин, командовавший отрядом из 40 лодок[1].)

Федор Ушаков не участвовал в экспедиции Азовско-Донской флотилии 1771 г. С началом навигации, как опытный офицер, хорошо знающий гидрологию в русле Дона, он находился при проводке фрегата «Первый». 12 июля фрегат был благополучно доставлен в Таганрог, после чего Ф.Ф. Ушакова вновь направили в верхнее течение реки, поручив ему командование над четырьмя транспортными судами, доставлявшими из Новохоперской верфи мачтовое вооружение, такелаж и лес для достройки фрегата. Однако из-за обмеления реки каравану не удалось дойти до места назначения, и ему пришлось встать на зимовку в неприспособленном для этого месте. Затертые льдами транспорты получили повреждения и по весне 1772 г. начали тонуть. Ф.Ф. Ушакову удалось снять с них грузы и отправить на наемных подводах в Таганрог. После этого «усердием и искусством» ему удалось поднять и сами транспорты. С большой долей вероятности можно предположить, что в этом Ф.Ф. Ушакову способствовали знания, полученные в Морском корпусе[2].

Инициативные действия лейтенанта Ф.Ф. Ушакова были отмечены командованием. Вице-президент Адмиралтейств-коллегии И.Г. Чернышев впоследствии писал капитану Таганрогского порта: «За всем тем коллегия за доброе ваше распоряжение в доставлении тех припасов, как и лейтенанту Ушакову, за усердие и исправность, изъясняет свое удовольствие и представляет иметь себе в памяти»[3]. Вскоре Ф.Ф. Ушаков получил под свое командование палубный бот «Курьер», на котором вместе с фрегатом «Первый» участвовал в обороне крымского побережья в составе отряда капитана 2 ранга И.Г. Кинсбергена[4].

---

[1] *Ханыков И.И.* Указ. соч. С. 76.

[2] Известия о порядке, которой интересенты в водолазании и вытаскивании товаров и вещей из воды… СПб., 1763.

[3] Цит. по: *Сацкий А.Г.* Федор Федо**ро**вич Ушаков // Вопросы истории. 2002. № 3. С. 53.

[4] Материалы для истории Русского флота. СПб., 1877. Ч. VI. С. 429.

Автор отмечает, что живой ум и деятельная натура приглашенного из Голландии И.Г. Кинсбергена сразу же проявились в реальных делах и весьма разумных предложениях по ведению активных наступательных действий на море, в портах и на коммуникациях противника. Так, 18 июня в письме графу И.Г. Чернышеву он писал: «Оборонительною войною, какую мы ведем около берегов, мы даем неприятелю время приготовиться, исправить свои ошибки и, может быть, пользоваться теми или другими обстоятельствами. Болезни и чума между тем истребляют наши храбрые войска, и мы ежедневно теряем людей, не видя неприятеля»[1]. Для перехода к наступательным действиям И.Г. Кинсберген, в частности, предложил провести рейд на Синоп. К сожалению, командование не поддержало тогда смелых замыслов храброго офицера. Но примечательным является тот факт, что в следующую войну с Турцией эти планы будут успешно реализованы подчиненным И.Г. Кинсбергена – Ф.Ф. Ушаковым, что говорит о его способности перенимать и реализовывать передовые идеи.

И.Г. Кинсбергеном* были проведены два успешных боя с превосходящими силами турецкой эскадры, живым свидетелем которых был Ф.Ф. Ушаков. Характерными чертами этих боев можно считать решительное сближение с противником и атака превосходящих сил на ближней дистанции. Они со всей очевидностью показали, что построение боевой линии в сражении с превосходящим противником параллельно его строю не всегда выгодно, и что в таких случаях бывает удобней применять принцип сосредоточения сил на направлении главного удара. Кинсберген был первым, кто использовал этот принцип в российском флоте.

---

[1] Материалы для истории Русского флота. Ч. VI. С. 437.

* В начале Русско-турецкой войны 1787–1791 гг., когда встал вопрос о назначении флагмана Черноморского флота, И.Г. Кинсбергена вновь попытаются пригласить на русскую службу, но тогда, претендуя на Средиземноморскую эскадру, он откажется от командования корабельной эскадрой на Черном море, и после недолгого командования М.И. Войновича, по представлению Г.А. Потемкина, флагманом станет Ф.Ф. Ушаков, который еще в «первую» русско-турецкую войну отметил для себя преимущество смелого маневра и ближнего боя.

Характеризуя прохождение Ф.Ф. Ушаковым службы на Азовско-Донской флотилии в период Русско-турецкой войны 1768–1774 гг., соискатель констатирует, что он получил значительный опыт в кораблестроении, хорошо изучил лоцию реки Дон (пути выхода к Азовскому морю), организацию и специфику проводки судов по реке, организацию крейсерской службы в акватории черноморского побережья Крыма. Он получил представление о ведении боя с превосходящими турецкими морскими силами, существенно повлиявшим на его тактические взгляды: решительная атака численно превосходящего противника, бой на ближней дистанции и изменение боевого порядка в соответствии с тактической обстановкой.

Не менее важным во флотском становлении явилось участие Ф.Ф. Ушакова в экспедиции на Средиземное море (1776–1779 гг.). Она была спланирована с целью перевода с Балтики на Черное море 5 фрегатов, которые под видом торговых судов должны были пройти Черноморские проливы для усиления морских сил на юге России. Для этого в начале июня 1776 г. был подписан соответствующий рескрипт императрицы и даны предписания послу России в Турции[1]. Первым трем судам в сопровождении 40-пушечного фрегата «Северный Орел» надлежало перейти из Кронштадта в Средиземное море, где к ним должны были присоединиться 26-пушечный фрегат «Св. Павел» и 24-пушечный фрегат «Констанца», оставленные в порту Ливорно после Архипелагской экспедиции Русского флота 1770–1774 гг. под надзором генерал-майора И.А. Ганнибала.

Командование фрегатом «Северный Орел» и всем отрядом было поручено капитану 2 ранга Т.Г. Козлянинову. Командирами «торговых» фрегатов были назначены Николай Скуратов, Федор Мосолов и Остафий (Евстафий) Одинцов.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что кадровая политика Адмиралтейств-коллегии учитывала не просто опыт офицеров, а опыт, приобретенный на конкретном морском театре. Это были офицеры, хорошо

[1] АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 484. Л. 2–14.

знавшие район плавания. Еще до Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Т. Козлянинов, Н. Скуратов и Ф. Мосолов находились в практических плаваниях на мальтийских галерах и достаточно хорошо изучили планы портов, подробно знали конструкции средиземноморских галер и кораблей, в связи с чем их назначение являлось неслучайным.

Команды также подбирались с особым «тщанием». Третью часть экипажей составляли матросы, участвовавшие в Архипелагской экспедиции. В этой связи неслучайным следует считать и назначение Ф. Ушакова, о котором, как выяснилось в ходе исследования, лично ходатайствовал вице-президент Адмиралтейств-коллегии И.Г. Чернышев[1]. Этот факт говорит о высокой оценке высшим морским командованием профессиональных качеств Ф.Ф. Ушакова и знание им (насколько это было возможно) черноморского театра.

Важным следствием указанной экспедиции, несмотря на то, что ее цель не была достигнута (фрегаты не были пропущены в Черное море)[2], явилось изучение Ф.Ф. Ушаковым средиземноморского театра и Черноморских проливов (Босфора и Дарданеллы)[3], знакомство со столицей Османской империи, обычаями и нравами народа, чиновничества и правительства (Оттоманской Порты), состоянием и организацией турецкого флота[4]. В плане духовно-нравственного воздействия на личность Ф.Ф. Ушакова соискатель отмечает факт посещения им древней христианской святыни – храма Св. Софии в Стамбуле и церквей в греческом архипелаге.

Важным явилось и посещение Ф.Ф. Ушаковым морской крепости Гибралтар, знакомство с системой ее обороны, организацией боевой подготовки и порядком несения службы[5], что в последующем, по мнению автора, сыграет свою роль в подготовке и организации штурма крепости Корфу в 1799 г.

---

[1] АВПРИ. Ф. ВКД. Оп. 6. Д. 4391. Л. 4–6.
[2] Там же. Ф. 89. Оп. 8. Д. 491. Л. 59–60.
[3] Там же. Ф. 90. Оп. 1. Д. 678. Л. 115 об.
[4] Там же. Ф. 89. Оп. 8. Д. 494. Л. 3–27, 41–42.
[5] См.: Записки адмирала *Шишкова*, веденные им во время путеплавания его из Кронштадта в Константинополь. СПб., 1834. С. 83, 84.

Указанный поход следует считать принципиальным в становлении Ф.Ф. Ушакова как флотоводца. В нем он приобрел опыт командования кораблем в дальнем океанском плавании, более детально изучил морской театр. Кроме того, проведена демонстрация Российского флага на Средиземном море и налажено взаимодействие с флотами других держав. В этот период Ф.Ф. Ушаковым был приобретен и очень важный опыт военно-дипломатического взаимодействия с представителями дипломатических структур России и иностранных государств.

О возросшем профессиональном уровне подготовки Ф.Ф. Ушакова в этот период можно судить по тому, что по возвращении отряда в Кронштадт капитан-лейтенант Ф.Ф. Ушаков был назначен командиром 66-пушечного линейного корабля «Георгий Победоносец». Подобное назначение для того времени было достаточно редким, так как командирами больших кораблей назначались, как правило, старшие офицеры – капитаны 2-го и 1-го ранга.

Ранее приобретенный опыт Ф.Ф. Ушакова в проводке судов по внутренним водным сообщениям был использован Адмиралтейств-коллегией при его направлении в 1780 г. в г. Рыбинск с целью доставки в С.-Петербург каравана с корабельным лесом. По предположению соискателя, указанное назначение было также мотивировано тем, что Ф.Ф. Ушаков являлся уроженцем тех мест.

Изучение и анализ выявленных в филиале ГАЯО в г. Рыбинске документов дает основание утверждать, что при выполнении данного поручения Ф.Ф. Ушаков проявил себя требовательным начальником и хорошим организатором взаимодействия с местными органами власти[1]. Он досконально изучил маршрут доставки корабельного леса по Вышневолоцкой водной системе.

Другим показательным для характеристики Ф.Ф. Ушакова является факт его назначения в конце 1780 г. командиром императорской яхты, потому как он отражал уровень подготовки офицера и степень его известности при Дворе.

[1] ГАЯО. Филиал в г. Рыбинск. Ф. 4. Оп. 1. Д. 47. Л. 1–2, 14, 19–20.

Уход Ф.Ф. Ушакова с этой должности также является весьма показательным. Стремясь возвратиться в боевой состав флота, он обратился непосредственно к вице-президенту Адмиралтейств-коллегии графу И.Г. Чернышеву. В ответном письме от 11 ноября 1780 г. вице-президент писал Ф.Ф. Ушакову: «Коллегия, найдя просьбу вашу справедливою, сделать так и определила»[1].

Назначение капитан-лейтенанта Ф.Ф. Ушакова командиром 66-пушечного линейного корабля «Виктор» состоялось в мае 1781 г. перед самым его отходом в Средиземное море в составе эскадры из пяти кораблей и двух фрегатов под командованием контр-адмирала Я.Ф. Сухотина для защиты торгового судоходства нейтральных государств на основании инструкции Екатерины II Адмиралтейств-коллегии от 8 февраля 1780 г.[2] и Декларации от 27 февраля о «Вооруженном нейтралитете»[3]. В соответствии с декларацией, соблюдая нейтралитет в войне, русская императрица посчитала «за обязательство, с достоинством Ея сходствующее, защищать от кого бы то ни было из воюющих держав честь флага своего и безопасность торга и плавания Ея подданных»[4].

Походу российских военных кораблей на Средиземном море уделялось самое серьезное внимание. Первые лица Коллегии иностранных дел Н.И. Панин и И.А. Остерман еще до выхода эскадры писали императрице: «Сие обстоятельство послужит без сомнения... к приобретению доверенности нашему торговому флагу, а по оной и к вящему его употреблению, от чего натурально последовать долженствует размножение у нас мореходных судов и мореходцев»[5].

Несомненную роль в назначении Ф.Ф. Ушакова сыграло его участие в Средиземноморском походе 1776–1779 гг., рекомендации командующего эскадрой, с которым он, как отмечалось выше, служил в Азовско-Донской флотилии, и, конечно же, личное стремление.

---

[1] Цит. по: *Сацкий А.Г.* Федор Федорович Ушаков // Вопросы истории. 2002. № 3. С. 55–56.
[2] АВПРИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 591. Ч. 1. Л. 8.
[3] О вооруженном морском нейтралитете. СПб., 1859. С. 64–66.
[4] АВПРИ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 5. Л. 3, 4.
[5] Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 595. Л. 186.

Поход проходил в сложных климатических условиях, из-за которых на эскадре произошла вспышка эпидемии цинги, ежедневно уносившей человеческие жизни. При проходе Гибралтара на корабле «Виктор» умер судовой лекарь К. Миленберн, так что Ф.Ф. Ушакову пришлось быть и командиром, и лекарем одновременно. В этой ситуации ему в значительной степени пригодился опыт борьбы с цингой, приобретенный во время похода 1766–1767 гг. в Архангельск. Впоследствии карантинный режим, вводимый на эскадре, будет умело использован Ф.Ф. Ушаковым во время борьбы с эпидемией чумы в Херсоне в 1783 г.

Основным пунктом пребывания русских кораблей на Средиземном море стал уже хорошо знакомый Ф.Ф. Ушакову порт Ливорно, куда 15 августа пришла эскадра Сухотина. Во время перехода морем на его корабле «Виктор» скончались 47 чел.[1] С разрешения и с помощью местных властей на берегу оборудовали временный лазарет, куда свезли с кораблей большую часть больных. В донесении Я.Ф. Сухотина от 3 сентября отмечалось, что в лазарете находились до 800 чел. больных. «По сей причине, – сообщал Сухотин в Петербург, – не имею надежды, чтоб мог от Ливорны отправиться»[2]. Поэтому командующий принял решение остаться на зимовку.

Для Ф.Ф. Ушакова это была уже вторая зима в этом порту. Прибывший в начале следующего, 1782 г. курьер из Петербурга доставил указ от 1 января о производстве в чины. Как и ожидалось, Ф.Ф. Ушаков получил штаб-офицерский чин капитана 2 ранга. Для него это событие было достаточно значимым. Повышение обеспечивало Федору Федоровичу, живущему практически только на казенный счет, существенную прибавку к жалованью и выводило его на качественно новый уровень в военной иерархии.

2 мая на основании указа Адмиралтейств-коллегия эскадра вышла в обратный путь, во время которого Ф.Ф. Ушаков явился свидетелем последних приготовлений к штурму франко-испанскими морскими и сухопутными силами

---

[1] *Сацкий А.Г.* Федор Федорович Ушаков // Вопросы истории. 2002. № 3. С. 56.

[2] Материалы для истории Русского флота. СПб., 1888. Ч. XII. С. 615.

приморской крепости Гибралтар. 16 мая на подходе к Гибралтару эскадра Я.Ф. Сухотина была приведена в полную боевую готовность. Ей предстояло не просто проходить пролив, а, по существу, идти через район военных действий.

С уходом эскадры Я.Ф. Сухотина из Средиземного моря между воюющими державами 13 сентября 1782 г. началось ожесточенное сражение за Гибралтар.

Опыт штурма Гибралтара был впоследствии использован Ф.Ф. Ушаковым при взятии крепости Корфу в 1799 г. и имел существенное влияние на формирование его взглядов по вопросу взятия приморских крепостей. В этой связи соискатель провел его краткий разбор.

Для штурма приморской крепости Гибралтар атакующая сторона решила применить плавучие батареи французского инженера де Арсона. Особенностью этих батарей было то обстоятельство, что орудия на них располагались с одной стороны, а с другой для удержания судна на ровном киле укладывались мешки с песком. Необычной была и обшивка борта, расположенного под углом 45 градусов для рикошета ядер противника. Толщина обшивки составляла 3 фута (0,92 м). Франко-испанское командование возлагало на плавучие батареи решение задачи подавления береговых батарей противника, после чего планировало завершить разрушение береговых укреплений 350 судами с 4900 пушками и 200 осадными орудиями. Штурм крепости планировалось осуществить силами 33-тыс. корпуса со стороны моря и суши.

Обороняющаяся сторона, со своей стороны, приступила к постройке галереи, высеченной прямо в скале, увеличила число плавучих батарей и заграждений, установила рогатки на десантноопасных участках побережья. В результате штурм, начавшийся 13 сентября 1782 г., окончился для франко-испанских сил неудачей: все 10 плавбатарей были взорваны и потоплены, войска не смогли приступить к решительному штурму, что, в конечном счете, привело к снятию блокады[1].

[1] *Мазюкевич М.* Прибрежная война. Десантные экспедиции и атака приморских укреплений. СПб., 1874. С. 237–243.

Диссертант отмечает, что неудача франко-испанской экспедиции против Гибралтара в значительной степени повлияла на взгляды западных военных теоретиков и флотоводцев. С того времени в европейских военно-морских кругах стало утверждаться мнение о нецелесообразности штурма приморских крепостей силами флота[1].

Впоследствии это мнение будет опровергнуто Ф.Ф. Ушаковым – живым свидетелем описываемых событий. И, конечно же, опыт обеих противоборствующих сторон будет также учтен им в 1798–1799 гг. при принятии решения о блокаде и штурме крепости Корфу.

Таким образом, завершилась эта непростая экспедиция. И хотя за время похода не было отмечено ни одного случая, когда бы русским военным морякам пришлось применять оружие, сама экспедиция, равно как и экспедиции И.А. Борисова, Н.Л. Палибина и В.Я. Чичагова, явили собой важный прецедент в мировой политике. Флот стал действенным инструментом внешней политики России. Екатерина II заставила признавать интересы России на морях и уважать Андреевский флаг.

Оценивая указанный поход в целом, следует отметить, что он значительно укрепил авторитет России на международной арене и увеличил возможности расширения торговли в бассейне Средиземного моря. Политика «Вооруженного нейтралитета», впервые провозглашенная русской императрицей, имела далеко идущие последствия. Ее основные положения о праве нейтральных государств на свободную торговлю впоследствии составили стержень международного морского права. Кроме того, политика «Вооруженного нейтралитета» внесла весомый вклад в формирование морской политики Российского государства, в реализации которой непосредственно участвовал Ф.Ф. Ушаков. За время плавания он получил и хорошую практику командования линейным кораблем в дальнем океанском походе.

По возвращении в Кронштадт капитан 2 ранга Ф.Ф. Ушаков получил

[1] См.: *Гривель Р.* О морской войне до новейших изобретений и после них. Атака и оборона берегов и портов. Исторический и стратегический этюд / Пер. с фр. СПб., 1871. С. 4, 50–67; *Лебрес Р.* Политика и морская война / Пер. с нем. СПб., 1904. С. 111.

новое назначение, и оно косвенно было связано с только что закончившимся длительным плаванием. Походы русских эскадр на Средиземное море и стоянки российских кораблей в южных портах выявили до того почти неизвестное отечественным мореплавателям действие морского червя на обшивку днища. В иностранных флотах для защиты подводной части корпусов от разрушающего действия червя применяли обшивку из медных листов. Так первым английским кораблем, обшитым медью, в 1761 г. стал 32-пушечный фрегат «Алерт». Но стоимость меди была высокой, поэтому Адмиралтейств-коллегия решила попытаться использовать для этой цели белый металл, бывший, по ее мнению, «столь же способным, но дешевле».

Чтобы сравнить качество обшивок, были выстроены два совершенно одинаковых фрегата – «Проворный» и «Св. Марк». Командиром первого фрегата, обшитого белым металлом, 29 июля был назначен капитан 2 ранга Федор Ушаков, «дабы оную пробу произвесть надежнее и с большою точностью»[1]. Вторым опытным фрегатом, но обшитым медью, командовал капитан-лейтенант Козьма Обольянинов. Для объективности оценки к ним определили капитана 1 ранга П.И. Ханыкова. Перед командирами фрегатов и старшим на борту была поставлена задача произвести сравнительные испытания «при всяких ветрах.., поворотах и лежании на якоре»[2].

Результаты испытаний послужили основанием для практического внедрения металлической обшивки в Российском флоте. Она стала постепенно вводиться на кораблях балтийской постройки. На остальных же судах, прежде всего черноморских, вплоть до начала XIX в. единственным средством от обрастания днища служила дополнительная деревянная обшивка толщиной в полдюйма. Следует полагать, что указанные испытания имели существенное значение для оценки Ф.Ф. Ушаковым маневренных характеристик своих кораблей.

---

[1] Материалы для истории Русского флота. Ч. XII. С. 719.
[2] Там же. С. 721.

Подводя итог семилетней службы Ф.Ф. Ушакова на Балтике, можно с уверенностью утверждать, что он стал опытным моряком, имеющим большую практику командования кораблями различных классов, плавания по внутренним водным артериям и в различных широтах Мирового океана; большой опыт по строительству судов, хозяйственной деятельности и организации взаимодействия с дипломатическими представителями и местными органами власти.

Дальнейшее становление Ф.Ф. Ушакова проходило на фоне наращивания усилий Российского государства с целью утверждения в Северном Причерноморье и создания флота на Черном море. В данный период военно-политическая обстановка на южном направлении была крайне напряженной. Это было вызвано обострившейся борьбой между Россией и Османской империей за Крым.

Российскому высшему военно-политическому руководству стало совершенно очевидно, что независимость Крыма долго не просуществует. Рано или поздно Крым будет или турецким, или российским. Фактически для России выбора не оставалось.

По этому поводу Г. А. Потемкин писал императрице: «По сим обстоятельствам польза Вашего Императорского Величества требует занимать то, чего никакая сила из рук Ваших отнять не в состоянии и чего требует необходимость, то есть взять навсегда полуостров Крымской... Порта не упустит, выждав свободное время, захватить сей полуостров в свои руки. Тогда тяжелее он будет России, нежели теперь... Я уверен, что они не осмелются высадить в Крым войска, когда он будет назван русским, ибо сие было бы начать прямо войну»[1].

По его мнению, присоединение Крыма решило бы целый ряд проблем. Это привело бы к созданию непрерывной границы между Черным и Азовским морями, что коренным образом изменило бы саму оборону южных рубежей; усилило бы влияние России на Черном море, в руках которой оказались бы контрольные функции за устьями Дуная и Днепра.

[1] АВПРИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 591. Ч. 1. Л. 190–195.

Не менее важным аргументом в пользу присоединения Крыма было то обстоятельство, что там находилась превосходная Ахтиарская бухта, не имеющая ограничений по вместительности судов любого класса, с прекрасными климатическими и метеорологическими условиями, что делало ее первоклассной базой для создаваемого Черноморского флота. В отличие от Днепровского лимана, где российские корабли в любое время могли быть заблокированы турецким флотом, из Ахтиарской бухты всегда имелся свободный выход в море.

Об этом в декабре 1782 г. прямо указывалось в «Секретном мнении» Коллегии иностранных дел: «… для всегдашнего обуздания турков нужно иметь другой военный порт, откуда бы во всякое время свободный выход иметь было можно... Настоящее занятие Ахтиарского порта представляет собой и лучший случай к утверждению там твердой ноги и к приведению его в образ и оборону военной пристани»[1].

Для достижения цели с татарскими лидерами активно работали и дипломатические представители[2]

В результате напряженной дипломатической работы и всестороннего обоснования, подкрепленного решительными передвижениями российских войск, 8 апреля 1783 г. Екатерина II издала Манифест о присоединении Крыма к Российской империи[3].

Для понимания значения личного вклада Ф.Ф. Ушакова в процесс постройки кораблей для будущего Черноморского флота следует отметить, что грандиозные планы кабинета Екатерины II оказались не подкрепленными точным экономическим расчетом и не соизмерены с реальными экономическими возможностями государства. Дело в значительной степени усугубили бесхозяйственность и нерадение чиновников.

Так к началу 1783 г. из Петербурга требовали закончить постройку семи линейных кораблей, но на стапеле в Херсоне находился всего лишь один, заложенный еще в 1779 г., корабль «Св. Екатерина», обшивка которого

[1] АВПРИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 585. Л. 10 об.–13 об.
[2] Там же. Ф. 123. Оп. 3. Д. 2, 6, 40, 55, 88, 89.
[3] ПСЗ РИ. Т. XXI. № 15708.

наполовину прогнила, а лес на остальные шесть кораблей стоял еще на корню по берегам Днепра… О самой крепости в донесении к императрице за указанный период говорилось: «Крепость Херсонская хотя и приведена в оборонительное состояние, но с великими пороками со всеми противно положению об ней сделанному. Нет в ней при том нужнейших строений, как то магазейнов и гошпиталей. Долг Херсонского адмиралтейства разным подрядчикам за поставленные лесные припасы и прочие нужные материалы простираются свыше 933 тысяч»[1].

Дело усугублялось острой нехваткой офицеров и нижних чинов, о чем Г.А. Потемкин писал императрице: «Сколь нужны потребные для кораблей, здесь строющихся, офицеры и нижние чины, Вы сами знать изволите. За употреблением на фрегаты, здесь почти ничего не осталось. Положенное же число на здешние корабли людей много бы поспешествовало работе. А ежели будет воля Ваша, чтоб сих отрядить, то прикажите хороших, а то, что барыша, когда в новое место пошлют дряни»[2].

В кратчайшие сроки отбор был произведен. Вместе с указанным числом нижних чинов на Черное море были направлены 132 лучших, по словам цесаревича, офицера, в том числе Федор Ушаков. По этому поводу Екатерина II в ответном письме сообщала Г.А. Потемкину: «К вооружению морскому люди отправлены и отправляются, и надеюсь, что выбор людей также недурен»[3].

Примечательным является факт, что дела в Херсонском адмиралтействе стали поправляться только с прибытием в августе 1783 г. флотских команд во главе с капитаном 2 ранга Ф.Ф. Ушаковым. Каковы были основные направления деятельности Ф.Ф. Ушакова в этот период?

Ф.Ф. Ушаков был назначен командиром на строящийся корабль № 4, где, как и другие командиры лично руководил процессом строительства под наблюдением корабельного мастера. Здесь, по оценке диссертанта, ему пригодился весь накопленный опыт: и строительство пинка в Архангельске, и

[1] РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 72. Л. 28.
[2] *Екатерина II и Г.А. Потемкин*. Личная переписка 1769–1791. С. 173.
[3] Там же. С. 174.

прама – на Дону. В отсутствии документальных свидетельств с детализацией его действий при строительстве кораблей, об их эффективности можно судить по результатам. Вверенный ему корабль оказался одним из первых в готовности к спуску на воду. Помимо высокой организации труда в его команде, этому способствовали и успехи Ф.Ф. Ушакова в борьбе с эпидемией чумы, с которой ему удалось справиться значительно раньше других.

Это направление в его деятельности заслуживает особого внимания. Чума и оспа считались самыми страшными болезнями XVIII в. И если в ноябре 1768 г. привитием оспы императрице и ее сыну нашли способ борьбы с этой болезнью, то чума оставалась непобежденной.

К осени в Херсоне началась эпидемия чумы. Интенсивность ее распространения была еще незначительной, но командующий херсонским адмиралтейством вице-адмирал Ф.А. Клокачев уже не решался отправлять из Херсона спущенный 16 сентября на воду корабль «Слава Екатерины», чтобы исключить возможность занесения «заразы» в Ахтиар. В городе и на верфях был установлен карантин.

Для характеристики эпидемиологической и морально-психологической обстановки на тот момент в Херсоне примечательными являются выявленные в процессе исследования записки военного врача Э.В. Дримпельмана, который писал: «Здесь увидел я страдание, отчаяние и уныние среди нескольких сот людей, положение которых настоятельно требовало сочувствия того, кто едва был в состоянии подать им помощь. Им нельзя было и помочь, так как болезнь уже слишком развилась. Мои молодцы-рекруты, хотя большинство их прибыло в Херсон здраво и невредимо, все почти перемерли…

В самом карантине ежедневный список умерших был не мал. Он умножался от прибавления тех, которые умирали в городе на своих квартирах. Сверх того нередко случалось, что заразившиеся и захворавшие люди умирали внезапно, и потому были определены арестанты, называемые по-русски каторжниками, которые каждый день ходили по улицам с тележкою, чтобы подбирать попадавшиеся трупы и погребать их вне города на отведенном для

того месте. Чтобы через них не распространилась как-нибудь зараза, один из каторжников должен был носить впереди тележки белый флаг на палке так, что при его появлении каждый вовремя мог сворачивать в сторону»[1].

Несмотря на сложную военно-политическую обстановку, требовавшую продолжения строительства кораблей, вице-адмирал Ф.А. Клокачев в октябре дал указание полностью прекратить работы и все силы бросить на борьбу с чумой. Однако вскоре после этого скончался сам. Вместо Ф.А. Клокачева на эту должность был назначен вице-адмирал Я.Ф. Сухотин.

С прекращением работ все команды были выведены в степь. Основным способом борьбы с эпидемией являлся карантин и жесткое соблюдение гигиенических правил. О проводимых в Херсоне мероприятиях и последствиях эпидемии можно судить из воспоминаний корабельного мастера И.А. Полномочного: «Служителей всех вывезли из казарм в степь, и других за Днепр, по ту сторону жить, а жителям в домах повелено никуда не выходить. Адмиралтейство заперли и прекратили работу. Карантины поделали легкой и тяжелой за балкою для зараженных. И так усилилась поганая болезнь, что мертвых как дрова невольники возили на роспусках и в ямы зарывали, вдруг по 50 человек в яму; и такой был ужас, что друг с другом боялись сходиться. Платье и прочее так валялось, никто не смел ничего брать, всякий жизнь свою берег. И главный генерал Клокачев в заразу помер, и много офицеров. А служителей и вольного народу половина только разве осталось. И невольников было из Таганрога 800, которые зараженных возили, и все померли. Вот страшная была жизнь! Не дай Бог никому такой видеть!»[2]

Для понимания значения деятельности Ф.Ф. Ушакова по борьбе с эпидемией чумы в Херсоне следует отметить, что к этому времени на Российском флоте был накоплен определенный опыт по соблюдению санитарно-гигиенических правил и уходу за больными. Основные из них были

[1] *Дримпельман Э.В.* Записки немецкого врача о России в конце прошлого века // Русский архив. 1881. Кн. 1. Вып. 1. С. 32–34.

[2] *Полномочный И.А.* Род мой и происхождение. Краткие автобиографические записки офицера Черноморского флота Ивана Андреева Полномочного (1764–1833) // Записки Одесского общества истории и древностей, 1889. Т. 15. С. 691.

изложены в Петровском морском уставе[1]. Однако, все эти меры основывались преимущественно на житейском опыте и свойственных тому времени примитивных представлениях о причинах и способах предупреждения болезней, поэтому их эффективность была низкой.

Такое положение на Российском флоте сохранялось на протяжении многих лет. Лишь во второй половине XVIII в., благодаря развитию военно-морской медицины и военного кораблестроения, начали закладываться основы для заметного улучшения условий труда и быта экипажей кораблей. Существенную роль в снижении заболеваемости личного состава флота сыграли научные работы военно-морских врачей.

Одним из основоположников отечественной военно-морской гигиены и профилактического направления в деятельности медицинской службы флота считается А.Г. Бахерахт. В 1780 г. издано написанное им первое отечественное руководство по морской гигиене, в котором всесторонне обосновывалась главная идея автора о том, что «все корабельные болезни предупредительными средствами исцелены быть должны и могут»[2]. Практическая значимость этого руководства была столь высокой, что она рассылалась командирам кораблей и начальникам медицинских служб в качестве официального руководства. Кроме того, он посещал Херсон и давал свои указания по борьбе с чумой.

Вместе с тем, при катастрофической нехватке в Херсоне лекарей их функции принимали на себя командиры*. В связи с чем Ф.Ф. Ушаков, используя опыт профилактики от эпидемии чумы в период плавания в высоких широтах, службы на Азовско-Донской флотилии, а также опыт борьбы с цингой и соблюдения карантинного режима в средиземноморских портах, со

---

[1] Книга устав морской. 1720, СПб., 1763. Репринт. М., 1993. С. 14, 16, 19, 20, 42, 56, 76–78, 90, 96, 100.

[2] *Бахерат А.* Способ к сохранению здоровья морских служителей и особливо в российском флоте находящихся. СПб., 1780. С. 5.

* В одном из донесений Потемкину в ноябре 1783 г. отмечалось: *«В настоящем теперь Херсона состоянии нужны весьма медицинские чины, которых бы старания и ревность поспешествовать могли пресечению продолжающегося здесь несчастия»* [РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 282. Л. 74.].

свойственной ему пунктуальностью стал твердо устанавливать особый карантинный режим (Приложение 13).

Всю команду он разделил на артели. Общение одной артели с другой было строго запрещено. У каждой артели имелась своя палатка из камыша, по сторонам которой были установлены кóзлы для проветривания белья. Для больных отводились отдельные палатки. На значительном удалении располагалась больничка. Если в артели появлялся заболевший, его немедленно отправляли в отдельную палату, а старую вместе со всеми вещами сжигали. Остальные артельщики переводились на карантин. Ушаков сам неустанно за всем этим следил.

Если из лагеря кто-то отправлялся на работы или за покупками, то по возвращении офицер обязательно должен был представить Ф.Ф. Ушакову рапорт, в котором указывал, кто, где и сколько времени находился. Покупка вещей была строго запрещена. В результате проведенных мероприятий в казармах Ф.Ф. Ушакова к 4 ноября заболевания прекратились, тогда как в остальных флотских командах болезнь держалась до весны следующего года.

Для сравнения, в войсках, расквартированных в городе, также был установлен карантин. Генерал-поручик А.Б. де Бальмен докладывал князю Г.А. Потемкину о том, что в гарнизоне с 5 по 12 ноября из 2013 зараженных человек умерли 265 и что по рапортам от флотской команды в морском госпитале и лазарете числились 1097 человек[1].

Среди основных правил борьбы с эпидемией, которые применял Ф.Ф. Ушаков, соискатель выделяет:

– изоляция личного состава от внешнего мира, с разделением его на отдельные артели;

– строгая личная гигиена;

– проверка продуктов питания и питьевой воды;

– изоляция заболевших в специально отведенных камышовых палатках;

– запрещение покупки вещей;

[1] РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 282. Л. 103.

– уничтожение (сжигание) вещей и палаток заболевших;

– перевод на отдельный карантин лиц, контактирующих с заболевшими.

1 января 1784 г. Ф.Ф. Ушаков был произведен в капитаны 1 ранга. Повышение в чине, несомненно, стоит считать отличием, так как во втором ранге он проходил лишь два года. Подтверждает это и письменная благодарность Адмиралтейств-коллегии от 3 мая 1784 г. В рескрипте Екатерины II о награждении Ф.Ф. Ушакова орденом Св. Владимира IV степени отмечалось: «Усердная Ваша служба, особливое в делах радение и искусство и точное исполнение должностей с успехом и пользою Государственною обращает на себя НАШЕ внимание и милость» (Приложение 14).

Оценивая деятельность Ф.Ф. Ушакова по борьбе с эпидемией чумы в Херсоне В.П. Ильинский писал: «Во многих отдельных случаях жизни и службы адмирала Ф.Ф. Ушакова можно проследить присущую исключительным талантам способность проявлять выдающуюся инициативу во всяком деле, какое попадало в его руки. Борьба его с чумой в 1783 году в Херсоне подтверждает наличие в Ушакове такого таланта»[1].

Действия Ф.Ф. Ушакова по пресечению болезней во вверенной ему команде свидетельствуют о том, что он, с пониманием относясь к медицинским рекомендациям, строго соблюдая карантинный режим, заботясь об условиях труда и отдыха моряков на берегу, их лечении, сохранил многие жизни (Более детально деятельность Ф.Ф. Ушакова по медицинскому обеспечению рассмотрена ниже).

Давая оценку службы Ф.Ф. Ушакова в указанный период, командующий флотилией Я.Ф. Сухотин в сообщении И.Г. Чернышеву о прибытии «Св. Павла» в 1785 г. в Севастопольскую бухту писал: «Могу вашей светлости об оном господине Ушакове свидетельствовать всегдашнюю его исправность, попечение, а при сем случае он особливо доказал оные»[2]. Представленная характеристика и исследование процесса становления Ф.Ф. Ушакова

[1] *Ильинский В.П.* К биографии Ф.Ф. Ушакова: Борьба с чумой в Херсоне в 1783 г. // Морской сборник. 1915. № 4. Неофициальный отдел. С. 15.

[2] Цит. по: *Сацкий А.Г.* Федор Федорович Ушаков // Вопросы истории. 2002. № 3. С. 58.

подтверждают, что к этому времени он являлся высокоподготовленным флотским командиром, имеющим большой опыт службы.

В указанный период наравне с накоплением знаний морского дела и получением практического опыта, сложился и характер будущего флотоводца, сформировались его личностные качества, определяющие индивидуальность и самобытность.

С помощью комплексного метода изучения исторических персоналий, разработанного в современной психологии (прежде всего психолого-биографического анализа) соискатель составил психологический портрет Ф.Ф. Ушакова.

В первую очередь автор отмечает существенную роль фактора наследственности по мужской линии, что нашло отражение как в физическом, так и психологическом облике флотоводца. Сравнительный антропологический анализ (совмещение) изображений черепов, выполненный отделом идентификации личности Центра судебно-медицинской экспертизы Минздрава РФ и сопоставление черт характера с родным дядей Иваном Игнатьевичем (преподобным Феодором Санаксарским) показывает их как физическое, так и психологическое сходство.

По воспоминаниям современников, преподобный Феодор – человек высокой духовной жизни, «искренне любивший чад своих», тем не менее, был человеком строгим как в своих требованиях, так и в применении побудительного воздействия, в том числе и физического[1], что, однако, не воспринималось окружающими как форма жестокого обращения.

Подобный склад характера и образ действий был и у Ф.Ф. Ушакова. По оценке профессора В.Н. Звягина, он обладал грудным или грудно-мускульным соматотипом, которому при слабом развитии опорно-двигательного аппарата, слабом или среднем развитии мускулатуры были характерны резкие черты

[1] Приемший огонь: жизнь, страдания, подвиги преподобного Феодора Санаксарского / Авт.-сост. *Венедикт (Кулешов*), игум. Саранск, 2011. С. 79, 80.

характера[1]. Эти черты иногда проявлялись в образе общения адмирала с нерадивыми в работе подчиненными. Так в воспоминаниях современника есть упоминание о физическом воздействии на матросов во время авральных работ: «Он, Ушаков, сам за мастера… из своих рук бьет палкою, кричит ревучи[2]. Подобная оценка нашла свое отражение и в первой биографии флотоводца: «Нрава был чрезвычайно вспыльчиваго: безпорядки, злоупотребления заставляли его выходить из приличия; но гнев его скоро утихал»[3]. Это дает основание утверждать, что в поведенческом плане Ф.Ф. Ушаков был человеком эмоциональным, быстрым в реакции, имел холеричный темперамент, но при этом оставался открытым и незамкнутым.

При сравнительно ограниченном физическом ресурсе он в максимальной степени использовал свои возможности. Следовательно, надо полагать, что он добивался этого в основном за счет высоких морально-волевых качеств. Он был честолюбив и чрезвычайно настойчив в достижении поставленной цели. Имел аналитический склад ума, обладал способностью к критическому анализу своих действий и действий починенных ему сил. Из чего следует, что в самобытном складе личности Ф.Ф. Ушакова преобладала лидирующая направленность.

Таким образом, Ф.Ф. Ушаков за период становления на флотской службе прошел хорошую морскую школу, приобрел навыки командования кораблями различных классов и опыт плавания в различных широтах Мирового океана.

Выводы по главе

Подводя итог процесса формирования личности Ф.Ф. Ушакова, следует, прежде всего, заметить, что он проходил в сложный исторический период с

---

[1] Справка о результатах исследования останков адмирала Ф.Ф. Ушакова. 24 марта 2000 г. С. 3. (Копия. Из архива автора); *Звягин В.Н. и др.* Исследование скелета адмирала Ф.Ф. Ушакова // Судебно-медицинская экспертиза. 2002. № 2. С. 24.

[2] *Полномочный И.А.* Род мой и происхождение. Краткие автобиографические записки офицера Черноморского флота Ивана Андреева Полномочного (1764–1833) // Записки Одесского общества истории и древностей, 1889. Т. 15. С. 693.

[3] *Бантыш-Каменский Д.Н.* Указ соч. С. 197.

частой сменой представителей высшей государственной власти и, как следствие, с определенными изменениями в политической и социальной сферах жизни общества, что, в свою очередь, отражалось на укладе жизни, воспитании и становлении служилого сословия, в том числе и Ф.Ф. Ушакова.

Говоря о первом этапе формирования личности Ф.Ф. Ушакова, соискатель отмечает, что в процессе домашнего воспитания он получил твердую духовно-нравственную основу и определенные начальные знания. Имея сформированное мировоззрение с устоявшимися понятиями о духовно-нравственных нормах бытия, он направил свою волю на свое профессиональное и духовно-нравственное совершенствование.

Вопреки устоявшемуся в отечественной историографии мнению о его малой образованности, автор констатирует, что в Морском кадетском шляхетном корпусе Ф.Ф. Ушаков получил хорошее системное образование и определенные практические навыки. Все это послужило базой для его успешного становления на флотской службе.

В последующем Ф.Ф. Ушаков последовательно прошел все ступени корабельной службы и участвовал в решении широкого спектра задач в длительных плаваниях, при ведении боевых действий, в опытных испытаниях и строительстве кораблей, в решении военно-административных задач.

Имея высокие морально-волевые качества и командные навыки, он проявил себя хорошим организатором. Особенно ярко его организаторские способности и человеческие качества проявлялось в заботе по сохранению здоровья подчиненных. Говоря об этом аспекте его деятельности, следует также отметить, что он правильно оценивал важность гигиенических мероприятий как во время эпидемий, так и во время длительных плаваний. Тем самым, он внес существенный вклад в практическое развитие военно-морской гигиены, как отрасли военно-морской медицины. В результате многое из того, что было сделано Ф.Ф. Ушаковым в этой области и в наши дни может служить образцом предметного, а не декларативного проявления заботы командира о здоровье подчиненных.

Анализ психофизического состояния Ф.Ф. Ушакова позволяет сделать вывод о том, что он был строго мотивирован в своих действиях и имел четко выраженные ценностные ориентации.

Таким образом, к началу Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. Ф.Ф. Ушаков являлся сформировавшейся личностью с высокими профессиональными, духовно-нравственными и морально-волевыми качествами. Был лично дисциплинирован, требователен и заботлив к подчиненным, обладал незаурядными организаторскими способностями и определенными знаниями и практическим опытом в области военно-морского искусства. В совокупности это характеризовало его как высоко подготовленного флотского командира.

Глава 3. ВКЛАД Ф.Ф. УШАКОВА В СТРОИТЕЛЬСТВО ОТЕЧЕСТВЕННОГО ФЛОТА

3.1. Участие Ф.Ф. Ушакова в организации сил Черноморского флота и создании основ системы базирования

В деятельности Ф.Ф. Ушакова по военно-морскому строительству четко просматриваются несколько основных направлений, а именно: организация сил флота, их техническое оснащение, комплектование, расквартирование личного состава, всестороннее обеспечение, создание системы базирования и подготовка сил (боевая подготовка). Эта деятельность в основном происходила в процессе создания и становления Черноморского флота[1].

В рассматриваемый период Черноморский флот состоял из корабельного флота, базирующегося в Севастополе (в документах встречается название «корабельная эскадра» и «Севастопольский флот». – *Авт.*), и Лиманской флотилии, состоящей из парусной и гребной эскадр, базирующейся в Днепровском лимане. Организационную структуру флота определяло высшее военно-политическое руководство, прежде всего, Г.А. Потемкин. Ф.Ф. Ушаков со своей стороны внес определенный вклад в совершенствование организации корабельного флота.

Основная его заслуга состоит в том, что он подчинил организационную структуру флота характеру решаемых им задач. В отличие от флота Балтийского моря, который, говоря современным языком, являлся временным

[1] Юридическим актом в основании Черноморского флота явился именной указ Екатерины II от 13 августа 1785 г. екатеринославскому и таврическому генерал-губернатору, генерал-фельдмаршалу князю Г.А. Потемкину – «О распоряжениях по заведению и управлению Черноморского флота и адмиралтейства» (ПСЗ РИ. Т. XXII. № 16240). Этим Указом был утвержден штат Черноморского флота, по которому он должен был состоять из двух 80-пушечных, десяти 66-пушечных линейных кораблей; восьми 50-пушечных, шести 32-пушечных, шести 22-пушечных фрегатов; пяти 12-пушечных судов и восьми транспортов с общей численностью личного состава 13 504 человека (ПСЗ РИ. Т. 44. С. 182–186.).

оперативным объединением, формируемым под единым командованием только на период плавания или ведения боевых действий, Черноморский флот имел статус объединения, созданного на постоянной основе и имеющего штатного командующего. Однако, согласно Морскому уставу, на период плавания флот делился на эскадры (авангард, кардебаталию и арьергард) со своими эскадренными командирами (младшими флагманами), которые исполняли эти обязанности только на период плавания[1].

Ф.Ф. Ушаков первым в российском флоте начал предпринимать шаги к унификации боевой и повседневной организации сил флота. Так его приказом от 29 июня 1790 г. было определено: «Для устройства флота все стоящие на рейде корабли и фрегаты разделены вновь на эскадры… в таком порядке, как должны быть в линии»[2].

Совершенствуя данную организационную структуру флота, Ф.Ф. Ушаков вменил командирам эскадр руководство вверенными соединениями не только во время плавания, как предписывал Морской устав, но и в повседневной деятельности на берегу, о чем в приказе по флоту от 3 октября 1790 г. было определено: «… По сему назначению все оные суда господам эскадренным командирам, имея в команде своей, содержать во всяком военном порядке, охранении и бережливости по силе законов»[3].

В результате, задолго до создания флотских соединений на постоянной основе, Ф.Ф. Ушаков предпринял реальные действия в этом направлении, по оценке соискателя, намного опередив свое время*.

Кроме того, под руководством Ф.Ф. Ушакова происходило совершенствование боевой организации и на самих кораблях. Оно заключалось в наиболее рациональном распределении нижних чинов и офицеров по уровню

---

[1] Книга Устав морской. 1720 г. Репринт. М., 1993. С. 13, 14.

[2] Адмирал Ушаков. [Документы.] Т. 1. С. 200.

[3] Там же. С. 363.

* Однородные тактические соединения кораблей на постоянной основе (дивизии, бригады, дивизионы) были созданы только после Русско-японской войны 1904–1905 гг. на основании «Положения о составе и подразделении флота», утвержденного 8 октября 1907 г. Подробнее см.: Павлович Н. Б. Развитие тактики военно-морского флота. М., 1979. Ч. II. С. 242, 243.

подготовленности и знаний, как на боевых постах корабля, так и в целом на флоте. Этому способствовал ордер Г.А. Потемкина контр-адмиралу Ф.Ф. Ушакову от 14 марта 1790 г., в котором, в частности, отмечалось: «Команды разделить так, чтоб везде старых было по ровной пропорции. Командиров по судам разделить, смотря не на одно старшинство, но и на способность»[1]. Следует отметить, что указанный в ордере принцип распределения личного состава по боевым постам и кораблям стал впоследствии определяющим для составления боевых корабельных расписаний в отечественном флоте.

Одним из наиболее сложных в организационном плане был вопрос комплектования кораблей морскими служителями и офицерскими чинами. Централизовано оно велось по двум направлениям. Прежде всего, переводом личного состава с Балтики. Императрица указала генерал-адмиралу цесаревичу Павлу Петровичу 13 июня 1783 г. представить в Адмиралтейств-коллегию предложение о срочном наборе требуемого числа людей – 3878 чел.[2]

Однако ввиду высокой смертности в период эпидемии чумы в Херсоне в 1783 г., экипажи доукомплектовывались солдатами и офицерами пехотных полков, «работными людьми» с верфей и из числа переселенцев. Данная система комплектования была мерой вынужденной, поэтому имела существенные недостатки. Главным отрицательным ее следствием являлась низкая профессиональная подготовка новобранцев. Положительным моментом следует отметить практически однородный социальный (выходцы из крестьянства) и конфессиональный (православные) состав.

В своей деятельности вопросам комплектования Ф.Ф. Ушаков придавал важное значение. При невозможности перевода подготовленных матросов из северо-западного региона ввиду продолжавшейся войны со Швецией он предлагал вышестоящему командованию использовать все возможные для того времени варианты, используя комбинированную систему комплектования.

---

[1] Материалы для истории Русского флота. СПб., 1895. Ч. XV. С. 288–289.

[2] РГАДА. Ф. 21. Оп. 1. Д. 71. Л. 2, 101–102 об.

Комплектование корабельного состава нижними чинами Ф.Ф. Ушаков производил в основном за счет солдат приморских сухопутных частей, рекрутских пополнений, вольнонаемных матросов с торговых судов и представителей единоверных народов (в основном греков), поступающих в русскую службу. При этом процесс комплектования тесно был увязан со специальной методикой их подготовки к службе на кораблях.

По оценкам военного историка В.Ю. Грибовского укомплектованность Черноморского флота офицерскими чинами в начале второй Русско-турецкой войны была также невысока и составляла около 50%[1]. В связи с этим Г.А. Потемкину пришлось назначать командирами кораблей сухопутных офицеров и корабельных мастеров. В ордере Н.С. Мордвинову от 29 февраля 1788 г. говорилось: «Ежели найдется из греков, как Спиро, кто способней командовать галерою, таких определять. Подполковники Фениш и Бентам (корабельные мастера. – *Авт*.) согласятся, конечно, быть на судах. Если и еще найдутся из армейских способные офицеры, об оных дайте мне знать. Вышед заранее, и при свободном времени, могут они скоро обучиться эволюциям. А на Лимане решительность, храбрость и ревность к службе нужнее компаса и астрономии»[2].

Из приведенного высказывания следует, что высшее командование в сложившейся обстановке придавало гораздо большее значение морально-боевым качествам личного состава флота, которые были на достаточно высоком уровне, чем его профессиональным навыкам.

В процессе исследования выявлен факт отбора и отправки для обучения и службы на Черноморском флоте учащихся гарнизонных школ из Казани, Симбирска, Тамбова, Воронежа, Таганрога, Азова и других. Так к 1 сентября 1789 г. было отобрано и отправлено в Херсон 5004 чел.[3]

---

[1] *Грибовский В.Ю.* Российский Черноморский флот в морских сражениях Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. С. 7.

[2] Материалы для истории русского флота. Ч. XV. С. 97, 98.

[3] РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 497. Ч. 13. Л. 4–14 об.

Ф.Ф. Ушаков в максимальной степени стремился укомплектовать основную ударную силу – корабельный флот. В рапорте Г.А. Потемкину от 30 марта 1790 г. он отмечал: «По укомплектованию Севастопольского флота по обращении находящихся тамо батальонных служителей в матрозы и канониры и понадобится во оное звание еще в прибавок до 3 или 4 сот чел., а сие число полагаю единственно в запас, ибо в настоящих останутся немалое число за болезнью в госпитале и прочих необходимых расходов также неспособные. Солдат вместо батальонных и в прибавок в кампанию на флот потребно из Севастопольского полку и других команд, а всего до тысячи шестисот человек»[1].

Обращает на себя тот факт, что Ф.Ф. Ушаков набирал служителей сверх комплекта с поправкой на естественную убыль.

Деятельная работа Ф.Ф. Ушакова по комплектованию корабельного состава флота привела к тому, что к началу кампании 1791 г. в Севастопольском флоте некомплект составлял лишь 182 чел. (включая офицерский состав). Однако при этом на строящихся в Херсоне и Таганроге кораблях не доставало 3950 чел.[2] Это подтверждает выдвинутое положение о том, что Ф.Ф. Ушаков в первую очередь старался укомплектовать ударную силу флота, усиление которого происходило за счет ввода в строй новых кораблей. В этой связи он по мере возможности направлял на них подготовленный личный состав с кораблей действующего флота.

Данное организационное мероприятие в области комплектования позволило командующему существенно сократить сроки ввода в боевой состав флота вновь выстроенных кораблей. При этом Ф.Ф. Ушаков лично проверял качество подборки личного состава, направляемого на корабли новой постройки, проявляя при этом определенную строгость.

Так в приказе по флоту от 7 апреля 1791 г., отмечая неисполнительность капитана Д.Н. Сенявина (впоследствии адмирала), отправившего на

[1] Адмирал Ушаков. [Документы.] Т. 1. С. 123.
[2] Там же. С. 452.

формирование команды строящегося корабля больных людей, командующий флотом указывал: «… в числе командированных некоторые служители по осмотру моему оказались командированы ни мало не сходно с объявлением моего повеления; из них при фронте на опрос мой объявили они свою неспособность и видимую открыто болезнь в ногах, руках и в корпусе слабость, а у некоторых при том и большую опухоль, при которой верховой матросской работы исправлять никак не могут»[1]. В результате к Д.Н. Сенявину были приняты строгие меры дисциплинарного воздействия, а больные матросы были заменены здоровыми.

Особую заботу Ф.Ф. Ушакова составляло комплектование экипажей младшим офицерским составом. В этом контексте наиболее пристальное внимание командующего было обращено на выпускников Корпуса чужестранных единоверцев в Николаеве. Ввод их в строй Ф.Ф. Ушаков разделил на два этапа. В начале они направлялись для прохождения практики на линейные корабли, а затем назначались командирами крейсерских судов и бригантин[2]. Одним из выпускников данного Корпуса был и Егор Метакса – впоследствии автор упоминаемых Записок о Средиземноморской кампании адмирала Ф.Ф. Ушакова[3].

В результате целенаправленной работы контр-адмирала Ф.Ф. Ушакова по комплектованию флота, в ходе Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. ему, несмотря на все трудности, удалось успешно решить этот вопрос. Подтверждением может служить письмо Ф.Ф. Ушакова Н.С. Мордвинову от 19 мая 1794 г., в котором говорится: «… в прошлое время на последнюю кампанию при окончании войны флот комплектован был по недостаткам в

[1] Адмирал Ушаков. [Документы.] Т. 1. С. 465.

[2] Там же. С. 492, 499.

[3] *Метакса Е.* Записки флота капитан-лейтенанта *Егора Метаксы*, заключающие в себе повествование о военных подвигах Российской эскадры, покорившей под начальством адмирала Федора Федоровича Ушакова Ионические острова при содействии Порты Оттоманской в 1798 и 1799 годах. Пг., 1915.

полках служителей с 4-х полков, когда у нас в матросах и канонир было с немалым излишеством…»[1].

Сверхштатным комплектованием экипажей Ф.Ф. Ушаков достигал усиления боевых возможностей кораблей. Понимая, что для орудий больших калибров необходима и большая по численности в отличие от штатного расписания прислуга, он добился ее увеличения. Для выхода в море он прибегал к замене менее опытных матросов более опытными с кораблей, остающихся в базе (Приложение 15). В результате Ф.Ф. Ушаковым была создана гибкая система комплектования, наиболее точно отвечающая характеру решаемых флотом задач.

Вопрос комплектования флота личным составом Ф.Ф. Ушаков тесно связывал с вопросом его расквартирования в пунктах базирования.

Давая оценку деятельности Ф.Ф. Ушакова в этом направлении, следует отметить, что с прибытием в 1785 г. основных сил флота в Севастополь вопрос расквартирования стоял очень остро, и в первый год, ввиду объективных обстоятельств, вообще не решался. В этой связи личному составу вместе с офицерами приходилось жить на кораблях[2]. В последующем работы по строительству казарм и других береговых сооружений пришлось вести самим морякам. Эффективность этих работ во многом зависела от организаторских способностей командиров.

Ф.Ф. Ушаков на этом этапе принимал энергичные меры к решению проблемы расквартирования. По вспоминаниям участника событий – корабельного мастера с корабля «Св. Павел» И.А. Полномочного – «Ушаков сам за мастера, офицеры за урядников, унтер офицеры всех званий и рядовые употреблялись в работе: кто с носилками, другие камень носят и землю, колья бьют»[3].

---

[1] Адмирал Ушаков. [Документы.] Т. 1. С. 606.

[2] *Полномочный И.А.* Род мой и происхождение. Краткие автобиографические записки офицера Черноморского флота Ивана Андреева Полномочного (1764–1833) // Записки Одесского общества истории и древностей, 1889. Т. 15. С. 693.

[3] Там же. С. 693.

Остроту проблемы расквартирования подчеркивал тот факт, что, несмотря на сложную военно-политическую обстановку, в кампанию 1786 г. флот не выходил в море, потому как его личный состав был полностью задействован на решении данной проблемы. Об интенсивности работ и вкладе Ф.Ф. Ушакова в их завершение тот же источник сообщает: «В 1786 г. не выходили никуда корабли и фрегаты ни на рейд, ни в море, а проводили работу при береге; тут мы казармы построили на мыску **первые** (выделено мной. – *Авт*.), и магазины сделали на пристани каменные для уклажи корабельных вещей»[1].

В полной мере организаторские способности Ф.Ф. Ушакова по расквартированию личного состава проявились с его назначением в 1790 г. командующим корабельным флотом. Если в начальный период основным критерием была близость мест расквартирования к кораблям, то в последующем Ф.Ф. Ушаков сместил акценты в сторону сохранения здоровья личного состава и соблюдению мер гигиены.

Первые казармы, выстроенные в низменных местах, оказались не пригодными для жизни по медицинским показаниям. В этой связи Ф.Ф. Ушаковым было принято решение о строительстве казарм на возвышенных местах при строгом соблюдении мер гигиены. В его приказе от 17 марта 1792 г. отмечалось: «Господа командующие благоволят в командах своих приказать, чтобы на дворах и около казарм, где живут служители, имели и содержали всю наивозможную чистоту: на дворах и близко жилья нигде отнюдь ничего не лить, дабы никакой мокроты и вредного воздуха от того не было»[2]. При этом он лично неоднократно посещал казармы, наблюдая за соблюдением в них чистоты и порядка, делая конкретные замечания и давая указания к их устранению: «Во многих казармах стекла в окончиках многие разбиты и вывалились, рекомендую от порта оные приказать исправить»[3].

---

[1] *Полномочный И.А.* Указ. соч. С. 694.
[2] Адмирал Ушаков. [Документы.] Т. 1. С. 561.
[3] Там же. С. 580.

Другими важными критериями в организации расквартирования личного состава являлось соблюдение мер безопасности и сохранение боеспособности служителей. Так в приказе по флоту от 9 января 1792 г. Ф.Ф. Ушаковым было объявлено: «Словесными приказаниями запрещено от меня, чтобы поблизости служительских казарм, а особливо при берегах близости военных судов, отнюдь никаких строений и жительства сторонним людям тут не позволять… Посему рекомендую всем господам командующим, ежели близ команды и военных кораблей таковые и сторонние хижины окажутся построены без позволения главного начальника, приказать все таковые немедленно хозяевам оных сломать и место очистить… Рекомендую сделать обстоятельный осмотр во всех казенных строениях принадлежащих мест, не окажется ль где в таковых хижинах подобного злоупотребления непозволительной продажи ими вина, ежели окажется верное подозрение, приказать немедленно таковые строения разломать и место очистить»[1].

В результате целенаправленной организационной работы Ф.Ф. Ушакова Черноморский флот имел передовую стройную организационную структуру, в максимально возможной степени был укомплектован и расквартирован в пунктах базирования.

Другой важнейшей сферой деятельности Ф.Ф. Ушакова являлось рганизация и осуществление всестороннего обеспечения флота.

Анализ документов дает основание говорить о том, что к наиболее важным видам обеспечения боевой деятельности флота Ф.Ф. Ушаков относил: разведку, защиту объектов флота от всех средств поражения (инженерное), навигационно-гидрографическое, гидрометеорологическое и противодесантное, что современным военным лексиконом определяется как *оперативное обеспечение*[2]. Деятельность Ф.Ф. Ушакова по данному виду обеспечения детально рассмотрена в Гл. 4. В этой связи, более подробно соискатель

[1] Адмирал Ушаков. [Документы.] Т. 1. С. 557, 558.
[2] Там же. С. 81, 90, 91, 95, 101, 102, 131, 141, 142, 144, 149, 168. 187.

остановился на деятельности Ф.Ф. Ушакова по другим видам обеспечения флота, прежде всего технического.

Характер решаемых Черноморским флотом задач и высокая персональная ответственность командующего за их неукоснительное выполнение определяли важность вопросов технического обеспечения флота. Кроме того, острота вопроса усиливалась в связи с тем, что, в отличие от кораблей балтийской постройки, черноморские, в виду ряда причин, имели более низкую надежность. В этой связи особую заботу Ф.Ф. Ушакова составляло поддержание флота в постоянной боевой готовности, пополнение запасов вооружения и технических средств, а также восстановление боеспособности кораблей после боевых и аварийных повреждений.

Анализ служебной переписки Ф.Ф. Ушакова в период второй Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. свидетельствует о том, что примерно третья ее часть была отведена вопросам технического и тылового обеспечения (в XVIII в. строгого деления данных видов обеспечения не существовало).

Сложная, забюрократизированная, в отдельных случаях коррумпированная система поставок материальных средств и средств технического довольствия на Черноморский флот во многом компенсировалась высокими организаторскими способностями Ф.Ф. Ушакова. Одним из примеров, подтверждающих выдвинутое положение, является его работа по восстановлению кораблей, получивших серьезные повреждения при плавании флота в штормовую погоду в осеннюю кампанию 1787 г., за что 1 января 1788 г. он был награжден орденом Св. Владимира 3 степени[1].

Особую заботу командующего флотом составляло восстановление кораблей после боевых повреждений. Так его приказом по флоту от 15 июля 1790 г. определялось: «Повреждения после бою от пробоин полученных, последовавшие на кораблях и фрегатах в корпусе, в мачтах, стеньгах, реях и прочем, должно в наискорейшем времени исправить»[2].

---

[1] Общий морской список. СПб., 1890. Ч. 5. С. 625.

[2] Адмирал Ушаков. [Документы.] Т. 1. С. 238.

При восстановлении сил флота Ф.Ф. Ушаков добивался скорейшей поставки в пункты базирования всех видов технического довольствия. Характерным из многочисленных его обращений в Черноморское адмиралтейское правление является рапорт от 17 июля 1790 г., в котором говорится: «… как здесь в Севастополе в перемену оных вещей (рангоут, такелаж и артиллерийские боеприпасы. – *Авт*.) и ко употреблению на будущее время в наличии не состоит, да и сверх оных и прежде сего многих вещей в комплектное положение не доставало ж, потому и прошу… не оставить наискорейшею присылкою оных сюда, дабы флот к выходу в море не имел в них остановки»[1].

Ф.Ф. Ушаков всегда добивался полного восстановления боеспособности кораблей, и в отдельных случаях даже задерживал выход флота в море. Так в начале кампании 1791 г., имея предписание Г.А. Потемкина от 11 мая выйти в море на поиски турецкого флота, Ф.Ф. Ушаков из-за отсутствия материальных поставок для ремонта кораблей вывел флот только 10 июня[2].

В результате напряженной и эффективной работы Ф.Ф. Ушакова по техническому обеспечению флота был налажен и отработан механизм пополнения запасов и восстановления боеготовности кораблей, принявший к концу XVIII в. системную форму.

В связи со значительной удаленностью мест базирования Черноморского флота от основных производственных и добывающих районов страны руководству Черноморского адмиралтейского правления и командованию флота приходилось прилагались большие усилия по тыловому обеспечению флота, которое в то время включало в себя: материальное (продовольственное и вещевое), финансовое, медицинское и торгово-бытовое.

Важность, которую Ф.Ф. Ушаков придавал тыловому обеспечению, подтверждается в одном из его посланий к императору во время Средиземноморской экспедиции 1798–1800 гг.: «Мы не желаем никакого

[1] Адмирал Ушаков. [Документы.] Т. 1. С. 240.
[2] РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 594. Л. 308.

награждения, лишь бы только служители наши, столь верно и ревностно служащие, не были бы больны и не умирали с голоду»[1]. Можно без преувеличения сказать, что данные утверждения являлись своеобразными принципами деятельности Ф.Ф. Ушакова на данном направлении, что, с точки зрения диссертанта, весьма поучительно для современного поколения военачальников.

Система тылового обеспечения к тому времени была в основном отлажена. На флоте были сформированы и функционировали соответствующие службы, деятельность которых регламентировалась Морским уставом. Однако на Черноморском флоте данная система ввиду неблагоприятных как объективных, так и субъективных факторов, постоянно давала сбои. Многочисленные недостатки в системе тылового обеспечения компенсировались эффективной организаторской деятельностью командующего флотом, в том числе и за его личный счет.

Анализ деловой переписки Ф.Ф. Ушакова показывает, что тревогу вызывали вопросы продовольственного и финансового обеспечения флота. Характерным из многочисленных обращений командующего является рапорт на имя Г.А. Потемкина от 26 июня 1790 г., в котором говорится: «При отправлении флота в море почитаю необходимо надобным дать на все корабли по нескольку денег на покупку свежей провизии для содержания случающихся больных служителей и на прочие надобности; не имея ж я здесь денежной казны, в надежде милостей Вашей Светлости некоторую сумму денег займу здесь на свой щет и оную надобность исправлю»[2].

Наибольшие трудности с обеспечением флота продовольствием возникли в период Средиземноморской экспедиции 1798–1800 гг., которые, по мнению автора, не могли быть преодолены без личного участия Ф.Ф. Ушакова. Вопросы обеспечения эскадры продовольствием из-за невыполнения своих обязательств союзной стороной поднимались русским адмиралом практически

[1] Цит. по: *Скаловский Р.К.* Жизнь адмирала Федора Федоровича Ушакова. С. 321.
[2] Адмирал Ушаков. [Документы.] Т. 1. С. 194.

в каждом его обращении к российскому посланнику в Турции и лично императору[1]. Благодаря этому к середине кампании процесс обеспечения эскадры продовольствием был отлажен, а русский флот получил богатый опыт организации обеспечения сил флота в коалиционной войне.

Основной статьей расходов финансовых средств Ф.Ф. Ушаков считал восстановление и поддержание технической готовности кораблей, о чем свидетельствуют его многочисленные обращения в Черноморское адмиралтейское правление и к Г.А. Потемкину[2].

Постоянный недостаток финансовых средств заставлял адмирала буквально дорожить каждой копейкой, но при этом, как видно из приведенного выше рапорта, он не жалел собственных средств для нужд флота. Историк Д.Н. Бантыш-Каменский по этому поводу отмечал, что Ф.Ф. Ушаков «чрезмерно дорожил казенным интересом, утверждая, что в собственных деньгах должно быть щедрым, в казенных скупым, и правило сие доказывал на деле»[3].

Забота, с какой Ф.Ф. Ушаков относился к вопросам финансирования, подтверждается тем, что «в необходимых случаях и надобностях, когда в Контору Севастопольского порта денег из Черноморского Адмиралтейского правления по неимуществу присылаемо не было, многократно вспомоществовал заимообразно казне выдачею собственных моих денег и тем удовлетворял и поддерживал всякую необходимость»[4].

Как один из источников пополнения флотской казны Ф.Ф. Ушаков использовал «призовые» деньги (средства, выплачиваемые государством за уничтоженные или плененные корабли противника). При этом морально-нравственный аспект в их распределении он считал не менее важным. В его рапорте от 4 апреля 1791 г. говорилось: «… из оных призов ценою до пятнадцати тысяч рублей… третья часть… получена в здешнее казначейство...,

[1] Адмирал Ушаков. [Документы.] Т. 2. С. 71, 72, 95, 101, 180, 187, 204, 206, 209, 225, 230, 236, 240, 246, 256, 269, 293, 304, 328, 334, 336. 348, 411, 449.

[2] Там же. Т. 1. С. 122, 123, 176, 194, 198, 234, 547.

[3] *Бантыш-Каменский Д.Н.* Указ. соч. С. 197.

[4] Адмирал Ушаков. [Документы.] Т. 2. С. 5–7.

из оставшейся третьей части на всю эскадру нижних чинов выдано по одному рублю, а затем уже оставшие до шестисот рублей приказал я употребить на госпиталь в пользу больных служителей»[1].

Принципиальной статьей расходов Ф.Ф. Ушаков считал своевременное финансовое довольствие личного состава. Анализ документов показывает, что без его личного участия во многих случаях данный вопрос не решался бы. Характерным примером такого участия Ф.Ф. Ушакова является его рапорт в Контору главного командира Черноморских флотов от 12 августа 1798 г., в котором говорится: «Я и многие служители не получили за сентябрьскую прошлого 1797 года треть денежного жалования и обер-офицеры тоже по неимению денежной казны не удовольствованы порционными деньгами, служители же с начала нынешнего 1798 года не получали мундира никакого, кроме 3 годовых голландских рубах с брюками. Все оное равно заслуженное сего года за генварскую треть денежное жалование прошу, если возможно будет, доставить на эскадру, что почитается и есть необходимо будет к удовлетворению служителей надобно»[2].

Как показывает опыт, Ф.Ф. Ушаков также не жалел средств на закупку продовольствия для личного состава. В письме В.С. Томаре о присылке денег для борьбы с желудочно-кишечными заболеваниями команды от 15 сентября 1798 г. он писал: «От употребления здешней воды в питье служители заметно начали прибывать больные; я полагаю, необходимо на первый случай надобно в питье производить им, мешая виноградное вино и уксус, которых потребуется немалое количество, и должно будет их покупать во всех местах, где только случай позволит… По таковым обстоятельствам покорнейше прошу испросить через Вас от кого надлежит и доставить ко мне еще шестьдесят тысяч рублей… в крайней необходимой надобностью почитаю сбережение людей в здоровье делать разные покупки потребностей, ибо весьма нужно беречь людей от болезней при первом ныне вступлении в Архипелаг. По замечаниям всегда на

[1] Адмирал Ушаков. [Документы.] Т. 1. С. 463.
[2] Там же. Т. 2. С. 71.

первый случай при перемене климата и воды люди делаются больные, а хорошее довольствие их при первом случае может от того сохранить»[1].

В результате диссертант констатирует, что вопросы продовольственного и финансового обеспечения Черноморского флота удавалось решать во многом благодаря личному участию Ф.Ф. Ушакова, в результате чего процесс совершенствования системы обеспечения происходил более интенсивно.

Вещевое обеспечение напрямую было связано с финансовым, и, ввиду недостатка в последнем, составляло серьезную проблему, требующую личного вмешательства командующего флотом. Так в период Средиземноморской экспедиции 1798–1800 гг. Ф.Ф. Ушакову пришлось докладывать об этом императору Павлу I. В рапорте от 18 декабря 1798 г. он отмечает: «… служители при эскадре, мне вверенной, крайнюю нужду терпят, не имея платья и обуви, не получая оных на нынешний год. И как обмундирование оных иметь будем, средств никаких не нахожу, ибо в здешнем краю ни мундирных материалов, ни обуви, даже и весьма за дорогую цену достать невозможно»[2].

В своевременном вещевом обеспечении личного состава Ф.Ф. Ушаков видел, с одной стороны, залог здоровья подчиненных, а с другой, одну из форм работы по поддержанию воинской дисциплины.

Основной целью медицинского обеспечения для Ф.Ф. Ушакова являлось сохранение здоровья личного состава флота. Данному виду обеспечения он придавал особо важное значение. Это было вызвано тем, что основная убыль подготовленного личного состава происходила не в результате боевых потерь, а вследствие высокой заболеваемости и смертности, что приводило к большим усилиям командования и затратам казны на комплектование и подготовку нового пополнения. Однако, как уже отмечалось, Ф.Ф. Ушаков руководствовался не только и даже не столько прагматическими соображениями, а скорее христианскими чувствами сострадания и милосердия к подчиненным.

---

[1] АВПРИ. Ф. 90. Оп. 1. Д. 1396. Л. 71.
[2] Там же. Л. 143.

По оценке автора, успехам Ф.Ф. Ушакова в борьбе за сохранение здоровья подчиненных во многом способствовал приобретенный опыт в период похода в Архангельск (1766–1767 гг.), службы в Азовско-Донской флотилии (1770–1772 гг.), походов в Средиземное море (1776–1779 гг.) и (1781–1782 гг.), и, особенно, в период борьбы с эпидемией чумы в Херсоне (1783 г.).

Деятельность Ф.Ф. Ушакова в этом направлении началась с первого дня его пребывания в Севастополе[1] и в последующем носила системный характер.

Системный подход в вопросах сохранения здоровья личного состава флота четко прослеживается в его приказе от 29 февраля 1792 г., в котором говорилось: «Рекомендую всем господам командующим судов, при порте находящимся, о сохранении служителей в здоровье иметь наиприлежнейшее смотрение и употребить все внимание узнать причину, от чего приумножение больных вдруг началось и приумножается; также рекомендую господину доктору фон Вилингу, собрав лекарей, сделать с ними обстоятельное испытание и рассмотреть, опрашивая всех вновь прибывших больных подробностию об обстоятельствах, где сии люди пред сим находились, какие имели упражнения, в работах ли бывших или большей частию от бытности в квартирах ли, и отчего именно окажется такая великая прибыль больных, с обстоятельством мне рапортовать, также и впредь всегда оное соблюдать с прилежнейшим вниманием и, объявя, предостерегать по командам»[2].

В самый напряженный момент вооруженного противоборства с Турцией в кампанию 1790 г. им было принято решение о строительстве госпиталя на 300 коек. Обоснование этого решения находится в письме М. Л. Фалееву от 12 декабря, в котором отмечается: «Как ныне Черноморский флот, состоящий при Севастополе, весьма против прежняго умножился, а строений для жилья служителей весьма мало, магазин также недостаточно, госпиталей годных нет, больные содержатся вместо госпиталей в прежде построенных в низинах и нездоровых местах маленьких и неспособных фрегатских казармах»[3].

---

[1] *Полномочный И.А.* Указ. соч. С. 693.

[2] Адмирал Ушаков. [Документы.] Т. 1. С. 560.

[3] Государственный архив Николаевской области. Ф. 243. Оп. 1. Д. 41. Л. 2.

Все строительные работы, ввиду недостаточного финансирования из казны и, несмотря на ведение активных боевых действий, велось силами личного состава флота. В соответствующем приказе по флоту от 20 июля 1790 г. по этому поводу говорилось: «Желательно поспешить отстройкою новой госпитали, для сего господа командующие со всего флота кораблей, фрегатов и прочих судов благоволят послать знающих каменную работу служителей всех, сколько у кого таковых есть, не удержав ни одного, ибо так надобность требует»[1].

Несмотря на большую загруженность, Ф.Ф. Ушаков не упускал возможности лично посещать больных и направлять деятельность подчиненных командиров, в том числе и **эскадренных,** по уходу за ними. В зависимости от тяжести заболевания он определял место лечения больных – в казарме или госпитале. Характерным в этом отношении является приказ по флоту от 25 сентября 1792 г. В нем говорится: «При посещении моем находящихся при командах больных служителей с сожалением видел я, что в некоторых казармах недостаточно соблюдена чистота, которая долженствует служить к сохранению здоровья… Рекомендую господам **эскадренным командирам** (выделено мной. – *Авт.*), приказать во всех казармах, где служители жительство имеют, соблюдать достаточную чистоту…

При умножении больных служителей, в которых командах есть удобность, приказано от меня больных служителей, не отсылая в госпиталь, пользовать при командах, а как усматриваю я, что из таковых есть много, которым необходимо должно производить госпитальное содержание, для сего рекомендую господам командующим на таковых совершенно больных людей требовать от госпиталей все положенное содержание…»[2].

[1] Адмирал Ушаков. [Документы.] Т. 1. С. 189.
[2] Там же. С. 579, 580.

Исследование показало, что вопросы снабжения госпиталя медикаментами, продуктами питания, а также комплектование медицинскими чинами были на постоянном контроле у командующего[1].

Большой практический опыт Ф.Ф. Ушакова в вопросах гигиены и ухода за больными позволили ему давать конкретные указания по тактике лечения отдельных заболеваний (Приложение 16). Во время вспышки заболевания «поносом» в декабре 1792 г. в качестве профилактических мер и укрепления организма он дал следующие рекомендации: «… ко отвращению сей болезни и сбережению подкрепления таковых больных служителей, почитаю необходимой нужды пищи производить вместо аржаного хлеба булки, также вместо другой порции кисель, студень и яйца, к пользованию ж потребно давать им красное … вино»[2]. По оценке профессора кафедры факультетской хирургии Российского государственного медицинского университета – В.А. Петухова, данные Ф.Ф. Ушаковым более 200 лет назад рекомендации были направлены на увеличение калорийности продуктов питания для энергетической поддержки организма и являлись правильными и своевременными для восстановления заболевших и пресечения вспышки заболеваемости среди личного состава.

Здесь же следует отметить, что мероприятия, проводимые Ф.Ф. Ушаковым в этом направлении, получили достаточно высокую оценку в современной военной медицине. Так по заключению ученых Государственного научно-исследовательского испытательного института военной медицины МО РФ, «многие организационные меры по контролю за качеством питания, предлагаемые Ушаковым, могут быть использованы в настоящее время»[3].

Кроме того, Ф.Ф. Ушаковым многое было сделано для улучшения режима службы и отдыха морских служителей. По мнению соискателя, и в современных условиях нижеприводимые указания Ф.Ф. Ушакова в этой

---

[1] РГАДА. Ф. 21. Оп. 1. Д. 83 (О комплектовании Черноморского флота 1789–1793); Адмирал Ушаков. [Документы.] Т. 1. С. 482, 571.

[2] Адмирал Ушаков. [Документы.] Т. 1. С. 590, 591.

[3] *Ушаков И.Б., Бумай О.К.* Святой адмирал Федор Ушаков о нравственном и физическом здоровье. М. – СПб. – Темников: Воронеж, 2003. С. 12.

области, могут служить образцом заботы командира о здоровье подчиненных: «Во все сие время, пока служители от приумножения болезней не получат совершенную свободу, на работы по утрам рано не высылать и особливо в мрачные и дурные от воздуха дни и вечера также на работе долго не удерживать. Словом, пока служители приведены будут в совершенное здоровье, должно непременно ж все меры употреблять о их выздоровлении, сохранении и довольствии, хотя бы в работах некоторые упущения случались... Весьма найду себя довольным, в которых командах замечу отменное радение и расторопность в сохранении людей»[1].

При этом другой характерной чертой деятельности Ф.Ф. Ушакова в вопросах медицинского обеспечения является строгость, проявляемая им к командирам кораблей за упущения по сбережению здоровья подчиненных (Приложение 17). Так приказом от 23 марта 1791 г. им был объявлен выговор командиру линейного корабля «Св. Павел» капитану 1 ранга А.Г. Баранову: «… с сожалением видел двоекратно в команде г. Баранова необыкновенное против прочих множество больных людей… почитаю ж я, что тогда начало болезни в той команде последовало от неосторожной его посылки людей за камышом в Аккерман (Инкерман. – *Авт*.) и в перевозке оного на строющийся тогда его в Южной бухте хутор; Объявя о сем ему, г. Баранову, в подтверждение моих приказаний сим письменно еще подтверждаю, дабы употребил он всевозможное старание безотговорочно о исполнении упоминаемых должностей»[2].

Деятельность Ф.Ф. Ушакова по расквартированию и сохранению здоровья личного состава Черноморским адмиралтейским правлением была признана положительной, о чем в докладе Екатерине II от 13 мая 1792 г. отмечалось: «Г. контр-адмирал Ушаков, коль скоро освободился от военных трудов, обратил свое усердие к построению жилищ и сооружению госпиталя. Перенесением казарм на возвышенные места из низменных, лежащих внутри

[1] Адмирал Ушаков. [Документы.] Т. 1. С. 586.
[2] Там же. С. 462, 463.

бухт, где воздух не имеет свободного течения и тем самым зловреден, оказал он важную услугу, ибо с тех пор число больных и умирающих приметно уменьшилось»[1].

Документы свидетельствуют, что в результате целенаправленной системной работы Ф.Ф. Ушакова по медицинскому обеспечению число больных и умерших на флоте снизилось в три раза[2], что говорит о высокой эффективности деятельности командующего в этом направлении.

Вопросы торгово-бытового обеспечения Ф.Ф. Ушаков как командующий флотом также не выпускал из поля зрения, так как это напрямую отражалось на финансовом положении подчиненных и их морально-физическом состоянии.

В этой связи он всегда своевременно реагировал на все нарушения в этой сфере. Так в приказе от 31 мая 1792 г. он отмечает: «Беспрестанно доходят мне жалобы от состоящих во флоте Черноморском господ штаб и обер-офицеров и нижних чинов служителей на чрезвычайно неумеренную дороговизну продающихся в Севастополе: свежее мясо продается не менее по 5, а баранье по 7 копеек фунт. Ко облегчению от сего служителей отягощения писал я в губернию и просил изыскания средств к предвидению всякой здесь продажи, дешевую и неумеренную цену призывал здесь всех торгующих и уговаривал их многократно на выполнение»[3].

Серьезной проблемой для Севастопольской базы Ф.Ф. Ушаков считал обеспечение пресной водой и лично занимался вопросами ее доставки и строительства водоводов из Балаклавы и из Качи[4].

В результате накопленный Ф.Ф. Ушаковым богатый практический опыт существенно повлиял на формирование системы всестороннего обеспечения сил флота на юге Российской империи. Благодаря усилиям командующего данная система была существенно оптимизирована и приняла наиболее эффективные формы.

---

[1] Адмирал Ушаков. [Документы.] Т. 1. С. 566.
[2] Там же. С. 565.
[3] Там же. С. 568.
[4] Там же. С. 596.

Одним из важнейших элементов строительства Черноморского флота являлось создание системы базирования, основу которой составляли пункты базирования флота (базы). После подписания 2 февраля 1784 г. документов с Турцией об окончательном присоединении Крыма к России в тот же день был подписан именной указ об учреждении Таврической области[1]. А уже 10 февраля был издан указ об устройстве на южных рубежах новых укреплений, среди которых должно было выстроить и «крепость большую Севастополь, где ныне Ахтияр и где должны быть Адмиралтейство, верфь для перваго ранга кораблей, порт и военное селение»[2]. В результате Севастополь официально стал основным местом пребывания строящегося Черноморского флота, торговым портом и крепостью.

В процессе исследования выявлены два важных ранее не введенных в научный оборот документа, послуживших основанием для создания базы Черноморского флота в Севастопольской бухте (пункта базирования). Это, так называемая, «Краткая идея об укреплении Севастопольского пристанища» (Приложение 18) и разработанный Г.А. Потемкиным на ее основе в 1786 г. 10-летний план строительства Севастополя (Приложение 19).

Выбор Севастопольской бухты в качестве базы Черноморского флота определялся выгодным в стратегическом отношении положением и благоприятными гидрологическими и метеорологическими условиями, о чем в «Краткой идее об укреплении Севастопольского пристанища» говорилось: «Разсматривая пользу сего места, находим мы, что по близкому его к турецким берегам положению оно весьма способно содержать в страхе все прилежащия к ним селения, прикрывать наши торги и подвозы, идущие от устья Днепрскаго и Азовскаго моря, тревожить купеческия неприятельския суда по всему Черному морю и самые его военные флоты встречать можно почти при самом их выступлении из Константинопольскаго пролива. Сие пристанище вместить

[1] ПСЗ РИ. Т. XXI. № 15920.
[2] Там же. № 15929.

может самые многочисленные флоты… 150 больших судов в сем пристанище весьма просторно на якоре стоять могут»[1].

Исходя из этого, планом Г.А. Потемкина были намечены основные направления и сроки строительства пункта базирования флота. Анализ документа позволяет судить о том, что основу плана составляли три главных направления: строительство оборонительно-фортификационных сооружений, «чтоб устье Севастопольскаго пристанища защитить сильным огнем»[2], строительство причальных сооружений с ремонтно-восстановительной базой флота и строительство систем жизнеобеспечения.

Начавшаяся в 1787 г. война с Турцией внесла определенные коррективы в реализацию данного плана, однако, по мере возможностей, инициативой и стараниями Ф.Ф. Ушакова он претворялся в жизнь.

В ходе начавшейся войны оборона Севастопольского и прилегающих рейдов стала одной из важнейших задач командования флота, в связи с чем Ф.Ф. Ушаков придавал большое значение строительству оборонительных сооружений. Так в рапорте Г.А. Потемкину от 1 сентября 1789 г., говоря о незащищенности Балаклавской бухты, он предлагал: «… Не угодно ли будет приказать поставить туда одно вооруженное из корсарских судов, также на восточном мысу Балаклавской гавани сделать кому подлежит маленькую батарею»[3].

Ф.Ф. Ушаков принял определенное участие в разработке и реализации планов строительства оборонительных фортов и батарей в Севастополе. Так в 1793 г. он обсуждал с А.В. Суворовым составленный последним «План Севастопольским укреплениям»[4].

Важно отметить, что А.В. Суворов был первым, кто еще весной 1778 г. начал приведение побережья Крыма «к надлежащей обороне». Для контроля за побережьем его разделили на четыре сектора, в каждый из которых направили

---

[1] РГАДА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 365. Л. 153.
[2] Там же. Л. 162.
[3] Адмирал Ушаков. [Документы.] Т. 1. С. 101.
[4] *Скориков Ю.А.* Севастопольская крепость. СПб., 1997. С. 29.

по бригаде войск. Внутри самих секторов А.В. Суворов лично выбрал участки, по его мнению, наиболее удобные для высадки войск противника, где оборудовали специальные укрепленные пункты. При этом главным пунктом обороны был определен Ахтиар, где должна была сосредоточиться 2-я бригада, состоящая из трех полков, трех гренадерских батальонов, егерского батальона и двух казачьих полков. В целях обороны побережья со стороны моря осуществлялось крейсерство силами Азовской флотилии[1].

Не оспаривая вклад выдающегося полководца в создание системы укреплений на юге России, вместе с тем соискатель отмечает, что проведенный сравнительный анализ данного «Плана» показал его схожесть в главных деталях «Краткой идеей об укреплении Севастопольского пристанища» 1786 г., составленного по поручению Г.А. Потемкина. В этой связи соискатель выдвигает предположение, что выявленный в процессе исследования документ в свое время лег в основу названного плана А.В. Суворова.

Основным документом, регламентирующим реализацию вышеуказанного «Плана», явилось подписанное А.В. Суворовым «Распоряжение для производства работ предполагаемых к защищению Севастопольской гавани»[2]. В соответствии с указанным «Распоряжением» Инженерным ведомством была создана Южная экспедиция, которая приступила к строительству трех фортов, впоследствии усовершенствованных и названных именами цесаревичей (Александровского, Константиновского и Николаевского), на южной и северной сторонах Севастопольской бухты.

Создаваемая Ф.Ф. Ушаковым система обороны пунктов базирования Черноморского флота предполагала обеспечение надежной связью и средствами взаимного опознавания кораблей и береговых фортов. Так в рапорте генерал-аншефу М.В. Каховскому от 10 мая 1790 г. Ф.Ф. Ушаков докладывает: «Учрежденные на нынешнее лето для опознавания российских судов, с моря идущих, сигналы, какие даны будут со оных судов, подходя в

[1] См.: *Масловский Д.* Оборона берегов Суворовым (Кинбурнская операция 1787 г.) // Военный сборник. 1894. № 2. С. 228.

[2] *Скориков Ю.А.* Указ. соч. С. 31.

близость к нашим берегам, где есть форпосты и крепости, и какой ответ должен быть с тех форпостов и крепостей, которым сей сигнал учинен будет, описание при сем к Вашему Высокопревосходительству передать честь имею и прошу во все места по набережным, где есть форпосты и крепости, об оном дать знать и повелеть чинить исполнение»[1].

Кроме того, для усиления обороны пунктов базирования Ф.Ф. Ушаков привлекал не только брандвахтенные (караульные), но и основные силы флота. Подтверждением является его рапорт Г.А. Потемкину от 16 мая 1790 г. о выходе крейсерской эскадры в море, в котором отмечается: «Отправляясь я из Севастополя, **для предосторожности на всякий случай** (выделено мной. – *Авт*.) приказал корабли «Рождество Христово», «Марию Магдалину», «Преображение», «Святой Павел», «Владимир» и «Петр Апостол» вывести на рейд и быть к выходу в море во всякой исправной готовности»[2].

В другом документе – приказе Д.А. Доможирову о его временном командовании Севастопольским портом ввиду выхода флота в море от 30 июня 1790 г. – Ф.Ф. Ушаков дает распоряжение, «чтоб порт не остался без защиты, поставить их (фрегат «Евангелист Лука» и пинк «Анатолия». – *Авт*.) на рейд и велеть быть на всякий непредвиденный случай ко отражению неприятеля готовым»[3].

В целях обороны пунктов базирования и безопасной стоянки кораблей в ночное время, Ф.Ф. Ушаков ввел обязательное патрулирование акватории в местах стоянки кораблей шлюпками, выделяемыми поочередно с каждого корабля, т.е. установил дежурство[4].

По мнению диссертанта, подобные мероприятия привели не только к совершенствованию брандвахтенной службы, но и стали прообразом создания

[1] Адмирал Ушаков. [Документы.] Т. 1. С. 141.
[2] Там же. С. 150.
[3] Там же. С. 202.
[4] Там же. С. 178.

впоследствии дежурных сил в пунктах базирования и установления степеней готовности сил*.

В результате напряженной деятельности Ф.Ф. Ушакова по строительству фортификационных укреплений в Севастополе порт был окружен широкой сетью фортов, целесообразность и качество которых в полной мере были оценены в период знаменитой Севастопольской обороны 1854–1855 гг.

Не меньшее внимание Ф.Ф. Ушаковым было обращено строительству причальных сооружений. Оно имело свои особенности и осуществлялось с таким расчетом, чтобы корабли могли подходить к причалам бортом и производить погрузочно-разгрузочные работы по специальным «склозам», положенным с бортов. Каждый корабль имел свой причал, на котором была складирована его артиллерия и рангоут. Там же находился «магазин» (склад) с необходимыми припасами и такелажем[1]. Береговые складские сооружения строились в основном в выломах скал[2].

Положительные моменты в деятельности Ф.Ф. Ушакова по укреплению базы флота были отмечены контр-адмиралом П.К. Карцовым по результатам инспектирования в 1797 г. В докладе Павлу I им отмечалось, что на флоте никаких упущений не обнаружено и что, напротив, он «столь доволен и особливо скорым вооружением кораблей, чистотою и исправностью, что государю императору донес, что Черноморский флот преимуществует перед Балтийским»[3].

Сам же Ф.Ф. Ушаков считал, что его деятельность по развитию пункта базирования флота в Севастополе и улучшению быта личного состава намного более значимая, чем его морские победы. Об этом он писал: «…попечительные старания мои по флоту и порту Главному, где, можно назвать, душа всего к выполнению высочайших намерениев обитающая, почитаю я сии деятельности

---

* Система боевых готовностей («положений») впервые была введена в августе 1914 г. командующим флотом Черного моря адмиралом А.А. Эбергардом (Подробнее см.: *Козлов Д.Ю.* «Странная война» в Черном море (август – октябрь 1914 года). М., 2009. С. 79.)

[1] Адмирал Ушаков. [Документы.] Т. 1. С. 659.

[2] *Данилов П.А.* Жизнь моя (1756–1806) // Кронштадтский вестник. 1913. № 97. С. 1.

[3] Там же. С. 2.

более служить должны к моей чести, нежели малые дела мои на море случившиеся»[1].

Деятельность Ф.Ф. Ушакова по совершенствованию системы базирования флота получила достаточно высокую оценку одного из первых исследователей истории Севастополя В.Ф. Головачева: «При усиленной настойчивой деятельности Ушакова по части корабельного и прочего благоустройства, со всяким появлением нашего флота в Севастопольском порте, всякие обычные городские и адмиралтейские работы проводились самым порядочным образом и ему, и его постоянной неустанной заботливости мы были обязаны не только тем, что наш флот является хорошо вооруженным на море, но и тем, что порт Севастопольский за последнее время управления Ушаковым гораздо быстрее обстроился новыми зданиями, нежели во все продолжение своего существования»[2].

Анализ деятельности Ф.Ф. Ушакова в этом направлении показывает, что она была достаточно эффективной. Несмотря на объективно сложную обстановку и минимальное финансирование, благодаря личностным качествам командующего флотом, на Черноморском флоте была создана соответствующая его потребностям система базирования. Это привело к тому, что выявленным в процессе исследования именным императорским указом Правительствующему Сенату от 23 февраля 1804 г. Севастополь стал главным военным портом Черноморского флота[3].

Таким образом, проведенное исследование вопроса вклада Ф.Ф. Ушакова в строительство Черноморского флота позволяет говорить о том, что, во многом благодаря его личному вкладу (Приложение 20), к концу XVIII в. российский флот на Черном море начал выходить на качественно новый уровень с хорошо профессионально подготовленным личным составом и кораблями, наиболее полно отвечающими его задачам на Черноморском театре. Существенное развитие получил процесс всестороннего обеспечения флота,

[1] Адмирал Ушаков. [Документы.] Т. 1. С. 632.
[2] *Головачев В.Ф.* История Севастополя как русского порта. СПб., 1872. С. 174.
[3] РГАДА. Ф. 21. Оп. 1. Д. 107. Л. 1.

которое стало принимать черты системности. Были созданы основы системы базирования.

3.2. Деятельность Ф.Ф. Ушакова по подготовке сил флота

Наследие адмирала Ф.Ф. Ушакова в области подготовки сил флота представляется весьма ценным.

Первым и наиболее трудоемким этапом подготовки сил флота Ф.Ф. Ушаков считал процесс обучения и воспитания личного состава. Как и А.В. Суворов, он напряженно готовил силы к сражениям, активно обучая и воспитывая подчиненных. Последовательный сторонник передовых принципов обучения и воспитания Ф.Ф. Ушаков видел в качественной подготовке личного состава флота важнейшее условие достижения победы над врагом. Основу системы обучения и воспитания Ф.Ф. Ушакова составляла комплексность в подходах, при которой процесс обучения подчиненных был неразрывно связан с процессом их воспитания.

Целью воинского обучения и воспитания Ф.Ф. Ушаков ставил подготовку экипажей кораблей и их командиров к выполнению своих обязанностей как в повседневной деятельности, так и в бою. Кроме того, Ф.Ф. Ушакову была небезразлична духовная сфера жизни подчиненных, которая являлась объединяющим началом, цементирующим весь флотский коллектив.

Говоря о системе воспитания Ф.Ф. Ушакова, Главнокомандующий Военно-морским флотом (2005–2007 гг.) адмирал флота В.В. Масорин отмечал: «Практическая деятельность Ф.Ф. Ушакова в области воспитания, так же как деятельность П.А. Румянцева и А.В. Суворова, отличалась, прежде всего, тем, что не только у офицеров, но и у нижних чинов – «служителей» он стремился воспитать чувство собственного достоинства, профессиональное самолюбие,

внушить им представления о воинской чести и воинском долге»[1]. Здесь же необходимо отметить, что сам факт выступления Главнокомандующего ВМФ в средствах массовой информации по проблеме воинского воспитания на флоте является подтверждением ее актуальности на сегодняшний день.

Не разделяя процессы обучения и воспитания, Ф.Ф. Ушаков рассматривал их в неразрывной связи. Поэтому, с целью исследования процесса, данное разделение проведено условно.

Основу воинского обучения Ф.Ф. Ушакова составляла подготовка к ведению боевых действий. Процесс обучения регламентировался Морским уставом 1720 г. и осуществлялся по двум направлениям: **морская и артиллерийская** (огневая) подготовка. При этом важно отметить, что Устав определял лишь общие требования к подготовке офицеров (что конкретно они должны были знать и уметь) и к деятельности командиров по обучению личного состава. Так, к примеру, командир должен был «надзирать, дабы корабельные служители всякой в своей должности искусен был. Того для непрестанно надлежит обучать их владением парусов, пушек, ружья, знанием компаса и прочим: под штрафом лишения месячного жалования за первый раз, а за второй на полгода; за третий лишением чина»[2]. Констапель (до 1830 г. первый обер-офицерский чин в морской артиллерии) – «когда время допустит, с докладу своего командира, со определенными людьми учинить экзерцицию пушками, дабы оные в том были искусны, когда случиться против неприятеля действовать»[3]. Говорилось также о регулярности таких учений («когда время и место допустит», «как возможно чаще»)[4]. Однако формы и методы Устав не определял. В нем отмечалось лишь, что учения должны были проводиться «по надлежащему»[5].

---

[1] *Масорин В.* Воспитание личного состава флота на этапе формирования и становления российской национальной военно-морской школы (конец середина века) // Морской сборник. 2007. № 4. С. 21.

[2] Книга Устав морской. С. 39.

[3] Там же. С. 19.

[4] Там же. С. 7.

[5] Книга Устав морской. С. 18.

На Российском флоте методика подготовки в основном была заимствована из опыта иностранных флотов. В обобщенном виде она была представлена в работе Бурде де Вильгюе «Наука морская. Сиречь опыт о теории и практики управления кораблем и флотом военным».

В книге подробно изложена методика проведения артиллерийского учения: *«Раскрепи тали и выправь – Откладывай брюк – Развяжи и снимай покрышку – По человеку за борт, вынимай пробки – Бери пыжевик и подавай за борт – Осматривай пыжевиком в пушке – Бери протравки, осматривай в запалах – Пыжевики и протравки по местам – Бери банник и подавай за борт – Бань пушку, заткнув залпы – По человеку за картузом – Вынимай банник и обороти набойником – Подавай картуз и пыж за борт, клади в пушку – Подавай до места и осади – Подавай ядро и другой пыж, клади в пушку, посылай до места – Которые зарядили подавай набойники и ступай в корабль – Бери протравки и посыпай картузы – Бери с порохом рог – Сыпь порох в запал и раздави рогом – Бери покрышки и покрой залпы – Снимай покрышки, пали – Фитили по местам, положи ломы и ганшпоги – Крепи пушки всеми талями – Направо и налево ступай от пушек»*[1].

Деятельность Ф.Ф. Ушакова по подготовке сил флота происходила на основании вышеуказанных документов и рекомендаций. Однако существующая система была значительно им доработана с учетом реальной обстановки и национальной специфики. Прежде всего, Ф.Ф. Ушаковым была определена периодичность учений, отчасти методика их проведения, порядок и система контроля со стороны должностных лиц, предъявлены определенные требования к уровню подготовки личного состава. В приказе от 5 июля 1790 г. по совершенствованию артиллерийской подготовки отмечалось: «Весьма нужно, чтоб определенные к пушкам служители в скорострельной пальбе сделали довольную навычку. Поэтому рекомендую на всех кораблях и фрегатах делать **ежедневно** (Выделено мной. – *Авт*.) экзерциции пушками и большей частью

[1] *Бурде-де-Вильгюе.* Наука морская. Сиречь опыт о теории и практики управления кораблем и флотом военным / Пер. с франц. *Н. Курганова* СПб., 1774. С. 32.

скорострельно спышками. Переменяя комендоров, научить исправно оной должности по крайней мере у каждой пушки по три человека. Обучать же пушки наводить во все стороны, сколько можно их передвинуть, тож исправно наводить по цели. За всем оным **господа командующие сами имеют смотрение** (Выделено мной. – *Авт*.) и приказать при себе **комендоров** во всем **каждого в звании отэкзаменовать** (Выделено мной. – *Авт*.), а при случае и я не упущу сделать свидетельство оным»[1].

В основу подготовки было положено обучение личного состава непосредственно на материальной части (боевых постах). Сопоставление содержания данных приказов показывает, что Ф.Ф. Ушаков процесс подготовки артиллеристов подразделил на **одиночную** подготовку и подготовку орудийных (боевых) **расчетов**.

В приказе от 23 февраля 1792 г. Ф.Ф. Ушаков обращал внимание командиров на необходимость ведения специального учета обучаемых артиллерийской стрельбе (Приложение 21).

Более высокой формой подготовки артиллеристов являлись корабельные учения и учения в составе эскадры (Приложение 22). Это наглядно видно из приказа Ф.Ф. Ушакова от 23 июня 1797 г. о методах обучения команд артиллерийской стрельбе во время плавания (Приложение 23).

Из указанного приказа также следует, что Ф.Ф. Ушаков, помимо установленных Морским уставом экзерциций (тренировок, учений), которым он придавал первостепенное значение, ввел, говоря современным языком, **занятия по специальности**.

Значительных успехов Ф.Ф. Ушаков достиг в морской подготовке. Основное ее содержание заключалось в проведении тренировок по освоению парусного вооружения, в привитии практических навыков управления парусами, в отработке элементов тактического маневрирования в составе эскадры. Особое внимание уделялось отработке практических навыков матросов в работе с парусным вооружением, совершенствованию командных

[1] Адмирал Ушаков. [Документы.] Т. 1. С. 211.

навыков офицеров, умению командиров управлять кораблем и совершать эволюции в соответствии с сигналами флагмана.

Наиболее полно методика морской подготовки, с детальным изложением форм и методов была изложена Ф.Ф. Ушаковым в приказе по флоту от 27 июня 1797 г. Основное содержание документа состоит в том, чтобы «во всем обучениями довести до совершенства» (Приложение 24).

На основании данных приказов можно судить о том, что Ф.Ф. Ушаков в процессе подготовки личного состава использовал принципы: от простого к сложному, от частного к общему. Основная цель – доведение до автоматизма всех действий, связанных с управлением корабля и эскадры в целом.

При этом в процессе обучения он широко применял как определенную Уставом строгость, так и поощрительные меры. В приказе от 24 июня 1797 г. по этому поводу отмечалось: «Я надеюсь, что служители будут стараться доставить мне удовольствие видеть их исправными, беглыми и расторопными, как должно быть, отлично хорошим, расторопным и исправным людям, в противном же случае принудят употребить над собою законную строгость, к чему, однако, я принужден быть не ожидаю и не желаю, потому и от них надеюсь охотного послушания и расторопности. Я почитаю, и собственно для них лучше всякое дело сделать с крайней поспешностью, нежели леностию и непроворством длить оное медлительностию.

Господам капитан-лейтенантам и вахтенным командирам объявить, если они не употребят всевозможного старания довесть служителей в лучшую исправность и расторопность, и на чьей вахте я замечу ленивое людей исполнение, со всей строгостию прикажу на них взыскать, потому и положить оное на их отчет, ибо за всякое непроворство людей отвечать они будут непременно»[1].

Из вышеприведенных примеров видно, что Ф.Ф. Ушаков разделил процесс подготовки сил флота на несколько этапов: одиночная подготовка, подготовка расчетов, подготовка кораблей и подготовка соединения (эскадры).

[1]Адмирал Ушаков. [Документы.] Т. 1. С. 676.

Разработанная Ф.Ф. Ушаковым методика предполагала такие формы обучения, как проведение занятий, тренировок и учений в соответствии с воинскими специальностями и боевым корабельным расписанием («разделением людей к бою»[1]). При этом наиболее эффективно им использовался практический метод обучения. Наглядный метод позволял осуществить показ наиболее опытными матросами, офицерами и даже самим командующим правильности выполнения упражнений с оружием и парусным вооружением. Словесный метод включал рассказ, беседу, объяснение, разъяснение, инструктаж и опрос с целью контроля усвоения материала.

Особенность данной методики заключалась в том, что она была детализирована и имела стройную многоуровневую систему контроля, при которой командующий флотом периодически лично осуществлял проверку уровня подготовки личного состава.

Предложенные Ф.Ф. Ушаковым формы и методы обучения личного состава, а также действенный контроль со стороны командования сформировали на Черноморском флоте стройную систему боевой подготовки, которая позволяла значительно повысить профессиональный уровень экипажей, взаимозаменяемость личного состава в бою, и, в конечном счете, существенно повысить боеспособность корабля и боевую устойчивость эскадры в целом.

По оценкам современников, в результате напряженной целенаправленной подготовки сил, Черноморский флот имел существенное преимущество в уровне подготовки перед Балтийским[2].

Сравнительный анализ положений Корабельного устава ВМФ (КУ ВМФ) с требованиями Ф.Ф. Ушакова к подготовке сил флота позволяет сделать заключение о том, что формы и методы подготовки личного состава, корабля и соединения, разработанные в указанный период на Черноморском флоте, в

[1] Книга Устав морской. С. 34.
[2] *Данилов П.А.* Жизнь моя (1756—1806) // Кронштадтский вестник. 1913. № 97. С. 2.

дальнейшем стали основополагающими и в усовершенствованном виде сохранены до настоящего времени.

Так в Гл. 2 (Боевая подготовка) ст. 37, 38 говорится: «Боевая подготовка должна проводиться в условиях, максимально приближенной к боевой обстановке… Для отработки задач боевой подготовки должен использоваться каждый выход в море»[1].

Деление процесса подготовки личного состава на занятия, тренировки и учения, введенное Ф.Ф. Ушаковым, также получило свое развитие в практике боевой подготовки на флоте, и закреплено в ст. 41 КУ ВМФ, в которой указано: «Основными формами подготовки всех категорий личного состава кораблей являются занятия, тренировки и боевые учения…»[2].

Детализация практической подготовки (тренировок), введенная Ф.Ф. Ушаковым, в современном ВМФ нашла отражение в ст. 45, на основании которой «Боевые учения подразделяются на одиночные, частные, отсечные, общие и корабельные.

Одиночные боевые учения проводятся на отдельных боевых постах и командных пунктах.

Частные боевые учения проводятся в группах (башнях, батареях)…

Корабельные боевые учения проводятся при участии всего личного состава корабля»[3].

В этой связи диссертант делает заключение о том, что Ф.Ф. Ушаковым, по существу, была заложена методическая основа процесса боевой подготовки личного состава в Русском флоте.

В деятельности Ф.Ф. Ушакова по воспитанию подчиненных соискатель выделяет два основных взаимосвязанных и взаимообусловленных направления, которые также условно можно разделить на воинское и духовно-нравственное воспитание.

---

[1] Корабельный устав ВМФ СССР. М., 1986. С. 22, 23.
[2] Там же. С. 24.
[3] Там же. С. 25, 26.

В основу воинского воспитания на флоте в XVIII в. были положены принципы верности государю, воинскому долгу и ответственности за защиту Родины[1]. Основными направлениями воинского воспитания являлись поддержание высокого морально-боевого духа личного состава и укрепление воинской дисциплины.

Прежде чем приступить к рассмотрению вопроса о деятельности Ф.Ф. Ушакова по воспитанию подчиненных, следует отметить важную особенность подходов флотоводца к данному процессу, отличающую его от других военных деятелей своей эпохи. Ф.Ф. Ушаков видел в своих подчиненных не просто служителей, а соратников, от которых зависит успех в бою. Он говорил о своих офицерах и матросах: «Они есть лучшая наша надежда ко отражению и нападению на неприятеля»[2].

Укрепление морально-боевых качеств являлось важной составной частью подготовки личного состава флота к ведению боевых действий. Ф.Ф. Ушаков тесным образом связывал этот процесс с духовно-нравственным воспитанием, но, вместе с тем, он имел и самостоятельное направление воспитательной деятельности флотоводца.

Наиболее убедительным и эффективным способом укрепления морально-боевых качеств личного состава и достижения высоких боевых результатов для Ф.Ф. Ушакова являлся личный пример (командира и командующего). Следует отметить, что этого требовал и Морской устав, в котором говорилось: «…должен капитан или командующий кораблем не токмо сам мужественно против неприятеля биться, но и людей к тому словами, а паче дая образ собою побуждать, дабы мужественно бились до последней возможности и не должен корабля неприятелю отдать, ни в каком случае, под потерянием живота и чести»[3].

Наиболее ярко личный пример Ф.Ф. Ушакова в исполнении своего воинского долга проявился в его обращение к экипажу «Св. Павла», когда во

[1] Книга Устав морской. С. 12.
[2] Адмирал Ушаков. [Документы.] Т. 1. С. 138.
[3] Книга Устав морской. С. 60.

время бури осенью 1787 г. корабль снесло к побережью противника. Направляя поврежденный корабль обратно в сторону моря, практически на верную гибель, Ф.Ф. Ушаков обратившись к экипажу, произнес: «Дети мои! Лучше будем в море погибать, нежели у варвара быть в руках»[1]. Данный эпизод со всей очевидностью свидетельствует о мужестве флотоводца и его способности личным примером воодушевить личный состав и укрепить его моральный дух.

Такой подход позволил ему добиться воспитания в подчиненных высоких морально-боевых качеств, о чем можно судить также из его рапорта Г.А. Потемкину от 4 октября 1790 г., в котором отмечалось: «…я и все они (командиры. – *Авт*.) вместе со мною, равно и нижних чинов служители, усерднейше имеют желание, чтоб иметь случай и дело против неприятеля, при котором, надеясь на всещедрую милость Божию, употребим все наше внимание с отличным рвением оказать себя полезными Отечеству и Монаршей и Вашей Светлости милостей достойными»[2].

В донесении императрице Г.А. Потемкин со своей стороны отмечал лучшие качества командующего флотом и его командиров: «Будьте милостивы к контр-адмиралу Ушакову. Где сыскать такого охотника до драки: в одно лето — третье сражение, из которых то, что было у пролива Еникальского, наиупорнейшее. Офицеры рвутся один пред другим. С каким бы я адмиралом мог ввести правило драться на ближней дистанции, а у него – линия начинает бой в 120 саженях, а сам особенно с кораблем был против «Капитании» в двадцати саженях. Он достоин ордена 2-го класса Военного»[3].

Подобный подход командующего значительно способствовал подъему морально-боевого духа личного состава Черноморского флота, его сознательным действиям в бою, желанию сражаться с врагом за правое дело (ненависть к врагу Ф.Ф. Ушаковым не пропагандировалась). В совокупности это привело к достижению победы.

---

[1] *Полномочный И.А.* Указ. соч. С. 696.
[2] Адмирал Ушаков. [Документы.] Т. 1. С. 371.
[3] *Екатерина II и Г.А. Потемкин.* Личная переписка 1769–1791. С. 430, 431.

Важным средством воспитания и укрепления морально-боевых качеств личного состава Ф.Ф. Ушаков считал поощрения отличившихся. Одной из главных форм поощрения являлось награждение орденами и именным оружием. Анализ ходатайств Ф.Ф. Ушакова о награждении подчиненных показывает, что поощрялась, прежде всего, воинская доблесть (храбрость и отвага в бою).

В рапорте Г.А. Потемкину, раскрывая истоки победы у о. Фидониси 3 июля 1788 г., Ф.Ф. Ушаков отмечал: «…желая и имея верную надежду на Бога, с помощью Его оную выиграть, я сам удивляюсь проворству и храбрости моих людей. Они стреляли в неприятельские корабли не часто и с такою сноровкою, казалось, что каждый учится стрелять по цели, снаравливая, чтоб не потерять свой выстрел… Наипокорнейше прошу Вашу Светлость удостоить команды моей служителей, наградить каким-либо малейшим знаком милости»[1].

Из указанного рапорта следует, что истоки победы Ф.Ф. Ушаков видел не только в воинской доблести, но и в высоком уровне профессиональной подготовки, что также им всемерно поощрялось. В приказе по флоту от 17 июля 1794 г. отмечалось: «Командующие и прочие штаб и обер-офицеры особое заслуживают удовольствие и всякую благодарность, у коего люди напрактикованы будут во всякой расторопности, сколько возможно и исправно»[2].

Как видно, другой важной формой поощрения Ф.Ф. Ушаков считал объявление благодарности, которые как сам выносил, так и ходатайствовал перед вышестоящим командованием. В донесении командующему флотом М.И. Войновичу отмечалось: «...все находящиеся в команде вверенного мне корабля «Св. Павла» господа обер-офицеры и нижних чинов служители, каждый по своему званию, определенные от меня им должности, исправляли с таким отменным старанием и храбрым духом, что за необходимый долг почитаю отнесть им всякую за то достойную похвалу...»[3].

---

[1] Материалы для истории Русского флота. Ч. XV. С. 166, 167.
[2] Адмирал Ушаков. [Документы.] Т. 1. С. 620.
[3] Там же. С. 63.

Ходатайства Ф.Ф. Ушакова о поощрении подчиненных всегда имели положительное решение и адекватную оценку высшего командования. Так ордером Г.А. Потемкина от 4 сентября 1790 г. Черноморскому адмиралтейскому правлению после победы в сражении при Тендре было объявлено: «Знаменитая победа, одержанная Черноморским Ее Императорскаго Величества силами под предводительством контр-адмирала Ушакова в 29 день минувшего августа над флотом турецким, который совершенно разбит, служит к особливой чести и славе флота Черноморского. Да впишется сие достопамятное происшествие в журналы Черноморского адмиралтейского правления ко всегдашнему воспоминанию храбрых флота Черноморского подвигов»[1].

Кроме того, Г.А. Потемкин со своей стороны также всемерно способствовал награждению отличившихся в сражениях. В письме императрице о победах при Керчи он писал: «...бой был жесток и для нас славен тем паче, что и жарко, и порядочно контр-адмирал Ушаков атаковал неприятеля вдвое себя сильнее, у которого были учители. Как и прежде доносил: разбил сильно и гнал до самой ночи; три корабля у них столь повреждены, что в нынешнюю кампанию, не думаю, быть им в море, а паче адмиральский, которого флаг шлюпкою с корабля «Георгия» взят. Контр-адмирал и кавалер Ушаков отличных достоинств. Знающ, как Гоу, и храбр, как Родней (Р. Хоу и Д. Родни — английские адмиралы. — *Авт.*). Я уверен, что из него выйдет великий морской предводитель. Не оставьте, матушка, его»[2].

Важное значение этому придавала и сама императрица Екатерина II. В письме Г.А. Потемкину о победе при Тендре она писала: «Я всегда отменным оком взирала на все флотские вообще дела. Успехи же оного меня всегда более обрадовали, нежели самые сухопутные, понеже к сим исстари Россия привыкла, а о морских Ея подвигах лишь в мое царствование прямо слышно стало, и до дней оного морская часть почиталась слабейшую. Черноморский же

[1] Адмирал Ушаков. [Документы.] Т. 1. С. 314.
[2] *Екатерина II и Г.А. Потемкин.* Личная переписка 1769–1791. С. 423.

флот есть наше заведение собственное, следовательно, сердцу близко. Контр-адмиралу Ушакову посылаю по твоей просьбе орден Св. Егория второй степени и даю ему 500 душ в Белоруссии за его храбрые и отличные дела»[1].

Со своей стороны Ф.Ф. Ушаков также никогда не упускал возможности объявлять подчиненным благодарность за боевые подвиги. После рейда эскадры Черноморского флота у берегов Турции в своем приказе он отмечал: «Господам командующим кораблей, фрегатов и прочих судов, находящимся при мне, господину флаг-капитану и всем состоящим в эскадре господам штаб и обер-офицерам и прочих чинов служителям объявя сие удовольствие и признательность его светлости за усердное и исправное исполнение каждого своих должностей, приношу признательнейшую мою благодарность и при том несумненно надеюсь, что в последующее ныне время не оставят все служащие при Севастопольском флоте удостоверительно доказать искусство и храбрость, свойственны российскому флоту»[2].

Не забывал Ф.Ф. Ушаков поощрять личный состав и за высокие показатели в боевой учебе. В его приказе по флоту от 3 августа 1797 г. отмечалось: «Оканчивая кампанию, долгом поставляю объявить похвалу, признательность и мое удовольствие господам командующим, штаб и обер-офицерам и служителям за исправные действия по должностям каждому, кому что надлежало, в практике, в обращениях, в эволюции и экзерциях, которые замечены мною во многих случаях и действиях производимы были рачительно с отличной расторопностью, исправно. Господа командующие благоволят по команде всем, кому надлежит, об оном объявить»[3].

Другой важной формой поощрения Ф.Ф. Ушаков считал материальное стимулирование, которое осуществлял как за успехи в боевой учебе, так и за результаты боевых действий. Так в приказе от 22 июня 1790 г. о поощрении личного состава за меткую стрельбу он отмечал: «… приписываю присланные бывшим при обучении пушечной экзерциции с пальбою по прилагаемому при

[1] *Екатерина II и Г.А. Потемкин.* Личная переписка 1769–1791. С. 435.
[2] Адмирал Ушаков. [Документы.] Т. 1. С. 189.
[3] Там же. С. 690.

сем списку служителям за положенное в яблоко и в четвертый круг ядер деньги»[1].

В рапорте Г.А. Потемкину от 21 января 1791 г., ссылаясь на Морской устав, Ф.Ф. Ушаков также писал: «Флот Черноморский, состоящий под предводительством вашей светлости, в течение минувшего 790-го лета имел счастие с соблюдением совершенного порядка славно выиграть две генеральные баталии против несравненно превосходного неприятеля… Прошу всепокорнейше служащим под предводительством вашей светлости на флоте, мне вверенном, милостию своею определить сходное щедротам монаршей милостью награждение, чрез что поощрясь, служащие во оном усугубят свое рвение на будущие времена»[2].

Прошения адмирала непременно удовлетворялись, о чем свидетельствует рескрипт Екатерины II от 11 сентября 1792 г., в котором говорится: «…желая воздать справедливость и всем отличившимся в помянутом деле рвением и мужеством и храбростию, пожаловали мы таковых заслуженными знаками милостей наших, как то вы усмотрите из росписи при сем прилагаемой, повелевая вам изъявить монаршее благоволение наше и просим в вышереченном подвиге участвовавшим; нижним чинам, в сем деле бывшим, предписали мы по рублю выдать на человека»[3].

Кроме того, поощрения подчиненных благотворно сказывалось на состоянии воинской дисциплины.

Вопросы воинской дисциплины с петровских времен были предметом особого внимания морского командования. Пути и способы ее укрепления основывались на требованиях Морского устава, существовавших к тому времени традициях воинского воспитания и системе социально-классовых отношений в российском обществе.

Строгое соблюдение воинской дисциплины достигалось методами убеждения и принуждения. Анализ положений Морского устава дает основание

---

[1] Адмирал Ушаков. [Документы.] Т. 1. С. 190.
[2] Там же. С. 455.
[3] Там же. С. 577.

утверждать, что методы принуждения превалировали над методами убеждения, равно как система наказаний преобладала над системой поощрений[1].

Уставом предусматривались достаточно суровые меры наказания за нарушение воинской дисциплины и, в зависимости от обстановки, предполагали телесные наказания, штрафы, лишение чина и даже «живота»[2]. Тем не менее, командирам предписывалось соблюдать определенный баланс в выборе методов воспитательного воздействия, о чем говорилось: «Капитан должен смотреть, дабы офицеры матрозов и прочих служителей корабельных ни чрезвычайно жестоко, ни слабо в команде своей содержали; но по правде и умеренности поступали с ними»[3].

Более гуманное отношение к морским служителям в России наметилось во второй половине XVIII в. с приходом к руководству военным ведомством Г.А. Потемкина, что благотворно повлияло на состояние воинской дисциплины, в частности, на Черноморском флоте. Требования о гуманном отношении к людям обретали директивную форму. Так в ордере Г.А. Потемкина Ф.Ф. Ушакову от 14 марта 1790 г. отмечалось: «Препоручаю наблюдать в подчиненных строгую субординацию и дисциплину военную, отдавать справедливость достойным и не потакать нерадивым; старайтесь о содержании команды, подавая все возможные выгоды людям и удаляться от жестоких побой»[4].

Ф.Ф. Ушаков был одним из наиболее последовательных сторонников Г.А. Потемкина в вопросах обучения и воспитания личного состава флота.

Он требовал от подчиненных неукоснительного соблюдения воинской дисциплины и субординации и в том видел основу всей военной организации на флоте. В этой связи весьма примечательным является следующий его приказ: «Офицерам с наистрожайшим приказанием исполнять все, что следует и долг требует военной дисциплины»[5].

---

[1] См.: Книга устав морской. С. 35, 39, 47, 60.
[2] Там же. С. 42, 44, 53.
[3] Там же. С. 42.
[4] Материалы для истории Русского флота. Ч. XV. С. 289.
[5] Адмирал Ушаков. [Документы.] Т. 2. С. 46.

Отдавая приоритет в воспитании у подчиненных чувства долга и патриотизма, Ф.Ф. Ушаков, тем не менее, отнюдь не исключал методов дисциплинарного воздействия. Как свидетельствуют современники, более всего в служебной деятельности он не терпел беспорядки, злоупотребления[1].

Взыскания накладывались, прежде всего, за упущения (нерадение) по службе, нарушение субординации, самовольные отлучки (побеги), воровство, казнокрадство, пьянство, грубое отношение к подчиненным[2]. Из форм наказания не исключались и телесные (Приложение 25).

Высокая требовательность Ф.Ф. Ушакова, давала некоторым недисциплинированным офицерам основание говорить о его суровости в отношениях с подчиненными, о чем неоднократно писали жалобы вышестоящему командованию. Однако, сам Ф.Ф. Ушаков аргументированно отводил выдвигаемые против него обвинения, заявляя: «Я ничего подобного никогда не оказывал, кроме соблюденной мною военной дисциплины»[3].

Показательным примером может служить разрешение конфликта, возникшего у Ф.Ф. Ушакова с командиром одного из кораблей флота Д.Н. Сенявиным – будущим известным флотоводцем. Осложнения Ф.Ф. Ушакова с Д.Н. Сенявиным начались еще в 1788 г. и приняли затем характер серьезного конфликта начальника и подчиненного. Состоя в должности генеральс-адъютанта Г.А. Потемкина и пользуясь его особым расположением, Сенявин рассчитывал на покровительство Светлейшего и нередко в служебных отношениях с Ф.Ф. Ушаковым выходил за рамки дозволенного субординацией. Только решительное вмешательство Г.А. Потемкина по жалобе Ф.Ф. Ушакова положило конец конфликту. Арестованному Д.Н. Сенявину было предложено либо принести извинения, либо быть разжалованным в матросы по суду. Со своей стороны Ф.Ф. Ушаков

[1] *Бантыш-Каменский Д.Н.* Указ. соч. С. 197.
[2] Адмирал Ушаков. [Документы.] Т. 1. С. 583, 586–588,
[3] Там же. Т. 2. С. 56, 57.

сделал все, чтобы достичь примирения и своим ходатайством устранил угрозу суда[1].

Налагая дисциплинарные взыскания, Ф.Ф. Ушаков пытался достичь пересмотра нижними чинами и офицерами отношения к службе. При этом, исходя из евангельской заповеди прощения кающихся, при вынесении наказания он учитывал все совокупные факторы и смягчающие вину обстоятельства. В частности, «произнося приговор, щадил мужа, отца семейства многочисленного»[2]. В этой связи неукоснительное соблюдение гуманности можно считать особенностью воспитательной работы Ф.Ф. Ушакова, чему есть многочисленные документальные свидетельства[3].

Основным содержанием профилактики нарушения воинской дисциплины Ушаков считал не только дисциплинарные взыскания, но и строгое соблюдение уставов, положенных норм довольствия и требований гигиены, так как именно несоблюдение этих положений приводило к конфликтам, воровству и побегам, не говоря уже о том, что это снижало уровень боеготовности флота.

Еще одной важной формой воспитания Ф.Ф. Ушаков считал аттестацию подчиненных, о чем отмечал: «Аттестация обо всех чинах производится с достаточным рассмотрением по представлениям командующих, под чьим начальством они служат, потом одобряются общим собранием в присутствии моем, командующих и артиллерии, первых кому притом быть надлежит, равно и прочее все исполняется с довольным успехом рачительно»[4].

Делу укрепления воинской дисциплины служило и духовно-нравственное воспитание. Духовно-нравственное воспитание в России в XVIII в. (и в современном христианстве) неразрывно связывалось с духовностью, под которой, прежде всего, понимали сферу человеческой жизни (сознания), связанную с верой в Бога и в Его небесный промысел. По мере усвоения (постижения) божественных (духовных) истин судили о духовности или,

---

[1] Адмирал Ушаков. [Документы.] Т. 1. С. 472, 473.
[2] Цит. по: *Бантыш-Каменский Д.Н.* Указ. соч. С. 197.
[3] Адмирал Ушаков. [Документы.] Т. 1. С. 179, 536, 592; Т. 2. С. 435, 436.
[4] Там же. С. 633.

напротив, о бездуховности человека. Советская (марксистко-ленинская) философская школа определяла понятие духовность как «высший результат материальной и общественно-исторической практики людей»[1]. Для исследования процесса духовно-нравственного воспитания воинов в XVIII в. за основу соискателем взято первое определение.

В этой связи под духовно-нравственным воспитанием соискателем подразумевался целенаправленный, организованный процесс влияния на духовную сферу жизни военнослужащих с целью создания условий для развития их духовных и нравственных качеств, а также формирования высоких морально-боевых качеств. Главная цель – готовность к сознательному и самоотверженному служению Отечеству. Высшей формой этого служения считалось исполнение одной из главных христианских заповедей: «Положить душу свою за други своя».

Цель и задачи духовно-нравственного воспитания морских служителей были определены в Морском уставе 1720 г., в котором отмечалось: «Хотя всем христианам надлежит христиански **честно жить, и не в лицемерном страсе божии содержать себя** (Выделено мной. – *Авт*.), однако же воинские люди сие с вящею ревностию уважать и внимать имеют, понеже оных Бог в такое состояние определил [в котором несравнительно чаще других смертным страхом себя подвергать должность имеют, не отложно] исполняя службу своего Государя и отечества. И понеже всякое благословение, победа и благополучие от единаго Бога Всемогущаго яко от истиннаго начала всех благих и праведнаго победодавца происходит. **И оному токмо молитися и на Него надежду полагати надлежит во всяких делах и предприятиях** (Выделено мной. – *Авт*.)»[2]. Этим же Уставом определялись формы, методы и средства духовно-нравственного воспитания.

---

[1] Философский словарь / Под ред. *И.Т. Фролова*. М., 1987. С. 136, 137.

[2] Книга Устав морской. С. 91.

Важно подчеркнуть, что адмирал в процессе духовно-нравственного воспитания преследовал две цели: это, прежде всего, поддержание высоких морально-боевых качеств, а также психического здоровья подчиненных.

Высокий воинский дух, по мнению Ф.Ф. Ушакова, являлся основой воинского служения. Без него невозможно было сознательное повиновение и исполнение воинского долга. Кроме того, он интуитивно понимал тесную взаимосвязь духовного и психического здоровья человека на войне, в этой связи духовно-нравственному воспитанию уделял не менее серьезное внимание, чем воспитанию воинскому.

К основной форме относилось, прежде всего, богослужение, которое отправлялось «по вся утра и вечеры, и перед полуднем»[1]. Из основной формы логично вытекали и другие, такие как исповедь; крестные ходы; чтение и песнопение в храмах; освящение знамен и кораблей; аскетическое делание; религиозное образование и самообразование. Наиболее доходчивыми формами являлись прослушивание проповедей, а также духовные беседы и наставления[2].

Из вышеизложенного следует, что уставные положения целью духовно-нравственного воспитания определяли воспитание не просто воина, а воина-христианина, имеющего твердую духовную мотивацию воинского служения.

Ф.Ф. Ушаков обладал высокими духовно-нравственными качествами, был лично дисциплинирован, строго соблюдал субординацию, имел высокий уровень профессиональной подготовки. Вместе с тем, он высоко ставил интересы службы и офицерской чести. Ф.Ф. Ушаков, будучи человеком глубоко верующим, «оказывая к вере отцов своих чрезвычайную приверженность», в основу своей деятельности по духовно-нравственному воспитанию ставил: веру в Бога; верность государю и присяге; патриотизм и войсковое товарищество (морское братство). Ф.Ф. Ушаков эти правила укоренял и в служебной деятельности. Всякое дело на Черноморском флоте, будь то работа, поход, сражение и тому подобное, начиналось с молитвы.

[1] Книга Устав морской. С. 93.
[2] Там же. С. 76.

Любые планы и обращения к должностным лицам и личному составу также содержали в себе упование на волю Божию.

Так в письме Г.А. Потемкину о выходе флота в море от 24 августа 1790 г. говорилось: «С твердым упованием на Бога пойду и надежно исполнять буду все ваши повеления нетерпеливо»[1]. В другом письме от 25 октября 1790 г. Ф.Ф. Ушаков, говоря Г.А. Потемкину о происках своих недоброжелателей, пишет: «От истинной усердности молю Его благость; все мои действия и дарованные от Бога успехи причитаю собственному счастью вашей светлости, ему Всевышний во всем способствует, а я иду стопами ваших наставлений, сопровождаем вашим мне отеческим благословением, через которое верную надежду полагаю на Бога; сверх того молю Его благость: Господи приклони ухо Твое и услыши мя и от восстающих и стужающих на мя избави»[2].

Нормой служебного поведения для командующего считалось проведение благодарственных молебнов «о дарованной победе». К примеру, после победы при Тендре, 8 сентября, Ф.Ф. Ушаковым был издан приказ: «Рекомендую завтрашний день для принесения Всевышнему за толь счастливо дарованную победу моления всем, кому возможно, с судов быть в церковь Николая Чудотворца; священникам со всего флота быть же во оную церковь в 10 часов пополуночи, и по отшествии благодарственного молебна выпалить с корабля Рождества Христова из 51 пушки»[3].

Большое воспитательное значение имело личное участие командующего в церковных службах. При этом в торжественных случаях существовал определенный церемониал, в ряде случаев не имеющих прецедентов. Так после взятия острова Корфу торжественное богослужение проходило в следующем порядке. После принятия капитуляции адмирал Ушаков, с генералитетом и прочими чиновниками, отправился на Корфу для принесения благодарственного молебна. По выходе на берег он был встречен знатнейшим духовенством с крестами, почетнейшим гражданством и всеми жителями с

[1] Адмирал Ушаков. [Документы.] Т. 1. С. 289.
[2] Там же. С. 402.
[3] Материалы для истории Русского флота. Ч. XV. С. 334.

величайшим уважением и почестями. Победители, окруженные народом, шествующим впереди с крестами при колокольном звоне и беспрерывной ружейной пальбе, дошли до соборной церкви Св. Спиридония, где и происходило богослужение.

В данном случае совместное российско-греческое богослужение имело и важное политическое значение. Подтверждение этому обнаруживается в воспоминаниях Е. Метаксы: «Нельзя было взирать без умиления на два народа, столь друг от друга отдаленные и соединившиеся по чрезвычайным политическим переворотам в одной церкви, для прославления одним и тем же крестом Всевышнего, даровавшего одному победу, а другому освобождение от чужестранного несносного ига»[1].

Значительные успехи Ф.Ф. Ушакова в духовно-нравственном воспитании были достигнуты не только благодаря личному примеру, но и глубокому внутреннему убеждению в собственной правоте и искренней вере в Бога. В этой связи удаление Ф.Ф. Ушакова после отставки из Петербурга в Тамбовскую губернию, в деревню рядом с Санаксарским монастырем, настоятелем которого когда-то был его родной дядя – иеромонах Феодор, является вполне логичным. Это же подтверждает образ его жизни вдалеке от столицы, где он по воскресным и праздничным дням наравне с братией монастыря выстаивал всю продолжительную церковную службу, а в Великий пост по целой неделе жил в своей келье в монастыре (Приложение 26).

Любопытным подтверждением заботы адмирала о чистоте веры подчиненных является выявленное в процессе исследования дело за 1803 г. «О направлении главнокомандующим Балтийским флотом адмиралом Ушаковым матроса Федора Яковлева в Консисторию для испытания в вере»[2].

Личная духовная жизнь адмирала Ф.Ф. Ушакова и его деятельность по духовно-нравственному воспитанию в наши дни стали одними из важнейших

[1] *Метакса Е.* Записки флота капитан-лейтенанта Егора Метаксы. С. 220.
[2] ЦГИА СПб. Ф. 18. Оп. 5. Д. 2.

аргументов для Комиссии Русской Православной Церкви по канонизации в вопросе о его причислении к лику святых праведных воинов в 2000 г.

Канонизация адмирала Ф.Ф. Ушакова в 2001 г. в значительной мере способствовала укреплению духовно-нравственных основ военной службы, воздействуя, прежде всего на духовные и патриотические чувства военнослужащих.

Исследование показало, что русский патриотизм Ф.Ф. Ушаков считал одним из важнейших принципов подготовки личного состава, наиболее ярко отражающим национальную военную школу. Воспитанный на патриотических традициях русского народа, он сам активно внедрял в практику воинского и духовно-нравственного воспитания подчиненных идеи патриотизма. При этом Ф.Ф. Ушаков в процессе воспитания, исходя из православного вероучения, сознательно не применял распространенный в армиях и на флотах стран Западной Европе принцип ненависти к врагу. Напротив, одной из характерных черт его флотоводческого наследия являлся гуманизм как по отношению к подчиненным, так и по отношении к поверженному врагу (см. штурм Корфу). Учет данного принципа позволял преодолеть чувство самосохранения и страха смерти. В совокупности это существенно повышало мотивацию рядового и офицерского состава к воинскому служению и укрепляло морально-боевой дух.

В какой-то степени созвучными с принципом патриотизма являются принципы организации, развития доверия к своим силам и органической связи, умело реализованные Ф.Ф. Ушаковым при подготовке личного состава флота. С одной стороны, их учет также способствовал подъему морально-боевого духа, а с другой, в стратегическом плане указывал способы и средства подготовки и ведения войны; в организационном – оптимальные варианты распределения обязанностей для указанной подготовки; в тактическом – нужные направления в обучении личного состава, применении оружия и технических средств, а также указывал на необходимые приемы при ведении боя.

Все организационные мероприятия, прежде всего, связанные с подготовкой личного состава и средств вооруженной борьбы, заключающиеся в принципе организации, реализовывались Ф.Ф. Ушаковым неукоснительно, с особым усердием и даже рвением. Можно смело утверждать, что данный принцип он воспринимал как свой личный принцип.

Напряженная боевая учеба, организованная Ф.Ф. Ушаковым, освоение кораблей и их вооружения несомненным образом способствовали развитию доверия личного состава флота к своим силам.

Однако организационная работа при формализованных взаимоотношениях (начальник – подчиненный), способствующая подготовке личного состава к ведению боевых действий, не давала сама по себе гарантии успеха непосредственно в ходе боевых действий. Поэтому Ф.Ф. Ушаковым большое значение придавалось реализации принципа органической связи, который подразумевал наличие в воинском коллективе органической внутренней духовной связи. Стержнем данной связи Ф.Ф. Ушаков считал православную веру. Именно в результате духовного (в понимании того времени – церковного) общения, на основе православного вероучения отдельные люди, команды и экипажи сплачивались в единый боевой коллектив с общей целью защиты Отечества и веры от «посягания иноплеменных». Образовавшееся на основе взаимопонимания доверие нижних чинов к начальникам, а начальников к подчиненным, к своим товарищам, к оружию, кораблю, в конечном итоге, способствовало укреплению доверия к своим силам.

Изучение деятельности Ф.Ф. Ушакова по подготовке сил флота, дает основание говорить о том, что им в полной мере использованы также и принципы: системности и последовательности; сознательности, творческой активности и самостоятельности; наглядности; доступности; связи обучения с практикой; рационального сочетания коллективных и индивидуальных форм подготовки. Ф.Ф. Ушаков творчески развил существовавшие формы и методы и заложил методологические основы системы подготовки, основанной на высоком профессионализме, гуманизме и христианской нравственности, что в

последующем дало основание отечественным историкам назвать его создателем «знаменитой черноморской школы выучки»[1].

Исследование позволило вычленить в деятельности Ф.Ф. Ушакова следующие **формы и методы воспитания** (см. табл. 1).

Таблица 1

Формы и методы воспитания Ф.Ф. Ушакова

Формы воинского воспитания	**Методы воинского воспитания**	**Формы духовно-нравственного воспитания**	**Методы духовно-нравственного воспитания**
Беседы; поощрения и наказания; награждения; продвижение по службе; смотры; аттестация.	Личный пример; убеждение; внушение; поучение; принуждение; поручение; гуманное отношение; взаимовыручка.	Обращение к патриотическим чувствам подчиненных; богослужения (соборные молитвы); крестные ходы; освящение знамен и кораблей; духовные беседы и наставления; прослушивание проповедей; религиозное образование и самообразование; аскетическое делание.	Воодушевление; личный пример благочестия; пример подвижников благочестия; личный пример священнослужителя и командира; следование евангельским заповедям; частная молитва; ведение духовной жизни; духовное чтение; утверждение в вере.

В результате деятельности Ф.Ф. Ушакова по подготовки сил им была создана не имеющая аналогов в Российском флоте стройная система обучения и воспитания личного состава, в усовершенствованном виде дошедшая до наших дней.

Выводы по главе

Создание во второй половине XVIII в. флота на Черном море явилось результатом продуманной и дальновидной военной и морской политики Российского государства. В процессе военно-морского строительства на

[1] «Правда». 3 марта 1944. (Газета).

Черном море руководству страны, военному командованию, прежде всего Ф.Ф. Ушакову, вклад которого был наиболее весом, удалось построить и технически оснастить корабли, укомплектовать их личным составом, расквартировать его в созданных пунктах базирования, выстроить оптимальную организационную структуру флота и организовать всестороннее обеспечение.

В решении проблем строительства флота Ф.Ф. Ушакова был использован комплексный подход. Так вопросы комплектования флота личным составом были тесно связаны с вопросами его расквартирования в пунктах базирования. Вопросы расквартирования увязывались с вопросами боеготовности сил флота, соблюдением мер безопасности, гигиены личного состава, поддержания внутреннего порядка и норм поведения в быту. Придав плановость и системность в застройке пункта базирования, Ф.Ф. Ушаков внес свой определенный вклад в градостроительный облик Севастополя.

В вопросах обороны пунктов базирования в военное время также имеет место его новаторство, которое заключалось в привлечении к этому не только брандвахтенной службы, но и основных сил флота. Подобные мероприятия привели не только к совершенствованию дозорной службы, но и стали прообразом создания впоследствии дежурных сил в пунктах базирования и установления степеней готовности сил.

В результате деятельности Ф.Ф. Ушакова в этом направлении, несмотря на объективно сложную военно-политическую обстановку и минимальное финансирование, на Черноморском флоте была создана соответствующая его потребностям система базирования.

Неоценимы заслуги Ф.Ф. Ушакова в совершенствовании организационной структуры флота. По оценке автора, он первым в российском флоте начал предпринимать шаги к унификации боевой и повседневной организации сил. Тем самым задолго до создания флотских соединений на постоянной основе (1907 г.) он предпринял реальные действия в этом направлении.

Комплексный подход Ф.Ф. Ушакова к вопросам подготовки сил флота позволил достичь высокого уровня профессионализма и морально-боевых качеств личного состава, боевой слаженности экипажей и кораблей эскадры. Кроме того, ему удалось существенным образом усовершенствовать саму систему подготовки, что не только значительно повлияло на повышение уровня боеспособности сил Черноморского флота, и, в конечном итоге, на общий процесс строительства флота, но и заложило методологические основы всей системы боевой подготовки на отечественном флоте, в усовершенствованном виде сохранившейся до настоящего времени.

Важной особенностью в деятельности Ф.Ф. Ушакова соискатель отмечает неразрывность процесса обучения личного состава с его воспитанием, которое, в свою очередь, он рассматривал как взаимосвязанный и взаимообусловленный процесс воинского и духовно-нравственного воспитания.

В результате всесторонней деятельности Ф.Ф. Ушакова в области военно-морского строительства к концу XVIII в. российский флот на Черном море вышел на качественно новый уровень и обеспечил преемственность в развитии всего отечественного флота.

Глава 4. ФЛОТОВОДЧЕСКАЯ И ВОЕННО-ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Ф.Ф. УШАКОВА В КОНЦЕ XVIII в.

4.1. Участие Ф.Ф. Ушакова в подготовке и ведении Черноморским флотом боевых действий на первом этапе Русско-турецкой войны 1787–1791 гг.

Русско-турецкая война 1787–1791 гг. занимает особое место в истории отечественного флота и военно-морского искусства. В ходе этой войны Черноморский флот под командованием Ф.Ф. Ушакова впервые приобрел опыт крупных сражений в открытом море.

Анализ военно-политической обстановки накануне Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. дает основание говорить о том, что ее основной причиной являлось стремление Оттоманской Порты пересмотреть результаты Кючук-Кайнарджийского мирного договора 1774 г., Изъяснительной конвенции 1779 г. и последующих договоренностей по Крыму и Грузии. В дополнение к этому соискателю удалось выявить документы, раскрывающие особенности влияния английской, французской, прусской и шведской дипломатий на ужесточение позиции Турции по отношению к России, что также явилось одной из важных причин развязывания турецкой стороной войны против России[1].

В этой связи со стороны Турции война носила ярко выраженный агрессивный, захватнический характер. С российской стороны она имела справедливый оборонительный характер. Россия выступила в ней в защиту своей территориальной целостности.

На начальном этапе турецкое командование важнейшую роль отводило действиям своего флота (Приложение 27). Выявленный в процессе исследования «План завладения Крыма морскими силами», составленный

[1] АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 691. Л. 7; Д. 697. Л. 10; Д. 687. Л. 3, 5; РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 431. Л. 5 об.

верховным визирем, существенно уточняет представления о намерениях турецкого командования[1]. Согласно этому документу, задачи турецкого флота заключались в переброске войск к Очакову и захвате Кинбурна, прикрывающего с моря Днепровско-Бугский лиман. После взятия Кинбурна, используя его в качестве плацдарма, силами турецкого десанта планировалось осуществить вторжение по двум направлениям: в Крым для захвата полуострова и уничтожения базы флота – Севастополя и в Херсон для разрушения базы российского кораблестроения. Таким образом, при помощи флота турецкое командование было намерено уничтожить российские морские силы в Севастопольской бухте и в Днепровском лимане, а также вернуть Крым под свою вассальную зависимость.

Анализ данного документа дает основание утверждать, что первоначально поражение русского флота в открытом море в качестве самостоятельной задачи турецким командованием не формулировалось. Содержанием кампании на Черном море намечались десантные действия.

Ход начавшихся боевых действий подтвердил, что с турецкой стороны они велись в соответствии с вышеуказанным планом. Однако он был не реализован вследствие эффективных противодесантных действий русских войск под командованием А.В. Суворова на Кинбурнской косе в осеннюю кампанию 1787 г.[2]

Российский флот на Черном море, как и намечалось в планах по его созданию, должен был быть адекватным флоту Турции, чтобы вести против него борьбу в открытом море.

Анализ состава турецкого (Приложение 28) и русского флотов на сентябрь 1787 г. позволяет составить соотношение сил (см. табл. 2).

---

[1] РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 428. Л. 3.

[2] См.: *Масловский Д.* Оборона берегов Суворовым (Кинбурнская операция 1787 г.) // Военный сборник. 1894. № 2. С. 230.

Таблица 2

Соотношение сил русского и турецкого флотов на начало Русско-турецкой войны 1787–1791 гг[1].

Класс судов	Черноморский флот	Турецкий флот	Соотношение
Линейные корабли	5	37	1 : 7,4
Фрегаты	19	33	1 : 1,7
Более мелкие суда	17	51	1 : 3

Из таблицы видно, что турецкий флот имел почти трехкратное превосходство по количеству (о качестве будет сказано ниже) боевых судов основных классов (линейных кораблей и фрегатов).

Согласно донесениям русских агентов из Турции, к началу войны из состава турецкого флота в Черном море находились две эскадры общей численностью 17 линейных кораблей, 10 фрегатов и 38 других военных судов под командованием Бекир-паши[2]. Соискателю удалось также выявить документы, свидетельствующие о том, что для усиления турецких морских сил верховный визирь Юсуф-паша потребовал от французского посла обещанных ему 12 линейных кораблей и 12 фрегатов со всем вооружением и шесть корабельных мастеров, «подобных Лероа»[3]. Однако французская сторона ввиду сложной внутриполитической обстановки не выполнила своих обещаний. Это обстоятельство привело к тому, что турецкий флот не получил значительного усиления, так как качество постройки и вооружения кораблей королевского флота Франции было значительно выше.

К этому времени Черноморский флот состоял из двух объединений: корабельного флота (в документах встречаются выражения «Севастопольская эскадра» и «Севастопольский флот»), базирующегося на Севастополь и

[1] АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 702. Л. 24; Материалы для истории Русского флота. Ч. XV. С. 43–44.

[2] АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 691. Л. 17; Д. 698. Л. 63 об.; Д. 701. Л. 57 об.

[3] Там же. Д. 701. Л. 84 об.

Лиманскую флотилию, состоящую из парусной и гребной эскадр, находившуюся в Днепровском лимане.

Как видно, общая расстановка сил на морском театре складывалась не в пользу России. Русским командованием был принят оборонительный план. Согласно этому плану армии предписывалось занять позиции в приграничных районах, не допуская продвижения противника вглубь своей территории; Черноморскому флоту, напротив, ставилась задача ведения активных наступательных действий, направленных на уничтожение турецких морских сил[1].

Генерал-фельдмаршалом Г.А. Потемкиным в ордере командующему корабельным флотом контр-адмиралу М.И. Войновичу отмечалось: «Подтверждаю вам собрать все корабли и фрегаты и стараться произвести дело, ожидаемое от храбрости и мужества вашего и подчиненных ваших... Где завидите флот турецкий, атакуйте его, во что бы то ни стало, хотя б всем пропасть»[2].

Перед турецким флотом ставилась задача ведения десантных действий, перед русским – нанесения поражения противнику в генеральном сражении.

Первым практическим опытом участия корабельного Черноморского флота в открывшейся военной кампании являлся поход, осуществленный в сентябре 1787 г. В нем капитан бригадирского ранга Ф.Ф. Ушаков командовал линейным кораблем «Св. Павел» и авангардом флота. Из-за просчетов командующего флотом контр-адмирала М.И. Войновича в определении времени выхода в море в сложных гидрометеорологических условиях в ночь на 9 сентября флот был застигнут бурей и получил значительные повреждения. На большей части кораблей были сломаны мачты, разорваны ванты и изорваны паруса, через разошедшиеся пазы в корпусах кораблей внутрь поступало большое количество забортной воды. На кораблях воцарился хаос, который усугублялся темнотой ночи. Специалисты отмечают, что «ни в одном сражении

[1] *Грибовский В.Ю.* Российский Черноморский флот в морских сражениях Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. С. 3.

[2] *Скаловский Р.К.* Указ. соч. С. 52, 53.

Черноморский флот не получал столько и таких серьезных повреждений, как в этот драматический поход»[1]. Главной причиной полученных повреждений, кроме объективных обстоятельств – штормовой погоды, явилось непрочность корпусных конструкций, что впоследствии также скажется на способности русских кораблей вести успешное преследование противника.

Подробности обстановки, происходящей в это время на флоте, а также о характере полученных кораблями повреждений узнаем из воспоминаний участника событий – корабельного мастера на корабле Ф.Ф. Ушакова «Св. Павел» И.А. Полномочного, который отмечал: «На море разыгралась настоящая буря. В спешке стали убирать паруса, но было уже поздно, их разрывало как бумагу… Крик и шум сделался по кораблю, не знают, что и хватать; бьет немилосердно; надо и пушки крепить и борты конопатить, и не знают, что делать: у иного мачта летит, у других стеньга. Море шипит, пену через корабль несет. На перед у нас фор-стеньга летит, потом бизань-мачта упала, напоследок и грот-мачту сломило по самые шканцы. Тут у нас сделалась в корабле воды 74 дюйма: все отчаянны были, кто где держался и прощались друг с другом, и в полчаса всех раскидало по морю… А мы собирались – весь флот обломанный – один по одному, кое-как в Севастополь; другие пришли и без рулей, канатов, правили как?.. Вот бедствие было! Ни еда, ни питье не пойдет на разум; двое суток не евши были, только кто как мог держался» [2].

Подобного рода оценку событий дал и командующий флотом контр-адмирал М.И. Войнович, который, 24 сентября сообщая о происшедшем председателю Черноморского адмиралтейского правления и командующему Лиманской флотилией Н.С. Мордвинову, писал: «Это чудо, Николай Семенович, как мы спаслись. Поверить не можете нашему несчастью, и как все манкировало в один час: корабли и фрегаты сделались как решето, течь

[1] Цит. по: История отечественного судостроения. В 5 т. / Под ред. *И.Д. Спасского.* СПб., 1994. Т. 1. С. 264.

[2] *Полномочный И.А.* Указ соч. С. 695.

преужасная и чуть мой корабль не потонул. Этакого страха и опасности никогда не предвидел»[1].

Несмотря на крушение, которое потерпел флот, этот поход имел важное значение в становлении Ф.Ф. Ушакова как флотоводца. В нем во всей полноте проявились его высокие профессиональные и морально-волевые качества. В тяжелой обстановке, сложившейся на вверенном ему корабле, его грамотные и решительные действия обеспечили спасение корабля и экипажа.

Кроме того, поход явился хорошей школой для не имеющих опыта совместного плавания экипажей, где были приобретены практические навыки борьбы за живучесть корабля в сложных условиях. Не менее важным он оказался и с точки зрения воспитания морально-психологической устойчивости личного состава и командования в действиях, связанных с риском для жизни.

Важно подчеркнуть, что после указанного похода у экипажа корабля «Св. Павел» появилась твердая уверенность в высоких профессиональных и морально-волевых качествах своего командира, в результате чего Ф.Ф. Ушаков приобрел еще большее доверие со стороны подчиненных.

Впоследствии эти обстоятельства окажутся одним из важных факторов в победах Черноморского флота под его командованием. Так после сражения у о. Фидониси Ф.Ф. Ушаков в своем донесении Г.А. Потемкину отметит: «… они во всем словам моим безсомненно верят и надеются, а всякая их ко мне доверенность совершает мои успехи»[2].

После возвращения в базу Ф.Ф. Ушаков, как младший флагман, со свойственной ему энергией приступил к восстановлению боеспособности сил флота.

Следует подчеркнуть, что работа по восстановлению боеспособности сил флота происходила в условиях слабой подготовленности Черноморского адмиралтейского правления к действиям флота в боевых условиях[3]. Судоремонтная база в Севастополе еще только создавалась и была не

[1] Материалы для истории Русского флота. Ч. XV. С. 57, 58.
[2] Там же. С. 166, 167.
[3] История отечественного судостроения. Т. 1. С. 265.

отлажена[1]. Обстановка осложнялась тем, что, события разворачивались на фоне реальной угрозы нападения турецких морских сил на Севастопольский порт и активных боевых действий в районе Кинбурнской косы, проводимых турецкой стороной в соответствии с вышеупомянутым «Планом завладения Крыма морскими силами». Однако организованным сопротивлением русских войск под командованием генерал-аншефа А.В. Суворова турецкому морскому десанту на Кинбурне 1 октября 1787 г. было нанесено поражение[2]. В результате туркам не удалось сходу завладеть стратегически важными объектами в Северном Причерноморье и Крыму, что дало возможность русскому командованию сконцентрировать усилия на восстановлении Черноморского флота.

Во всех ранее опубликованных работах, начиная с труда Р. Скаловского[3], указывается, что Ф.Ф. Ушаков был награжден орденами Св. Владимира 3-й степени и Св. Георгия 4-го класса за победу в сражении при Фидониси 3 июля 1788 г. Однако, более детальное изучение послужных списков позволило внести уточнение: указ о награждении Ф.Ф. Ушакова орденом Св. Владимира 3-й степени состоялся 1 января 1788 г[4]. Следовательно, он был награжден за спасение корабля и усердие, проявленное при восстановлении флота.

Оценка деятельности Ф.Ф. Ушакова в начавшейся Русско-турецкой войне, дает автору основание утверждать, что на тот момент он являлся самым подготовленным старшим офицером на Черноморском флоте, способным принять командование эскадрой или даже всем корабельным Черноморским флотом. Несмотря на это, при дворе Екатерины II велась активная работа по поиску флагманов за границей для их назначения на должности в Черноморский флот.

Документы свидетельствуют, что сторонниками этой идеи выступали глава внешнеполитического ведомства А.А. Безбородко и российский

---

[1] История отечественного военного судоремонта. Кн. 1. СПб., 2004. С. 52–55.

[2] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 2374. Л. 40–44; *Масловский Д.* Оборона берегов Суворовым (Кинбурнская операция 1787 г.) // Военный сборник. 1894. № 2. С. 238.

[3] См.: *Скаловский Р.К.* Указ. соч. С. 72.

[4] Общий морской список. СПб., 1890. Ч. 5. С. 625.

посланник в Лондоне С.Р. Воронцов. Так, пренебрежительно оценивая отечественных адмиралов, А.А. Безбородко писал: «… куда не глянешь, кроме вертопрашества, невежества, лени и оплошности не увидишь»[1].

Ими были предприняты меры к вербовке старших морских офицеров, имеющих боевой опыт, из Англии через знаменитого адмирала Дж. Родни. Были также намерения пригласить из Франции адмирала П.-А. Сюффрена.

Для реализации намеченных кадровых изменений велись переговоры и с голландским контр-адмиралом И.Г. Кинсбергеном, прославившимся на русской службе в прежнюю русско-турецкую войну. Как установлено в процессе исследования, по высочайшему повелению в переписку с И.Г. Кинсбергеном вступил российский полномочный министр в Мюнхене К. Петерсен. Первые его реляции внушали оптимизм на скорое возвращение известного моряка на русскую службу. Последний даже высказывал желание «посвятить себя службе всемилостивейшей государыне, представляющей ему столь лестный случай к усугублению славы, которую он приобрел уже в победоносных Ее войсках»[2]. Однако, не получив заверений о назначении его командующим эскадрой, которая по указу императрицы от 14 марта 1788 г. должна была выйти в Средиземное море для отвлечения турецких морских сил из Черного моря, И.Г. Кинсберген отказался, сославшись на семейные обстоятельства.

В начале 1788 г. для службы в Черноморском флоте были приглашены принц К.Н.О. Нассау-Зиген и Дж. Поль-Джонс, зачисленные в русскую службу на должности командующих гребной и парусной эскадр Лиманской флотилии с чином контр-адмирала. Данный факт говорит о недооценке высшим военно-политическим руководством страны национальных морских кадров и, в частности, Ф.Ф. Ушакова.

Важным моментом в дальнейшем профессиональном росте Ф.Ф. Ушакова явилось сражение у о. Фидониси, которое, по существу, явилось первым сражением русского флота в открытом море. До этого боевой опыт

[1] АВПРИ. Ф. 37. Оп. 5. Д. 54. Л. 3.
[2] Там же. Л. 4, 7, 15–17.

отечественного флота составляли сражения гребных флотов при Гангуте (27 июля 1714 г.) и Гренгаме (27 июля 1720 г.); бой небольшого отряда парусных кораблей у о. Эзель (24 мая 1719 г.); действия флота в Русско-турецкой 1736–1739 гг., в Русско-шведской 1741–1743 гг. и в Семилетней 1756–1763 гг. войнах, в которых не происходило крупных морских сражений; Хиосское и Чесменское сражения (24 и 26 июня 1770 г.), которые происходили в бухтах.

Перед рассмотрением вопросов, связанных с боевой деятельностью Ф.Ф. Ушакова и его вклада в развитие военно-морского искусства, отметим, что в сражениях парусных флотов командующие должны были учитывать множество объективных и субъективных факторов и условий, которые обуславливались:

- конструктивными особенностями и маневренными качествами кораблей;
- видом, количеством, качеством и боевыми возможностями вооружения;
- физико-географическими, навигационными, гидрометеорологическими и международно-правовыми условиями;
- наличием эффективных средств управления;
- укомплектованностью экипажей;
- морально-боевыми и духовно-нравственными качествами личного состава;
- уровнем подготовки команд, командиров и флагманов, наличием у них боевого опыта;
- соотношением сил;
- наличием сведений о противнике и другими.

На основе учета указанных факторов и условий флагман должен был произвести оценку обстановки:

– противника;

– своих сил;

– района боевых действий;

– времени начала боевых действий.

Только после указанной комплексной оценки командующий принимал решение на бой.

Соискатель последовательно рассмотрел механизм оценки обстановки в сражении у о. Фидониси командиром авангарда Черноморского флота капитаном бригадирского ранга Ф.Ф. Ушаковым, который по существу руководил всем флотом в этом сражении.

Оценка противника.

По выявленным в процессе исследования документам можно с уверенностью утверждать, что состав сил противника (Приложение 29), их состояние, возможный замысел, ожидаемые способы действий и тактические приемы в основном были заранее известны русскому командованию.

Данные разведки, а также время, в течение которого производилось маневрирование флотов, продолжавшееся с 29 июня до 3 июля, когда оба флота подошли к устью Дуная вблизи острова Фидониси, позволили командованию Черноморского флота проанализировать и оценить состояние флота противника.

Визуальная оценка показала, что турецкий флот имел значительное превосходство. Его основу составляли линейные корабли (см. табл. 3). Черноморский флот мог противопоставить только 13 кораблей и фрегатов, из которых только четыре (66-пушечные «Преображение», «Св. Павел» и 50-пушечные «Андрей Первозванный», «Георгий Победоносец») были вооружены орудиями крупных калибров, соответствующими орудиям турецких кораблей.

Важное значение имели конструктивные особенности турецких кораблей. Было известно, что они изготовлены по лучшим французским чертежам под руководством французских корабельных мастеров Тусена и Лероа и имели медную обшивку подводной части корпуса[1]. Это обстоятельство давало им значительное преимущество в скорости хода, которая, в свою очередь, зависела также и от парусного вооружения. В турецком флоте использовались

[1] АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 494. Л. 11.

хлопчатобумажные паруса, которые быстро наполнялись ветром и были легки в управлении, однако при этом были менее прочными и более горючими.

Таблица 3

Соотношение сил русского и турецкого флотов в сражении при Фидониси[1]

Класс судов	Черноморский флот	Турецкий флот	Соотношение
Линейные корабли	2	17	1 : 8,5
Фрегаты	11	8	1 : 0,7
Прочие суда	23	24	1 : 1
Орудия	552	1120	1 : 2

Артиллерия на турецком флоте в целом была более разнокалиберная и относительно меньшей мощности, чем на Черноморском флоте. На вооружении турецких кораблей состояли чугунные или медные пушки (в основном 22-фунтового (156-мм) калибра. При этом значительную часть составляли более прочные медные пушки. Кроме того, на многих линейных кораблях стояло по четыре особо мощных орудия, стрелявших 40-кг мраморными ядрами[2].

О тактических замыслах турецкого командующего было известно, что он планировал встретиться с российским флотом в решительном сражении и «идти на абордаж, подобно как ему случилось в Чесме, а в случае неудачи сжечь хотя свой, если не атакованный корабль, дабы чрез то сохранить славу храбрости своей»[3]. Для этих целей капудан-паша Эски-Гассан набрал на свой корабль лучших людей «посредственных лет, которые умели хорошо владеть мелким оружием». «Я хочу иметь, – отмечается в документе, – семьсот человек из самых наилучших далкиличей, ибо я из дали из пушек палить и маневрировать никак не намерен, но вдруг, встретившись с неприятелем, атакую его по-

[1] Адмирал Ушаков. [Документы.] Т. 1. С. 64.

[2] *Грибовский В.Ю.* Российский Черноморский флот в морских сражениях Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. С. 11.

[3] АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 2036. Л. 41.

мальтийски на абордаж!»[1] Заметим, что с точки зрения морской тактики, данный прием к тому времени считался отжившим способом поражения сил противника. В этой связи командованию Черноморского флота вряд ли можно было ожидать классического линейного построения боевого ордера турецкого флота.

О средствах управления турецким флотом было известно, что в начале кампании 1788 г. в нем впервые были учреждены сигналы, «кои сделаны будут капитан-пашою, для того чтоб разуметь его повеления»[2]. При этом управление флотом командующий планировал осуществлять с маломерного судна. На основании данного документа русскому командованию стало ясно, что управление в турецком флоте была на невысоком уровне.

Перед началом сражения Ф.Ф. Ушаков заметил, что капудан-паша, остановив весь флот, обошел его и дал капитанам устные указания, учредив арьергард из пяти кораблей во главе с реал-беем (контр-адмиралом), затем кордебаталию из шести кораблей под командой патрон-бея (вице-адмирала), и в авангарде также с шестью кораблями пошел сам.

Организация построения боевого порядка подтверждала несовершенство сигнальной системы управления в турецком флоте, что было также отмечено Ф.Ф. Ушаковым: «капудан-паша к бою учреждает флот свой словесными наставлениями»[3], из чего следовало, что турецкий адмирал на сигналы не надеется. Поэтому при высоких маневренных характеристиках турецких кораблей, их боевые возможности значительно ограничивалась низким уровнем развития средств управления. При этом не сложно было заключить, что стойкость каждого отдельного экипажа будет зависеть от поведения флагмана. Кроме того, данное построение турецкого флота подтверждало описанный выше тактический замысел капудан-паши – навязать абордажный бой.

О системе комплектования экипажей флота противника было известно, что она была принудительной и имела бессистемный характер. В результате

[1] АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 2036. Л. 41 об.
[2] Там же. Д. 716. Л. 25.
[3] Материалы для истории Русского флота. Ч. XV. С. 156.

для службы на флоте попадали представители низших сословий разных национальностей и вероисповеданий, в основном это были греки, армяне и турки. Иудеи, как выяснилось в процессе исследования, откупались деньгами[1].

По данным русской разведки, командованию Черноморским флотом было также известно, что еще в конце 1787 г. капудан-паша Эски-Гассан намеревался набрать 23 тыс. матросов и 50 тыс. морского десанта и вместе с ними отправиться в Черное море для ведения военных действий, для чего Высокая Порта (правительство Турции) отправила секретные фирманы (указы) ко всем имамам с повелением увещевать молодых людей от 16 лет и выше, чтобы они непременно шли на войну, объясняя им, что «сия война за их веру»[2]. Но при этом морально-боевой дух новобранцев находился на низком уровне. Подтверждением может служить одно из многочисленных сообщений из Турции о боевом настрое турецких матросов, говоривших, что «лучше отрубить им головы здесь, нежели принудить их на жертву в Черном море»[3]. Поэтому для службы на кораблях тогда удалось набрать всего 500 чел.[4]

Несовершенная система комплектования турецкого флота обуславливала низкие воинскую дисциплину и профессиональный уровень подготовки личного состава. На основании многолетних наблюдений за состоянием турецкого флота, в том числе и в период пребывания Ф.Ф. Ушакова в Константинополе (1777–1778 гг.), и регулярно поступающих оттуда агентурных сведений, было вполне очевидно, что боевая подготовка проводилась нерегулярно и бессистемно. Подтверждением тому может служить рапорт командира бота «Хопер» лейтенанта А. Пустошкина, находившегося в предвоенное время в Константинополе (Приложение 30). В нем он сообщает о своих наблюдениях об уровне обученности артиллеристов на турецких судах. Из беседы с арнаутом, которого капудан-паша признавал «главным знатоком в искусстве действовать из мортир и бросать из оных бомбы», А. Пустошкиным

[1] АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 2036. Л. 78.
[2] Там же. Д. 708. Л. 23.
[3] Там же. Д. 702. Л. 64.
[4] Там же. Д. 2036. Л. 80.

выявлено, что «оный арнаут нашелся не более знающим, как зарядить мортиру и то без пропорции и без всяких регул, а выстрелы производить на счастие»[1].

Не секретом был и тот факт, что в турецком флоте регулярно происходили матросские бунты, сопровождаемые кровопролитием. По сообщениям из Турции, последний из них произошел перед самым выходом турецкого флота в Черное море – 15 марта 1788 г[2]. Поэтому на ответственных корабельных постах большей частью использовались греки и представители других балканских народов. Для обслуживания орудийных расчетов на флагманские корабли были завербованы несколько английских канониров, а для управления огнем приглашены британские офицеры, которых сразу же переодевали в турецкое платье. В результате из 20 тыс. чел. команды, только третью часть составляли турки[3].

Несмотря на это, командованию Черноморского флота было известно, что боевой дух самого турецкого командующего – капудан-паши Эски-Гассана был достаточно высок. Документы, добытые русскими дипломатами, свидетельствовали о том, что перед выходом в Черное море он пообещал султану, что не возвратится, пока не возьмет Крым, или умрет там. Кроме того, он объявил всем капитанам, что «ежели которые из них не поступят храбро, он будет их казнить и вешать на мачтах»[4]. (Исследование подтвердило, что капудан-паша после сражения с русским Черноморским флотом реализовал свою угрозу, публично казнив нескольких командиров и офицеров[5]).

По указанным сведениям Ф.Ф. Ушаков мог также заключить, что дисциплина и боевой дух турецких моряков держались на страхе наказания или даже лишения жизни.

Произведенная оценка противника позволила установить состав сил, их состояние, маневренные, наступательные и оборонительные возможности, а

[1] АВПРИ. Ф. 90. Оп. 1. Д. 765. Л. 47.
[2] Там же. Ф. 89. Оп. 8. Д. 716. Л. 4 об.
[3] Там же. Д. 2036. Л. 44 об.–46 об.
[4] Там же. Л. 46 об.
[5] Там же. Л. 85 об.

также замысел турецкого командования, предполагавший расчленение боевого порядка Черноморского флота и навязывание ему абордажного боя.

Выявлены.

Сильные стороны противника: численное превосходство; высокие тактико-технические характеристики кораблей; лучшая по качеству артиллерия; несгибаемая воля и целеустремленность командующего.

Слабые стороны противника: низкий уровень подготовки экипажей; слабые морально-боевые качества личного состава; устаревшие взгляды на способы ведения морского боя; неспособность к сложному маневрированию из-за несовершенства средств управления.

Оценка своих сил.

Как отмечено выше, Черноморский флот значительно уступал турецкому в количестве судов основных классов и в два раза – в количестве орудий (без учета их дифференциации по калибрам).

Корабли и фрегаты впервые вышли в море после проведенных ремонтно-восстановительных работ, вызванных серьезными повреждениями, полученными во время шторма в сентябре 1787 г. Поэтому одновременно производилась проверка качества проведенных работ, ходовых и маневренных характеристик кораблей.

Уровень подготовки личного состава кораблей Черноморского флота был недостаточно высоким, и значительно уступал в этом показателе Балтийскому флоту. Причиной тому являлись объективные трудности в комплектовании. На момент формирования экипажей в 1783 г. подготовленными кадрами с Балтики, большая их часть погибла во время эпидемии чумы в Херсоне. Некомплект нижних чинов восполнялся из числа солдат приморских (Херсонского и Севастопольского) гарнизонов, что объективно определяло их низкий профессиональный уровень.

Кроме того, не высокий уровень профессиональной подготовки объяснялся ограничением в возможностях по практической отработке экипажей.

Сильные стороны: наличие артиллерии больших калибров и зажигательных снарядов на линейных кораблях; высокие морально-боевые качества личного состава и командования; практически однородный национальный и конфессиональный состав.

Слабые стороны: низкие тактико-технические характеристики кораблей; слабое артиллерийское вооружение фрегатов и крейсерских судов; невысокий уровень профессиональной подготовки и отсутствие боевого опыта личного состава и командования.

Несмотря на это, русское командование ожидало от своего флота эффективных боевых действий.

Оценка района боевых действий.

Район боевых действий располагался в северо-западной части Черного моря. На тот период времени он был слабо освоен русскими моряками[1]. Противник, напротив, за многие годы господства на Черном море, хорошо знал его особенности.

Равноудаленность пунктов базирования противников к району боевых действий не позволяла обеим сторонам быстро наращивать усилия в ходе сражения.

Объективно в навигационном отношении серьезное влияние на боевые действия оказывало течение. Оно имело направление против часовой стрелки и проходило в расстоянии 2–5 миль от берега шириной 25–35 миль. Скорость его составляла 0,5–1,2 узлов. Особенность северо-западного района заключалась в том, что там течение находится в зависимости от мощного стока вод Дуная и Днепра[2]. Так наличие сильного течения не позволило флотам, застигнутым 1 июля безветрием, оставаться в боевом порядке.

Район боевых действий являлся открытым, мелководным. Небольшие глубины (21–35 м)[3] не позволяли командующему Черноморским флотом, по

[1] *Будищев Ф.* Лоция или морской путеводитель, содержащий описание фарватеров и входов в порты, заливы на Азовском и Черном морях… СПб., 1808. Ч. 1.

[2] См.: Боевая деятельность подводных лодок Военно-морского флота СССР в Великую Отечественную войну 1941–1945 гг. М., 1970. Т. 3. С.10.

[3] См.: Морской атлас. Т. 1. Л. 37.

причине неосвоенности района, производить решительное маневрирование без предварительного промера глубины.

Метеорологические условия в районе боевых действий были неблагоприятными: ветер неоднократно менял свое направление с периодами безветрия и одновременной сменой погодных условий и состояния моря. В результате эти обстоятельства не позволили Черноморскому флоту, 18 июня вышедшему из Севастополя, быстро прийти в район. Только 29 числа он смог дойти до острова Тендра, где к вечеру обнаружил турецкий флот, шедший попутным северным ветром.

С этого момента противники в изменяющихся метеорологических условиях находились в постоянном маневрировании для занятия наиболее выгодного положения и выбора времени для атаки, держа генеральное направление к западу в район острова Фидониси (современный о. Змеиный). При этом турецкий флот продолжал занимать наветренное положение.

Другие физико-географические условия (явления) на действия противоборствующих сил существенного влияния не оказывали.

Оценка района боевых действий позволяет утверждать, что обстановка складывалась в пользу противника.

Оценка времени начала боевых действий.

Сроки подготовки сил Черноморского флота к выходу на выполнение боевой задачи были достаточными, для того чтобы завершить ремонтно-восстановительные работы, укомплектовать экипажи, подготовить материальную часть, пополнить запасы продовольствие и боеприпасов.

На время начала сражения, как отмечено выше, большое влияние оказывали гидрометеорологические условия.

На рассвете 3 июля оба флота подошли к устью Дуная и встали вблизи острова Фидониси. Ветер дул с севера. Неприятель находился на ветре. Бой стал неизбежным.

Таким образом, время начала сражения определялось конкретно сложившейся обстановкой в районе боевых действий.

Выводы из оценки обстановки.

На основании проведенной оценки следовало, что противник имел значительное преимущество: в количестве кораблей и орудий; в освоении района боевых действий; в исходном тактическом положении (относительно ветра).

Командование Черноморского флота могло рассчитывать только на более высокий уровень профессиональной подготовки (даже при отсутствии боевого опыта) и морально-боевого духа экипажей кораблей, а также свое тактическое мастерство.

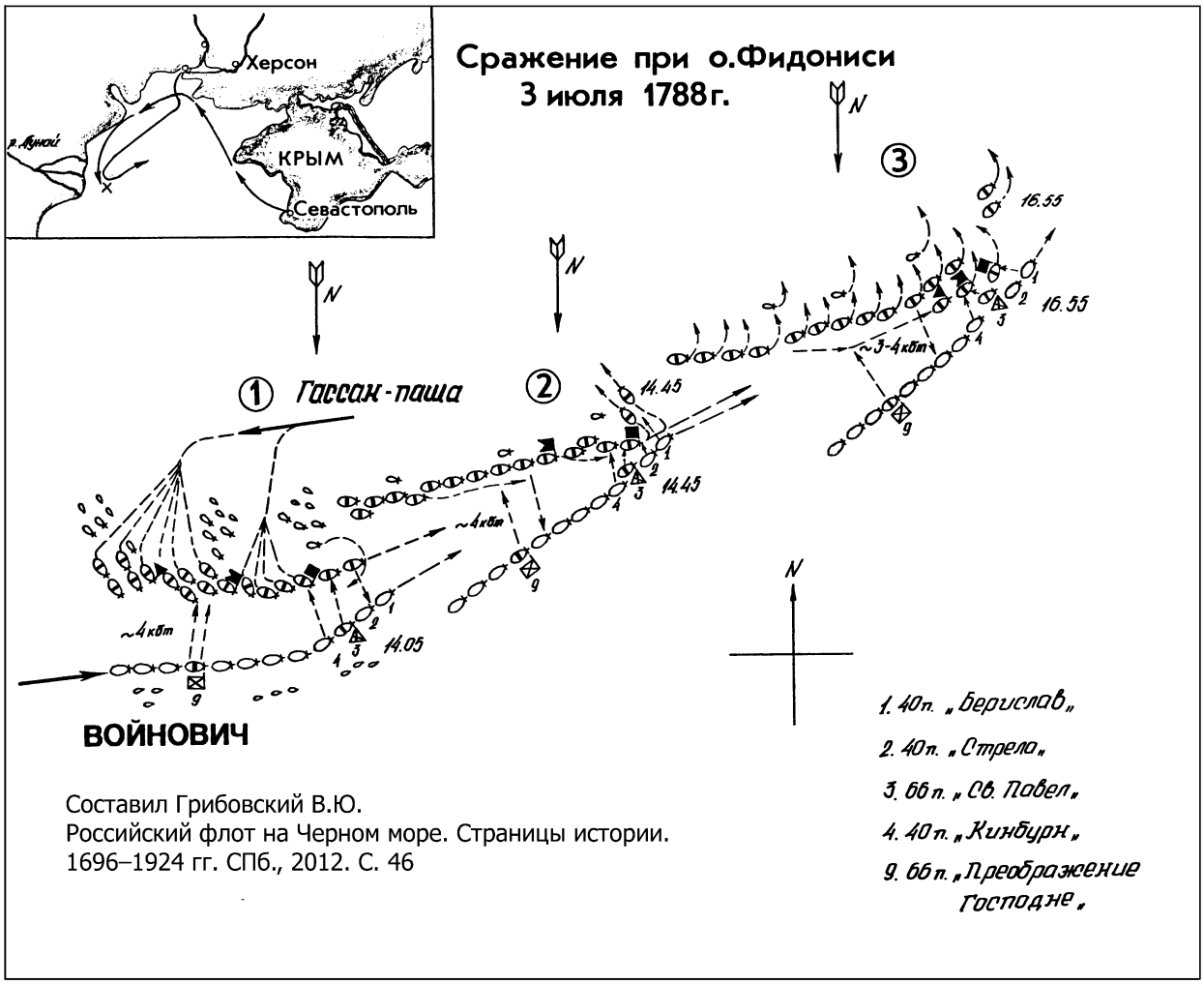
В сложившейся обстановке командующий Черноморским флотом контр-адмирал М.И. Войнович при принятии решения на сражение ориентировался на сильные стороны противника и в дальнейшем, по существу, занял выжидательную позицию. В отличие от него, командир авангарда капитан бригадирского ранга Ф.Ф. Ушаков, занимающий подчиненное положение, сделал ставку на слабые стороны противника и сильные стороны вверенных ему сил, на основании чего составил свой тактический замысел, который сводился к тому, чтобы атаковать передовую часть турецкого флота во главе с командующим и заставить его выйти из сражения. На основании этого он принял самостоятельное решение на встречный бой, определив направление главного удара – головные корабли авангарда турецкого флота.

Анализ тактических решений позволяет считать, что оценка обстановки капитаном бригадирского ранга Ф.Ф. Ушаковым была произведена объективно. Это позволило ему разгадать замысел противника и принять единственно правильное решение (см. схему 1).

Для реализации своего решения Ф.Ф. Ушаков приказал двум передовым фрегатам увеличить ход и, обойдя головные корабли противника, перерезав им курс, повернуть через контр-марш и атаковать уже с наветренной стороны. При этом Ф.Ф. Ушаков сам, будучи атакованным тремя линейными кораблями, увеличил ход вверенного ему корабля и решительно атаковал флагманский корабль турецкого командующего, намереваясь таким образом взять

противника в два огня. Для более эффективного поражения огонь с русских судов велся с дистанции картечного выстрела, при котором была задействована вся имеющаяся артиллерия, в том числе и малокалиберная.

Схема 1



Составил Грибовский В.Ю.
Российский флот на Черном море. Страницы истории. 1696–1924 гг. СПб., 2012. С. 46

Ход сражения подтвердил правильность принятого командиром русского авангарда решения. Головные турецкие корабли, не выдержав атаки русских фрегатов, вышли из боя, в результате чего турецкий командующий оказался под перекрестным огнем двух русских фрегатов и линейного корабля Ф.Ф. Ушакова. Не выдержав сосредоточенного огня, капудан-паша также был вынужден покинуть поле боя. Его примеру последовал и весь турецкий флот.

Победе русского флота способствовал также обоснованно и успешно реализованный Ф.Ф. Ушаковым принцип взаимной поддержки. При этом более точная и эффективная стрельба русских артиллеристов не позволила

противнику реализовать свое численное превосходство. Тем самым Ф.Ф. Ушаковым был внесен определенный вклад в развитие отдельных элементов тактики парусного флота.

С военно-политической точки зрения сражение, с успехом проведенное Черноморским флотом, позволило на время вывести из действия турецкий флот. Это обстоятельство дало возможность командованию русской армии, начать блокаду Очакова, лишившемуся поддержки со стороны моря.

Г.А. Потемкин, стремясь закрепить успех после удачных действий Черноморского флота в летнюю кампанию, решил перейти от оборонительных действий на море к наступательным. Наиболее эффективным способом таких действий в сложившейся обстановке он считал крейсерские рейды. Продолжая сухопутную и морскую блокаду очаковской крепости и располагая агентурными сведениями о намерении противника ее деблокировать, Г.А. Потемкин намеревался провести рейд по берегам Анатолии, где снаряжались суда для перевозки войск и припасов к Очакову.

Рейд был проведен с 16 сентября по 6 октября 1788 г. силами пяти крейсерских судов под командованием капитана 2 ранга Д.Н. Сенявина. В ходе рейда было уничтожено три и захвачено четыре турецких судна с припасами. Одновременно артиллерийскому обстрелу подверглись города и крепости Синоп, Вонна и Керасунда[1]. В результате турецкие коммуникации на Черном море были значительно нарушены, а население азиатского побережья Турции ввергнуто в страх[2].

Анализ боевой деятельности Черноморского флота в кампанию 1788 г. показывает, что основным ее итогом явилось нанесение поражений превосходящим турецким морским силам и это позволило решить главную задачу первого этапа войны – вынудить турецкое командование отказаться от активных действий на Черном море. Потери турецкого флота, в основном после сражений с Лиманской флотилией и Кинбурнской батареей в Днепровском

[1] *Висковатов А*. Взгляд на военные действия россиян на Черном море и Дунае с 1787 по 1791 год. С. 25, 26.

[2] АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 2036. Л. 99.

лимане 7 и 17 июня, по признанию капудан-паши, составили 54 судна различных классов (в том числе пропавшими без вести) и 26 000 чел.[1] Все это существенно повлияло на общий ход военных действий. В результате, в кампанию следующего 1789 г. турецкое командование, не сумев набрать экипажи и полностью восстановить боеспособность флота, уже не выводило столь крупные морские силы в Черное море.

В указанный период Ф.Ф. Ушаков зарекомендовал себя как опытный командир корабля и младший флагман Черноморского флота, способный решать любые поставленные задачи. Определилось его лидирующее положение в руководстве силами Черноморского флота.

4.2. Деятельность Ф.Ф. Ушакова на посту командующего Черноморским флотом

Генерал-фельдмаршал Г.А. Потемкин-Таврический, обобщив опыт прошедших кампаний, решил доверить главную силу флота Ф.Ф. Ушакову, которого характеризовал как «офицера весьма искусного и храброго»[2]. 14 апреля 1790 г. Ф.Ф. Ушаков получил под свою команду корабельный флот, базирующийся на Севастополь, и был произведен в чин контр-адмирала.

В плане на предстоящую кампанию Черноморскому флоту предписывалось искать повсюду флот турецкий и разбить его в генеральном сражении. В секретном письме Г.А. Потемкина императрице от 19 марта, по этому поводу сообщалось: «Касательно войны с турками чинить наступление флотом, и, ежели Бог поможет, сойтиться и разбить их флот, то теснить Царь Град»[3].

---

[1] АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 2036. Л. 99 об., 100.
[2] *Екатерина II и Г.А. Потемкин.* Личная переписка 1769–1791. С. 343.
[3] АВПРИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 585. Л. 359 об.

Кроме того, флоту ставилась задача по нарушению коммуникаций противника и недопущению переброски войск на сухопутный театр военных действий[1].

Перед началом активных боевых действий в кампанию 1790 г. Г.А. Потемкин, используя имеемый опыт проведения крейсерских действий Д.Н. Сенявина, решил провести рейд («диверсию») на азиатское побережье Турции[2], где по имеющимся сведениям должен был находиться 20-тыс. турецкий корпус, предназначенный для высадки в Крыму[3].

Для проведения рейда из состава Черноморского флота была сформирована специальная крейсерская эскадра из 3 линейных кораблей, 4 фрегатов, 11 крейсерских судов и репетичного судна под командованием контр-адмирала Ф.Ф. Ушакова[4].

Действия Ф.Ф. Ушакова имели свои особенности. Крейсерские суда были разделены на три отряда и посланы к побережью противника для уточнения обстановки. Они сумели подойти к берегу, захватить стоявшие там два вражеских судна и отвлечь на себя огонь береговых батарей, что дало возможность контр-адмиралу Ф.Ф. Ушакову на линейном корабле «Св. Александр» попытаться войти на Синопский рейд. Однако удачный тактический замысел сходу реализовать не удалось из-за наступления темноты.

Русская крейсерская эскадра была вынуждена расположиться перед входом в бухту, чтобы «воспрепятствовать неприятелю» вырваться в море. Для устрашения и морального подавления противника Ф.Ф. Ушаков приказал всем судам нести полные огни и, находясь всю ночь под парусами, производить стрельбу фальшфейерами и ракетами.

На рассвете следующего дня российская эскадра вошла в Синопскую бухту, где на якоре под прикрытием береговых батарей стояли два фрегата, шхуна, кирлангич, полугалера, три лансона и чектырма. Кроме того, на

---

[1] АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 2189. Л. 54 об.
[2] Бумаги князя Григория Александровича Потемкина-Таврического. С. 16.
[3] АВПРИ. Ф. 32. Оп. 6. Д. 747. Л. 67.
[4] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 2374. Л. 305.

эллингах находились один строящийся корабль и две таитии. Ф.Ф. Ушаков намерен был их атаковать, но слабый восточный ветер не позволил реализовать намеченный план. К тому же близость береговых батарей делала эту атаку рискованной. Ф.Ф. Ушаков вместо атаки «разными движениями эскадры и перепалкою с кораблей, всем синопским жителям и судам, там находящимся, наносил беспрестанно великий страх»[1]. Ядра рушили стены, а брандскугели воспламеняли постройки в крепости. Для более эффективного поражения береговых объектов корабль «Св. Георгий», был отбуксирован гребными судами в глубь бухты. В это время крейсерские суда под прикрытием 2 фрегатов и репетичного судна у соседних берегов взяли в плен 8 судов и потопили еще четыре, шедших в Константинополь. Были взяты в плен 148 чел. и освобождены из неволи 53 чел. Потери с русской стороны составили: четыре раненых и один убитый[2].

24 мая российская эскадра оставила Синопскую бухту и последовала вдоль берега к Самсуну, уничтожив по пути еще два небольших турецких судна. 25 числа крейсерские суда с орудийными залпами вошли в Самсунскую бухту. Следом вошли и остальные суда. Не обнаружив там военных кораблей, Ф.Ф. Ушаков осмотрел гавань, снял план укрепления и вышел в море, держа курс на Анапу.

В результате проведения крейсерства от Синопа до Анапы с 16 мая по 5 июня были решены задачи: разрушения Синопского порта; уничтожения вражеских судов с материальными припасами и вооружением в указанной акватории; нарушения коммуникаций противника в юго-восточной части Черного моря. Дальнейшее развитие получила тактика действий крейсерских эскадр.

Важным этапом в дальнейшем развитии Черноморского флота, военно-морского искусства и флотоводческой деятельности Ф.Ф. Ушакова явилось сражение с турецким флотом у Керченского пролива 8 июля 1790 г.

---

[1] Адмирал Ушаков. [Документы.] Т. 1. С. 171.
[2] Там же. С. 166.

Оценка противника.

Благодаря выявленным в процессе исследования документам, можно с достоверностью судить о том, что сроки выхода противника в Черное море (11 мая) и состав его сил командованию Черноморским флотом были известны из данных разведки, переданных по дипломатическим каналам[1]. В распоряжении Г.А. Потемкина и Ф.Ф. Ушакова имелись сведения и о вероятном замысле противника нанесения поражения русскому флоту, доставке и высадке десанта в Крыму с последующим захватом всего полуострова «как древнего владения Турции»[2].

Особенности данного сражения* заключались в следующем. Во-первых, оба флота были с обновленным командованием (Черноморским флотом командовал контр-адмирал Ф.Ф. Ушаков, турецким – молодой 22-летний капудан-паша Гуссейн). Во-вторых, существенно изменилось соотношение сил: увеличился корабельный состав и усилился бортовой залп кораблей Черноморского флота. С учетом данного обстоятельства на момент начала сражения соотношение сил выглядело следующим образом (см. табл. 4).

Таблица 4

Соотношение сил русского и турецкого флотов в сражении при Керчи[3]

Класс судов	Черноморский флот	Турецкий флот	Соотношение
Линейные корабли	10	10	1 : 1
Фрегаты	6	8	1:1,3
Прочие суда	16	36	1:2,2
Орудия	836	1100	1:1,3

[1] АВПРИ. Ф. 32. Оп. 6. Д. 747. Л. 79.

[2] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 2374. Л. 301 об.

* При исследовании данного и последующих сражений Черноморского флота под командованием Ф.Ф. Ушакова соискатель рассматривает только особенности оценки обстановки командующим флотом, опуская ранее проанализированные общие детали и моменты.

[3] Адмирал Ушаков. [Документы.] Т. 1. С. 221–223.

Оценка своих сил.

Значительное увеличение численного состава и усиление средств поражения флота, повышение уровня профессионального мастерства и появившийся боевой опыт явились важными факторами, существенно влиявшими на ход сражения. Вместе с тем, особое значение командование уделяло укреплению морально-боевого духа личного состава. Так ордером Г.А. Потемкина от 3 июля контр-адмиралу Ф.Ф. Ушакову предписывалось ободрить команду и произвести в ней желание к сражению[1].

Оценка района боевых действий.

Район боевых действий располагался в северо-восточной части Черного моря и был достаточно освоен русскими моряками.

Район боевых действий являлся открытым. Глубины 30–80 м позволяли производить свободное маневрирование без предварительного промера глубины.

Метеорологические условия в районе боевых действий были неблагоприятными: ветер дул с северо-запада и являлся встречным для Черноморского флота и попутным для флота противника.

Другие физико-географические условия (явления) на действия противоборствующих сил существенного влияния не оказывали.

Оценка района боевых действий показывала, что обстановка складывалась в пользу противника.

Оценка времени начала боевых действий.

Сроки подготовки сил Черноморского флота к выходу на выполнение боевой задачи после проведенной крейсерской операции были достаточно ограниченными. 19 июня последовал ордер Г.А. Потемкина о приготовлении и выходе флота в море для поиска неприятеля. 2 июля Черноморский флот вышел из Севастопольской бухты и направился в сторону Феодосии, где по донесениям с места был обнаружен турецкий флот[2].

---

[1] Бумаги князя Григория Александровича Потемкина-Таврического. С. 92.
[2] РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 511. Ч. 1. Л. 8.

Имея все основания ожидать возвращения неприятеля, Ф.Ф. Ушаков встал на якорь недалеко от Керченского пролива. Предположения командующего Черноморским флотом оправдались. Утром 8 июля на горизонте показался турецкий флот.

Выводы из оценки обстановки.

На основании проведенной оценки следовало, что противник, по сравнению с предыдущим сражением у о. Фидониси, уже не имел значительного преимущества в количестве кораблей и орудий и в освоении района боевых действий. Явное тактическое преимущество неприятель сохранил лишь в исходном положении относительно ветра.

Тактический замысел контр-адмирала Ф.Ф. Ушакова состоял в том, что бы при исходно невыгодном тактическом положении принять оборонительный бой с целью недопущения прорыва противника к крымскому побережью для высадки десанта и, при благоприятных обстоятельствах, нанести ему поражение. Это позволило ему принять правильное решение на оборону.

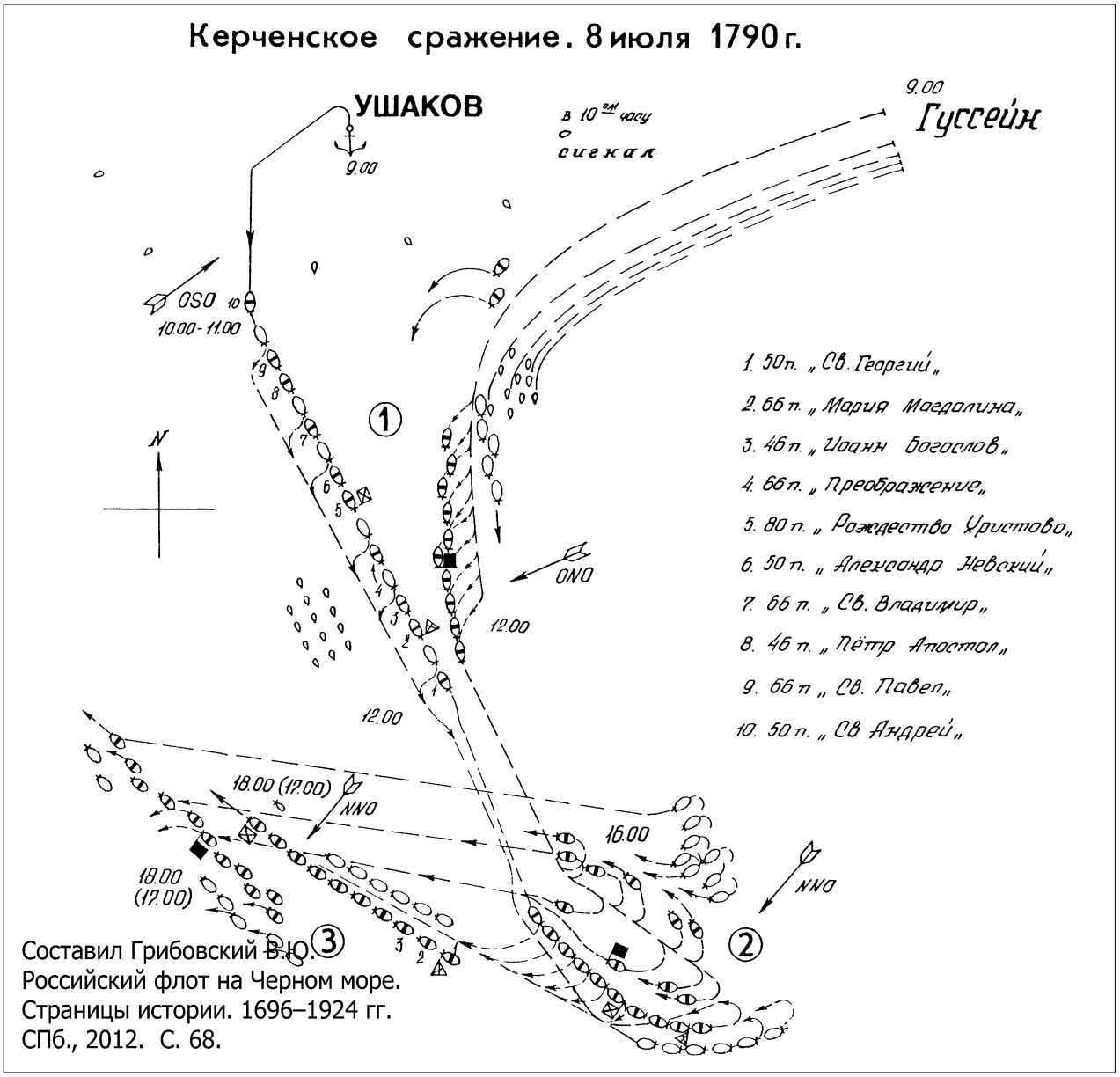
Особенностью данного сражения (см. схему 2) является факт вывода Ф.Ф. Ушаковым из боевой линии части сил – нескольких фрегатов, которые в дальнейшем по ходу сражения были использованы им для атаки флагманского корабля противника.

Данный факт получил недостаточно точную оценку в отечественной историографии. В 50-х годах XX столетия утвердилось мнение, что Ф.Ф. Ушаков на стадии принятия решения на сражение у Керченского пролива впервые в истории военно-морского искусства учредил резерв и успешно использовал выделение резерва как новый тактический прием[1]. Однако более детальное изучение источников позволило установить, что предварительного замысла на вывод фрегатов из линии не существовало. Напротив, установлено,

[1] *Ралль Ю.Ф.* Наступательная тактика адмирала Ф.Ф. Ушакова // Морской сборник. 1945. № 7. С. 50, 53, 56, 58; *Андрущенко А.И.* Адмирал Ушаков. М., 1951. С. 153, 154, 273; История военно-морского искусства. В 5 т. / Под ред. *Р.Н. Мордвинова.* Учебное пособие. М., 1953. Т. 1. С. 237, 242, 245; *Бескровный Л.Г.* Русская армия и флот в XVIII веке. М., 1958. С. 643; *Лещинский Л.М.* Военные победы и полководцы русского народа второй половины XVIII века. М., 1959. С. 119.

что это была вынужденная мера, продиктованная складывающейся тактической обстановкой. Причина этого решения состояла в том, что ядра малокалиберных орудий впоследствии выведенных фрегатов не долетали до турецких кораблей, в то время как сами находились под огнем противника[1].

Схема 2



Составил Грибовский В.Ю.
Российский флот на Черном море.
Страницы истории. 1696–1924 гг.
СПб., 2012. С. 68.

Поэтому решение Ф.Ф. Ушакова о выводе бесполезных в линии фрегатов из-под удара было продиктовано соображением сохранения своих сил и явилось вполне обоснованным. Логичным было и решение о направлении их для возможной поддержки авангарда, принявшего на себя главный удар

[1] *Данилов П.А.* Жизнь моя (1756–1806) // Кронштадтский вестник. 1913. № 93. С. 2.

турецкого флота. Перемена ветра на четыре румба (45º), произошедшая в ходе сражения, привела к тому, что эти фрегаты оказались на ветре и встречной атакой сорвали попытку турецкого флагманского корабля обойти авангард русского флота и взять его «в два огня».

Заметим, что только в последующем данное изменение в боевом порядке (а не тактический прием), примененное в контексте конкретно складывающейся тактической обстановки, будет проанализировано, осмыслено и уже целенаправленно использовано Ф.Ф. Ушаковым для сосредоточения сил на направлении главного удара. Несмотря на то, что первоначально выведенные из линии фрегаты и имели название «корпус резерва», в полном смысле этого слова резервом не являлись, о чем автор высказывает свое суждение в Гл. 5.

Характерной чертой действий Ф.Ф. Ушакова, проявившейся и в данном сражении, стало умелое сочетание активного маневрирования с сосредоточенным огнем с коротких дистанций. Это позволило ему отразить атаку основных сил турецкого флота, занять наветренное положение и контратаковать противника с последующим его преследованием.

Проанализировав ход и итоги сражения у Керченского пролива 8 июля 1790 г., соискатель отмечает, что контр-адмирал Ф.Ф. Ушаков проявил себя умелым флагманом, способным творчески мыслить и принимать неординарные тактические решения. «Не удаляясь главных правил», он смог нешаблонно распорядиться силами флота. Осуществляя устойчивое управление флотом, он стремился поставить флагманский корабль в голову колонны и вместе с тем дать определенную инициативу в маневре своим командирам («каждому по способности случая»).

В сражении ярко проявилось преимущество русских моряков в морской выучке и огневой подготовке. Сосредоточив главный удар на флагманских кораблях противника, Ф.Ф. Ушаков в максимальной степени использовал мощь артиллерии, тем самым, сведя к минимуму численное преимущество турецкого флота.

Важно отметить и влияние морально-психологического фактора на ход и исход сражения. Принципиальным моментом в данном вопросе является проявление личной храбрости самим командующим. Личный пример в сочетании с умелым командованием и высокими морально-боевыми качествами подчиненных обеспечили высокую морально-психологическую устойчивость всего личного состава Черноморского флота, что, несомненно, способствовало достижению победы.

Эти результаты были достигнуты Черноморским флотом при минимальных повреждениях и потерях в людях: 29 убитых и 68 раненых[1]. Потери турецкого флота в Керченском сражении точно не определены. О них можно судить лишь косвенно из реляции князя Г.А. Потемкина Екатерине II, в которой сообщалось: «три корабля у них столь повреждены, что в нынешнюю кампанию, не думаю, быть им в море, а паче всех адмиральский»[2]. Кроме того, в процессе исследования стало известно и содержание донесений представителей турецкого морского командования, в которых сообщалось, «что флот турецкий весьма от бою поврежден, так что 18 судов из оного не знают, где находятся, а российское ни одно судно не только не потоплено, но и большого повреждения не потерпело»[3].

Недостатком в действиях командующего Черноморским флотом следует считать его решение на преследование противника в ордере баталии (боевом ордере), при котором скорость всего флота определялась скоростью наиболее тихоходного корабля. Однако этот недостаток можно объяснить отсутствием опыта. В последующем Ф.Ф. Ушаков учтет этот опыт.

Победа русского флота в Керченском сражении сорвала планы турецкого командования по захвату Крыма. Кроме того, поражение турецкого флота привело к снижению уверенности руководства в безопасности своей столицы и заставило Порту «взять осторожности для столицы, дабы в случае со стороны

---

[1] Адмирал Ушаков. [Документы.] Т. 1. С. 238.
[2] *Екатерина II и Г.А. Потемкин.* Личная переписка 1769–1791. С. 423.
[3] АВПРИ. Ф. 41. Оп. 3. Д. 184. Л. 7, 7об.

российской на оную покушения, защитить бы можно было»[1]. Но при этом задача захвата Крыма не отменялась. Для ее решения разбросанный по всему Черному морю турецкий флот вновь стал собираться в районе Варны, получая подкрепление из Константинополя.

Информация о намерениях противника, переданная по дипломатическим каналам, стала известна русскому командованию. Исходя из нее, а также из складывающейся военно-политической обстановки, когда союзник России – Австрия была вынуждена под давлением Пруссии выйти из войны[2], наиболее действенным инструментом в войне с Турцией оказался Черноморский флот. Исходя из этого, Г.А. Потемкин решил продолжить активные боевые действия на море, перейдя к оборонительным действиям на суше, для того чтобы не провоцировать Пруссию к вступлению в войну.

Кроме того, Екатерина II, стремясь избежать ведения военных действий «на два фронта», приняла меры к завершению войны со Швецией. В результате 3 августа 1790 г. в Вереле был заключен мирный договор, по условиям которого между Россией и Швецией было сохранено status quo и прежние границы[3].

Замысел русского командования сводился к тому, чтобы соединенными силами корабельного и гребного флотов нанести поражение турецкому флоту, сорвать планы турецкого командования по захвату Крыма и, лишив возможности продолжать войну на море, создать угрозу турецкой столице.

В соответствии с этим замыслом Черноморскому флоту 18 августа была поставлена задача найти и разгромить флот противника. При этом гребному флоту под командованием генерал-майора флота И.М. де Рибаса надлежало поддержать флот корабельный.

В ходе ведения боевых действий Ф.Ф. Ушаков наладил тесное взаимодействие с силами русской армии и пунктами наблюдения за морской обстановкой. При обнаружении морских сил противника подвижными

[1] АВПРИ. Ф. 41. Оп. 3. Д. 184. Л. 9, 9об.
[2] Там же. Ф. 89. Оп. 8. Д. 2189. Л. 50 об.
[3] *Похлебкин В.В.* Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет... С. 247.

казачьими группами немедленно отправлялись донесения сухопутному и морскому командованию. В результате удалось точно установить место нахождения турецкого флота в районе Гаджибея (Одесса). При его появлении к побережью были стянуты силы отдельного корпуса русских войск в Аккермане под командованием генерал-майора М.И. Кутузова для отражения возможной высадки десанта[1]. Через М.И. Кутузова, осуществлялось и наблюдение за ходом морского сражения через высланный им в море лансон № 3. Получая голубиной почтой сообщения, он немедленно составлял донесения главнокомандующему. А по завершении сражения лично вышел в море к месту проведения боевых действий, с последующим докладом Г.А. Потемкину[2].

Для решения поставленной задачи 25 августа Черноморский корабельный флот под командованием контр-адмирала Ф.Ф. Ушакова вышел из Севастополя в направлении Очакова. Около 6 часов утра 28 августа Ф.Ф. Ушаков обнаружил турецкий флот, стоявший на якоре между Гаджибеем и о. Тендра.

С момента обнаружения противника до начала тактического развертывания (около 10 часов утра) контр-адмиралом Ф.Ф. Ушаковым была проведена оценка обстановки.

Оценка противника.

Турецкий флот имел превосходство над Черноморским флотом как по количеству кораблей, так и по суммарному бортовому залпу (см. табл. 5). Находясь на якорной стоянке, турецким командующим не было установлено охранение и не организована морская разведка, в результате чего появление русского флота стало для него неожиданным.

О вероятном замысле противника было известно, что он планировал разделить свой флот на четыре части и отправиться к Севастополю с целью высадки десанта, захвата порта и уничтожения стоящих там кораблей[3].

---

[1] РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 560. Л. 94.
[2] Там же. Л. 118–122.
[3] АВПРИ. Ф. 41. Оп. 3. Д. 184. Л. 19 об.

Таблица 5

Соотношение сил русского и турецкого флотов в сражении у о. Тендра[1]

Класс судов	Черноморский флот	Турецкий флот	Соотношение
Линейные корабли	10	14	1 : 1,4
Фрегаты	6	8	1 : 1,7
Прочие суда	21	23	1 : 1,1
Орудия	836	1360	1 : 1,6

Сильные стороны:

– решимость капудан-паши Гуссейна реализовать намеченный план действий;

– присутствие в качестве опытного наставника адмирала Саид-бея и двух английских капитанов;

– высокие конструктивные и маневренные качества кораблей.

Слабые стороны:

– невыгодное исходное тактическое положение;

– неготовность к началу сражения вследствие отсутствия сведений о противнике;

– низкая морально-психологическая устойчивость личного состава.

Оценка своих сил.

Численный состав корабельного Черноморского флота существенных изменений не претерпел. Но при этом значительно повысились тактическое мастерство командного звена, морская выучка, уровень профессиональной подготовки и морально-боевой дух личного состава. Это являлось следствием как плановой боевой подготовки, совершенствования боевой организации, так и приобретенного боевого опыта в ходе морских сражений.

По замыслу генерал-фельдмаршала Г.А. Потемкина в качестве сил поддержки предусматривалось участие в сражении гребного Черноморского

[1] Адмирал Ушаков. [Документы.] Т. 1. С. 297–304.

флота под командованием И.М. де Рибаса, для атаки противника со стороны берега. Однако из-за сильного встречного ветра последнему не удалось развернуться в районе боевого предназначения.

Оценка района боевых действий.

Район боевых действий располагался в северной части Черного моря, являлся открытым и был достаточно освоен обеими противоборствующими сторонами. Глубины 20–28 м позволяли производить относительно свободное маневрирование без предварительного промера глубины.

Метеорологические условия в районе боевых действий были неблагоприятными для обеих сторон: дул сильный юго-западный ветер при значительном волнении. Течение, образованное сточными водами рек Днепр, Южный Буг и Днестр, осложняло маневрирование.

Другие физико-географические условия (явления) на действия противоборствующих сил существенного влияния не оказывали.

Оценка времени начала боевых действий.

Сроки подготовки сил Черноморского флота к выходу в море на выполнение боевой задачи после проведенного сражения у Керченского пролива были ограниченными. С получением точных сведений о составе и месте нахождения турецкого флота контр-адмирал Ф.Ф. Ушаков, «не упуская ни малейшего времени», в 07.30 25 августа с вверенным ему флотом вышел в море и пошел навстречу противнику[1].

С момента обнаружения противника Ф.Ф. Ушаков в целях максимального использования фактора внезапности принял решение сократить время тактического развертывания сил и продолжал сближение, оставаясь в походном ордере трех колонн.

Выводы из оценки обстановки.

Из проведенной оценки обстановки следовало, что противник имел определенное преимущество в количестве кораблей и орудий. Однако, занимая невыгодное исходное тактическое положение, он был не готов к началу

[1] Материалы для истории русского флота. Ч. XV. С. 323.

сражения, что значительно повлияло как на его возможности в маневрировании, так и на морально-психологический настрой личного состава.

Тактическое положение Черноморского флота было более выгодным. Его командующий смог в полной мере использовать фактор внезапности, в результате чего обстановка складывалась в пользу Черноморского флота.

В связи с чем тактический замысел командующего Черноморским флотом состоял в том, чтобы, используя внезапность, стремительно атаковать противника с целью разгрома его главных сил. В результате было принято решение на сближение с противником в походном ордере и, используя свое тактическое преимущество, сократив время тактического развертывания, нанесение удара.

Появление около 06.00 28 августа русского флота для турецкого командующего оказалось неожиданным, вследствие чего, несмотря на превосходство в силах, он вынужден был отдать команду рубить якорные канаты и отходить к Дунаю под прикрытие береговых батарей. Однако уйти от преследования русского флота ему не удалось. В сложившейся обстановке капудан-паша был вынужден развернуть весь флот и лечь на встречный курс российскому Черноморскому флоту.

План Ф.Ф. Ушакова состоял в том, чтобы занять наветренное положение и атаковать противника из выгодной позиции. Для реализации намеченного плана он продолжал сближение с турецким флотом, не перестраиваясь из походного ордера в боевой.

Максимально сократив время сближения с неприятелем, Ф.Ф. Ушаков сумел перестроить флот в боевую линию. Использовав апробированное в Керченском сражении изменение в боевом порядке, он вывел из линии 3 фрегата «в корпус резерва» на случай перемены ветра и возможной атаки турок с двух сторон и поставил их против передовой части флота[1]. Кроме того, такое построение позволило сплотить передовую часть русской линии, сосредоточив в ее голове 6 линейных кораблей, что с поддержкой трех

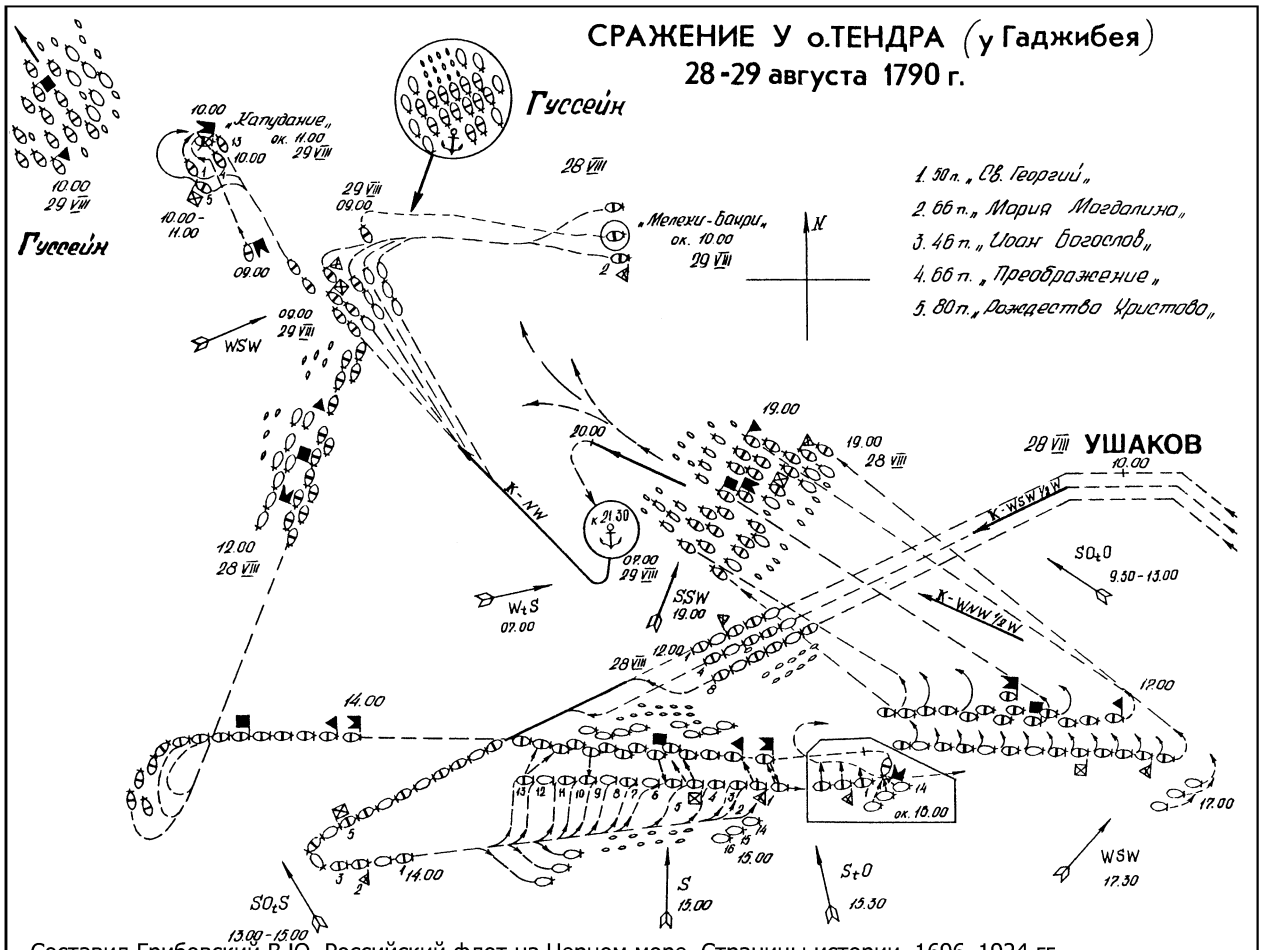
[1] Материалы для истории русского флота. Ч. XV. С. 324.

фрегатов составляло, по оценке В.Ю. Грибовского, 68 % всех орудий флота[1].

В 15.00 Черноморский флот в наветренном положении, с предельно короткой дистанции решительно атаковал противника (см. схему 3). Таким образом, время с момента обнаружения неприятеля составило около девяти часов, а время сближения с противником – пять часов.

Через три часа ожесточенного боя противник с большими повреждениями стал выходить из него. При этом важную роль сыграли фрегаты «корпуса резерва», предотвратившие попытку флагманского турецкого корабля пересечь линию передовых русских кораблей и атаковать их с противоположной стороны («взять в два огня»).

Схема 3



Составил Грибовский В.Ю. Российский флот на Черном море. Страницы истории. 1696–1924 гг. СПб., 2012. С. 74.

[1] *Грибовский В.Ю.* Российский Черноморский флот в морских сражениях Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. С. 38.

Учитывая неудачный опыт преследования противника в Керченском сражении, Ф.Ф. Ушаков с вверенным ему флотом в течение трех часов до наступления темноты осуществлял преследование без соблюдения строя кильватерной колонны «по способности», продолжая огневое поражение противника. Преследование противника успешно осуществлялось и в течение последующего дня, в результате которого наиболее быстроходным кораблям Черноморского флота удалось нагнать и отрезать от основных сил неприятеля два линейных корабля. Однако из-за низких ходовых качеств русских кораблей основным силам противника удалось уйти от преследования.

В результате сражения противник понес большие потери в живой силе и материальной части. По докладам командиров турецких кораблей, выявленных в процессе исследования, потери турецкой стороны составили не 1400 чел., как указывалось ранее[1], а до **5500** чел.[2], 733 из которых взяты в плен, в том числе адмирал Саид-бей. 74-пушечный флагманский турецкий корабль был взорван, еще один линейный корабль, бригантина, лансон и плавбатарея захвачены[3].

Ушедший от преследования турецкий флот имел существенные как боевые, так и навигационные (полученные во время шторма после сражения) повреждения. Данные сведения были почерпнуты из выявленного донесения русского агента из столицы Турции (Приложение 31), в котором сообщалось: «Из возвратившихся 12 кораблей с двух сбиты мачты, а у прочих мачты должны быть поставлены новые. Из трех первых ранговых кораблей, в одном новом, в прошлом году построенном, на коем сам капитан-паша командовал, 160 пробоин. В капитанском корабле, так называемом, после пожара в последнем сражении пробоин не много меньше. Корабль, называемой «Фермандей», пострадал также. Еще два корабля потрачены, у одного отбит нос весь, а у другого оторвана половина каюты. Сверх того, у двух кораблей, кроме незначащих утрат, у руля ближе самой воды прошиблено большим

---

[1] *Грибовский В.Ю.* Российский Черноморский флот в морских сражениях Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. С. 42.

[2] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 5. Д. 212. Л. 118.

[3] Материалы для истории русского флота. Ч. XV. С. 327.

ядром. Фрегаты не мало в боках потерпели, хотя мачты на оных все почти повреждены»[1].

Потери в личном составе с русской стороны составили 21 убитых и 25 раненых[2]. Корабли и суда имели незначительные повреждения. По оценке диссертанта, соотношение людских потерь составило 1 : 120.

Победа Черноморского флота при Тендре оставила яркий след в боевой летописи отечественного флота. Федеральным законом «О днях воинской славы (победных днях) России» от 13 марта 1995 г. «День победы русской эскадры под командованием Ф.Ф. Ушакова над турецкой эскадрой у мыса Тендра» объявлен Днем воинской славы России[3].

Действия Ф.Ф. Ушакова имели активный наступательный характер. Если в двух предыдущих сражениях Черноморский флот осуществлял первоначально оборонительные действия с переходом в контратаку, то в данном случае изначально имела место решительная атака с четким тактическим замыслом. Умело и эффективно был использован фактор внезапности, а также реализованы принципы сосредоточения сил на направлении главного удара и взаимной поддержки.

В ходе боя контр-адмирал Ф.Ф. Ушаков, применил так называемый «корпус резерва», оправдавший себя в Керченском сражении, который впоследствии получит дальнейшее развитие. В максимальной степени использовалась огневая мощь кораблей и фрегатов за счет сокращения дистанции залпа. Учитывая тот факт, что боевая устойчивость турецкого флота определялась поведением командующего и его флагманов, главный удар наносился именно по флагманским кораблям противника.

Ф.Ф. Ушаков активно участвовал во всех эпизодах сражения, находясь в самых ответственных и опасных местах, являя подчиненным образец храбрости, личным примером побуждая их к решительным действиям. При

---

[1] АВПРИ. Ф. 41. Оп. 3. Д. 184. Л. 87.

[2] Адмирал Ушаков. [Документы.] Т. 1. С. 301.

[3] Федеральный закон от 13.03.1995 г. № 32-ФЗ «О днях воинской славы (победных днях) России».

этом он предоставлял младшим флагманам и командирам кораблей возможность поступить «каждому по способности случая», не сковывая их инициативы.

В ходе сражения со всей очевидностью сказалось преимущество в морской выучке и артиллерийской подготовке русских моряков. Кроме того, их стойкость и мужество значительно способствовали достижению победы.

Эмоционально оценивая роль личностного фактора (вклад Ф.Ф. Ушакова) в достижение победы генерал-фельдмаршал Г.А. Потемкин писал М.Л. Фалееву: «Наши, благодаря Бога, такого перцу туркам задали, что любо. Спасибо Федору Федоровичу. Коли бы трус Войнович был, то он бы срал у Тарханова Кута, либо в гавани»[1].

Тогда же ордером Г.А. Потемкина Черноморскому адмиралтейскому правлению было объявлено: «Знаменитая победа, одержанная Черноморским Ее Императорскаго Величества силами под предводительством контр-адмирала Ушакова в 29 день минувшего августа над флотом турецким, который совершенно разбит, служит к особливой чести и славе флота Черноморского. Да впишется сие достопамятное происшествие в журналы Черноморского адмиралтейского правления ко всегдашнему воспоминанию храбрых флота Черноморского подвигов»[2].

Высокая оценка боевой деятельности Черноморского флота и его командующего отмечается и в донесении Г.А. Потемкина к императрице: «Вот, матушка родная, Бог даровал победу и другую над флотом турецким, где он совершенно разбит... Едва исполнилось семь лет, как корабль «Слава Екатерины» сошел по Днепру в Понт (в Черное море). Флот уже размноженный торжествует и беспрерывно имеет, по благости Божией, поверхность... Будьте милостивы к контр-адмиралу Ушакову. Где сыскать такого охотника до драки: в одно лето – третье сражение, из которых то, что было у пролива Еникальского, наиупорнейшее. Офицеры рвутся один пред другим. С каким бы

[1] Цит. по: *Сацкий А.Г.* Федор Федорович Ушаков // Вопросы истории. 2002. № 3. С. 64.
[2] Адмирал Ушаков. [Документы.] Т. 1. С. 314.

я адмиралом мог ввести правило драться на ближней дистанции, а у него – линия начинает бой в 120 саженях, а сам особенно с кораблем был против «Капитании» в двадцати саженях...»[1].

Екатерина II, со своей стороны, оценивая победу при Тендре, отмечала: «Я всегда отменным оком взирала на все флотские вообще дела. Успехи же оного меня всегда более обрадовали, нежели самые сухопутные, понеже к сим исстари Россия привыкла, а о морских Ея подвигах лишь в мое царствование прямо слышно стало, и до дней оного морская часть почиталась слабейшую. Черноморский же флот есть наше заведение собственное, следовательно, сердцу близко»[2].

Победа имела определенный резонанс в дипломатических кругах. Так французский посол в Санкт-Петербурге сообщал в Версаль: «Эта победа может быть оценена императрицей как средство, способное приблизить мир». Подобным образом выразился и министр иностранных дел Франции в беседе с российским послом И.М. Симолиным: «Эти события могли бы внушить Порте желание скорейшего заключения мира вне всякой зависимости от влияния и интриг иностранных дворов»[3].

Таким образом, победа при Тендре внесла весомый вклад в кампанию 1790 г. Она способствовала успешным действиям русских войск, ведущих наступление на Дунае, и значительно осложнила общее военно-политическое положение Турции в войне с Россией.

На основании проведенного анализа сражений в кампании 1790 г. можно утверждать, что победы Черноморского флота были достигнуты за счет высокой выучки русских моряков, лучшей подготовки артиллеристов, а также тактического искусства флагмана. Флот под командованием Ф.Ф. Ушакова действовал решительно как при подветренном, так и наветренном положении. Независимо от расположения флотов Ф.Ф. Ушаков старался захватить

---

[1] *Екатерина II и Г.А. Потемкин.* Личная переписка 1769–1791. С. 430, 431.

[2] *Там же*. С. 435.

[3] Цит. по: *Черкасов П.П.* Екатерина II и Людовик XVI. Русско-французские отношения. 1774–1792. М., 2001. С. 360.

инициативу и навязать противнику бой на короткой дистанции. В ходе сражения в полной мере была осуществлена реализация принципов внезапности (быстрое сближение без перестроения в боевой порядок), сосредоточения сил на направлении главного удара (концентрация большей части флота в авангарде боевого порядка, удар по флагманским кораблям) и взаимной поддержки.

Проведенные морские сражения и приобретенный в них тактический опыт были тщательно изучены русским командованием. В результате Г.А. Потемкиным были сформулированы некоторые рекомендации тактического плана. Так в развитии опыта Ф.Ф. Ушакова по сосредоточению сил на направлении главного удара («корпус резерва»), 7 сентября главнокомандующий писал: «Уже из опытов Ваше Превосходительство дознали, что, атакуя сильно флагманские турецкие суда, другие легко понуждаются к бою, а чтобы сие впредь с большою силою производить, то имейте при себе всегда «Наварахию», макроплию и «Григория Великия Армении», ежели он крепок. Сей небольшой фрегат при его хорошей артиллерии, особливо единорогов картаульных и полукартаульных, в ближней дистанции может с большою пользою служить, тем паче, что он способнее к изворотам. Определите на него искусного и храброго офицера. Великошапкин, уповаю, годится, но Вы поставьте кого лучше знаете и снабдите людьми, сии форзеили (передовые корабли эскадры. – *Авт*.) Вашего корабля составят эскадру, которую наименовать Кайзер-флаг-эскадра. С сими, при первом случае, с Божиею помощию, налегайте на капитан-пашинский или вице-адмиральский корабль, а другим кораблям прикажите занимать прочие их корабли»[1].

29 сентября 1790 г., отправляя Черноморский флот к Дунаю, Г.А. Потемкин вновь напомнил Ф.Ф. Ушакову о своем замечании по созданию так называемой эскадры «кайзер-флага» (Приложение 32). Несмотря на то, что данное боевое построение было опытным путем разработано самим

[1] Бумаги князя Григория Александровича Потемкина-Таврического. С. 156.

Ф.Ф. Ушаковым, в ответе на ордер главнокомандующего он принял данное замечание как указание вышестоящего начальства (Приложение 33).

Данное замечание имеет принципиальное значение. Изменение в тактическом построении эскадры, выработанное и дважды успешно примененное Ф.Ф. Ушаковым в ходе сражений, было узаконено в форме первой в Российском флоте боевой инструкции.

Черноморский флот успешно действовал и в кампанию 1791 г. Особенность плана этой кампании состояла в том, что войскам под общим командованием генерал-фельдмаршала Г.А. Потемкина ставилась задача овладения всеми крепостями на правом берегу Дуная, а также отвлечения части сил неприятеля, «делая покушения для взятия Анапы, и наступательно действовать в Азии». Гребному флоту ставилась задача препятствовать переправе турецких войск и «делать на них поиски». Линейный флот должен был «везде искать турецкий, с ним сражаться и наводить страх при устьях Босфора, препятствуя всякому сообщению из Дуная в Константинополь»[1].

В соответствии с разработанным планом кампании, 11 мая 1791 г. Г.А. Потемкин отдал распоряжение армии и Черноморскому флоту действовать наступательно. В ордере контр-адмиралу Ф.Ф. Ушакову, в котором наряду с боевым распоряжением имела место и морально-психологическая составляющая, главнокомандующий отметил: «Испрося помощь Божию, направляйте плавание к Румельским берегам, и если где найдете неприятеля, атакуйте с Богом… Я Вам препоручаю искать неприятеля, где он в Черном море случиться и господствовать там, на Черном море, чтобы наши берега были им неприкасаемы»[2].

В ходе начавшихся сражений на сухопутном театре военных действий И.В. Гудович 19 июня приступил к обстрелу Анапской крепости и через три дня взял ее штурмом[3]. 28 июня Н.В. Репнин разбил 80-тысячную армию Юсуф-

---

[1] АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 2189. Л. 53–54 об.

[2] Материалы для истории Русского флота. Ч. XV. С. 387.

[3] *Гудович И.В.* Записка о службе генерал-фельдмаршала графа И.В. Гудовича, им самим составленная // Русский вестник, 1841. Т. 1. № 3. С. 607–681.

паши, нанеся ему урон в 4000 чел., потеряв при этом всего 147 убитыми и 416 ранеными[1]. В результате верховный визирь вынужден был вновь сесть за стол переговоров. При этом союзники Турции, два года поддерживавшие ее, фактически отвернулись, что свидетельствовало о закономерном признании выдающихся успехов русской армии и Черноморского флота, а также русской дипломатии и твердости, проявленной при этом императрицей Екатериной II и ее ближайшими сподвижниками.

В создавшихся условиях у Оттоманской Порты остался единственный способ повлиять на ход переговоров – дать морское сражение и диктовать России условия мира. Князь Г.А. Потемкин, со своей стороны, также рассчитывал на успехи Черноморского флота, как на весомый аргумент в ходе переговорного процесса. Еще 11 мая он отдал приказ контр-адмирал Ф.Ф. Ушакову выйти в море. Однако из-за нехватки необходимых для ремонта материалов, которые никак не могли доставить из Херсона, он не мог его исполнить. Выходу в море препятствовал и северо-западный ветер.

Только 10 июля флот смог выйти в море, но разойдясь с неприятелем, снова вернулся в Севастополь (Приложение 34).

Наконец, 29 июля контр-адмирал Ф.Ф. Ушаков вывел Черноморский флот из Севастопольской бухты и направил его к Румелийским берегам. Под его командованием состояло 16 линейных кораблей, 2 фрегата, 2 бомбардирских корабля, 17 крейсерских судов, брандер и репетичное судно. 31 июля на подходе к мысу Калиакрия он обнаружил турецкий флот.

Оценка противника.

Первые сведения о турецком флоте, находящимся в Черном море, появились у командующего Черноморским флотом от пленного матроса (чауша), взятого в Анапе 3 июля. Тот сообщил, что «флот турецкой состоит из 25 линейных кораблей и до 35 малых судов. На нем считают до 20 тыс. войск с матросами; в том числе при артиллерии находятся три англичанина. На линейных кораблях находится до 4000 алжирцев, коими по большей части

[1] РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 594. Л. 219.

командуют алжирские капитаны, в том числе из первых командует одним кораблем алжирцев Сеит-Али, а всем флотом командует капитан-паша Гуссейн»[1].

Фактически состав турецкого флота, находившегося у места сражения был несколько меньше. Тем не менее, сравнительный анализ показывает, что соотношение сил было в пользу турецкого флота (см. табл. 6)

Неожиданное появление русского флота застало турок врасплох, так как значительная часть личного состава находилась на берегу и праздновала религиозный праздник курбан-байрам.

Таблица 6

Соотношение сил русского и турецкого флотов в сражении у мыса Калиакрия[2]

Класс судов	**Черноморский флот**	**Турецкий флот**	**Соотношение**
Линейные корабли	16	18	1 : 1,1
Фрегаты	2	17	1 : 8,5
Прочие суда	21	43	1 : 2
Орудия	980	1800	1 : 1,8

Состав сил противника претерпел изменения. Турецкий флот был усилен за счет алжирско-тунисских корсаров под командованием Сеит-Али, успешно действовавших в Средиземном море в кампании 1790 г. против отряда российского арматора майора Ламбро Качиони.

В процессе исследования установлено, что повелением султана средиземноморским корсарам были выделены 7 линейных кораблей из состава турецкого флота, из которых была сформирована эскадра, независимая от капудан-паши[3]. Данная информация опровергает утвердившееся в отечественной историографии мнение о том, что турецкий флот был усилен за

[1] РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 594. Л. 308.
[2] Адмирал Ушаков. [Документы.] Т. 1. С. 525.
[3] АВПРИ. Ф. 41. Оп. 3. Д.192. Л. 41 об.

счет пришедшей из Средиземного моря алжирско-тунисской эскадры[1]. Однако, несмотря на усиление турецкого флота, некомплект нижних чинов составлял 3500 чел.[2]

Ф.Ф. Ушакову были известны и некоторые конструктивные особенности нового 70-пушечного корабля «Патрона», построенного французским мастером Лероа и ставшего флагманским Сеит-Али, произведенного султаном в чин вице-адмирала. Корабль заметно отличался от других кораблей турецкой постройки. На нем не было высокой кормы, а потому он выглядел значительно ниже. На передней (фок) мачте он имел красный флюгер и четырехугольный зеленый флаг, а на корме красный флаг, равно как и на всех кораблях с алжирско-тунисскими командами[3].

Капудан-паша Гуссейн имел на своем корабле на средней (грот) мачте четырехугольный зеленый флаг и вместе с ним длинный красный, а на корме зеленый. Корабли, находящиеся под командованием Гуссейна, на корме также имели зеленые флаги[4].

Кроме этой информации, Ф.Ф. Ушакову стали известны некоторые сведения о тактическом замысле противника. По дипломатическим каналам ему передали заявление Сеит-Али султану о том, что он «сделает с россиянами в Черном море то же, что ему удалось произвести в Архипелаге над Ламброй Качиони.., что, встретясь с российским флотом, пойдет он со всеми своими кораблями на абордаж и либо погибнет, либо возвратится победителем (Версия о том, что он обещал султану привести Ушакова в Стамбул в цепях, в процессе исследования подтверждения не нашло. – *Авт.*)»[5]. Опыт прошедших трех сражений, в которых противник каждый раз по шаблону пытался обогнуть головные корабли Черноморского флота, также подсказывал Ф.Ф. Ушакову, что возможный вариант может возникнуть и в предстоящем сражении.

---

[1] *Скаловский Р.К.* Указ. соч. С. 144.
[2] АВПРИ. Ф. 41. Оп. 3. Д.192. Л. 94 об.
[3] Там же. Л. 42.
[4] Там же. Л. 46.
[5] Там же. Л. 46 об.

Взаимодействие между эскадрами в турецком флоте было не отработано. Более того, со стороны турецкого командования наблюдалось явное недоверие к алжирцам. Из выявленных документов следует, что «…такое возвышение и честь, оказанные от султана алжирцам, произвели печальные следствия, ибо чрез сие восстала уже великая ревность в капитан-паше, негодования и ненависть между начальниками турецкого флота, бесчестие для всех морских, потому что должны сносить, что столь знаменитое достоинство вручено иностранцу и что десять судов вооружаются едиными только алжирцами. Доходят гласящие жалобы, что при случае встречи неприятельского флота, славные алжирцы потребуют, может быть, помощи от турок, но тщетно оной надеяться будут... что сей алжирский самохвал чаятельно найдет свою погибель и о том не будет сожалеть как сам капитан-паша, так и прочие начальники на турецком флоте, которые завидуют ему в его доверенности у султана»[1].

При этом морально-боевой дух личного состава был довольно высок. Турки и алжирцы надеялись непременно разбить Черноморский флот. Русские агенты доносили, что на кораблях противника не стихали разговоры об их мнимых победах и о том, что Россия вынуждена будет заключить мир, по которому все завоеванное россиянами, в том числе и Крым, будет возвращено[2].

Сильные стороны:

– численное превосходство противника;

– относительно выгодное исходное тактическое положение (стоянка на якоре под прикрытием береговых батарей);

– усиление флота за счет приданных сил (имеющих боевой опыт алжирских и тунисских корсаров);

– лучшие конструктивные и маневренные качества кораблей.

Слабые стороны:

– неукомплектованность личным составом до штатной численности;

[1] АВПРИ. Ф. 41. Оп. 3. Д. 191. Л. 76, 76 об.
[2] Там же. Д. 192. Л. 95.

– неготовность к началу сражения в виду отсутствия сведений о противнике и нахождения части личного состава на берегу;

– неотработанное взаимодействие основных и приданных сил;

– морально-психологическая несовместимость представителей турецкого и алжирского командования.

Оценка своих сил.

Корабельный Черноморский флот увеличил свою численность за счет вновь построенных кораблей и крейсерских судов. Личный состав имел хорошую морскую выучку, высокий уровень профессиональной подготовки и морально-боевой дух. Экипажи были отработаны, имели боевой опыт. Командование флотом располагало сведениями о составе сил и тактических замыслах противника.

Оценка района боевых действий.

Район боевых действий располагался в западной части Черного моря и был недостаточно освоен русскими моряками. Турецкий флот находился на якоре под прикрытием береговой батареи.

Глубины 15–28 м не позволяли производить решительное маневрирование без предварительного промера глубины.

Метеорологические условия в районе боевых действий были неблагоприятными для Черноморского флота: со стороны берега дул порывистый северный ветер при значительном волнении воды («крутая волна»). Другие физико-географические условия (явления) на действия противоборствующих сил существенного влияния не оказывали.

Оценка времени начала боевых действий.

Сроки подготовки сил Черноморского флота к выходу на выполнение боевой задачи были достаточными. Однако из-за нехватки необходимых для ремонта материалов, которые не могли доставить из Херсона вследствие постоянно дующих северо-западных ветров, контр-адмирал Ф.Ф. Ушаков не мог закончить подготовку материальной части. Получив 11 мая повеление Потемкина выйти в море, флот смог выйти только 10 июля.

С получением точных сведений о составе и месте турецкого флота контр-адмирал Ф.Ф. Ушаков, «не упуская ни малейшего времени», 25 августа с вверенным ему флотом вышел в море и пошел на сближение с противником[1].

Выводы из оценки обстановки.

Из проведенной оценки обстановки следовало, что противник имел значительное превосходство в количестве кораблей и вооружении. Занимал выгодное исходное тактическое положение. Однако, как и при Тендре, был не готов к началу сражения. В данной обстановке его положение усугублялось и отсутствием на кораблях части личного состава, находящегося на берегу. Это существенно повлияло на способность противника построить боевой ордер и на морально-психологическую готовность личного состава к началу сражения.

Складывающаяся тактическая обстановка давала Ф.Ф. Ушакову информацию о том, что атака противника со стороны моря (с подветренной стороны) была бы малоэффективной по трем причинам: во-первых, при встречном (противном) ветре затруднялся подход к противнику на дистанцию залпа; во-вторых, пороховой дым, спускающийся от орудий противника, препятствовал бы прицельной стрельбе; в-третьих, противник смог отойти под прикрытие береговых батарей.

В этих условиях тактический замысел контр-адмирала Ф.Ф. Ушакова состоял в том, чтобы, используя фактор внезапности, нанести основной удар по передовой части турецкого флота с наветренной стороны. На основании этого, было принято решение осуществить сближение с противником и произвести его атаку со стороны берега, для чего следовало пройти под огнем береговых батарей.

Для сокращения времени подхода к противнику Ф.Ф. Ушаков стал сближаться с ним, оставаясь в походном ордере трех колонн. В результате исходное невыгодное тактическое положение Черноморского флота становилось выгодным для атаки. Обстановка начала складываться в пользу Черноморского флота (см. схему 4).

---

[1] Материалы для истории русского флота. Ч. XV. С. 323.

Схема 4

Составил Грибовский В.Ю.
Российский флот на Черном море. Страницы истории. 1696–1924 гг. СПб., 2012. С. 85.

Неожиданное появление русского флота привело противника «в замешательство». На турецких кораблях в спешке стали рубить канаты и ставить паруса. Не справившись с управлением на крутой волне при порывистом ветре, несколько кораблей столкнулись друг с другом и получили повреждения.

Алжирский флагман Сеит-Али, увлекая за собой весь турецкий флот, с двумя кораблями и несколькими фрегатами попытался выиграть ветер и, как в предыдущих сражениях, обогнуть головные корабли Черноморского флота. Однако, разгадав маневр алжирского паши, контр-адмирал Ф.Ф. Ушаков, заканчивая перестроение флота в боевой ордер, на самом быстроходном флагманском корабле «Рождество Христово» вышел из кильватерной колонны и пошел вперед, обгоняя свои передовые корабли. Это позволило ему сорвать замысел алжирского паши, и метким огнем с дистанции 0,5 кбт нанести ему

значительный урон. В результате алжирский флагман был ранен и вынужден отойти внутрь своего боевого построения[1].

В районе 17 часов уже весь Черноморский флот, сблизившись с противником на предельно короткую дистанцию, «дружно» атаковал турецкий флот. Экипажи русских кораблей, следуя примеру своего флагмана, сражались с большим мужеством. Флагманский корабль Ушакова, став передовым, вступил в бой с четырьмя кораблями, не давая им развить атаку. Одновременно Ф.Ф. Ушаков приказал кораблям «Иоанну Предтече», «Александру Невскому» и «Федору Стратилату» подойти к нему. Но, когда они приблизились к «Рождеству Христову», все четыре алжирских корабля были уже настолько повреждены, что отошли от линии сражения и открыли своего пашу. «Рождество Христово» вошел в середину турецкого флота, ведя огонь с обоих бортов, и продолжил поражать корабль Сеит-Али и ближайшие к нему суда. Этим маневром Ф.Ф. Ушаков окончательно нарушил боевой порядок передовой части турок.

К этому времени все силы обоих флотов были задействованы в сражении. Осуществляя устойчивое огневое поражение противника, Черноморский флот с успехом развивал атаку. При этом турецкие корабли были настолько стеснены, что стреляли друг в друга. Вскоре сопротивление турок было сломлено и они, обратившись к русскому флоту кормой, пустились в бегство.

Густой пороховой дым, окутавший поле боя, и наступившая темнота воспрепятствовали продолжению преследования противника. Поэтому в половине девятого вечера, Ф.Ф. Ушаков был вынужден прекратить погоню и стать на якорь. На рассвете 1 августа на горизонте уже не было ни одного неприятельского корабля.

Через три дня русский флот был готов к дальнейшим действиям, и Ф.Ф. Ушаков решил идти первоначально к Варне, где по полученным сведениям находилась часть поврежденного флота противника, а затем намеревался следовать прямо к Константинополю. 5 августа он подошел к

[1] АВПРИ. Ф. 41. Оп. 3. Д. 194. Л. 23 об.

Варне, где 8 августа было получено известие от генерал-аншефа Н.В. Репнина о заключении 31 июля перемирия и повеление о возвращении в Севастополь.

Как и в предыдущем сражении, действия Ф.Ф. Ушакова носили активный наступательный характер, а использование тактических приемов определялось конкретно складывающейся обстановкой. Проход между берегом и флотом противника, сближение в походном ордере, постановка кордебаталии и флагманского корабля в голову кильватерной колонны позволили русскому командующему в максимальной степени использовать фактор внезапности, атаковать противника из тактически выгодного положения и сорвать его замысел. Главный удар был нанесен по передовой, наиболее активной части противника, в кильватере которой шел весь остальной турецкий флот вместе с капудан-пашой. Это позволило нарушить строй турецких кораблей и, несмотря на существенное преимущество противника в артиллерии, осуществлять его эффективное огневое поражение с коротких дистанций, в результате которого неприятель понес большие потери в живой силе и материальной части.

В донесениях Ф.Ф. Ушакова и других, ранее известных источниках, и отечественной историографии, точных сведений о потерях противника и состоянии турецкого флота после сражения не указано (Приложение 35). Однако эти сведения удалось почерпнуть из донесений российских дипломатических представителей в Турции и странах Европы.

Прежде всего, стал известен ход сражения с турецкой стороны (Приложение 36). Наиболее полными оказались сведения, полученные от агентов из столицы Османской империи российским посланником в Венеции А.С. Мордвиновым (родным братом Н.С. Мордвинова). Благодаря его донесениям стало известно точное описание входа в Константинополь, уцелевшей после сражения эскадры Сеит-Али: «Он вошел со своим кораблем, имея разломанные мачты, разбитый нос и корму и во многих местах пушечными ядрами поврежденный, будучи, при том, и сам ранен. При нем же кроме мертвых, было раненых до 160 человек… Издали также были видны другие четыре корабля и пятью малыми судами, равно поврежденные, как и

вышеозначенный»[1]. По уточненным данным впоследствии оказалось, что на корабле Сеит-Али было 300 убитых и 375 раненых[2]. Можно с большой степенью вероятности предположить, что на остальных кораблях турецкого флота потери были сопоставимыми. На российских кораблях потери были многократно меньшие: убитых – один унтер-офицер, 16 рядовых, а раненых – 3 офицера, 2 унтер-офицера и 23 рядовых[3].

Где находился остальной турецкий флот во главе с капудан-пашой, в столице Турции было не известно. Эти обстоятельства серьезно обеспокоили как высшее руководство Османской империи, так и ее народ. А.С. Мордвинов доносил: «Султан, расспрося обо всем от самого коменданта и алжирца своего любимца (Сеит-Али. – *Авт*.), приказал тотчас, чтобы из арсенала (адмиралтейства. – *Авт*.) присланы были мастера для починки оных кораблей. Потом султан дал строгие повеления, дабы, не мешкая, набрать насильно янычар и отправить их денно и нощно на лодках к крепостям Черного моря для вящего укрепления оных. Народ, о сем услыша и видя толикия приуготовления, пришел в великий страх и думал, что уже весь флот турецкий или разбит, или созжен, опасаясь при том, дабы нечаянно и в устье канала российский флот не появился»[4].

Лишь к сентябрю остатки флота смогли собраться в Константинополе. Потери турецкого флота оказались весьма значительными. Из 90 вымпелов, вышедших в Черное море в мае, не вернулось 28, из них один линейный корабль, 4 фрегата, 3 бригантины и 21 канонерская шлюпка и другие мелкие суда[5].

Однако данные цифры не в полной мере характеризуют потери турецкого флота. В процессе исследования удалось установить, что на 27 апреля 1792 г. в турецком флоте числилось 17 линейных кораблей и 20 фрегатов, из которых боеспособными были только четыре новых флагманских линейных корабля и

[1] АВПРИ. Ф. 41. Оп. 3. Д. 193. Л. 125.
[2] Там же. Д. 194. Л. 23.
[3] Адмирал Ушаков. [Документы.] Т. 1. С. 513.
[4] АВПРИ. Ф. 41. Оп. 3. Д. 193. Л. 123 об., 124.
[5] Там же. Д. 194. Л. 31 об.

четыре фрегата[1]. А на 9 февраля 1793 года у турок значилось 15 линейных кораблей, из которых два еще были на стапеле, а три «за ветхостью назначены в поломку»[2], т.е. всего **10** линейных кораблей, против **33**, состоявших в турецком флоте в 1787 г[3]. Из приведенного сопоставительного анализа следует, что в результате полученных боевых и навигационных повреждений более 50% кораблей и фрегатов оказались не только небоеспособными, но даже неремонтопригодными. В этой связи поражение турецкого флота в сражении у мыса Калиакрия соискатель квалифицирует как **разгром.**

С другой стороны, по подсчетам диссертанта, Черноморский флот, уступавший турецкому по численности, имел, как минимум, в 100 раз меньшие потери в личном составе. Ф.Ф. Ушаков не имел ни одного потерянного в бою корабля и ни одного пленного[4].

Результаты сражения между русским и турецким флотами у мыса Калиакрия получили достаточно широкий международный резонанс. Известия о нем долетели как до Лондона, так и до Парижа. Так французский поверенный в делах в России Э. Жене 6 сентября писал своему министру: «Еще одна победа, монсеньер. Ее блеск превосходит все предыдущие. Турецкая эскадра полностью разгромлена эскадрой императрицы. Девять оттоманских линейных кораблей были взяты и потоплены, а адмирал Ушаков накануне подписания прелиминариев вызвал страх и неподдельный ужас в Серале Селима тем, что он мог появиться в устье Константинопольского канала»[5].

Поспешное заключение Н.В. Репниным перемирия на восемь месяцев не позволило России в максимальной степени реализовать военно-политическое преимущество, добытое русским флотом в этом сражении. И это обстоятельство вызвало справедливое неудовольствие главнокомандующего, заявившего Н.В. Репнину: «Вам должно было бы узнать, в каком положении наш Черноморский флот, и экспедиции генерала; дождавшись донесения их, и

[1] АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 752. Л. 18–19.
[2] Там же. Д. 763. Л. 40.
[3] Там же. Д. 702. Л. 24.
[4] См.: Адмирал Ушаков. Материалы и документы / Сост. *В.А. Машков.* СПб., 1997. С. 39.
[5] Цит. по: *Черкасов П.П.* Екатерина II и Людовик XVI. С. 369.

узнав от оных, что контр-адмирал Ушаков разбил неприятельский флот, и уже выстрелы его были слышны в самом Константинополе, а генерал Гудович взял Анапу, тогда бы вы могли сделать несравненно выгоднейшие условия»[1].

Установлено, что Оттоманская Порта, не зная о состоянии всего флота, полагая его уничтоженным, действительно намеревалась подписать окончательный мирный договор, не дожидаясь конца восьмимесячного перемирия. Подтверждение этому находим в донесении А.С. Мордвинова от 26 августа 1791 г., в котором говорилось: «В диване разсуждаемо было долго позволить визирю заключить мир с Россиею, видев безпресстанные потери важных крепостей турецких и малую надежду в обещаниях союзных Порте дворов, которые уже теперь сами предлагают мириться ей, а особливо потревожило очень в Константинополе всех, увидев пять кораблей, пришедших в канал в дурном весьма состоянии, некоторые из оных без мачт и так повреждены, что вперед служить более в море не могут, не знав точно, в каком состоянии находится и весь флот, опасаясь, чтоб российские войска не зделали покушения и на саму столицу, послано, наконец, повеление подписать мир»[2]. Однако, по приходу в сентябре оставшейся части флота во главе с капудан-пашой, это повеление было отменено, а мирный договор был заключен только 29 декабря 1791 г. в Яссах.

Исследование показало, что решающим фактором, способствовавшим достижению этой важнейшей военно-политической цели, являлось наличие у России боеспособного флота и его умелое применение в ходе войны. Основным способом решения поставленных перед Черноморским флотом задач явилась «генеральная баталия». В ходе проведения ряда «генеральных баталий» противник был лишен основных средств борьбы на море. В совокупности с победами армии, все это привело к поражению противника в войне.

Значительную роль в достижении победы сыграл личностный фактор – участие в войне таких талантливых военачальников как Г.А. Потемкин,

---

[1] Цит. по: Запискам Льва Николаевича Энгельгардта 1766–1836. М., 1867. С. 123, 124.
[2] АВПРИ. Ф. 41. Оп. 3. Д. 193. Л. 126.

А.В. Суворов и, конечно же, Ф.Ф. Ушаков. Черноморский флот под его командованием и во многом благодаря его незаурядным организаторским способностям, флотоводческому мастерству, высоким морально-боевым и духовно-нравственным качествам стал боеспособным, с успехом решил все поставленные задачи и, тем самым, способствовал достижению Россией намеченной военно-политической цели – утверждения российской государственности на побережье Черного моря и укрепления в целом своих позиций в Черноморско-Средиземноморском регионе. В результате Россия, утвердив свое господство на Черном море, стала полноправной черноморской державой.

За одержанные победы Ф.Ф. Ушаков был награжден орденами Св. Георгия 2-го класса, Св. Владимира 2-й степени и Св. Александра Невского[1]. В ходе вооруженной борьбы на море Ф.Ф. Ушаков внес существенный вклад в развитие военно-морского искусства, который подробно проанализирован и обобщен в Гл. 5.

4.3. Военно-государственная деятельность Ф.Ф. Ушакова в период Средиземноморской экспедиции 1798–1800 гг.

Походу эскадры Черноморского флота под командованием вице-адмирала Ф.Ф. Ушакова в 1798–1800 гг. предшествовали серьезные военно-политические изменения в Европе. Французская буржуазная революция 1789 г. вызвала острое противостояние в Европе. Смена общественного строя во Франции побудила правящие династии Европы образовать антифранцузскую коалицию с целью восстановления на версальском престоле династии Бурбонов. Но молодая французская республиканская армия, отразив нападение сил коалиции, перешла в наступление и приступила к завоеванию континента. В кампании

[1] РГАДА. Ф. 159. Оп. 1. Д. 495. Л. 2, 3, 3 об.

1796 г. французские войска под командованием бригадного генерала Н. Бонапарта вторглись в Северную Италию и в течение года завладели ею. В следующем году французам без боя были сданы и Ионические острова. После заключения Кампо-Формийского мира в октябре 1797 г. между Францией и Австрией острова Ионического архипелага были присоединены к Французской республике. 1 июня 1798 г. французами была взята Мальта, 20 июня экспедиционный корпус генерала Н. Бонапарта высадился в Александрии.

Российский император Павел I, проанализировав складывающуюся международную военно-политическую обстановку, решил пойти на сближение с монархическими государствами (Англией и Королевством Обеих Сицилий) для предотвращения французской экспансии в Европе. При этом не исключался даже союз с Турцией, о чем в рескрипте чрезвычайному посланнику и полномочному министру в Константинополе В.П. Кочубею от 16 декабря 1796 г. Павел I писал: «Мы охотно согласимся дружественно объясниться с приязненными к Нам державами о всем, что к прекращению бедствий рода человеческого способствовать может. Из числа приязненных сих держав не изъемлем Мы и Порты»[1]. Таким образом начала складываться вторая антифранцузская коалиция, инициатором создания которой выступала Россия.

Вступая в коалицию, каждая из стран-участниц преследовала свои цели. Проведенный анализ военно-дипломатической переписки позволяет их сформулировать.

Англия стремилась не допустить войска Французской республики в Индию, добиться полного господства на Средиземном море и, в конечном итоге, достигнуть политического доминирования в Европе.

Турция решила с помощью коалиции вытеснить войска Н. Бонапарта из подвластных ей владений в Египте и укрепить свое положение на Балканах и северо-восточном Средиземноморье.

Королевство Обеих Сицилий рассчитывало оградить свою территорию от вторжения французской армии.

---

[1] АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 313. Л. 2–3.

На этом фоне решение Павла I о вооруженном участии России в новой коалиции не обусловливалось внутренней или военной необходимостью. Главной целью он ставил пресечение экспансии Французской республики и ограждение монархических государств от революционных идей. Кроме того, побудительные мотивы этого решения носили и религиозно-мистический характер. Павел I решил выступить «против похитителей престолов», «за спасение тронов и алтарей». Подтверждение этому находим в высочайшем рескрипте на имя российского посланника в Вене С.А. Колычева: «Мы единственно ту цель предполагаем, чтоб привести Францию в приличные пределы и, отняв охоту и средства беспокоить других, как расширением завоеваний, так и вкоренением заразы, обеспечить, сколько возможно, как соседей ея, так и вообще спокойствие Европы»[1]. Декларированные российским императором цели нашли свое практическое подтверждение в ходе последующих военных действий.

Первым шагом создаваемой коалиции явилась отправка эскадры Черноморского флота в Средиземное море (Приложение 37). Документом, послужившим основанием отправления российской эскадры, явился рескрипт Павла I на имя вице-адмирала Ф.Ф. Ушакова от 25 июля, которому предписывалось: «По получении сего имеете вы со вверенною в команду вашу эскадрою немедленно отправиться в крейсерство около Дарданеллей... буде Порта потребует помощи, где бы то ни было, всею вашею эскадрою содействовать с ними, и буде от министра Нашего получите уведомление о требовании Блистательной Порты вашей помощи, то имеете тотчас следовать и содействовать с турецким флотом противу французов, хотя бы то и далее Константинополя случилось»[2].

На основании данного рескрипта была сформирована эскадра Черноморского флота, состоящая из 6 лучших линейных кораблей, 7 фрегатов и 3 авизо (всего 792 орудия) под командованием вице-адмирала Ф.Ф. Ушакова.

[1] АВПРИ. Ф. 33. Оп. 2. Д. 116. Л. 2–4.
[2] Адмирал Ушаков. [Документы.] Т. 2. С. 53.

12 августа эскадра взяла курс на Босфор[1]. Эту дату следует считать началом Средиземноморской экспедиции (кампании) 1798–1800 гг.

Для удобства рассмотрения деятельности Ф.Ф. Ушакова в период Средиземноморской экспедиции целесообразно условно разделить ее на четыре этапа: 1) с момента выхода эскадры из Севастополя 12 августа 1798 г. до соединения с турецкой эскадрой 8 сентября 1798 г.; 2) от выхода соединенной эскадры в Средиземное море до взятия крепости Корфу 20 февраля 1799 г.; 3) от взятия Корфу до получения 28 декабря указа Павла I о возвращении эскадры в Черное море; 4) с момента отбытия русской эскадры из Мессины в конце 1799 г. до ее прибытия в Севастополь 26 октября 1800 г.

Важнейшим моментом существования коалиции являлась разработка коалиционной стратегии, которая осуществлялась посредством переговоров («конференций») полномочных министров с участием командного состава флотов, решения которых утверждались высшим государственным руководством стран-участниц коалиции. Некоторые постановления принимались к исполнению без их утверждения монархами и вступали в силу сразу после подписания.

Так, с прибытием русской эскадры в Константинополь (Приложение 38) начались переговоры с участием турецких, российских и английских полномочных представителей с обсуждением замысла совместных действиях против французов в Средиземном море. Суть замысла сводилась к захвату стратегически важных приморских крепостей, занятых противником в Средиземном море, и блокаде египетской армии генерала Н. Бонапарта, отрезанной от митрополии после уничтожения французского флота в Абукирском сражении 21–23 июля 1798 г. (1–3 августа)[2].

На основе замысла на конференциях, состоявшихся 28 и 30 августа в Константинополе, был выработан план действий морских сил коалиции. Главная задача – захват островов Ионического архипелага и Мальты.

[1] Адмирал Ушаков. [Документы.] Т. 2. С. 69, 70.
[2] Там же. С. 81–83.

Обеспечивающая задача – недопущение прохода в Средиземное море основных сил франко-испанского флота из портов атлантического побережья[1].

В процессе обсуждения плана между российской и британской стороной возникли противоречия в выборе главного операционного направления. Англия предполагала сконцентрировать усилия коалиции на блокаде египетской армии генерала Н. Бонапарта, что впоследствии ясно выразил Г. Нельсон в письме к Ф.Ф. Ушакову: «Египет должен быть первым объектом, а Корфу – вторым»[2]. Россия же предлагала начать с захвата Ионических островов с целью ослабления позиций Франции в данном районе и освобождения единоверных греков, от которых российский император неоднократно получал прошения о принятии их под его покровительство[3].

Особенностью функционирования данной коалиции следует признать тот факт, что еще до формального подписания союзного договора Россия и Турция для противодействия армии и флоту французской Директории решили объединить свои флоты как наиболее мобильные силы.

Договорные союзнические соглашения оформлялись уже в ходе начавшихся военных действий (Приложение 39).

Так как в отечественной и зарубежной историографии нашли свое отражение не все договоры сторон, соискатель приводит точные даты их подписания и ссылки на источники:

Между Россией и Турцией – 23 декабря 1798 г.[4] с подписанием 13 статей секретного сепаратного соглашения с восьмилетним сроком действия[5]. Между Россией и Королевством Обеих Сицилий – 18 декабря 1798 г.[6]; между Турцией и Англией – 25 декабря 1798 г.[7] и между Турцией и Королевством Обеих Сицилий – 10 января 1799 г.[8] Между Россией и Англией оставался в силе

[1] Адмирал Ушаков. [Документы.] Т. 2. С. 85, 86.
[2] Там же. С. 244.
[3] АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 2159. Л. 5 об.
[4] Там же. Д. 870. Л. 38–40 об.
[5] Там же. Ф. 90. Оп. 1. Д. 1333. Л. 308–315 об.
[6] Там же. Ф. 70. Оп. 5. Д. 348.
[7] Там же. Ф. 36. Оп. 1. Д. 549. Л. 76–82.
[8] Там же. Ф. 89. Оп. 8. Д. 887. Л. 31.

договор 1795 г. Вместе с тем 10 февраля 1797 г. Павел I повелел продлить срок действия русско-английской конвенции 1793 г. до 25 марта 1801 г.[1] Кроме того, 18 декабря 1798 г. в Петербурге между сторонами был заключен Запасной (Субсидный) договор по случаю войны с Францией[2]. В остальных случаях применение и обеспечение коалиционных сил осуществлялось на основе отдельных договоренностей и соглашений.

Определяющим фактором в образовании второй антифранцузской коалиции, является создание русско-турецкого военно-политического союза, так как именно в ходе его формирования происходила координация действий союзников и выработка основных направлений коалиционной стратегии.

В соответствии с намеченным планом к русской эскадре была присоединена турецкая, состоящая из 4 линейных кораблей, 6 фрегатов, 4 корветов и 14 канонерских лодок под командованием вице-адмирала Кадыр-бея. В результате в русско-турецкую эскадру вошли 10 линейных кораблей, 13 фрегатов, 7 малых судов и 14 канонерских лодок[3]. Кроме того, в Севастополе готовился еще один отряд, состоящий из двух новых 74-пушечных кораблей под командованием контр-адмирала П.В. Пустошкина.

Установлено, что кроме морских сил российский полномочный министр в Константинополе В.С. Томара от имени Павла I предложил турецкой стороне помощь «на сухом пути армиею более 70 000 человек». Однако Порта, выразив свою благодарность, ответила, что «в армии противу французов не предвидит еще надобности, надеясь по средствам вышесказанного плана соединенных эскадр выгнать французов из Венецких островов»[4].

Вопреки утвердившемуся в отечественной историографии мнению[5], общее командование соединенной русско-турецкой эскадрой формально не определялось. Соискателем установлено, что каждая из эскадр была подчинена своему адмиралу, однако специальным повелением султана турецкому вице-

[1] См.: *Похлебкин В.В.* Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет... С. 739.
[2] АВПРИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 547. Л. 16–22.
[3] Адмирал Ушаков. [Документы.] Т. 2. С. 112, 113.
[4] Там же. С. 113.
[5] *Ростунов И.И.* Генералиссимус А.В. Суворов. М., 1989. С. 357.

адмиралу Кадыр-бею было предписано «почитать русского адмирала яко учителя»[1], что, по существу, определяло главенствующее положение Ф.Ф. Ушакова. Для управления эскадрой были разработаны специальные сигналы[2], а флагманам приданы офицеры-переводчики[3].

Снабжение эскадры взяла на себя турецкая сторона[4]. При этом доставка части боеприпасов осуществлялась российскими транспортными судами из черноморских портов, проход которых через проливы осуществлялся на основании отдельной договоренности. Обо всех намеченных планах решено было уведомить контр-адмирала Горацио Нельсона, под командованием которого состояло 11 английских и 5 португальских линейных кораблей и 7 фрегатов, находящихся после Абукирского сражения в Неаполе. Эта эскадра должна была блокировать Мальту, захваченную 1 июня французскими войсками по пути их следования к Египту.

Основные силы британского флота в составе 24 линейных кораблей (в том числе шести взятых в Абукирском сражении французских) под общим командованием адмирала Д. Джервиса (лорда Сен-Винцента) блокировали испанский порт Кадис и Гибралтарский пролив[5].

Анализ проведенных на первом этапе Средиземноморской экспедиции мероприятий показал, что основными из них являлись: достижение политической договоренности между союзными державами о противодействии французской экспансии военными средствами; разработка плана совместных действий союзных флотов в предстоящей кампании на Средиземном море; формирование соединенной русско-турецкой эскадры; определение порядка снабжения эскадры и набора десантных войск.

Коалиционным морским силам в Средиземном море противостояли разрозненные отряды морских сил противника, сосредоточенные в Корфу, Мальте и Тулоне. По оценке соискателя, они составляли: на Корфу –

[1] АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 875. Л. 27.
[2] Адмирал Ушаков. [Документы.] Т. 2. С. 111.
[3] АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 876. Л. 69.
[4] Там же. Л. 3.
[5] Там же. Ф. 48. Оп. 2. Д. 114. Л. 92; Д. 115. Л. 102; Ф. 70. Оп. 5. Д. 265. Л. 9.

4 линейных корабля, включая захваченный английский 50-пушечный корабль «Леандр», и 3 фрегата; на Мальте – 3 линейных корабля и 3 фрегата; один линейный корабль и 2 фрегата, вышедшие с конвоем из Тулона; в Тулоне – 4 или 5 линейных кораблей и 3 или 4 фрегата. Всего на Средиземном море французы располагали 12–13 кораблями и 11–12 фрегатами, большую часть из которых составляли мало пригодные к бою венецианские и мальтийские 64-пушечные корабли[1]. Основные же силы франко-испанского флота находились в портах Атлантического океана – Бресте и Кадисе.

Узловым пунктом сопротивления противника на Средиземном море являлись Ионические острова с главной крепостью на о. Корфу. Установлено, что с получением информации о планах коалиции командующий французскими войсками на Корфу генерал Шабо отдал приказ вывести основные силы с островов Занте, Кефалония, Цериго и Св. Мавры и направить их в главную крепость острова Корфу, «где он на мере положил защищаться до самой крайности»[2].

На острове Мальта находился четырехтысячный французский гарнизон под командованием генерала К.А. Вобоа[3].

В результате, оценка обстановки дала основание союзному командованию считать главной целью сил коалиции два основных опорных пункта противника на Средиземном море – крепости островов Корфу и Мальта.

На основании выработанного плана во второй половине сентября 1798 г. началось развертывание морских сил коалиции в Средиземном море. Основные силы соединенной русско-турецкой эскадры направились в Ионический архипелаг. Часть этой эскадры в составе 4 фрегатов и 10 канонерских лодок под командованием капитана 2 ранга А.А. Сорокина последовала к Родосу и далее к берегам Египта для совместных действий с английской эскадрой, состоящей из 3 линейных кораблей и нескольких фрегатов под командованием командора

[1] АВПРИ. Ф. 48. Оп. 2. Д. 116. Л. 74, 74 об.
[2] Там же. Л. 104.
[3] Там же. Д. 115. Л. 54 об., 73.

Сиднея Смита. Задача этой корабельной группировки заключалась в блокаде армии генерала Н. Бонапарта.

Англо-португальская эскадра под командованием контр-адмирала Д.Ш. Ницца и капитана А. Болла приступила к блокаде острова Мальта, куда 13 октября с отрядом кораблей прибыл контр-адмирал Г. Нельсон. Однако, несмотря на взятие замка на близлежащем острове Гоццо, гарнизон Мальты продолжал держать упорную оборону, что не позволило Г. Нельсону начать штурм крепости без десантных войск.

Освобождение островов Ионического архипелага русско-турецкой эскадрой Ф.Ф. Ушаков предполагал осуществить последовательно, начиная с юго-востока, чтобы не иметь в тылу опорных пунктов противника, мешающих обеспечению эскадры. Захват островов планировалось осуществить высадкой войск, в том числе набранных на албанском берегу, Янине и Морее. Соискателем установлено, что согласно повелению султана, общее количество войск должно было составить 17 000 чел.[1]

С целью идеологической подготовки населения оккупированных французами островов вице-адмиралом Ф.Ф. Ушаковым с помощью малых судов, следующих впереди эскадры, было распространено обращение с призывом поддержать союзную эскадру в борьбе за их освобождение (Приложение 40). Кроме этого, Константинопольский патриарх (по приказанию Порты) также призывал жителей островов «свергнуть с себя иго французского порабощения и учредить у себя под покровительством трех союзных дворов правительство наподобие рагузского (по типу республики. – *Авт*.), или какое ими за благо признано будет»[2].

Для решения поставленной задачи соединенная эскадра была разделена на четыре отряда, которые были направлены соответственно к островам Цериго, Занте, Кефалония и Санта Мавра. Порядок взятия островов определялся ордерами вице-адмирала Ф.Ф. Ушакова командирам отрядов,

[1] АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 876. Л. 71.
[2] Там же. Л. 65.

назначенных им из числа русских офицеров – командиров кораблей. Ордер предусматривал:

– оповещение жителей островов о намерении соединенной эскадры с предложением о содействии;

– предъявление противнику ультиматума о сдаче, в случае отказа – штурм и пленение, при упорном сопротивлении – уничтожение;

– сбор трофеев;

– учреждение на освобожденных островах временного правления[1].

В связи с тем, что не исключалась возможность отказа французского командования принять ультиматум, был разработан план штурма островов. План включал в себя следующие мероприятия:

– подготовку кораблей и десанта (организацию системы управления, обеспечение десанта необходимыми припасами и штурмовым оборудованием);

– бой за высадку (огневое поражение опорных пунктов противника береговой и корабельной артиллерией, высадка десанта с разных направлений под прикрытием огня корабельной артиллерии);

– штурм крепости[2].

3 ноября завершился первый этап Ионической кампании, в результате которого французы потеряли четыре острова и 1500 убитыми, ранеными и взятыми в плен.

Этот успех имел не только военное, но и морально-психологическое значение. Победы союзной эскадры в Ионическом архипелаге воодушевили греков, еще находящихся под властью французов, на свое скорейшее освобождение и вызывали радость у жителей островов, уже освобожденных. «Цериго, Занте, Кефалония, – писал российскому императору полномочный министр в Неаполе, – превозносят великодушие и милосердие Вашего Императорского Величества и, прежний вид печали переменяя в образ благодушествия и радости, составляют славные трофеи победоносного оружия

[1] См.: Адмирал Ушаков. [Документы.] Т. 2. С. 114, 115.
[2] Там же. С. 116.

Вашего. На всех сих островах власть угнетавших оные французов опровержена и уничтожена действиями эскадры Вашего Императорского Величества, соединенной с эскадрою Порты Оттоманской. Они открыли уже вход себе в средину пристани острова Корфу и неукоснит побеждением находящегося там неприятеля, совершит подвиг свой в водах Ионического моря»[1].

Наибольший интерес с точки зрения военно-морского искусства представляет штурм крепости острова Корфу (длина – 65 км, максимальная ширина – 23 км). Остров лежит параллельно албанскому берегу и отделен от него проливом (шириной от 3 до 10 км). Город, где находилась крепость, располагался на узком мысу пролива. Бастионы состояли из двойной крепостной ограды с сухими рвами. Главная крепость Корфу, защищаемая трехтысячным гарнизоном, имела 650 крепостных орудий. К главной крепости примыкали две другие: к востоку – старая, к западу – новая. Со стороны берега главную крепость прикрывали форты Авраама, Сан-Сальвадора, правый фланг которого примыкал к морю, и редут Св. Рокка, прикрывающий подступы к обоим фортам. На оконечности мыса с высоким и крутым утесом была расположена цитадель, отделенная от города глубоким и широким рвом.

С моря крепость прикрывал укрепленный остров Видо, на котором были расположены пять батарей. Гарнизон острова состоял из 500 чел. На подходах к Видо со стороны моря были поставлены боновые заграждения с железными цепями[2].

Недостаток сил не позволял Ф.Ф. Ушакову принять решение на штурм крепости Корфу. Поэтому 24 октября отрядом из 5 кораблей и 3 фрегатов под командованием капитана 1 ранга И.А. Селивачева была организована блокада острова. В начале ноября вице-адмирал Ф.Ф. Ушаков, лично прибыв к Корфу, сосредоточил у острова дополнительные силы с уже освобожденных островов и 6 ноября приступил к методичной его осаде с целью подготовки к штурму крепости. Следует заметить, что подобное решение противоречило

[1] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 5. Д. 265. Л. 73 об.

[2] *Мазюкевич М.* Прибрежная война. Десантные экспедиции и атака приморских укреплений. СПб., 1874. С. 82.

устоявшемуся к тому времени мнению о нецелесообразности штурма приморских крепостей силами флота. Данная точка зрения утвердилась после неудачного опыта штурма Гибралтара 13 сентября 1782 г. франко-испанскими войсками и силами флота.

Неудача франко-испанских сухопутных и морских сил произошла вследствие ряда причин. Во-первых, неверно произведена оценка обстановки (в особенности своих сил и оборонительных возможностей противника); во-вторых, переоценены возможности плавбатарей как главной ударной силы; в-третьих, не было завершено сосредоточение сил и средств на направлении главного удара; в-четвертых, не организовано взаимодействие морских и сухопутных сил; в-пятых, недостаточная морально-психологическая подготовка войск.

Указанные недостатки были учтены Ф.Ф. Ушаковым при подготовке к штурму крепости Корфу. Кроме того, им в полной мере использован опыт удачного штурма сухопутными и морскими силами крепости Измаил.

Первоначально, как при взятии островов Занте и Св. Мавры, на берег о. Корфу были высажены два отряда: с севера – 128 чел. и с юга – 19. При содействии местных жителей, из которых был сформирован отряд в 1600 чел., им удалось построить осадные батареи.

Корабли соединенной эскадры заблокировали все выходы из Корфовского залива: с юга силами 3 кораблей и фрегата, с севера – кораблем и 3 фрегатами. 14 ноября на северный берег был высажен десант из 128 морских солдат и артиллеристов, которые установили батарею из девяти орудий против укрепления Св. Авраама. 18 ноября на южной части острова был высажена группа из 13 солдат и 6 артиллеристов.

Ввиду невозможности противостоять соединенной эскадре, французы активно противодействовали высадившимся отрядам и береговым батареям. 20 ноября успешной вылазкой ими была захвачена южная батарея. Попытка захватить северную батарею окончилась неудачей. Понеся большие потери,

французы вынуждены были вернуться в крепость и отказаться от активных действий.

Для штурма крепости Ф.Ф. Ушакову не хватало сухопутных войск: до прибытия обещанных 17 тыс. албанцев русский адмирал мог рассчитывать только на свои силы и на помощь греков. По имеющимся сведениям, корфиоты были готовы дать в его распоряжение 10–15 тыс. чел., но их пугало присутствие на эскадре турок, и, как покажут последующие события, ни один из местных ополченцев в назначенное время к месту сбора не прибудет[1]. По этому поводу Ф.Ф. Ушаков писал Павлу I: «Если бы я имел со мною один только полк российского сухопутнаго войска для десанта, непременно надеялся бы я Корфу взять совокупно вместе с жителями, которые одной только милости просят, чтобы ничьих других войск, кроме наших, к тому не употреблять»[2].

В процессе блокады возникли непредвиденные трудности в снабжении эскадры. Как отмечалось выше, по договоренностям союзных держав она должна была снабжаться турецкой стороной, однако вразрез этим договоренностям турки, по существу, саботировали поставки, в результате чего эскадра терпела «крайнюю нужду» (Приложение 41). Оценивая сложившуюся обстановку со снабжением эскадры, Ф.Ф. Ушакова писал: «Из всей древней истории не знаю и не нахожу я примеров, чтобы когда какой флот мог находиться в отдаленности без всяких снабжений и в такой крайности, в какой мы теперь находимся»[3].

Ситуация осложнялась и неблагоприятными климатическими условиями, что, однако, не сломило высокого морально-боевого духа русских моряков, о чем Ушаков писал: «Наши служители от ревности своей и желая угодить мне, оказывали на батареях необыкновенную деятельность: они работали и в дождь, и в мокроту или же обморанные в грязи, но все терпеливо сносили и с великой ревностью старались»[4].

---

[1] *Метакса Е.* Записки флота капитан-лейтенанта Егора Метаксы. С. 214.
[2] Адмирал Ушаков. [Документы.] Т. 2. С. 194.
[3] Цит. по: *Тарле Е.В*. Адмирал Ушаков на Средиземном море. С. 133.
[4] Цит. по: *Скаловский Р.К.* Указ соч. С. 322.

К концу 1798 г. из Севастополя в Корфу прибыли два 74-пушечных корабля и три транспортных судна под командованием контр-адмирала П.В. Пустошкина, в результате чего соединенная эскадра состояла уже из 12 линейных кораблей и 11 фрегатов.

Коалиционный характер войны заставлял командование эскадры учитывать всю военно-политическую обстановку на театре военных действий и, порой, самостоятельно принимать решения.

Так в начале января 1799 г. от Г. Нельсона Ф.Ф. Ушакову поступила просьба оставить блокаду Корфу на турецкую эскадру и идти к Анконе[1], а в середине февраля – «послать столько кораблей и войск, сколько будет возможно» в помощь Неаполитанскому королю, потерпевшему поражение в Римской области от французских войск[2].

Более того, сам Павел I не придавал большого значения взятию Корфу. В своем рескрипте он писал Ф.Ф. Ушакову: «Весь флот должно теперь иметь в движении и действии, не занимаясь одним только маловажным пунктом – атакою Корфу»[3].

Учитывая все совокупные обстоятельства, вице-адмирал Ф.Ф. Ушаков посчитал более целесообразным продолжить подготовку к штурму крепости Корфу, не рассредоточивая силы по Средиземному морю, что требовало от него большого личного мужества и твердой уверенности в успехе.

Для сбора и организации десантных войск Ф.Ф. Ушакову приходилось вести переговоры с подвластными турецкому султану правителями, одним из которых был Али-паша Янинский. Сложность заключалась в том, что Али-паша также стремился завладеть островом Корфу, или, по крайней мере, в последующем подчинить его своему влиянию. В сложившейся обстановке Ф.Ф. Ушаков должен был одновременно привлечь войска Али-паши, и, в то же время, не допустить на остров самого правителя Янины, с чем он успешно справился.

---

[1] АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 887. Л. 5.
[2] Там же. Ф. 90. Оп. 1. Д. 1479. Л. 86.
[3] Там же. Д. 1409. Л. 40, 40 об.

Благодаря тонкой дипломатической деятельности и, в то же время, твердым требованиям Ф.Ф. Ушакову к середине февраля удалось добиться доставки к Корфу 4250 воинов-албанцев. Однако боеспособность присланных войск оказалась низкой. По выявленным сведениям, из-за неудовлетворительного материального обеспечения «они не имели ни провианту, ни патронов», вследствие чего требовали самого необходимого. В противном случае албанцы собирались разойтись или перейти на сторону неприятеля[1]. Кроме указанных качественных недостатков, характеризующих воинов-албанцев, это была всего лишь четвертая часть обещанного числа. Тем не менее, командующий, учитывая фактор времени, 14 февраля начал интенсивную подготовку к решающему штурму крепости.

Завершающий этап подготовки к штурму включал в себя тренировку матросов и солдат в стрельбе из ружей и мушкетов, приемам преодоления различных преград и штурму укреплений.

Ф.Ф. Ушаковым были использованы рекомендации из книги по фортификации преподавателя Морского кадетского корпуса по математике и геометрии Н.Г. Курганова[2], в частности по использованию штурмовых лестниц в преодолении рвов и штурме бастионов. Непосредственно командующим были разработаны 132 условных сигнала для управления кораблями и десантом во время штурма (Приложение 42).

В период подготовки к штурму крепости Корфу Ф.Ф. Ушаковым была произведена оценка противника, своих и приданных сил, района боевых действий и времени их начала. На этом основании командующий имел замысел взять крепость штурмом, используя комбинированную атаку морских и десантных сил. В этой связи было принято решение на подавление береговых батарей корабельной артиллерией, уничтожение стоящих в бухте судов и плавсредств с подкреплением, с последующей высадкой десанта и штурма

[1] АВПРИ. Ф. 90. Оп. 1. Д. 1479. Л. 26.

[2] *Курганов Н.Г.* Морской инженер, то есть теория и практика о укреплении напольных и приморских мест: о защищении флотов во укрепленных гаванях, и о бывших знаменитых атаках многих портов с присовокуплением науки о перспективе, о нападении и обороне разных крепостей и словаря инженерного. СПб., 1777. С. 149–172, 237–247, 292–302.

крепости. На основании тактического замысла и принятого решения был разработан план штурма.

Важным этапом подготовки к штурму явился совет флагманов и капитанов, состоявшийся 17 февраля на флагманском корабле «Св. Павел», на котором был объявлен приказ о штурме крепости (Приложение 43). Перед каждым командиром корабля и десантного отряда были поставлены конкретные задачи. Главной задачей планом определен захват крепостей на о. Видо и о. Корфу. Обеспечивающей задачей – блокада кораблей и судов противника в заливе о. Корфу и недопущение доставки ими подкрепления и боеприпасов к месту высадки десанта.

В плане указывались цели и способы огневого поражения опорных пунктов противника (первоначально на ходу и затем – на якоре), момент и места высадки десанта, давались конкретные тактические рекомендации по высадке десанта и преодолению препятствий, особое внимание уделено морально-психологической готовности войск, поощрялась храбрость и разумная инициатива.

Атака крепости о. Видо началась при первом «благополучном» ветре в 7 часов утра 18 февраля 1799 г. По сигналу с российского флагманского корабля соединенная эскадра снялась с якоря и, подойдя к береговым батареям противника на дистанцию картечного выстрела, стала на шпринг по строго предписанной диспозиции и начала их обстрел. Одновременно начался и обстрел новой крепости на о. Корфу с береговых батарей, установленных в северной и южной частях острова (см. схему 5).

Отряд, состоящий из линейного корабля и фрегата под командованием капитана 1 ранга Д.Н. Сенявина, оставаясь на ходу, подошел к порту, начал бой с кораблями противника и в короткое время вывел их из строя. Точным огнем русских комендоров было потоплено и несколько галер с находящимися на них отрядами, предназначенными для усиления гарнизона о. Видо.

Схема 5

Штурм крепости Корфу 18 февраля 1799 г.

Морской сборник. 1992. № 4. С. 73.

В ходе начавшегося штурма командующий русской эскадрой вице-адмирал Ф.Ф. Ушаков, четко отслеживая его ход, находился на самых ответственных участках и осуществлял непрерывное управление силами и войсками. Правильно оценив критический момент, когда в 11 часов огонь с французских батарей заметно ослаб, он приказал под прикрытием корабельной артиллерии начать высадку десанта, заблаговременно посаженного на гребные суда.

Морской десант был высажен на о. Видо на широком участке в промежутках между батареями. Десант, решительно атаковав противника, быстро выбил его из укреплений и овладел островом. Но со взятием Видо штурм не закончился. Центр сражения переместился на Корфу, обстрел крепостей которого продолжался до 17 часов.

Падение главного опорного пункта обороны противника – о. Видо в результате удара сил соединенной эскадры со стороны моря, вывод из строя французских кораблей и последующая поддержка правого фланга штурмующих войск огнем корабельной артиллерии, а левого фланга – высадкой десанта с эскадры в значительной мере предопределили успех общей атаки крепости. Командующий французским гарнизоном генерал Шабо, потерявший около 1000 чел., и, видя бесполезность дальнейшего сопротивления, запросил перемирия и 20 февраля сдал Корфу[1].

В результате решительного штурма, продолжавшегося не более 12 часов бастионы Корфу были взяты путем проведения атаки с моря, а затем – с суши (Приложение 44), что являлось новым в практике взятия приморских крепостей.

По воспоминаниям Е. Б. Фукса, прославленный полководец А.В. Суворов, узнав о взятии Корфу, воскликнул: «Ура! Русскому флоту!.. Я теперь говорю сам себе: «Зачем не был я при Корфу хотя мичманом?»»[2].

Основным условием успеха штурма явился правильный выбор направления главного удара на о. Видо, падение которого резко снизило

[1] РГА ВМФ. Ф. 192. Оп. 1. Д. 15. Л. 36–38.
[2] *А.В. Суворов.* Письма / Сост. *В.С. Лопатин*. М.: Наука, 1986. С. 705.

моральный дух защитников крепости Корфу. Важную роль сыграло и своевременное закрепление успеха высадкой десанта и тесное взаимодействие десанта и артиллерии кораблей поддержки.

Следует отметить хорошее знание и точный учет адмиралом Ушаковым боевых качеств союзников, корабли которых при атаке о. Видо он разместил во второй линии и в промежутках между береговыми батареями, а в первой линии поставил лучшие российские корабли и фрегаты. Успех штурма был также достигнут благодаря четкому управлению силами эскадр посредством разработанных сигналов.

Штурм острова Корфу стал образцом действий тактического десанта против морской крепости, что явилось закономерным результатом боевого творчества адмирала Ф.Ф. Ушакова. Оно заключалось в том, что им была произведена тщательная предварительная разведка крепостных батарей. Помимо их количества выявлены калибры орудий, методы ведения огня, система их защиты, сильные и слабые стороны. Не упущена ни одна деталь, имеющая значение для выбора флотом способа действий в бою.

При подготовке атаки на основании имеемых сведений об обороне противника Ф.Ф. Ушаков составил точный расчет сил и средств, необходимых для ее подавления. Десантные партии были заблаговременно организованы и снабжены всем необходимым для быстрой высадки и атаки береговых укреплений противника. Они высаживались прямо со вспомогательных судов на берег под прикрытием огня линейных кораблей. Момент высадки десанта выбран с таким расчетом, чтобы батарея в этот момент была бы принуждена к бездействию, так как преждевременно высаженный десант мог быть легко сброшен противником в море.

Характерной чертой атаки крепости автор отмечает ее решительность, которая выражалась в том, что перестроение флота осуществлялось на виду у противника и в зоне действия его батарей. Каждая часть эскадры имела определенное задание по плану и смело шла на заданную позицию, стараясь осуществить эффективное огневое поражение ранее, нежели противник успевал

ответить. При этом дальнейшее развитие получили правила выбора дистанции стрельбы. Подавление батарей противника велось на коротких дистанциях в совокупности с переменным маневрированием.

Исследование показало, что опыт штурма крепости Корфу был обобщен капитаном Корпуса морской артиллерии А. Ильиным в начале 40-х гг. XIX в[1]. На основании глубокого анализа, им были даны конкретные практические рекомендации по организации подготовки и высадки морского десанта, которые были развиты в последующие годы и явились основанием для формирования тактики морской пехоты.

Овладение Ионическими островами имело большой политический резонанс, значительно укрепивший уверенность стран антифранцузской коалиции в общем успехе.

Важная оценка этого события была дана российским полномочным министром в Константинополе В.С. Томарой в его письме к Ф.Ф. Ушакову от 17 марта 1799 г.: «Одержанная Вами победа утвердит упование всей благомыслящей Европы, что оружие наше превозможет и силы, и козни извергов, устремившихся на порабощение рода человеческого. И в самом деле завоевания островов Эгейских, довершенное Вами без армии, без артиллерии и, что больше, без хлеба, представляет не только знаменитый воинский подвиг, но и первое в столь долговременную войну отторжение целого члена Республики, наименовавшейся единою и нераздельною»[2].

Взятием Корфу Ф.Ф. Ушаков решил важную военно-политическую задачу в коалиционной войне, внес существенный вклад в развитие военно-морского искусства и вписал яркую страницу в историю отечественного флота.

В результате взятия Корфу в руках коалиции оказался важнейший стратегический пункт на Средиземном море. В связи с этим коалиционная война вступила в новый этап, в ходе которого основные события разворачивались на сухопутном европейском театре военных действий.

---

[1] *Ильин А.* Практическая морская артиллерия. СПб., 1841. Репринт. СПб., 2011. С. 297–320.

[2] АВПРИ. Ф. 90. Оп. 1. Д. 1412. Л. 125.

Морские силы на этом этапе уже выступали как вспомогательная сила, предназначенная для содействия армии путем блокады побережья и военно-морских баз противника и доставки войск в район боевых действий.

Вследствие успеха коалиционных сил активизировалось национально-освободительное движение на юге Италии. «Сия весть, – отмечалось в реляции российского посланника в Неаполе В.В. Мусина-Пушкина-Брюса от 29 марта 1799 г. на имя Павла I, – произвела в Сицилии важные действия. Умножилось число неапольцев усердных престолу. Почти все провинции вооружены и желают выступить против неприятеля. Кардинал Руффо решился идти в Салерно»[1].

В период развертывания дополнительных сил союзных войск в Европе российское правительство, учитывая просьбы партнеров по коалиции, поставило перед соединенной эскадрой следующие задачи (сформулированы в письме В.С. Томары к Ф.Ф. Ушакову от 17 марта 1799 г.):

1. Содействие неаполитанской армии в освобождении Королевства Обеих Сицилий.

2. Блокада порта и крепости Анконы.

3. Нарушение коммуникаций противника в Адриатическом море.

4. Содержание отряда судов у о. Кандия для усиления в случае необходимости английской эскадры в Египте.

5. Учреждение нового правления на Ионических островах[2].

При этом исполнительные функции по созданию на Ионических островах нового правления были отданы не дипломатическим представителям стран-союзниц, а командующему российской эскадрой. Объяснение принятому решению соискатель обнаружил в рескрипте Павла I В.С. Томаре от 27 апреля 1799 г., в котором говорится: «Нам ощутительно, что министерству турецкому, столь мало сведущему, трудно или, прямо говоря, невозможно самому установить ничего порядочного»[3]. В этой связи он считал, что адмирал

[1] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 5. Д. 272. Л. 42 об.
[2] Там же. Ф. 90. Оп. 1. Д. 1412. Л. 127.
[3] Там же. Д. 1409. Л. 56.

Ф.Ф. Ушаков должен непосредственно руководить процессом государственного устройства на освобожденных островах. Это свидетельствовало о возрастании роли и значения Черноморского флота как инструмента внешней политики России.

В результате договоренности российской и турецкой сторон на Ионических островах под руководством командующего русской эскадрой начало формироваться временное правление. 18 мая при личном участии адмирала Ф.Ф. Ушакова был составлен и отправлен на утверждение российскому и турецкому монархам «Временный план» создаваемой республики[1].

В отечественной историографии утвердилось мнение, что деятельность командующего русской эскадры по политическому устройству на Ионических островах была его личной инициативой и негативно воспринята при российском дворе, в результате чего Ф.Ф. Ушаков якобы впоследствии попал в «опалу»[2]. В действительности его деятельность была одобрена Павлом I. Об этом свидетельствует его рескрипт от 15 июля 1799 г. на имя В.С. Томары, в котором отмечалось: «Из рапортов адмирала Ушакова и донесений Ваших уведомилися Мы о распоряжениях, учиненных на островах бывших Венецианских, касательно установления на оных правления, новому положению их соответствующих. Находя меры упомянутым адмиралом в Корфу принятые и представленные Вами Порте согласующими с предположениями Нашими, **Мы оные одобряем** (Выделено мной. – *Авт.*)»[3].

В апреле 1799 г. началось наступление союзных войск под командованием А.В. Суворова в Северной Италии. В этих условиях, когда основные силы французских войск выводились из Неаполя, было целесообразно направить к Адриатическому побережью Италии отряд русских десантных войск, с тем чтобы он, соединившись с неаполитанским ополчением кардинала Руффо, следовал далее к столице Королевства Обеих Сицилий -

[1] АВПРИ. Ф. 90. Оп. 1. Д. 1479. Л. 295.
[2] Адмирал Ушаков. [Документы.] Т. 3. С. XXV.
[3] АВПРИ. Ф. 90. Оп. 1. Д. 1409. Л. 80.

Неаполю. Кроме того, командующий союзными войсками А.В. Суворов обратился к Ф.Ф. Ушакову с просьбой об установлении морской блокады Анконы, через которую французские войска получали подкрепление, кроме того, базирующиеся здесь морские силы нарушали коммуникации союзников в Адриатике[1].

Проведенное исследование позволило более подробно детализировать события по освобождению Южной Италии и блокаде Анконы, что нашло отражение в трудах, публикациях и выступлениях соискателя[2].

Сообразуясь с общей обстановкой на театре военных действий и учитывая просьбы А.В. Суворова, Фердинанда IV и Г. Нельсона, на основе достигнутых договоренностей Ф.Ф. Ушаков предпринял маневр силами соединенной эскадры.

1 апреля к Бриндизи был отправлен небольшой отряд из 4 российских фрегатов, шхуны, неапольского фрегата, 4 турецких канонерских лодки и корвета с десантом на борту под командованием капитана 2 ранга А.А. Сорокина (Приложение 45) для совместных действий с ополчением кардинала Руффо[3]. А 28 апреля для блокады Анконы (порт на северо-восточном побережье Италии) отправлена эскадра, состоящая из 3 линейных кораблей, 4 фрегатов, 3 авизо и корвета под командованием контр-адмирала П.В. Пустошкина[4]. Для координации действий сухопутных и морских сил через эскадру П.В. Пустошкина была налажена связь со ставкой генерал-фельдмаршала А.В. Суворова в Северной Италии.

Принципиально отметить, что решение адмирала Ф.Ф. Ушакова было принято без предварительного высочайшего утверждения. Данный факт

---

[1] *А.В. Суворов.* Документы. Т. 4. С. 10.

[2] *Овчинников В.Д.* Святой адмирал Ушаков (1745–1817). М., 2003. С. 286-309; «Привел неприятеля в самое слабое состояние...»: К 200-летию Средиземноморской экспедиции адмирала Ф.Ф. Ушакова // Морской сборник. 1998. № 9. С. 81–85; Черноморский флот во второй коалиционной войне против Франции / Материалы Международного круглого стола: «Александр Васильевич Суворов в памяти России и Европы». М., 1999. С. 70–75; Ионическая эпопея адмирала Ушакова. Штурм Корфу // Родина. 2010. № 8. С. 58–61.

[3] Адмирал Ушаков. [Документы.] Т. 2. С. 476, 477.

[4] Там же. С. 498–500; АВПРИ. Ф. 32. Оп. 6. Д. 887. Л. 66, 66 об.

установлен из письма российского поверенного в делах военного ведомства при Неаполитанском дворе А.Я. Италинского В.С. Томаре: «Приятно, что Федор Федорович Ушаков, не имея из С.-Петербурга повелений на оба представления к нему Его Неаполитанского Величества о пособии... немедленно пошел к берегам Пулии и Калабрии ободрить жителей тамошних и прийдет в Мессину принять от Его Величества указание, как употребить под начальством его императорскую эскадру в пользу короля неаполитанского»[1].

Рейд соединенного отряда вдоль Адриатического побережья Италии характеризовался высоким темпом. С 30 апреля по 8 мая капитану 2 ранга А.А. Сорокину удалось дойти до Марфедонии и завладеть ею[2].

Высокоэффективными явились действия десантного отряда из 500 матросов и канониров с приданными к нему 6 пушками под командованием капитан-лейтенанта Г.Г. Белли по освобождению центральной части Италии и взятию Неаполя.

Его действия характеризовались высокой мобильностью, решительностью поставленных целей и широким маневром силами и средствами. Находившийся при отряде неаполитанский министр А. Мишуру так охарактеризовал результаты действий русского десанта: «В промежуток 20 дней небольшой русский отряд возвратил моему государству две трети королевства»[3].

Союзниками также особо была отмечена роль российского десантного отряда капитан-лейтенанта Г.Г. Белли. «Корпус российского войска, – писала королева Мария-Каролина, – завоевал королевство и столицу.., без коего бы по сие время осталось в руках бунтовщиков все королевство, ибо кардинал Руффо не отважился бы без российского корпуса приступить к столице, а и того еще менее, оною овладеть»[4].

---

[1] АВПРИ. Ф. 90. Оп. 1. Д. 1364. Л. 30.
[2] Там же. Д. 1479. Л. 261–263.
[3] *Тарле Е.В.* Адмирал Ушаков на Средиземном море. С. 165, 176.
[4] АВПРИ. Ф. 48. Оп. 2. Д. 123. Л. 120 об.

Не менее успешными были действия отряда соединенной русско-турецкой эскадры под командованием контр-адмирала П.В. Пустошкина у Анконы. Они характеризовались точной оценкой обстановки, четким взаимодействием командования сухопутных (А.В. Суворов) и морских (Ф.Ф. Ушаков) сил.

Отряд П.В. Пустошкина, захватив инициативу, рассчитывал закрепить успех и полностью выполнить поставленную задачу. Однако, учитывая просьбу контр-адмирала Г. Нельсона о прибытии к нему на помощь русско-турецкой эскадры ввиду входа 5 мая 1799 г. в Средиземное море большого франко-испанского флота, состоящего из 45 линейных кораблей, адмирал Ф.Ф. Ушаков отдал П.В. Пустошкину распоряжение о немедленном возвращении на Корфу[1].

С уходом соединенных морских сил от Анконы французы в короткое время вновь заняли у австрийских войск укрепления Фано и Сенегала. Однако необходимость продолжения блокады Анконы заставила адмирала Ф.Ф. Ушакова 24 июня отправить туда новый отряд под командованием капитана 2 ранга Н.Д. Войновича, состоящий из трех российских и одного турецкого фрегатов, бригантины, турецкого корвета и малого военного судна[2]. Действия Н.Д. Войновича позволили восстановить положение, однако предательские по отношению к союзнику действия австрийского генерала Фрелиха привели к сдаче города австрийским войскам и вытеснению оттуда войск российских.

На этом этапе наметились серьезные разногласия в планах и действиях союзников. Успехи союзной армии в Северной Италии и соединенной русско-турецкой эскадры в Ионическом архипелаге и Южной Италии уверили австрийцев и англичан в невозможности французской армии вернуть утраченные позиции. Поэтому, учитывая свои интересы, Англия и Австрия за спиной России решили внести существенные изменения в ранее намеченный план ведения войны.

---

[1] АВПРИ. Ф. 90. Оп. 1. Д. 1465. Л. 5.
[2] Там же. Д. 1479. Л. 325.

Суть плана заключалась в том, чтобы вывести русские войска из Италии в Швейцарию, высадить англо-русские войска в Голландии, очистить центральную Европу от французов, после чего совместными усилиями наступать на Францию. При этом было замечено, что «чем больше здесь рассуждаем, тем явственнее становиться польза от употребления сих (российских. – *Авт*.) войск в Швейцарии предпочтительно всякому другому назначению»[1].

В конце мая – начале июня 1799 г. «за спиной» России этот план был утвержден британским монархом и доведен до австрийской стороны, после чего венский двор дал на него свое согласие[2].

Противоречия, возникшие между союзниками, заметно ослабляли коалицию и порождали недоверие между ее участниками. В выявленном письме к В.С. Томаре от 16 июля адмирал Ф.Ф. Ушаков отмечал: «Англичане только хитрят.., да и прежде делали только одно помешательство... Они стараются всякого больше отвлекать от деятельностей, не могучи успеть в своих предприятиях...»[3].

Отношение к русско-турецкой эскадре также было двояким. С одной стороны, англичане не скрывали своего стремления убрать ее от важных стратегических пунктов, таких как Корфу и Мальта. А с другой – по недостатку собственных сил как в открытом море, так и при блокаде той же Мальты, они вынуждены прибегать к ее помощи. Ситуация значительно осложнилась с появлением в Средиземном море превосходящего франко-испанского флота, и Г. Нельсон в беседе с российским дипломатом Акимом Лизакевичем признался, что он самостоятельно не может ему противостоять и потому запросил помощи у адмирала Ф.Ф. Ушакова[4].

Адмирал Ф.Ф. Ушаков, идя навстречу просьбам Г. Нельсона, 24 июля вышел из Корфу с эскадрой, состоящей из 6 кораблей, 3 фрегатов, 4 авизо

---

[1] АВПРИ. Ф. 35. Оп. 6. Д. 664. Л. 42, 42 об.
[2] Там же. Л. 99.
[3] Там же. Ф. 90. Оп. 1. Д. 1479. Л. 471.
[4] Там же. Ф. 48. Оп. 2. Д. 123. Л. 63, 65 об., 85 об.

российских и 4 кораблей, 3 фрегатов, одного корвета и кирлангича турецких, имея на борту 3000 чел. воинов-албанцев, и 3 августа прибыл в Мессину. В этот же день в Палермо из Портсмута прибыл отряд из 3 русских кораблей и фрегата под командованием вице-адмирала П.К. Карцова[1].

Действия соединенной союзной эскадры в этот период были нацелены на захват Мальты и взаимодействие с армией генерал-фельдмаршала А.В. Суворова (блокада эскадрой вице-адмирала П.В. Пустошкина Генуи).

Выполняя самостоятельную задачу, П.В. Пустошкин ближней блокадой генуэзского побережья и активными действиями нанес ущерб противнику. Оценивая эффективность его действий, российский поверенный в делах в Генуе А. Лизакевич впоследствии писал: «Вред, причиненный вице-адмиралом Пустошкиным в Порто Марицо и в Онельи пребезмерно велик. Он потопил и повредил много судов, шедших туда с разного рода съестными припасами и разорил множество домов, из коих некоторые почти до основания разрушены пушечными ядрами. В Генуи публично сказывали, что англичане во все время своей осады не учинили толь великого вреда французам и генуэзцам, каковой учинен в два месяца с половиною российскою эскадрою»[2].

Разработка плана захвата Мальты осуществлялась на переговорах, состоявшихся 24 августа 1799 г. в Палермо с участием российской, британской, турецкой и неаполитанской сторон. Несмотря на присутствие дипломатических представителей, основную роль в разработке плана играли адмиралы Ф.Ф. Ушаков и Г. Нельсон. Анализ документов совещания позволяет судить о более решительным мерах, предлагаемых русским адмиралом. Если позиция Г. Нельсона состояла в том, что бастионы Мальты невозможно атаковать кораблями и без многочисленного десанта[3], то Ф.Ф. Ушаков твердо придерживался мнения о необходимости взятия крепости штурмом или «по крайней мере оным устрашить» противника[4].

---

[1] АВПРИ. Ф. 90. Оп. 1. Д. 1479. Л. 472.
[2] Там же. Ф. 48. Оп. 2. Д. 125. Л. 91.
[3] Там же. Ф. 70. Оп. 5. Д. 275. Л. 48 об.
[4] Там же. Ф. 90. Оп. 1. Д. 1479. Л. 483 об.

На этом этапе произошли существенные изменения в составе соединенной эскадры ввиду выхода из нее турок. Кроме того, были скорректированы и планы. Король Фердинанд IV обратился к русскому адмиралу с просьбой отбыть в Неаполь «для восстановления там на законных правилах прежнего порядка и благочиния и иметь успехи в освобождении Рима». При этом была сделана оговорка, что «до тех пор, пока российские воины не будут готовы выйти в поход к Риму, ничего не будет предпринято регулярным войском на освобождение оного города от французов» (Приложение 46).

Просьба короля была вызвана сложной обстановкой в Неаполе, возникшей в результате дезорганизации государственного управления и неспособности местных властей поддерживать законный порядок. На фоне борьбы королевской власти с якобинцами и продолжающихся судилищ с беспрерывными казнями в городе бесчинствовало местное население, побуждаемое «на разные жестокие злодеяния» калабрийцами, пришедшими в Неаполь для его освобождения. Документы свидетельствуют, что воины кардинала Руффо, «с юности своей привыкшие к грабительству», не желали возвращаться к мирной жизни и также «чинили по городу разные мерзости».

Решение о посылке русской эскадры в Неаполь было утверждено союзниками на очередном совете. В результате, Ф.Ф. Ушакову были навязаны не свойственные военной эскадре, по существу, полицейские функции. Однако стоит отметить, что поставленная задача была успешно выполнена.

Анализ мероприятий, проводимых Ф.Ф. Ушаковым в Неаполе по наведению и поддержанию законного порядка, дает основание утверждать, что они соответствовали требованиям к современным **миротворческим операциям** задолго до появления этого термина в военном лексиконе.

В указанной деятельности Ф.Ф. Ушакова можно выделить следующие особенности:

1. «Миротворческие» функции осуществлялись при наличии, но без использования хорошо организованной военной силы.

2. Требования о прекращении репрессий и объявления амнистии (в донесении Павлу I от 13 декабря 1799 г. по этому поводу Ф.Ф. Ушаков писал: «Я предвидел, что к лучшему спокойствию и тишине нужно бы было, ежели то возможно, общее прощение»[1]).

3. Высокий авторитет командующего и подчиненных ему сил, которым «во всем королевстве Неаполитанском не знали, как приписать честь, и называли божественным ниспосланием к их избавлению»[2].

В деятельности по наведению и поддержанию законного порядка в Неаполе имеет место положительный опыт, который имеет практическую ценность в современных условиях. Прежде всего, это касается требований, предъявляемых к командному составу миротворческих подразделений – по возможности это должны быть известные и авторитетные командиры и военачальники.

Последовательно выполняя принятые на себя обязательства, Ф.Ф. Ушаков сформировал морской десантный отряд численностью 800 чел., которому были приданы неаполитанские регулярные части в 1500 чел. для взятия Рима[3]. Однако Г. Нельсон, в нарушение договоренностей (Приложение 47), за спиной Ф.Ф. Ушакова через командора Т. Трубриджа, предложив французскому гарнизону более выгодные, а по отношению к союзникам по существу предательские условия сдачи, подписал капитуляцию (Приложение 48). На основании подписанной капитуляции 1400 чел. французских войск и местные якобинцы покинули Рим «со своим имуществом»[4].

В этой связи русскому десантному отряду и трем батальонам под командованием генерал-майора Д.М. Волконского, следовавшего по указу Павла I для участия во взятии Мальты, пришлось выполнять те же функции, что и в Неаполе для предотвращения разграбления города. Вступление русских

---

[1] АВПРИ. Ф. 90. Оп. 1. Д. 1479. С. 525 об.
[2] Там же. Л. 471.
[3] Там же. Ф. 70. Оп. 5. Д. 275. Л. 53 об.
[4] Там же. Ф. 48. Оп. 2. Д. 124. Л. 74.

войск в Рим было с восторгом принято местными жителями. А. Лизакевич доносил императору: «Три батальона Вашего Императорского Величества были приняты от тамошних жителей с восторгом радости. Весь город был иллюминирован для освещения их входу в ночное время. Многочисленный народ, собравшийся их видеть, беспрестанно вопиял: «Виват великий Павел Первый император Всероссийский, защитник христиан и человечества!»[1].

К этому времени на театре военных действий произошли кардинальные изменения. 4 августа А.В. Суворов разбил при Нови 40-тыс. армию генерала Б. Жубера, и был намерен далее наступать на Генуэзскую Ривьеру, но англичане и австрийцы настояли на выводе войск А.В. Суворова в Швейцарию.

С уходом войск А.В. Суворова из Италии французы вновь начали наступательные действия в Пьемонте и Генуэзских областях. 14–15 сентября российские войска под командованием генерал-лейтенанта А.М. Римского-Корсакова потерпели поражение под Цюрихом[2]. В этих условиях Павел I принял решение о выходе из коалиции, в связи с чем 8 октября им был подписал указ о возвращении эскадры Ф.Ф. Ушакова в Черное море[3], а 11 октября – об отзыве войск А.В. Суворова из Европы[4].

Причины отзыва армии и флота были изложены в выявленном рескрипте Павла I на имя В.С. Томары от 21 декабря 1799 г. В нем, в частности, отмечалось: «Жертвуя Моими войсками, венский двор занимался единственно изгнанием из Италии французов и приобретением более половины оной себе... Англия, находя более для себя выгоды в войне, чем в мирном положении, господствуя во всех морях и учреждая всеместно коммерцию, занималась и занимается единственно своими военными предприятиями, стараясь вооружить как можно более и долее все державы против Франции. Почему дальнейшее

[1] АВПРИ. Ф. 48. Оп. 2. Д. 125. Л. 9.

[2] *Ростунов И.И.* Генералиссимус А.В. Суворов. С. 464.

[3] В сборнике документов «Ф.Ф. Ушаков». Т. 3. С. 174, 175. приводится только повторный рескрипт Павла I об отзыве эскадры от 23 октября 1799 г. Копия рескрипта от 8 октября 1799 г. приводится по АВПРИ. Ф. 90. Оп. 1. Д. 1416. Л. 28.

[4] В сборнике документов «А.В. Суворов» Т. 4. С. 395. указывается лишь ссылка на рескрипт от 11 октября 1799 г. Копия рескрипта приводится по АВПРИ. Ф. 93. Оп. 6. Д. 1380. Л. 41, 41 об.

продолжение войны со стороны Моей, не принеся никакой пользы общему делу, обратилось бы в общий вред, способствуя австрийскому дому достигнуть до исполнения его корыстолюбивых намерений»[1].

С отходом в конце 1799 г. эскадры адмирала Ф.Ф. Ушакова из Италии на Корфу завершился третий этап Средиземноморской экспедиции. Его характерными чертами являлись:

– осуществление широкого маневра силами флота (посылка эскадр для блокады Анконы и Генуи, освобождения Адриатического побережья Италии; переход соединенной эскадры из Корфу на Сицилию для совместных действий с английским флотом);

– достижение тесного взаимодействия между сухопутными и морскими силами коалиции в ходе блокады вражеских побережья и портов; освобождения юга Италии и папских областей морскими десантными отрядами при отходе основных французских сил для сдерживания наступления армий Суворова в Северной Италии;

– комбинированное применение сил соединенной эскадры (участие морского десанта при поддержке флота в действиях против Анконы, освобождению Неаполитанского королевства, штурме Неаполя и занятии Рима);

– выполнение несвойственных флоту полицейских (миротворческих) функций.

На третьем этапе Средиземноморской экспедиции (кампании) в действиях коалиционных морских сил можно выделить как положительные моменты, так и недостатки.

К позитивному опыту следует отнести:

– равномерное распределение коалиционных морских сил на театре и их сосредоточение на главных стратегических направлениях и опорных пунктах противника (Кадис, Гибралтар, Мальта, Сицилия, Неаполь, Корфу, Анкона, Генуи, Александрия).

---

[1] АВПРИ. Ф. 90. Оп. 1. Д. 1409. Л. 157–158.

– планирование совместных действий (операций) по ведению военных действий.

К недостаткам относились:

– неотработанная система связи и оповещения;

– плохое материально-техническое обеспечение;

– недоверие между союзниками;

– скрытность намерений и действий английского командования.

С конца 1799 г. начался четвертый этап – свертывание российских морских сил в Средиземном море, который протекал на фоне восстановления позиций французской армии в Северной Италии, продолжающейся блокады о. Мальты англо-португальским флотом и нарушения им морских коммуникаций от Египта до Франции.

В начале 1800 г. основные силы русской эскадры во главе с адмиралом Ф.Ф. Ушаковым были сосредоточены на о. Корфу. В Генуэзском заливе находился отряд из двух кораблей и двух авизо под командованием вице-адмирала П.В. Пустошкина. В Неаполе были оставлены для ремонта три фрегата под командованием капитана 2 ранга А.А. Сорокина, а также небольшая часть войск под командованием капитана 2 ранга Г.Г. Белли. Для «задержания французов в прохождении их из Египта во Францию» в центральной части Средиземного моря крейсировал отряд из трех кораблей под командованием вице-адмирала П.К. Карцова[1].

В ходе четвертого этапа кампании, несмотря на его длительность, российская эскадра не принимала участия в военных действиях и занималась в основном ремонтом судов для последующего летнего перехода на Черное море. Основным содержанием этого периода стало окончательное оформление политического устройства на Ионических островах.

В результате длительных переговоров 21 марта 1800 г. между Россией и Турцией была подписана так называемая Константинопольская конвенция и утверждена новая конституция Республики семи соединенных островов

[1] АВПРИ. Ф. 90. Оп. 1. Д. 1391. Л. 8–9.

(Приложение 49), юридически закрепившие результаты боевой деятельности соединенной русско-турецкой эскадры.

Таким образом, впервые в новой истории было создано национальное греческое государство под протекторатом Турции и покровительством России. При этом Россия получила возможность сохранять на Корфу свое военно-морское присутствие, что позволяло ей занимать стратегически выгодный пункт в Средиземном море и в той или иной степени влиять на европейскую политику. Следует отметить, что это явилось одним из позитивных результатов участия России в коалиционной войне против Франции.

К лету 1800 г. разрозненные силы русской эскадры были собраны на Корфу для подготовки к возвращению на Черное море. 6 июля эскадра Ф.Ф. Ушакова покинула Ионические острова и 26 октября прибыла в Севастополь, на чем и закончилась знаменитая Средиземноморская экспедиция.

Главная же цель Павла I – установление во Франции монархии – не была достигнута. Причины этого лежали в различии политических целей союзников. В то же время были практически полностью (за исключением взятия Мальты) достигнуты поставленные перед русской эскадрой военно-стратегические цели, что оказало существенное влияние на всю военно-политическую обстановку в бассейне Средиземного моря. Неоспоримым остается факт, что эскадра Черноморского флота выступила в Средиземном море в качестве действенной военной силы и эффективного инструмента внешней политики России. В ходе военных действий был приобретен ценный опыт организации стратегического взаимодействия флотов между собой и с сухопутными силами коалиции. Дальнейшее развитие получили коалиционная стратегия и военно-морское искусство, обогатившееся примером удачной атаки крепости со стороны моря.

Не менее важным результатом боевой деятельности русской эскадры явилось то влияние, которое оказали российские моряки и их командующий на правительства и народы освобождаемых стран (Приложение 50). Участник событий – капитан-лейтенант Е.П. Метакса по этому поводу писал: «История сохранит память славного сего похода и передаст потомству блистательное

мужество и непоколебимую твердость войск... Они доставили всему свету, что... любовь покоряемых народов и уважение самого неприятеля не приобретаются одними победами, но человеколюбием, бескорыстием, великодушием и твердостию; сии добродетели, особенно русских воинов украшающие, сделали в 1799 году память их незабвенною между греками, французами, итальянцами, турками, долматами и албанцами»[1]. В связи с этим важно еще раз отметить роль морального фактора в войне, и то исключительное значение, которое придавал ему командующий русской эскадрой.

Выводы по главе

Военно-государственная деятельность Ф.Ф. Ушакова в конце XVIII в. в значительной степени способствовала достижению Российским государством намеченных военно-политических целей.

В ходе Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. Ф.Ф. Ушакову последовательно удалось:

1. Сорвать планы турецкого командования по высадке десантов и захвату Крыма.

2. Нарушить морские коммуникации противника.

3. В ходе ряда сражений разгромить турецкий флот в Черном море и установить на нем господство.

При этом следует заметить, что разгром основных сил противника (лишение основных средств борьбы на море) Ф.Ф. Ушаков ставил главной задачей Черноморского флота.

Исследование показало, что эти задачи были решены благодаря:

– высокой профессиональной подготовке экипажей и их морально-боевым качествам;

– поддержанию высокой боевой готовности флота;

[1] *Метакса Е.* Записки капитан-лейтенанта Егора Метаксы... С. 226.

– высокой организации разведки;

– введению противника в заблуждение (умелому использованию дезинформации);

– нарушению коммуникаций противника;

– успешным действиям флота в генеральных морских сражениях;

– взаимодействию армии и флота.

Анализ документов позволяет судить о том, что поддержание высокой боевой готовности флота осуществлялось посредством: совершенствования боевой организации; плановым проведением боевой подготовки в умелом сочетании с хорошо поставленной воспитательной работой; совершенствования системы управления и связи; технического и тылового обеспечения флота.

Успешная боевая деятельность Черноморского флота под командованием Ф.Ф. Ушакова привела к поражению сил турецкого флота и обеспечила господство российского флота на Черном море. В результате Россия окончательно утвердилась в ранге влиятельной черноморской державы, подтвердив свое право свободного пользования Черноморскими проливами.

Благодаря творческому подходу Ф.Ф. Ушакова к развитию тактики парусного флота, дальнейшее развитие получило военно-морское искусство. Отмечая характерные черты его флотоводческой деятельности, следует отметить, он действовал творчески, исходя из конкретной обстановки. Его действия отличались решительностью и необычайной смелостью. Несмотря на сложившееся тактическое правило нахождения командующего в середине боевого порядка, Ф.Ф. Ушаков, реализуя принцип сосредоточения, смело ставил свой корабль передовым и занимал при этом самые опасные положения, поощряя собственным мужеством своих командиров. Его отличали быстрая оценка обстановки, точный расчет всех факторов успеха и решительная атака, нацеленная на достижение полной победы над врагом.

В ходе ведения военных действий был получен опыт организации взаимодействия между армией и флотом. Взаимодействие осуществлялось: при совместных действиях по блокаде и штурме приморских крепостей; при

разработке и осуществлении планов по захвату дунайских крепостей и Измаила; при координации действий армии и флота на театрах военных действий для решения задачи по окончательному разгрому противника и выводу его из войны.

За время Средиземноморской экспедиции 1798–1800 гг. эскадры Черноморского флота под командованием Ф.Ф. Ушакова Россия, используя ее в качестве действенного инструмента внешней политики, успешно решила задачи по овладению Ионическими островами, обеспечила там свое постоянное военно-морское присутствие, продолжавшееся до 1807 г., и усилила свое военно-политическое влияние в регионе.

Указанных результатов удалось достигнуть благодаря умелому применению Ф.Ф. Ушаковым сил флота, а также четкому взаимодействию дипломатических и флотских структур (Коллегии иностранных дел и командования эскадрой). В этой связи примечательным является тот факт, что в ходе проведения кампании впервые в отечественной истории представителю флота (адмиралу Ф.Ф. Ушакову) была поручена ответственная миссия: непосредственное руководство созданием новой государственности на освобожденных Ионических островах, с которой он блестяще справился, проявив при этом себя талантливым организатором и умелым переговорщиком. В результате успешной военно-государственной деятельности адмирала Ф.Ф. Ушакова и Коллегии иностранных дел России удалось создать первое национальное греческое государство нового времени – Республику семи соединенных островов.

Несмотря на то, что главные цели в войне (уничтожение Французской республики и восстановление во Франции монархии) не были достигнуты, Россия получила значительный опыт (как положительный, так и отрицательный) военно-политического сотрудничества со странами – участницами антифранцузской коалиции. Этот опыт послужил основой для развития теории и практики коалиционной стратегии.

Кроме того, Средиземноморская экспедиция Черноморского флота (1798–1800 гг.) является одной из самых ярких страниц боевой летописи Российского флота. Военно-политическим результатом экспедиции явилось закрепление за Россией статуса сильной морской державы. Морально-нравственным – создание положительного образа русского воина-моряка и адмирала Федора Федоровича Ушакова.

В результате умелой организации сил флота и творческого подхода в вопросах их боевого применения (тактике) Ф.Ф. Ушакову удалось добиться успешного решения поставленных перед флотом задач, значительно способствующих достижению Российским государством намеченных военно-политических целей, и внести весомый вклад в развитие военно-морского искусства.

Глава 5. ВЛИЯНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Ф.Ф. УШАКОВА НА РАЗВИТИЕ ВОЕННО-МОРСКОГО ИСКУССТВА

5.1. Эволюция морской тактической мысли в России и взглядов на вклад Ф.Ф. Ушакова в развитие военно-морского искусства

Понимание сущности и этапов эволюции морской тактики является одним из определяющих моментов в выявлении подлинного значения вклада Ф.Ф. Ушакова в развитие военно-морского искусства и решению научной проблемы в целом.

Морская тактика эпохи парусного флота стала формироваться еще в XVII в., когда во всех европейских флотах окончательно утвердились боевые парусные суда, основной единицей флота стал линейный корабль. После сражений в составе так называемых армад, с относительно свободным маневрированием кораблей при фронтальных ударах, наиболее оптимальной формой построения боевого порядка признана кильватерная колонна. Из-за особенностей расположения орудий на кораблях, огонь велся на углах близких к траверзу. Стреляли на незначительное расстояние. При этом очень важно было вывести из строя рангоут и такелаж, сбить мачты и изорвать паруса, для того, чтобы лишить корабль хода с последующим его захватом или уничтожением.

Уже в 1588 г. многочисленная и лучшая артиллерия англичан дала им возможность использовать кильватерный строй в отдельных группах, но более широкое распространение сомкнутый строй с преобладающим бортовым огнем получил только с 1665 г. во второй Англо-голландской войне[1].

На ходовые и маневренные качества корабля в значительной степени оказывали влияние внешние факторы и, прежде всего, гидрометеорологические

[1] См.: Параллели тактики эпох парусного и парового флота / Пер. с ин. яз. СПб., 1912. С. 7.

условия (скорость и направление ветра и течения, состояние моря). В этой связи управление кораблем и, тем более, эскадрой составляло большую сложность и требовало высокого уровня подготовки от командования и всего личного состава, а также наличие понятной системы сигналов.

Указанные особенности парусных кораблей учитывались флотоводцами при определении порядка маневрирования (эволюций) перед боем и в бою. Суть этого маневрирования заключалась в том, чтобы занять наиболее выгодное наветренное положение относительно противника.

Со временем эмпирически выработанные правила маневрирования получили свое оформление в виде инструкций и рекомендаций. Наибольший вклад в разработку этих правил внесли такие известные адмиралы как англичане Р. Блейк, Д. Монк, герцог Йоркский; голландцы М. Тромп, М.-А. Рюйтер; французы А. Дюкен и А.-И. Турвиль[1].

Как отмечалось выше, одним из первых печатных трудов по правилам ведения морского боя и маневрирования (морским эволюциям) явилась книга профессора математики Королевского училища в Тулоне священника-иезуита П. Госта[2].

Позднее, в XVIII в., когда во многих флотах были окончательно выработаны свои тактические правила, в некоторых из них стал проявляться так называемый «ложный методизм», то есть формализм (догматизм). Так, в 1731 г. в Англии был утвержден Королевский регламент, в котором было расписано, как адмирал должен строить свой флот и атаковать противника. Большое внимание уделялось выравниванию линии баталии, занятию наветренного положения относительно флота противника. Строго расписывалось, какие сигналы должен сделать флагман, чтобы вступить в сражение. Это отрицательным образом отразилось на результатах боевой деятельности английского флота.

Российский флот развивался с заметным отставанием от европейских. В

---

[1] *Березин Е.* Морская тактика. Часть историческая. СПб., 1880. С. 29, 30.

[2] *Гост П.* Искусство военных флотов или сочинение о морских эволюциях. СПб., 1764.

отличие от европейцев, Россия не обладала столь мощными морскими силами и боевым опытом. Тем не менее, за короткий исторический срок усилиями и энергией царя-преобразователя Петра I, его сподвижников и последователей Ф.А. Головина, Ф.М. Апраксина, Н.А. Синявина, П.П. Бредаля, С.И. Мордвинова, А.Н. Сенявина, Г.А. Спиридова, С.К. Грейга и других была создана отечественная школа военного кораблестроения и мореплавания. При этом российское военно-морское законодательство вобрало в себя основы тактических правил, выработанных во флотах Западной Европы, но, при этом, по мнению соискателя, английский Королевский регламент 1731 г. на него никак не повлиял.

В Российском флоте действовал Морской устав 1720 г., в котором не устанавливалось жестких требований ведения морского боя, а определялись лишь его основные принципы, созвучные с принципами, разработанными и введенными в практику в европейских флотах, которые были изложены в известном уже в России труде П. Госта: атаковать противника с наветренной стороны, не открывать огонь с большой дистанции, не стрелять через свои корабли, в бою поступать мужественно и тому подобное. Тем не менее, за нарушение этих правил могло последовать суровое наказание, вплоть до лишения жизни[1]. Впоследствии, в 1724 и 1736 г., вышли два труда К.Н. Зотова, уточняющих порядок и правила морских эволюций[2].

Как отмечалось, боевой опыт русского флота был незначителен. Все бои и сражения происходили в простой обстановке, без сложного маневрирования и оригинальных приемов, по европейским эволюционным правилам. Происходило это ввиду того, что отечественная тактическая школа окончательно еще не сложилась: не было крупных морских сражений, где

[1] См.: Книга Устав морской. С. 9–12, 57–61.

[2] *Зотов К.* Разговор у адмирала с капитаном о команде или полное учение как управлять кораблем во всякие разные случаи. СПб., 1724; Книга полного собрания о управлении военных одного корабля и многих на море в мирное время; военное или экзерциция флота на море при якорном стоянии и в походе под парусами в благополучные погоды и в штормы о распоряжении целого флота на эскадры и дивизии и на разные ордеры о погоне за неприятелем и о побеге от него одним кораблем и целым флотом и разных поступках флота во время штормов и бою с неприятелем. 1736. Рукоп.

можно было проявить тактическое мастерство; не было признанных флагманов – мастеров вождения флотов; не сформировалась оригинальная идея в подготовке и ведении боя, не существовало ярко выраженной преемственности поколений флагманов и так далее. Поэтому последующим поколениям русских адмиралов открывалось широкое поле деятельности.

Как показало исследование, наибольший вклад в развитие военно-морского искусства отечественного парусного флота внес адмирал Ф.Ф. Ушаков. Он явился первым отечественным флагманом европейского уровня, мастером вождения флота. В определенной степени его флотоводческое наследие было изучено и обобщено отечественными историками, о чем подробно говорилось в Гл. 1, однако, несмотря на это, нельзя сказать, что оно всесторонне проанализировано и обобщено военно-морскими теоретиками. Профессор Н.Л. Кладо по этому поводу справедливо заметил: «А что значение Ушакова и его достойного ученика и преемника в работе в области военно-морского искусства – Сенявина не понимали и продолжают не понимать и теперь, показывают факты»[1].

В результате отсутствия обобщающих исследований появились недостаточно обоснованные оценки вклада адмирала в развитие военно-морского искусства и противоречивые суждения, в определенной степени искажающие подлинное значение флотоводческого наследия Ф.Ф. Ушакова.

Начало возникшему противоречию было положено в 40-х гг. XX в. Советские историки, справедливо упрекнув дореволюционных военно-морских авторов в отсутствии соответствующей оценки флотоводческой деятельности адмирала Ф.Ф. Ушакова, вместе с тем, закрепили за ним практически все приоритеты в развитии военно-морского искусства эпохи парусного флота. Вследствие этого появились утверждения о нарушении Ф.Ф. Ушаковым всех «канонов» (норм, подлежащих неукоснительному соблюдению) «закостенелой линейной тактики». В военно-исторических трудах отмечалось и отмечается до

[1] *Кладо Н.Л.* Введение в курс истории военно-морского искусства. СПб., 1910. С. 374.

настоящего времени, что Ф.Ф. Ушаков пренебрег устоявшимися правилами ведения морского боя, не держался устава, «яко слепой стены», и явился создателем новой «маневренной тактики»[1].

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в своих работах они давали не научную, а, скорее, образную, эмоциональную оценку тактическим действиям Ф.Ф. Ушакова, в расчете на поднятие боевого духа краснофлотцев. И на определенном этапе это сыграло свою положительную просветительскую роль. Однако вскоре эти положения прочно утвердились как в общественном сознании, так и в военно-исторической литературе.

Сущность возникшего противоречия по данному вопросу соискатель видит в выборе разноплановых критериев. В одном случае тактика эпохи парусного флота определялась по типу боевого порядка (порядка построения боевого ордера) – «линейная тактика», а, во втором, по способу и характеру маневрирования – «маневренная тактика».

В результате проведенного исследования установлено, что до середины XIX в. даже более общий термин «морская тактика» не находил широкого применения. И это несмотря на то, что еще в 1791 г. при Морском кадетском корпусе была переведена работа голландского адмирала (контр-адмирала русской службы) И.Г. Кинсбергена – «Начальные основания морской тактики», в которой он дал ее определение:

«Морская тактика – есть искусство, научающее по некоторому утвержденному правилу производить все движения флота в рассуждении погод, ветров, моря и берегов нужные»[2].

---

[1] *Тарле Е.В.* Адмирал Ушаков на Средиземном море. М., 1948. С. 137; *Мордвинов Р.Н.* Адмирал Ф.Ф. Ушаков / Русское военно-морское искусство. Сборник статей. М., 1951. С. 123; История военно-морского искусства. В 5 т. / Под ред. *Р.Н. Мордвинова.* Учебное пособие. М., 1953. Т. 1. С. 262, 265; *Бескровный Л.Г.* Русская армия и флот в XVIII веке. М., 1958. С. 642; *Половинкин В.Н., Пыж В.В., Рузанкин А.Д.* Эволюция взглядов на роль и место военно-морских сил в обеспечении национальных интересов ведущих стран мира в Мировом океане. К 175-летию Военно-морской академии им. Н.Г. Кузнецова. М., 2002. С. 30; *Захаренко М.* Ф.Ф. Ушаков – флотоводец мирового значения // Морской сборник. 2002. № 4. С. 47.

[2] *Кинсберген И.Г.* Начальные основания морской тактики / Пер. с нем. *Голенищева-Кутузова.* СПб., 1791. С. I.

И.Г. Кинсберген подразделил ее на две составляющие: «элементарную (стихийную или начальную)» и «высшую». По его мнению:

«Элементарная содержит в себе во всей подробности наставление о экзерциях и дисциплине на корабле, чему обучаться можно из ежедневно отправляемой на корабле службы»;

«Высшая собственно заключает, в чем состоит искусство или наука адмирала, и содержит все действия и движения, производимые кораблями как во время сражения, так прикрытия высаживания войск на берег, при защите берега от неприятельского покушения, при осаде города с моря кораблями и проч.»[1].

Однако, несмотря на это, в Российском флоте в употреблении продолжал использоваться термин «морские эволюции», и труды, посвященные этим вопросам, имели соответствующие названия[2]. Как верно в конце XIX в. заметил С.О. Макаров, морская специальность «с древних времен считалась делом не теории, а практики... Именно так создавалось все парусное дело, где каждая деталь вырабатывалась ощупью, на основании жизненного опыта… Многие офицеры еще помнят то время, когда печатные руководства были весьма кратки и разные письменные заметки опытных адмиралов передавались из рук в руки»[3].

Но термин «эволюция» не в полной мере отражал суть тактики флота, и в некоторых случаях происходила подмена понятий, что видно и из определения, данного в 1791 г. адмиралом И.Г. Кинсбергеном, который под тактикой подразумевал, прежде всего, эволюции.

Первым трудом, разделившим эти понятия, явились лекции Л.П. Семечкина, изданные в 1868 г. По этому поводу автором труда, в частности, было заявлено: «Неверное определение морских эволюций словом «тактика» произошло по весьма понятной причине. Эскадренный бой всегда

---

[1] *Кинсберген И.Г.* Указ. соч. С. I–II.

[2] *Гост П.* Искусство военных флотов или сочинение о морских эволюциях. СПб., 1764; Эволюция парусных судов. СПб., 1802. Рукоп.; Начальные основания морских эволюций. Для Морского кадетского корпуса. СПб., 1834.

[3] *Макаров С.О.* Рассуждения по вопросам морской тактики. М., 1943. С. 113, 114.

был и продолжает быть немыслим без помощи эволюций. Во время парусных флотов эскадра сближалась для сражения, исполнив предварительно не малое число **маневров** (Выделено мной. – *Авт*.) с целью приобретения наиболее выгодного положения. Все эти маневры производились при строгом соблюдении эволюционных правил, которые подчинялись, в свою очередь, двум краеугольным основаниям – линия бейдевинда и линии кильватера. Таким образом, характер движения флота перед боем был почти всегда один и тот же, и многие из его положений были даже предусмотрены и выяснены в эволюционной книге. Отсюда естественно произошло смешение понятий о морской тактике и эволюциях…»[1].

Тем же автором впервые в России было дано определение термина «морская тактика», которая, по его мнению, «в обширном смысле своем, есть **наука боя на море** (Выделено мной. – *Авт*.), то есть свод выработанных мыслей о том, какие приемы следует употреблять кораблям, как при одиночном, так и при эскадренном сражении, с целью обеспечения успеха, или устранения возможной неудачи»[2].

Л.П. Семечкин справедливо и обоснованно настаивал на том, что «морская тактика не есть нечто резко формулированное… Принадлежа к области наук, основанных на чистой логике, подобно им, она не может укладываться в определенные рамки и не в состоянии вытерпеть деления на отделы, статьи, параграфы и проч. Она существует и всегда будет существовать как предмет для изучения, как сборник материалов для разбора, но никогда не превратится в школьный учебник, руководство, по которому обязательно воспринимаются факты, без уразумения духа. Она будет говорить нам – изучайте, думайте, но никогда не скажет: задалбливайте… Таким образом, морская тактика будет давать нам канву и материалы для вышивки, станет учить нас как вышивать по ней, но никогда не позволит себе деспотически указывать, какой узор вывести и какие краски употреблять для этого»[3]. Это

[1] *Семечкин Л.* Лекции о морской тактике и эволюциях. СПб., 1868. С. 4, 5.
[2] Там же. С. 1.
[3] *Там же.* С. 2.

высказывание является прямым продолжением мысли Ф.Ф. Ушакова, высказанной им после сражения у Фидониси: «…нельзя соблюсти всех правил эволюции: иногда нужно делать несходное с оною, не удаляясь, однако, главных правил, если возможно»[1].

В 1880 г. последовала работа Е.В. Березина, в которой относительно эпохи парусного флота было дано определение – **«тактика парусного флота»**[2].

Термин «линейная тактика» упоминается, однако, и у отдельных представителей дореволюционной историографической традиции. В частности, А.Д. Бубнов говорил о «линейной тактике», используемой русским флотом в Цусимском сражении[3]. Позднее он говорил и о «групповой тактике», которая, по его мнению, пришла на смену «линейной тактике», и которая, в современном военном лексиконе классифицируется как «тактика разнородных сил».

Окончательно трансформация термина «тактика парусного флота» в термины «линейная тактика» (как явствует ниже, по аналогии с линейной тактикой сухопутных армий XVIII в.) и «маневренная тактика» произошла, как отмечено выше, уже в советский период отечественной истории. При чем произошло это, несмотря на то, что, в соответствии с устоявшимися в отечественной и зарубежной историографии взглядами, морская тактика подразделялись на тактику гребного (галерного) флота, тактику парусного флота, тактику парового флота и тактику броненосного флота.

Основателем данной периодизации явился известный германский военно-морской историк Альфред Штенцель, которого поддержал российский военно-морской историк Е.В. Березин. Теоретическое обоснование данной периодизации были даны в трудах С.О. Макарова[4], советского военно-морского

---

[1] Материалы для истории Русского флота. Ч. XV. С. 156–157.

[2] *Березин Е.* Морская тактика. Часть историческая. С. 41.

[3] *Бубнов А.Д.* Командующий флотом в сражении / Козырь И.В. От Цусимы до Рагузы. Приложение № 4. С. 236, 237.

[4] *Макаров С.О.* Разбор элементов, составляющих боевую силу судов // Морской сборник. 1894. № 6. Неоф. С. 1–106.

теоретика М.А. Петрова[1], преподавателей ВВМУ им. Фрунзе В.А. Алекина и П.Д Быкова[2].

Логика предложенной периодизации была вполне понятной. Согласно основному принципу научной систематики, все элементы одной подсистемы должны входить в нее по одному классификационному признаку. Таким признаком в классификации кораблей и периодизации морской тактики были взяты тактико-технические элементы кораблей, которые С.О. Макаров называл «наступательные средства», «оборонительные средства» и «морские качества».

К первому элементу **(нападения)** относится оружие; ко второму **(защиты)** – конструктивная защита корабля и защита от различных средств поражения; к третьему **(маневренному)** – скорость хода, поворотливость, дальность плавания и другие, зависящие в основном от типа главного движителя. Совершенно очевидно, что при принципиальном изменении тактико-технических элементов кораблей появлялись новые тактические возможности.

Отчасти эти же элементы (в парусном флоте – парус и бортовое расположение орудий) определяли и порядок построения флота в бою (боевой ордер или ордер баталии), и флагман при выработке своего тактического замысла был вынужден использовать кильватерный строй. Однако, кроме этого, порядок построения боевого ордера определяется и решаемыми в ходе боя задачами. Но понятие «тактика», как «искусство боя», значительно шире и объемней понятия «боевой порядок». Поэтому называть всю тактику «именем» боевого порядка – «линейной», по мнению соискателя, следует считать некорректным.

В парусном флоте элементом нападения являлись артиллерийские орудия, стреляющие ядрами или бомбами, расположенные по бортам; элементом защиты – деревянный корпус; основным маневренным элементом –

---

[1] *Петров М.А.* Морская тактика. Боевая деятельность флота. Л., 1924; *Его же*. Морская тактика. Л., 1926. Ч. 2. Бой; *Его же*. Боевой устав ВМС РККА. Проект. Л. 1924 (Не принят, но в основном повторен в БУ-30 ВМС РККА. – *Авт.*).

[2] *Алекин В., Быков П.* Морская тактика. Учебник для Военно-морского училища им. М.В. Фрунзе. М., 1936. С. 6–11.

парус и соответствующее конструкции корабля рулевое устройство. Учитывая то обстоятельство, что указанные элементы в эпоху парусного флота принципиально не менялись, следовательно, принципиально не менялась (**хотя, несомненно, совершенствовалась**) и тактика.

Эволюцию морской тактики эпохи парусного флота более ясно можно проследить, условно разделив данный период на этапы. При этом они также должны определяться по какому-то общему критерию, к примеру, **по способу действий.** Таким образом просматриваются три основных этапа:

1) свободного маневрирования в составе так называемых армад;
2) совместного маневрирования в составе кильватерной колонны;
3) переход к раздельному маневрированию в составе тактических групп при сохранении основного боевого порядка – кильватерная колонна.

Когда же на смену парусу пришла паровой двигатель (маневренный элемент) – принципиальным образом изменились боевые возможности кораблей в маневре. Как отмечал М.А. Петров «корабли стали свободными в своих движениях, не завися от ветра, располагая возможность двигаться в любом направлении, получив свободу маневрирования»[1]. Следовательно, изменились способы применения сил и в целом тактика. По отношению к тактике парусного флота, тактику парового флота так и характеризовали – «Новая морская тактика»[2].

Ярким и показательным примером решающего влияния конструктивных особенностей кораблей и расположения оружия (элементов нападения и защиты) на господствующую тактическую мысль является возврат в 1860–1870-х гг. к фронтальным боевым ордерам и таранному удару (сражение у Лиссы 18 июля 1866 г.), забытым с античных времен. Этот феномен был обусловлен неспособностью корабельной артиллерии того времени одержать верх в соревновании с броней и, как следствие, превращение тарана в главное оружие. И, что любопытно, когда артиллерия, как правило состоящая из

[1] *Петров М.А.* Обзор главнейших кампаний и сражений парового флота в связи с эволюцией военно-морского искусства. Л., 1927. С. 12.
[2] Новая морская тактика / Морской сборник, 1866. № 4. С. 137–171.

носовых и кормовых башен и бортовых барбетных орудий, стала способной пробивать броню, наиболее эффективный одновременный огонь с них мог вестись только на траверзных углах. Поэтому вновь вернулись к линейным боевым порядкам (Цусимское сражение). В этой связи известный советский исследователь морской тактики Н.Б. Павлович заметил, что «борьба артиллерии с броней… оказала существенное влияние на развитие морской тактики»[1].

В современном флоте тактика однородных сил определяется теми же элементами, поэтому у каждого рода сил своя тактика, что нашло отражение и в энциклопедической статье «Тактика» в разделе «Тактика военно-морского флота»[2].

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что советские историки, говоря о тактике эпохи парусного флота, ее не определяют, а характеризуют: «линейная тактика» и «маневренная тактика». Закономерно возникает вопрос, почему в предыдущий и последующий периоды тактика не характеризовалась, а определялась – «корабля», «эскадры», «флота». Однако, оперируя категориями военного искусства, характеризовать можно только боевые действия: оборонительные и наступательные, активные и пассивные, маневренные и позиционные.

Кроме того, т.к. содержанием любого боя являются **«огонь», «удар», «маневр»**, а «тактика» – теория и практика подготовки и ведения боя, то, следуя логике оппонентов, получается, что, т.к. Ушаков не только искусно маневрировал, но и наносил неожиданные для противника удары и вел эффективный огонь, следовательно, наравне с «маневренной» тактикой, его стоило бы назвать также и основоположником «ударной» и «огневой» тактики. Как видно, и с этой точки зрения подобная постановка вопроса противоречит принципам формальной логики.

---

[1] *Павлович Н.Б.* Развитие тактики военно-морского флота. М., 1979. Ч. 1. С. 6.

[2] Военная энциклопедия. М., 2004. Т. 7. С. 693. – Вместе с тем, данная статья, одновременно утверждающая наличие «линейной тактики», «маневренной тактики», «тактики парового флота» и «тактики броненосных кораблей», по мнению соискателя, содержит внутреннее противоречие.

В этой связи утвердившуюся в отечественной историографии периодизацию морской тактики эпохи парусного флота с ее делением на «линейную» и «маневренную» следует считать не обоснованной. В этом случае, необоснованным является и утверждение о том, что Ф.Ф. Ушаков является создателем «маневренной тактики».

Таким образом, в результате признания в системе периодизации морской тактики этапа «тактики парусного флота» сама система избавится от существующего внутреннего противоречия, будет выглядеть логично, соответствовать законам диалектики и представлять из себя стройную систему.

Кроме того, появляется возможности для более взвешенного определения вклада Ф.Ф. Ушакова в развитие военно-морского искусства. Однако для этого необходимы уточнения по использованию адмиралом способов действий, приоритет в установлении которых отечественная историография также приписывает Ф.Ф. Ушакову.

Исследование показало, что утверждения о том, что Ф.Ф. Ушаков ввел в практику морского боя множество новых тактических приемов, и что их впоследствии копировали западные флотоводцы, не во всем соответствует действительности.

Так, к примеру, утверждается, что Ф.Ф. Ушаков впервые атаковал противника без перестроения в боевой ордер; первым вел бой на короткой дистанции; произвел охват головы колонны противника и постановку его в «два огня»; сосредоточивал огонь на флагманских кораблях противника; осуществлял его преследование без соблюдения ордера. Большим достижением ставят создание Ф.Ф. Ушаковым резерва[1].

Утверждение об атаке противника без перестроения в боевой ордер является некорректным. Прежде всего, следует заметить, что за время сближения с противником до дальности эффективного огневого поражения

[1] *Андрущенко А.И.* Адмирал Ушаков. М., 1951. С. 153, 154, 273; История военно-морского искусства. В 5 т. / Под ред. *Р.Н. Мордвинова.* Учебное пособие. М., 1953. Т. 1. С. 237, 242, 245; *Бескровный Л.Г.* Русская армия и флот в XVIII веке. М., 1958. С. 643; *Лещинский Л.М.* Военные победы и полководцы русского народа второй половины XVIII века. М., 1959. С. 119.

всем парусным кораблям (т.е. одновременно всем флотом), тем более таким тихоходным, какие были в Черноморском флоте, перестроиться в боевой ордер было практически невозможно. И Ф.Ф. Ушаков никогда этого не делал. Реально же, используя современную терминологию, для повышения темпа сближения с противником он, умело реализуя принцип внезапности, совместил последнюю фазу тактического развертывания, которое «выполняется по мере приближения к полю сражения с момента боевого соприкосновения с противником»[1], с первой фазой атаки (сокращение дистанции).

Применение резерва действительно ранее нигде не было отмечено, потому как выведение части сил из линии баталии было нецелесообразно и весьма опасно для флота, так как при этом увеличивалась вероятность его поражения по частям. В данном случае, при исследовании советскими историками вопроса создания Ф.Ф. Ушаковым так называемого «корпуса резерва» в Керченском сражении 29 июля 1790 г. этот термин понят в буквальном смысле слова, в результате чего был искажен.

Понятие «резерв» (от лат. reservo – сберегаю, храню), подразумевает «войска, людские ресурсы, вооружение, военную технику, другие материальные средства, сохраняемые до определенного времени и вводимые в действие по мере изменения обстановки и возникновения новых задач»[2]. В Керченском сражении изначально все силы были задействованы в бою. Однако, фрегаты, поставленные в линию баталии за недостатком линейных кораблей, своей малокалиберной артиллерией не могли эффективно поражать противника, поэтому и были выведены Ф.Ф. Ушаковым из линии[3]. При перемене ветра на 45 градусов они оказались в выгодной позиции и были направлены на оказание помощи авангарду, что явилось случайным совпадением.

Лишь после сражения данный эпизод был проанализирован командующим Черноморским флотом. И уже в следующем сражении при

[1] *Петров М.* Морская тактика. Ч. 2. Бой. Л., 1926. С. 37.
[2] Военная энциклопедия. М., 2003. Т. 7. С. 207.
[3] *Данилов П.А*. Жизнь моя (1756–1806) // Кронштадтский вестник. 1913. № 93. С. 2.

Тендре 28–29 августа 1790 г. оправдавшее себя изменение боевого порядка – «корпус резерва» – был использован Ф.Ф. Ушаковым вполне осознанно. Следует принципиально отметить, что, по верному определению князя Г.А. Потемкина, это фактически был не резерв в современном понимании, а специальная эскадра «кайзер-флага», предназначенная для усиления атаки на флагманские корабли противника[1]. То есть Ф.Ф. Ушаков, для достижения поставленной цели с помощью специально выделенных из состава флота части сил (нескольких фрегатов) впервые в Российском флоте целенаправленно реализовал принципы сосредоточения сил и взаимной поддержки и на практике доказал эффективность данного боевого построения.

Ретроспективный анализ европейского опыта морских сражений позволяет также утверждать, что большинство приписываемых Ф.Ф. Ушакову тактических приемов были введены в практику морского боя еще в конце XVII в.

Так охват головы колонны противника и постановка его «в два огня» были произведены адмиралом А.-И. Турвилем в сражении между французским и англо-голландским флотами при Бичи-Хэде 10 июля (н.с.) 1690 г., когда А.-И. Турвиль произвел охват головы голландского авангарда адмирала Я. Эвертсена, поставив его таким образом в два огня, и нанес ему поражение[2].

Боевые инструкции английского адмирала Э. Рассела, относящиеся к 1691 г., также содержат мысль о сосредоточении сил на одной части флота противника при помощи постановки его головной или концевой части в два огня[3].

В сражении у мыса Барфлер 29 мая (н.с.) 1692 г. А.-И. Турвиль произвел атаку двукратно превосходящих сил противника с минимально короткой дистанции и сосредоточил огонь на флагманском корабле неприятеля[4]. Отличие от подобного маневра, исполненного Ф.Ф. Ушаковым, состоит лишь в том, что

---

[1] Бумаги князя Григория Александровича Потемкина-Таврического.1790-1793 гг. С. 156.

[2] *Штенцель А.* История войны на море в ее важнейших проявлениях с точки зрения морской тактики / Пер. с нем. Пг., 1917. Ч. 3. С. 344, 345.

[3] Параллели тактики эпох парусного и парового флота / Пер. с ин. яз. СПб., 1912. С. 38.

[4] *Штенцель А.* Указ. соч. Ч. 3. С. 356.

А.-И. Турвиль, атакуя с короткой дистанции, преследовал цель захвата наиболее поврежденных близко расположенных кораблей противника. Ф.Ф. Ушаков же, следуя Ст. 25 Первой главы Первой книги Морского устава, в которой говорилось: «Капитанам и командирам кораблей не стрелять из пушек по неприятелю прежде, нежели они толь близко придут, чтоб можно вред учинить…»[1], преследовал цель наиболее эффективного огневого поражения противника всей имеющейся артиллерией, включая малую. Но факт остается фактом, бои на коротких дистанциях происходили задолго до Ф.Ф. Ушакова.

Преследование отступающего противника без соблюдения строя было также осуществлено 29 мая (н.с.) 1692 г. в бою у мыса Барфлер. Тогда адмирал Э. Рассель, преследуя отступающие французские корабли А.-И. Турвиля, с большой эффективностью использовал этот прием, подняв сигнал: «Не соблюдая порядка, преследовать противника»[2]. Ф.Ф. Ушаков же стал осуществлять преследование без соблюдения строя лишь после неудачного опыта преследования в составе боевого ордера в Керченском сражении.

В отечественной военно-исторической литературе часто встречается мысль о том, что Г. Нельсон в сражении при Абукире заимствовал у Ф. Ушакова прием атаки противника со стороны берега, использованный им в сражении при Калиакрии[3]. Однако простой сравнительный анализ показывает, что сражение при Абукире происходило в бухте и на якоре, а сражение при Калиакрии – в открытом море и на ходу, и это объективно определяло разницу используемых тактических приемов. Сравнение тем более некорректно, потому как проход английской эскадры со стороны берега с несколькими расположенными на нем малокалиберными пушками был осуществлен не Г. Нельсоном, а командиром корабля его эскадры Т. Фолеем, причем, по личной инициативе последнего.

---

[1] Книга Устав морской. С. 10.

[2] *Штенцель А.* Указ. соч. Ч. 3. С. 358.

[3] История военно-морского искусства. В 5 т. / Под ред. *Р.Н. Мордвинова.* Учебное пособие. М., 1953. Т. 1. С. 252.

В XIX в. некоторые западные исследователи приписывали создание новой тактики и Г. Нельсону. Но известный французский военно-морской историк Ж.Б. Жюрьен-де-ла-Гравьер справедливо на это возразил: «Нельсон не выдумал новую тактику, но скорее поправил все мудрые расчеты старой»[1].

Рассмотрев эволюцию морской тактической мысли в России и взглядов отечественных историков и теоретиков на вклад Ф.Ф. Ушакова в развитие военно-морского искусства, соискатель пришел к следующим заключениям.

1. Взгляды на морскую тактику эпохи парусного флота стали формироваться еще в XVII в. под влиянием деятельности адмиралов Р. Блейка, Д. Монка, герцога Йоркского, М. Тромпа, М.-А. Рюйтера, А. Дюкена и А.-И. Турвиля.

2. Российский флот заметно отставал в своем развитии от европейских флотов, не имел существенного боевого опыта и признанных флагманов.

3. Во второй половине XIX в. в России Л.П. Семечкиным были разделены понятия «морские эволюции» и «морская тактика», позднее сформировалась ее обоснованная периодизация, при которой тактика эпохи парусного флота получила название «тактика парусного флота».

4. Вклад Ф.Ф. Ушакова в развитие военно-морского искусства до начала XX в. был не изучен и не обобщен.

5. В 40–50-х XX в. в рамках борьбы с космополитизмом и доказательства превосходства отечественной науки во всех областях утвердилось мнение о создании Ф.Ф. Ушаковым новой «маневренной тактики», что вошло в противоречие с существующей периодизацией морской тактики. Ему же были приписаны большинство приоритетов в развитии последней, что породило противоречие во взглядах на вклад Ф.Ф. Ушакова в развитие военно-морского искусства.

---

[1] *Жюрьен-де-ла-Гравьер Ж.Б.* Указ. соч. С. 2.

5.2. Вклад адмирала Ф.Ф. Ушакова в развитие военно-морского искусства

Анализ боевого опыта адмирала Ф.Ф. Ушакова позволяет уточнить и детализировать его вклад в развитие военно-морского искусства. При исследовании данного вопроса соискатель особое внимание уделил его заслугам совершенствованию способов ведения эскадренного боя и приемам использования оружия.

Краеугольным камнем успеха Ф.Ф. Ушаков считал подготовку сил флота к намечаемому сражению. В его действиях четко прослеживалась основательная проработка плана подготовки флота, в полной мере согласованного с реальными боевыми задачами. Ф.Ф. Ушаков рассматривал несколько этапов подготовки и хода сражения, предусматривающих: подготовку к бою, определение цели, выработку плана, развертывание флота для боя, определение способа действий и его реализация (построение боевого порядка, выбор характера маневрирования и тактических приемов, атака и преследование противника).

Прежде всего, обращает на себя внимание тщательность подготовки флота к сражению. Ф.Ф. Ушаков никогда не выводил его в море неподготовленным, в некоторых случаях даже вопреки требованию высшего командования. Так в начале кампании 1791 г. из-за отсутствия в Севастополе материалов, необходимых для ремонта кораблей, он задержал выход флота в море почти на два месяца[1]. Но подготовленный им флот одержал победу в сражении у мыса Калиакрия, благодаря которой во многом была поставлена победная точка в войне с Турцией.

Несомненной заслугой Ф.Ф. Ушакова является установление неразрывности вопросов подготовки флота к сражению и командования флотом в бою. Он считал это единым процессом. В этой связи автор диссертационного

[1] РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 594. Л. 318.

исследования выделяет такие характерные черты в деятельности адмирала по подготовке сил флота, как непрерывная работа по выявлению фактической боевой готовности флота и постоянному поддержанию ее на необходимом уровне; способность глубоко вникать в суть проблем, непременно выясняя существо недостатков, устраняя их причины; способность командующего не ограничиваться формальными распоряжениями и официальными отношениями с подчиненными. Он активно учил, воспитывал и готовил их к сражениям. Ф.Ф. Ушаков сумел подчинить мысли подчиненных своей воле, не только в силу дисциплинарной над ними власти, но и по убеждению, не подавляя при этом их воли.

Говоря об организации командования флотом непосредственно в бою, следует обратить внимание, прежде всего, на ясность цели, которую ставил перед собой Ф.Ф. Ушаков. Для ее достижения он всесторонне оценивал обстановку, определял замысел, принимал решение, реализованное затем в плане боя.

Важным вкладом Ф.Ф. Ушакова в развитие военно-морского искусства является новый подход к организации тактического развертывания флота. Здесь его заслугу соискатель видит в существенной минимизации времени за счет совмещения последней фазы развертывания (построение боевого порядка) с первой фазой атаки (сближение с противником).

Успешность развертывания флота при этом достигалась высокой организацией тактической разведки, недопущением неприятельской разведки к главным силам флота, удачным выбором времени и обстановки для боя, обеспечением развертывания от противодействия неприятеля (Тендра), или, наоборот, несмотря на его противодействие (Калиакрия, Корфу).

Все это, несомненно, создавало выгодные условия для начала боя. В результате противник не ожидал атаки, не предвидел направления и способа ее выполнения, не в состоянии был использовать всех своих сил для отражения. И напротив, Ф.Ф. Ушаков все свои силы и оружие использовал полностью и в лучших условиях. Ф.Ф. Ушакову принадлежит приоритет в установлении в

Российском флоте этих требований.

Существенным вкладом Ф.Ф. Ушакова в развитие способов ведения эскадренного боя следует считать начало перехода от соединенного маневрирования к раздельному, при котором эскадренным командирам предоставлялась определенная свобода действий («каждому по способности случая»). Именно с Ф.Ф. Ушакова в отечественном флоте наметилась устойчивая тенденция к раздельному маневрированию. Говоря об этом, известный российский военно-морской теоретик М.А. Петров отмечал, что последние сражения парусного флота были уже свободны от совместного маневрирования. «Лучшие адмиралы той эпохи (Нельсон, Ушаков, Сенявин, Джервис и пр.) уже не боялись разделить силы, когда это было необходимо, и не стесняли никакими "законными" способами ведения боя»[1].

Ф.Ф. Ушаков внес свой вклад и в определение выбора направления главного удара. Выбор этого направления выбирался, исходя из общей обстановки на театре и в районе боя, а также учета сильных и слабых сторон противника. В этой связи главный удар наносился по флагманским кораблям противника. Цель – нарушение управления и нанесение противнику гарантированного поражения.

Наиболее важным аргументом в выборе направления главного удара для Ф.Ф. Ушакова являлось знание слабых сторон противника и, в частности, его низких морально-боевых качеств и несклонности команд к повиновению. Именно поэтому атака на флагманские корабли приводила к воздействию на морально-психологическое состояние неприятеля и дезорганизации его сил. В этой связи М.А. Петров справедливо отмечал: «Нельсон, Сенявин, Ушаков знали своих противников и смело направляли атаку туда, где они были уверены в том, что неприятель слаб»[2].

Его несомненным вкладом в развитие военно-морского искусства является совершенствование боевых порядков. Ф.Ф. Ушаков первым в

[1] *Петров М.* Морская тактика. Ч. 2. Бой. С. 43.
[2] Там же. С. 49.

отечественном флоте стал изменять его уже в ходе боя в соответствии с тактическим замыслом и складывающейся обстановкой. Он ввел в практику морского боя несвойственное для того времени изменение в боевом порядке флота – «эскадру кайзер-флага» («корпус резерва») – выделение части сил, не задействованных в линии баталии, для их сосредоточения на направлении главного удара.

Как отмечено выше, создание «корпуса резерва» в Керченском сражении носило, отчасти, случайный характер. Однако разбор сражения позволил Ф.Ф. Ушакову прийти к важному заключению, что всякие попытки закрепить постоянный боевой порядок, сковать его установленными геометрическими формами, следует считать неправильными и нежизненными. Потому среди требований Ф.Ф. Ушакова к боевому порядку соискатель отмечает его простоту и гибкость, обеспечивающие возможность сосредоточения сил на главном направлении атаки и оказания взаимной поддержки частей флота.

Свой вклад Ф.Ф. Ушаков внес и в выбор оптимальный дистанции стрельбы, определяемой дальностью действия артиллерии и способностью канониров (артиллеристов) вести прицельный огонь. Он нашел наиболее удачное сочетание этих элементов. Ф.Ф. Ушаков значительно поднял уровень огневой и психологической подготовки комендоров, что позволило ему успешно вести бой с эффективным огневым поражением противника на коротких дистанциях.

После Керченского сражения дальнейшее развитие получила идея преследования противника после успешной атаки, которая впоследствии привела к однозначному заключению военно-морских теоретиков – «успех атаки должен быть развиваем незамедлительно, всеми силами флота и до конца»[1].

Определяющий вклад Ф.Ф. Ушаков внес в разработку форм и способов борьбы сил флота с приморскими крепостями. В основе плана действий, направленных на штурм крепости о. Корфу, Ф.Ф. Ушаковым лежал точный

[1] *Петров М.* Указ. соч. С. 104.

расчет. Опыт успешной атаки крепости о. Корфу, произведенной им вопреки существовавшим тогда взглядам о нецелесообразности штурма морских крепостей силами флота, стал наиболее ценным в развитии теории военно-морского искусства по данному направлению.

Для характеристики вклада адмирала Ф.Ф. Ушакова в развитие военно-морского искусства соискатель также проследил, как его личностные качества, знания, умения и опыт повлияли на реализацию им в ходе ведения боевых действий принципов военного искусства. Это автор связывает с тем, что в основе любых военных действий лежит взаимосвязь, взаимозависимость и взаимодействие законов и принципов военного искусства, которые, по словам Н.Л. Кладо, есть «незыблемые условия, которые ведут к победе, и должны быть положены в основу всяких военных действий, вне зависимости от средств, места и времени»[1].

Совершенно очевидно, что Ф.Ф. Ушаков в ходе сражений меньше всего думал об общих принципах военного искусства, которые только отчасти были формализованы в Морском уставе. Прежде всего он руководствовался логикой складывающейся обстановки. Уже много позднее на основе боевого опыта отечественных флотоводцев, прежде всего Ф.Ф. Ушакова, Н.Л. Кладо были сформулированы и введенные в теорию военного искусства такие принципы как «энергичной эксплуатации успеха», «действия своей сильной стороной по слабой стороне противника», «частного почина» и другие[2]. Несмотря на то, что некоторые из указанных принципов еще не были сформулированы, но объективно действовали, поэтому Ф.Ф. Ушаков достаточно успешно их использовал, исходя лишь из здравого смысла.

Наиболее эффективно Ф.Ф. Ушаков реализовал принципы **сосредоточения сил** (в современном военном лексиконе – неравномерного распределения сил) **и взаимной поддержки** (взаимодействия). Несмотря на то, что принцип сосредоточения сил в практике морского боя неоднократно

[1] *Кладо Н.Л.* Введение в курс истории военно-морского искусства. СПб., 1910. С. 85, 86.
[2] *Там же.* С. 87–195.

использовался отдельными флотоводцами задолго до Ф.Ф. Ушакова, он не был столь распространен на флоте. Основными тактическими приемами, обеспечивающими сосредоточение сил для Ф.Ф. Ушакова, являлись эскадра «кайзер-флага» и охват «головы» флота противника с постановкой его «в два огня».

Тактический разбор сражений Ф.Ф. Ушакова позволяет утверждать, что сосредоточение сил для него не было самоцелью. Он ясно понимал, что при численном превосходстве противника вести с ним эффективную борьбу можно было, только сосредоточивая свои силы на определенном направлении. Однако сделать это было чрезвычайно затруднительно, ибо несложно сосредоточивать силы, имея абсолютное преимущество в них, но трудно, уступая в силах. При этом Ф.Ф. Ушаков после анализа Керченского сражения справедливо считал, что сосредоточение не может быть спонтанным, а должно быть подготовлено заранее как в выборе соответственных боевых средств, так и в организации и обучении личного состава флота и в выработке замысла на сражение. Ярким подтверждением этому является успешно проведенное им сражение у о. Тендра.

Развивая способы реализации принципа сосредоточения сил в морском бою, Ф.Ф. Ушаков подчеркивал особую важность субъективного фактора – морально-боевых качеств флагманов, командиров кораблей и всего личного состава. Он считал, что побеждает тот, кто сильнее своего противника не только количеством средств, но их качеством, искусством руководства, моральным превосходством. Поэтому при сосредоточении сил Ф.Ф. Ушаков использовал корабли с наиболее профессионально и психологически подготовленными экипажами. Здесь важно подчеркнуть: вопреки установившемуся в практике морских сражений правилу, флагман находился не в центре боевого порядка, а в различных местах на направлении главного удара. Эти обстоятельства дают основание утверждать, что под сосредоточением сил Ф.Ф. Ушаков понимал не только создание количественного, но и качественного превосходства.

В результате, умелая реализация принципов сосредоточения сил и взаимной поддержки при меньших силах и худшей материальной части, позволила Ф.Ф. Ушакову во второй половине Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. добиться перехода от оборонительных действий к наступательным и в последующем с успехом продолжать борьбу с превосходящими силами противника.

Ф.Ф. Ушаков умело использовал и принцип **крайнего напряжения сил**, логично вытекающего из принципа сосредоточения. Говоря о напряжении всех сил в морском бою, он, прежде всего, думал о психологическом напряжении, считая, что нужно использовать все силы, чтобы сломить волю врага и достичь победы. Полное напряжение материальных средств, физических и духовных сил как нижних чинов, так и командования, по его мнению, должно быть развито в решительные моменты боя. Прежде всего, нужна воля к победе всего личного состава и, в первую голову, командования.

Наиболее ярко реализация этого принципа проявилась при осаде крепости Корфу. Подтверждением служит донесение Ф.Ф. Ушакова: «Наши служители от ревности своей и желая угодить мне, оказывали на батареях необыкновенную деятельность: они работали и в дождь, и в мокроту или же обморанные в грязи, но все терпеливо сносили и с великой ревностью старались»[1].

В выборе направления главного удара проявился творческий подход Ф.Ф. Ушакова **в действиях части своих сил против части сил противника.** С одной стороны, он подставлял свою сильную сторону под удар противника (Фидониси, Керчь), но, с другой, исходя из конкретно складывающейся обстановки, атаковал флагманские корабли. Творческая реализация данного принципа подтвердила правильность принятого решения для борьбы с конкретным противником.

При ведении боевых действий с численно превосходящим турецким флотом чрезвычайно важное значение Ф.Ф. Ушакова придавал **внезапности**

[1] Цит. по: *Скаловский Р.К.* Указ. соч. С. 322.

действий. Он прекрасно понимал, что рассчитывать на случай неразумно, поэтому делал все, чтобы атака была неожиданна для неприятеля. Внезапность позволяла ему нанести удар по неподготовленному к отражению атаки противнику. Неожиданность удара во времени и по направлению, оригинальность тактических приемов, которых противник не предвидел, стремительность выполнения маневров – все это создавало благоприятную обстановку для атакующего Черноморского флота.

Кроме того, внезапность способствовала подъему боевого духа своих сил и подавлению духа противника. Наибольшую эффективность реализация данного принципа имела при переходе Черноморского флота к активным наступательным действиям (рейд на Синоп, Тендра, Калиакрия).

Учет Ф.Ф. Ушаковым данного принципа в сражении при Тендре с одной стороны позволил русским морякам парализовать волю противника и на первом этапе лишить его возможности противодействовать Черноморскому флоту. Вот как об этом в тот же день докладывал генерал-майор М.И. Кутузов Г.А. Потемкину в своем рапорте: «… надеюсь, однако ж, что… победе быть с нашей стороны, первое по важному тому преимуществу, что флот наш на ветре, и что действительно в линии сражения неприятельского флоту только шесть линейных кораблей и пять или шесть небольших судов, прочие же все в большом беспорядке,… при том немалую надежду подает то, что неприятельские корабли, будучи под ветром все под парусами, а потому… они к побегу приуготавливаются»[1].

При учете в тактическом решении данного принципа в сражении у мыса Калиакрия, эффект был усилен за счет надломленной воли личного состава турецкого флота в предыдущем сражении при о. Тендра. Доказательство выдвинутому положению обнаруживаются в том, что при неожиданном появлении Черноморского флота паника наблюдалась именно на турецкой эскадре во главе с капудан-пашой, в результате чего инициативу в построении

[1] РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 560. Ч. 1. Л. 119 об.

боевого ордера и последующем сражении взяли на себя алжирцы, не участвовавшие в Тендровском сражении.

Внезапность достигалась Ф.Ф. Ушаковым за счет: во-первых, использования просчетов противника (пренебрежение разведкой); во-вторых, максимального сокращения времени на тактическое развертывание и, в-третьих, (в сражении у мыса Калиакрия) применения неожиданного для противника тактического приема (прохода между берегом и флотом, находящимся под прикрытием береговых батарей).

По отношению к своим силам Ф.Ф. Ушаков, кроме того, активно использовал ранее достигнутый успех, как то – преследование «по способности случая», а также частный почин, т.е. предоставление инициативы флагманам и командирам.

Главным фактором успеха в морском бою Ф.Ф. Ушаков ставил решительное наступление и стремление к победе, добивался которого при полном напряжении и сосредоточении всех своих сил. Он считал, что надо наносить удар внезапно и тогда, когда противник не подготовлен (Тендра, Калиакрия); туда, где он наиболее уязвим, стремясь далее распространить победу на все поле сражения. Ф.Ф. Ушаков сосредоточивал силы против части противника, атакуя его своей сильной стороной, уклоняя слабую. Остальное на поле боя ему подсказывали здравый смысл, знание обстановки и противника, своих и его сильных и слабых сторон.

Ф.Ф. Ушаков внес весомый вклад в разработку основ оперативного применения сил флота. Это проявлялось: в действиях всех вверенных ему сил по единому плану в интересах достижения общей цели; делении сил флота на группы в зависимости от их предназначения и характера решаемых боевых задач (зарождение элементов оперативного построения); организации и поддержании взаимодействия между ними, морскими и сухопутными группировками (флот – армия); осуществлении широкого маневра силами на морском театре военных действий; закреплении достигнутого успеха в оперативном масштабе. В конечном итоге, все это способствовало решению

важных стратегических задач и достижению Российским государством на определенном этапе военно-политической цели.

Успешным действиям Черноморского флота под командованием Ф.Ф. Ушакова, внесшим существенный вклад в развитие военно-морского искусства, во много способствовали его личные качества.

Прежде всего, автор отмечает его глубокую веру в христианские идеалы и построение на них всего образа жизни и деятельности, что самым непосредственным образом повлияло на одно из главнейших качеств флотоводца – духовную стойкость. Именно она определяла поведение Ф.Ф. Ушакова во время сражений. Духовная стойкость явилась своеобразным барьером в преодолении инстинкта самосохранения и страха потери жизни под воздействием огня противника.

Отсюда логично следует выделение другого его главного качества – хладнокровия. При подавляющем превосходстве сил неприятеля без этого качества принимать решения в условиях, при которых к нему стекалась вся информация о ходе сражения, было в принципе невозможно. Кроме того, необходимо было обладать большим мужеством и личной храбростью. Несмотря на всю, отмечаемую современниками, импульсивность характера Ф.Ф. Ушакова, в критические минуты (к примеру, при сокращении дистанции с турецким флотом в ходе тактического развертывания под огнем береговых батарей в сражении у м. Калиакрия) он сохранял удивительное хладнокровие. Не терял он присутствия духа как при атаке превосходящих сил противника, так и при штурме береговых укреплений крепости Корфу.

Однако, вышеуказанные качества Ф.Ф. Ушакова являлись лишь основой, без которой немыслима была ясность ума и свобода воли. Поэтому в экстремальной обстановке для принятия решения Ф.Ф. Ушакову помогали его умственные способности, позволявшие ему производить комбинации для формирования необходимого способа действий (прежде всего, построения боевого порядка, выбора направления главного удара и характера

маневрирования). Причем, делалось это при активном противодействии со стороны сил противника.

Так как сам ум не имеет полной творческой силы, для реализации своих решений Ф.Ф. Ушаков в максимальной степени мобилизовывал свои волевые качества, превращая работу ума в боевое творчество. Именно воля помогала ему питать энергию деятельности, придавшей действиям Черноморского флота активный наступательный характер. Она питала и стремление Ф.Ф. Ушакова к борьбе, к победе.

Ф.Ф. Ушаков обладал и другим очень важным качеством, без которого все вышеперечисленное не имело бы смысла в скоротечно меняющейся боевой обстановке – способностью мгновенно принимать решения. Так в сражении при Калиакрии, видя, что алжирский флагман пытается охватить «голову» Черноморского флота, Ф.Ф. Ушаков мгновенно принимает решение идти на перехват. При этом диссертант отмечает взаимосвязь и взаимообусловленность в мотивации действий Ф.Ф. Ушакова в боевой обстановке. Его способность мгновенно принимать решения базировалась не только на сильной воле, но и способности ума быстро производить оценку обстановки и необходимые расчеты.

Способность Ф.Ф. Ушакова на мгновенные решения основывалась как на уверенности в себе, так и на оправданном риске. Примером служит маневр прохода Черноморского флота под огнем береговой батареи, установленной на м. Калиакрия. При этом соискатель отмечает, что немногие флотоводцы того времени шли даже на оправданный на риск (нерешительные действия М.И. Войновича в сражении у о. Фидониси и оправданный риск Ф.Ф. Ушакова по атаке авангарда в том же сражении).

Уверенность в себе у Ф.Ф. Ушакова базировалась как на уверенности в своих силах, равно и на знании противника. Как отмечал А.Д. Бубнов, «этот дар, составляющий поистине божественную часть боевого творчества, присущ

лишь весьма немногим великим вождям, обладавшим исключительно возвышенной духовной природой»[1].

Вместе с тем, уверенность в своих силах основывалась и на авторитете среди подчиненных, создавая своеобразную устойчивую обратную связь во взаимоотношениях. А активное боевое творчество Ф.Ф. Ушакова создавало и ту высшую опору для всего подчиненного личного состава, которая поддерживала и укрепляла их морально-психологическую устойчивость в бою.

Несмотря на то, что условия вооруженной борьбы предъявляют высокие требования к физической природе командующего флотом, так как необходимость напряженной умственной, физической и морально-психологической нагрузки, нередко сопряжено с нервными перегрузками и физическим истощением, Ф.Ф. Ушаков, равно как и А.В. Суворов, и Г. Нельсон, крепким здоровьем не обладал, о чем в рапорте об отставке на имя Александра I в 1806 г. он писал: «Душевные чувства и скорбь моя, истощившие крепость сил, здоровья»[2]. Следовательно, причина его успехов крылась не физической природе, а силе нравственного облика и в силе духа.

Из вышеизложенного следует, что Ф.Ф. Ушаков, опираясь на всю совокупность своих личностных качеств, повинуясь стремлению к победе, всегда мгновенно оценивал обстановку и принимал обдуманные решения, действовал смело, никогда не искал более легких обходных путей, что позволяло ему добиваться максимально возможного результата.

Исследовав многогранную деятельность Ф.Ф. Ушакова, уточнив его заслуги в развитии морской тактики, устранив противоречия в существующих оценках его деятельности и показав, за счет чего этих результатов удалось достигнуть, соискатель показал реальный вклад Ф.Ф. Ушакова в развитие военно-морского искусства.

Таким образом, подводя итог исследованию вклада Ф.Ф. Ушакова в развитие военно-морского искусства, соискатель поддерживает ранее

---

[1] *Бубнов А.Д.* Командующий флотом в сражении / *Козырь И.В.* От Цусимы до Рагузы. Приложение № 4. С. 178.

[2] Цит. по: *Тарле Е.В.* Адмирал Ушаков на Средиземном море. С. 223.

выдвинутое положение о том, что Ф.Ф. Ушаков является создателем собственной «морской тактической школы»[1] или, другими словами, флотоводческой школы.

Основными признаками этой школы являются:

– общепризнанный личный вклад Ф.Ф. Ушакова в развитие военно-морского искусства, обеспечивший ему лидирующее положение;

– сгенерированные и реализованные идеи по совершенствованию морской тактики;

– внедренная оригинальная методика обучения и воспитания подчиненных, обеспечившая устойчивый рост квалификации личного состава всех категорий;

– поощрение инициативны;

– постоянное пополнение группы последователей, поддерживающих с ним контакты, разделяющих его взгляды, принципы и подходы, способных к самостоятельному поиску (адмиралы и генералы): А.П. Алексиано, Г.Г. Белли, Р. Вильсон, Н.Д. Войнович, Ю.А. Гамен, Г.К. Голенкин, П.А. Данилов, Д.А. Доможиров, М.М. Елчанинов, М.П. Нелединский, П.В. Пустошкин, И.Т. Овцын, Е.П. Сарандинаки, И.А. Селивачев, А.А. Сорокин, Ф.И. Юхарин и другие;

– наличие последующих поколений в связках учитель – ученик, один из которых – Д.Н. Сенявин – также стал выдающимся флотоводцем, существенно обогатившим военно-морское искусство;

– преемственность заложенных традиций.

По функциональному назначению продуцируемых знаний школу Ф.Ф. Ушакова соискатель определяет как прикладную, по характеру связей между поколениями – многоуровневую, по степени институализации – неформальную. А так как по уровню локализации это была первая национальная школа, следовательно, Ф.Ф. Ушакова, внесшего весомый вклад в

[1] *Алафузов В.* Немецкая критика русского и советского флота // Военно-исторический журнал. 1964. № 12. С. 101.

развитие военно-морского искусства, с полным основанием можно считать и основоположником всей отечественной школы военно-морского искусства.

При этом понятие «**Отечественная школа военно-морского искусства»** автор определяет как исторически сложившуюся в России форму деятельности военно-морского сообщества с общими ценностными установками под руководством и влиянием признанных отечественных практиков и теоретиков военно-морского искусства, направленную на генерирование, аккумулирование и апробацию передовых идей и передачу накопленного опыта по созданию и реализации наиболее эффективных форм и способов вооруженной борьбы на море, которая обеспечивает преемственность в воспроизводстве нескольких поколений национальных военно-морских кадров – носителей идей данной школы, в общности применяемых подходов, в поддержании и преумножении заложенных традиций и создает условия постоянного роста квалификации и воспитания представителей школы, развития выдвинутых положений и приращения знаний.

Выводы по главе

Исследование показало, что до Ф.Ф. Ушакова российские флотоводцы не имели опыта участия в крупных морских сражениях в открытом море, где могли бы получить практический опыт, необходимый для формирования самостоятельной тактической школы. Они руководствовались тактическими правилами, сформулированными в Морском уставе 1720 г., созданного на основе боевого опыта иностранных флотов. В процессе деятельности таких известных представителей отечественного флота как Петр I, Ф.А. Головин, Ф.М. Апраксин, Н.А. Синявин, П.П. Бредаль, С.И. Мордвинов, Г.А. Спиридов, А.Н. Сенявин, И.Г. Кинсберген и других были созданы предпосылки к формированию национальной школы военно-морского искусства. Однако среди

отечественных флагманов не было признанного лидера, имеющего своих последователей.

Ф.Ф. Ушаков, опираясь на опыт предшественников, всю совокупность принципов военного искусства, совершенствуя способы действий (тактические приемы и боевой порядок), благодаря своим личностным качествам, явился первым отечественным флагманом европейского уровня, признанным мастером вождения флотов, внесшим существенный вклад в развитие морской тактики и явился основоположником отечественной школы военно-морского искусства. В мировой военной истории он занял почетное место в одном ряду с такими знаменитыми флотоводцами XVIII в. как Д. Родни, Р. Хоу, П.А. Сюффрен, Д. Джервис и Г. Нельсон.

Вклад адмирала Ф.Ф. Ушакова в развитие военно-морского искусства до начала XX в. не нашел должной оценки. А положение, выдвинутое отечественными историками в 40–50-х гг. XX в., о создании им новой, так называемой «маневренной тактики», вошло в противоречие с исторически сложившейся и научно обоснованной в конце XIX в. периодизацией морской тактики.

Устранение данного противоречия с уточнением реального вклада Ф.Ф. Ушакова в развитие военно-морского искусства позволили соискателю разрешить научную проблему и прийти к заключению, что Ф.Ф. Ушаков является основоположником отечественной школы военно-морского искусства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Флотоводческое наследие адмирала Ф.Ф. Ушакова для отечественной исторической науки чрезвычайно важно, так как его опыт – это опыт успеха. Н.Л. Кладо справедливо заметил, что «теорию во всякой области можно определить как исследованный, обобщенный и сведенный в систему прежний опыт»[1].

Характеризуя флотоводческое наследие адмирала Ф.Ф. Ушакова, следует отметить, что оно уникально. Он непосредственно участвовал и, в сфере своей компетентности, руководил процессом военно-морского строительства на Юге России. Он командовал силами флота при решении практически всего спектра свойственных ему задач, решаемых как самостоятельно (поражение сил флота противника, нарушение и оборона коммуникаций), так и совместных с армией (десантные и противодесантные действия, оборона побережья, содействие войскам в наступательных и оборонительных действиях на приморских направлениях).

В этой связи, в ходе решения исследовательских задач автор пришел к важным выводам и актуальным обобщениям.

Определена степень разработанности проблемы в отечественной и зарубежной историографии. Установлено, что изучение биографии и флотоводческой деятельности Ф.Ф. Ушакова имеет прочную историографическую традицию, сформировавшуюся, главным образом, в первой половине XIX в. Ее основу составили описания войн, морских сражений и экспедиций с участием адмирала Ф.Ф. Ушакова. Несомненная заслуга в этом принадлежит А.В. Висковатову, Р.К. Скаловскому, Д.А. Милютину. В трудах указанных авторов уже тогда наметилась тенденция постепенного перехода от исследования частных вопросов к общим, от описания отдельных эпизодов

[1] *Кладо Н.Л.* Этюды по стратегии // Морской сборник. 1913. № 2. С. 91.

жизнедеятельности адмирала Ф.Ф. Ушакова и сражений эпохи парусного флота к попыткам системного анализа.

Однако, глубокого исследования с соответствующими обобщениями не было проведено. Причины, на взгляд соискателя, состояли в том, что на тот исторический период исследование вопросов морской тактики еще не было поставлено на научную основу. Морская тактика рассматривалась упрощенно, как совокупность эволюций, производимых эскадрами.

Во второй половине XIX в. в России сделаны попытки к научному определению понятия морской тактики. В этот период Л.П. Семечкиным при обобщении тактического опыта парусного флота были разведены понятия «морские эволюции» и «морская тактика», последняя из которых стала определяться как «наука боя на море».

Это обстоятельство дало основу для более глубокого исследования и объективной оценки флотоводческой деятельности адмирала Ф.Ф. Ушакова, которая была дана в трудах Е.И. Аренса, З.А. Арказа, П.И. Белавенца, Е.В. Березина, Ф.Ф. Веселаго, В.Ф. Головачева, М. Мазюкевича и, особенно, Н.Л. Кладо.

Анализ историографии проблемы позволил выявить не только достижения, но и определенные несоответствия, приведшие в 40–50-х гг. XX в. к возникновению противоречия во взглядах отечественных историков на вклад адмирала Ф.Ф. Ушакова в развитие военно-морского искусства.

Причина заключалась в недостаточно четком следовании советскими историками, прежде всего Н.М. Коробковым, Е.В. Тарле и Р.Н. Мордвиновым, принципам научной систематики – выборе разноплановых критериев в определении тактики парусного флота. В одном случае она определялась по типу боевого порядка (порядка построения боевого ордера) – «линейная тактика», а во втором – по способу и характеру маневрирования – «маневренная тактика». При этом авторы, считая Ф.Ф. Ушакова создателем «маневренной тактики», представляли его как оппонента сторонникам «линейной тактики». Указанные взгляды в отечественной историографии стали

преобладающими и нашли свое отражение в последующих военно-исторических трудах и энциклопедических изданиях.

Кроме того, историографический анализ показал, что в прямой постановке ни в одной из рассмотренных работ не рассматривается весь спектр многогранной флотоводческой и военно-государственной деятельности Ф.Ф. Ушакова. При этом его вклад в строительство отечественного флота практически оказался упущенным.

Одной из сложных исследовательских задач явилась **научная реконструкция процесса формирования и становления личности Ф.Ф. Ушакова.** С помощью научных методов культурной антропологии, типологизации, аналогий и теорий личности и социализации исследован процесс формирования личности Ф.Ф. Ушакова в определенной этно- и социокультурной среде, получения им первичных знаний об окружающем мире, культуре, религии, традициях, нравах, быте, хозяйственной деятельности и тому подобных, в результате чего в нем были заложены основы трудолюбивого, образованного и высоконравственного человека. Реконструированы этапы и содержание его подготовки к военной службе.

Установлены точная дата (13 февраля 1745 г.) и место рождения (сельцо Бурнаково Романовского уезда Ярославской провинции) будущего флотоводца, считавшиеся ранее неизвестными. Полностью восстановлена родословная ветвь рода Ушаковых и составлено жизнеописание каждого его представителя. Это позволило установить родовые связи и их влияние на формирование личности Ф.Ф. Ушакова.

Среди особенностей формирования личности и ранней социализации Ф.Ф. Ушакова выявлено преобладающее и благотворное влияние религиозного фактора. Уже на этом этапе проявлено его стремление к совершенствованию своего интеллектуального и духовного потенциала, прослеживаемое в течение всей его жизни.

Детально исследован процесс получения Ф.Ф. Ушаковым специальных знаний в Морском шляхетном кадетском корпусе, где дальнейшее

формирование личности будущего флотоводца происходило, в основном, на фоне его интеллектуального развития, путем приобретения новых знаний в различных областях морского дела, расширения кругозора и приобретения практических навыков.

Принципиальным в становлении Ф.Ф. Ушакова явилось изучение им передовых трудов того времени в разных отраслях знаний. Прежде всего, это относится в книге П. Госта «Искусство военных флотов или сочинение о морских эволюциях», впервые изданной в Лионе в 1697 г. и переведенной на русский язык директором Корпуса И.Л. Голенищевым-Кутузовым. По мнению соискателя, она значительно повлияла на формирование взглядов Ф.Ф. Ушакова на способы ведения эскадренного боя.

Установлено, что в результате обучения в Морском корпусе Ф.Ф. Ушаков получил качественное военно-морское образование и определенные практические навыки по будущей флотской специальности. К этому времени он сформировался как самостоятельная личность, имел устоявшееся мировоззрение и твердую духовно-нравственную основу.

Особенностью процесса воспитания и обучения дворянских детей второй половины XVIII в., в том числе и Ф.Ф. Ушакова, можно считать системность в подходах: домашнее обучение и воспитание – герольдмейстерские смотры – направление на учебу – обучение в Морском шляхетном кадетском корпусе. Характерными чертами данного процесса являлись строгость родителей, воспитателей и учителей по отношению к субъекту воспитания и суровость окружающей социальной среды.

Проанализирован и обобщен процесс поэтапного приращения знаний и накопления практического опыта Ф.Ф. Ушаковым в ходе непосредственной службы на флоте. За этот период он участвовал в трех океанских походах и Русско-турецкой войне 1768–1774 гг., в ходе которых получил богатый опыт плавания в высоких широтах в сложных гидрометеорологических и тяжелых для здоровья климатических условиях. Ф.Ф. Ушаков освоил и внутренние водные артерии.

Установлено, что принципиальным моментом в его становлении явился боевой опыт капитана 2 ранга И.Г. Кинсбергена, под командованием которого он проходил службу в ходе Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Этот опыт существенно повлиял на взгляды Ф.Ф. Ушакова на характер и способы ведения морского боя при численном превосходстве сил противника.

Существенным следует считать также опыт двух походов в Средиземное море (1776–1779 и 1782 гг.), во время которых им был освоен новый морской театр, где он смог наблюдать ход подготовки к сражению за Гибралтар 1782 г. Впоследствии это сыграло свою положительную роль в подготовке и осуществлении успешного штурма крепости Корфу и проведении Средиземноморской экспедиции 1798–1800 гг.

Важным этапом в становлении Ф.Ф. Ушакова следует считать период его службы в Херсоне (1783–1785 гг.), когда он не только внес значительный вклад в процесс кораблестроения, приобретя при этом большой опыт, но и проявил незаурядные организаторские способности в борьбе с эпидемией чумы, внеся весомый вклад в развитие гигиены, как отрасли военно-морской медицины.

Ф.Ф. Ушаков в период 1769–1770, 1779–1780, 1783–1787 гг. получил большую практику военно-административной деятельности, которая позднее была достаточно эффективно использована для поддержания высокого уровня боеготовности Черноморского флота.

Особенностью процесса становления Ф.Ф. Ушакова на флотской службе, (1766–1787 гг.) является участие в нем наиболее подготовленных флагманов и капитанов того времени, таких как Г.А. Спиридов, С.К. Грейг, Ф.А. Клокачев, А.Н. Сенявин, И.Г. Кинсберген, Т.Г. Козлянинов, П.И. Ханыков, Я.Ф. Сухотин, а также вице-президент Адмиралтейств-коллегии И.Г. Чернышев.

Характерной чертой процесса становления Ф.Ф. Ушакова является его способность, в отличие от большинства его сослуживцев, в максимально возможной степени перенимать положительный опыт и использовать в последующей деятельности, браться за любое сложное дело и доводить его до

логического завершения. Устойчивой тенденцией – повышение им своего профессионального уровня и постоянное самосовершенствование.

Исходя из вышеизложенного, закономерным является итог становления Ф.Ф. Ушакова как наиболее опытного и подготовленного для своего времени офицера флота, что позволило ему впоследствии внести весомый вклад в дело строительства флота и в развитие военно-морского искусства.

Обобщен вклад Ф.Ф. Ушакова в строительство отечественного флота.

В ходе исследования деятельности Ф.Ф. Ушакова по строительству отечественного флота произведен анализ и обобщен его опыт по организации сил флота, их техническому оснащению, комплектованию, расквартированию личного состава, всестороннему обеспечению, созданию системы базирования и подготовке сил.

Прежде всего, его заслуги заметны в совершенствовании организационной структуры флота. Установлено, что Ф.Ф. Ушаков первым в российском флоте начал предпринимать шаги к унификации боевой и повседневной организации, обязав командиров эскадр руководить своими соединениями не только в период плавания, как это предписывал Морской устав, но и на берегу. Тем самым, задолго до создания флотских соединений на постоянной основе (1907 г.), он предпринял реальные действия в этом направлении.

Исследование показало, что опыт Ф.Ф. Ушакова по организации системы комплектования и расквартирования личного состава также достаточно весом. Его заслугу автор видит в продуманной, комплексной, целенаправленной и настойчивой деятельности в этом направлении.

При формировании Черноморского флота Ф.Ф. Ушакову приходилось использовать смешанные способы комплектования, что было продиктовано сложной внутренней и напряженной военно-политической обстановкой. В этой связи флот комплектовался за счет солдат приморских сухопутных частей, рекрутских пополнений, вольнонаемных матросов с торговых судов и

волонтеров, поступавших в русскую службу. Низкий уровень подготовки личного состава, набранного таким образом, Ф.Ф. Ушаков компенсировал напряженной боевой учебой по разработанной им методике. В последующем он предъявлял более жесткие требования к личному составу, пополнявшему корабельный флот: хорошее здоровье, знание основ морского дела, дисциплинированность и отсутствие вредных привычек. Он установил многоуровневую систему отбора вновь прибываемого пополнения, включая смотры самим командующим.

Новым в существовавшей системе комплектования можно считать введенное Ф.Ф. Ушаковым правило набирать матросов сверх комплекта с учетом их естественной убыли вследствие боевых потерь и болезней.

Важным моментом в совершенствовании системы комплектования явилось требование Ф.Ф. Ушакова, чтобы половину экипажей на кораблях составляли старослужащие матросы. Подобное требование в усовершенствованном виде сохранилось в отечественном флоте до настоящего времени и нашло отражение в руководящих документах.

Вопросы комплектования флота личным составом были тесно связаны с вопросами его расквартирования в пункте базирования – Севастополе. К местам расквартирования командующим были предъявлены требования: близость к местам стоянки кораблей, соблюдение мер безопасности, благоприятные для здоровья личного состава места размещения казарм, соблюдение мер гигиены, поддержание внутреннего порядка и норм поведения в быту («благочиния»). Придав плановость и системность в застройке пункта базирования, Ф.Ф. Ушаков внес свой вклад и в градостроительный облик Севастополя.

В результате целенаправленной организационной работы Ф.Ф. Ушакова Черноморский флот имел передовую стройную организационную структуру, в максимально возможной степени был укомплектован и расквартирован в пунктах базирования.

Основу системы базирования флота на Черном море составляли три главных направления: создание системы обороны, строительство причальных сооружений с ремонтно-восстановительной базой флота и строительство систем жизнеобеспечения.

Для военно-морского строительства наибольший интерес представляет деятельность Ф.Ф. Ушакова по созданию и совершенствованию системы обороны пунктов базирования. Его новаторство в этой области заключалось в привлечении для обороны пунктов базирования в военное время не только брандвахтенной службы, но и основных сил флота. Следует отметить также введение им обязательного ночного патрулирования акватории пунктов базирования шлюпками, выделяемыми поочередно с каждого корабля.

Подобные мероприятия привели не только к совершенствованию брандвахтенной службы, но и стали прообразом создания впоследствии дежурных сил в пунктах базирования и установления степеней готовности.

В результате деятельности Ф.Ф. Ушакова в этом направлении, несмотря на объективно сложную военно-политическую обстановку и минимальное финансирование, на Черноморском флоте была создана соответствующая его потребностям система базирования.

Несомненной заслугой Ф.Ф. Ушакова в техническом оснащении флота являются его практические рекомендации по повышению мореходных качеств и боевых возможностей кораблей, на основе которых происходило их перевооружение орудиями больших калибров и вносились конструктивные изменения.

Весом вклад Ф.Ф. Ушакова в совершенствование системы организации и осуществления всестороннего обеспечения флота. Особое внимание Ф.Ф. Ушаков уделял вопросам технического и тылового обеспечения сил флота. Главной задачей технического обеспечения он ставил поддержание кораблей в постоянной боевой готовности со своевременным пополнением запасов вооружения и технических средств, а также восстановление боеспособности судов всех классов при боевых и аварийных повреждениях.

Организация технического обеспечения флота была тесно увязана с организацией тылового обеспечения (материальное, финансовое, медицинское и торгово-бытовое), т.к. в XVIII в. строгого деления данных видов обеспечения не существовало. Оба вида обеспечения были жестко увязаны на систему закупок и финансовое обеспечение флота, которые производились нерегулярно, что заставляло Ф.Ф. Ушакова прибегать к жесткой экономии.

На Черноморском флоте в период командования Ф.Ф. Ушакова отмечены нетипичные для того времени случаи, когда недостатки в системе финансирования компенсировались за счет личных средств командующего или займов по его просьбе у наиболее обеспеченных офицеров.

Для технического и тылового обеспечения флота он более активно, чем на флоте Балтийского моря, привлекал «призовые» средства (две трети общей суммы).

Особую настойчивость и требовательность адмирал Ф.Ф. Ушаков проявлял в деле материального (продовольственного и вещевого) и медицинского обеспечения, понимая, что без здорового личного состава невозможно решение поставленных боевых задач. Вместе с тем, исследование показало, что в вопросах сохранения здоровья подчиненных адмирал руководствовался не только прагматическими соображениями, но и христианскими чувствами милосердия и сострадания к ближним, что является весьма поучительным для современного поколения военачальников.

За годы командования Ф.Ф. Ушакова Черноморским флотом благодаря целенаправленной деятельности по отлаживанию системы тылового обеспечения ему удалось выстроить госпиталь, перенести казармы на более благоприятные для здоровья возвышенные места, организовать бесперебойную поставку продовольствия, наладить систему водоснабжения и организацию торгово-бытового обеспечения Севастополя.

В результате, целенаправленная деятельность Ф.Ф. Ушакова существенно повлияла на формирование системы всестороннего обеспечения сил флота на

юге Российской империи, благодаря чему данная система была существенно оптимизирована и приняла наиболее эффективные формы.

Наибольший вклад Ф.Ф. Ушаков внес в развитие системы подготовки сил флота. Характерной чертой данного процесса являлась системность в подходах, при которой обучение подчиненных было неразрывно связано с воспитанием.

Целью воинского обучения и воспитания Ф.Ф. Ушаков ставил подготовку экипажей кораблей и их командиров к выполнению своих обязанностей – как в повседневной деятельности, так и в бою. В ходе исследования удалось выявить конкретные результаты деятельности Ф.Ф. Ушакова в подготовке сил флота, которые заключались в существенном совершенствовании самой системы подготовки.

Заслуга Ф.Ф. Ушакова состоит, прежде всего, в том, что он детализировал данный процесс, придав ему системный характер. Процесс подготовки он разделил на несколько этапов: одиночная подготовка, подготовка расчетов, подготовка кораблей и подготовка соединения (эскадры), что много позднее легло в основу составления специальных курсов боевой подготовки на флоте.

Разработанная Ф.Ф. Ушаковым методика подготовки предполагала такие формы, как проведение занятий, тренировок и учений в соответствии с воинскими специальностями и боевым корабельным расписанием. При этом наиболее эффективно им использовался практический метод обучения.

Особенность данной методики заключалась в том, что она была конкретизирована и имела стройную многоуровневую систему контроля, при которой командующий флотом периодически лично осуществлял проверку уровня подготовленности личного состава.

Предложенные Ф.Ф. Ушаковым формы и методы обучения личного состава, а также действенный контроль со стороны командования сформировали на Черноморском флоте стройную систему боевой подготовки, которая позволяла значительно повысить профессиональный уровень экипажей, взаимозаменяемость личного состава в бою и, в конечном счете, существенно повысить боеспособность корабля и боевую устойчивость

эскадры в целом. Формы и методы подготовки личного состава, корабля и соединения, разработанные в указанный период на Черноморском флоте, в дальнейшем стали основополагающими и в усовершенствованном виде сохранены до настоящего времени. В этой связи можно считать, что Ф.Ф. Ушаков по существу заложил методическую основу боевой подготовки на Русском флоте.

Основными направлениями в деятельности Ф.Ф. Ушакова по воинскому воспитанию подчиненных являлись поддержание высокого морально-боевого духа личного состава и укрепление воинской дисциплины.

Среди наиболее распространенных форм воспитательного воздействия на подчиненных Ф.Ф. Ушаков использовал беседы, поощрения и наказания, награждения и продвижение по службе. Наиболее эффективными из них Ф.Ф. Ушаков считал поощрения и награждения, которые превалировали над наказаниями.

Среди методов воспитательного воздействия наиболее эффективными для него являлись: личный пример, убеждение, внушение, воодушевление, поучение и принуждение, гуманное отношение к людям, взаимовыручка и другие.

Ф.Ф. Ушаков был одним из наиболее последовательных сторонников гуманного отношения к подчиненным. Тем не менее, он требовал от них неукоснительного соблюдения воинской дисциплины и субординации и в том видел основу всей военной организации на флоте.

Отдавая приоритет в воспитании у подчиненных чувства долга и патриотизма, Ф.Ф. Ушаков, тем не менее, отнюдь не исключал методов дисциплинарного воздействия. Из форм наказания не исключались и телесные.

Делу укрепления воинской дисциплины служило и духовно-нравственное воспитание. Целью духовно-нравственного воспитания Ф.Ф. Ушаков считал воспитание не просто воина, а воина-христианина, имеющего твердую духовную мотивацию воинского служения. Ф.Ф. Ушаков, будучи человеком верующим, в основу своей деятельности по духовно-нравственному

воспитанию ставил веру в Бога; верность государю и присяге; патриотизм и войсковое товарищество (морское братство). Эти правила он укоренял и в служебной деятельности.

В ходе работы по воспитанию подчиненных Ф.Ф. Ушаков творчески развил существовавшие формы и методы и заложил методические основы системы подготовки, основанной на высоком профессионализме, гуманизме и христианской нравственности. Есть все основания полагать, что именно с этого исторического момента воспитание стало составной частью боевой подготовки на отечественном флоте.

В результате всесторонней деятельности Ф.Ф. Ушакова в области военно-морского строительства к концу XVIII в. российский флот на Черном море вышел на качественно новый уровень. Он получил оптимальную организационную структуру, позволившую наиболее эффективно решать поставленные задачи. Дальнейшее развитие получила система комплектования флота личным составом. Продумано решены вопросы его расквартирования в созданных пунктах базирования флота. Налажена организация технического и тылового обеспечения, которое в этот период стала принимать черты системности.

Комплексный подход Ф.Ф. Ушакова к вопросам подготовки сил флота позволил достичь высокого уровня профессионализма и морально-боевых качеств личного состава, боевой слаженности кораблей эскадры, что значительно повлияло на повышение уровня боеспособности сил Черноморского флота и, в конечном итоге, – на общий процесс строительства флота.

Раскрыта флотоводческая и военно-государственная деятельность Ф.Ф. Ушакова.

Основным содержанием флотоводческой деятельности Ф.Ф. Ушакова явилось его участие в подготовке и ведении Черноморским флотом боевых действий в Русско-турецкую войну 1787–1791 гг., в ходе которой впервые был приобретен опыт крупных сражений в открытом море.

Важным во флотоводческой карьере Ф.Ф. Ушакова следует признать опыт первого плавания Черноморского флота под командованием М.И. Войновича в осеннюю кампанию 1787 г., во время которого флот, попавший в шторм, получил серьезные повреждения. Поход явился хорошей проверкой для неимеющих опыта совместного плавания экипажей, где были приобретены практические навыки борьбы за живучесть корабля в сложных условиях. Не менее важным он оказался и с точки зрения воспитания морально-психологической устойчивости личного состава и командования к действиям в условиях, связанных с риском для жизни.

Велика заслуга Ф.Ф. Ушакова в восстановлении боеготовности сил флота, в ходе которого он проявил незаурядные организаторские способности и успешно решил поставленную задачу, в результате чего флот в капании 1788 г. вновь был готов к ведению боевых действий.

Наибольшая заслуга принадлежит Ф.Ф. Ушакову в борьбе с турецким флотом. Установлен ряд неблагоприятных факторов, оказавших серьезное влияние на деятельность Ф.Ф. Ушакова в этом направлении:

1) Черноморский флот не был доведен до штатно-численного значения;

2) превосходство сил противника в численности и конструктивном исполнении кораблей;

3) отсутствие у личного состава Черноморского флота опыта участия в морских сражениях, а у командиров и флагманов – опыта командования.

Важным этапом в боевой деятельности Ф.Ф. Ушакова следует считать его участие в первом сражении русского и турецкого флотов у о. Фидониси (1788 г.). Командуя только авангардом, в действительности он руководил всем флотом, взяв на себя инициативу в проведении атаки передовых турецких кораблей во главе с капудан-пашой. Его инициативные действия и личная храбрость привели к очень важной победе, способствующей успешному завершению кампании 1788 г. и тому, что в следующем году морские силы противника не проводили активных действий на Черном море.

В указанный период определилось лидирующее положение Ф.Ф. Ушакова как флагмана, в результате чего 14 апреля 1790 г. он был назначен командующим корабельным Черноморским флотом. В кампанию этого года под его руководством был проведен успешный рейд крейсерской эскадры от Синопа до Анапы. В результате были решены задачи разрушения Синопского порта, уничтожения вражеских судов с материальными припасами и вооружением, нарушения коммуникаций противника в юго-восточной части Черного моря. Действия Ф.Ф. Ушакова характеризовались широким маневром сил на морском театре и активными действиями.

Важным этапом во флотоводческой деятельности Ф.Ф. Ушакова явились два крупных морских сражения с турецким флотом у Керченского пролива и у о. Тендра, существенно повлиявших не только на кампанию 1790 г., но и на общий ход войны. Принципиальной заслугой Ф.Ф. Ушакова следует признать проявленное им боевое творчество, которое выражалось в составлении умелого тактического замысла, направленного на срыв плана противника, в оптимальном выборе способа действий, предполагающим нестандартное построение боевого порядка с выводом линии части сил для их сосредоточения на направлении главного удара.

Соискатель отмечает проявление личной храбрости самим командующим. Личный пример в сочетании с умелым командованием и высокими морально-боевыми качествами подчиненных обеспечили высокую морально-психологическую устойчивость всего личного состава Черноморского флота, что, несомненно, способствовало достижению победы.

В результате успешных действий Черноморского флота под командованием Ф.Ф. Ушакова противник понес большие потери в живой силе и материальной части. По оценке диссертанта, соотношение людских потерь составило 1 : 120.

Победа Черноморского флота при о. Тендра оставила яркий след в боевой летописи отечественного флота. Федеральным законом «О днях воинской славы (победных днях) России» от 13 марта 1995 г. «День победы русской

эскадры под командованием Ф.Ф. Ушакова над турецкой эскадрой у мыса Тендра» объявлен Днем воинской славы России. Однако, диссертант обращает внимание на то, что в тексте Закона допущены две принципиальные ошибки: в сражении участвовали не «эскадры», а флоты, состоящие каждый из трех эскадр, и Тендра является на «мысом», а островом.

Наиболее яркой победой Черноморского флота под командованием Ф.Ф. Ушакова стало сражение у м. Калиакрия (1791 г.). Для него характерными были: значительное сокращение времени на тактическое развертывание, атака со стороны берега, встречный маневр для воспрепятствования противнику в проведении наступательных действий (охват головы колонны), огневое поражение противника без соблюдения кильватерного строя.

В ходе накопления боевого опыта на Черноморском флоте под командованием Ф.Ф. Ушакова менялся и характер ведения боевых действий. Если в сражениях у Фидониси и у Керченского пролива, со стороны Черноморского флота действия носили оборонительный характер с переходом в контратаку, то в последующем (сражения у о. Тендра и м. Калиакрия) уже на этапе определения тактического замысла флагмана они носили активный, наступательный характер.

Важнейшей вехой во флотоводческой деятельности Ф.Ф. Ушакова является его участие во главе эскадры Черноморского флота в Средиземноморской экспедиции 1798–1800 гг., в ходе которой, фактически руководя объединенными русско-турецкими морскими силами, ему в короткие сроки удалось овладеть Ионическими островами и освободить от французских войск и неаполитанских роялистов Юг Италии. Взятием считавшейся неприступной крепости Корфу он решил важную военно-политическую задачу в коалиционной войне, внес существенный вклад в развитие военно-морского искусства и вписал яркую страницу в историю отечественного флота.

В этой связи можно выделить наиболее характерные черты во флотоводческой деятельности адмирала Ф.Ф. Ушакова: высокий уровень организации боевой учебы (боевой подготовки) с упором на огневую и

морскую подготовку; тщательная подготовка материальной части к ведению боевых действий; всесторонняя и взвешенная оценка обстановки; правильный выбор способа действий (смелое использование различных тактических приемов и боевых порядков, в том числе нестандартных, и умелое определение направления главного удара); тесное взаимодействие с сухопутными силами и десантом; учет влияния морально-боевых качеств личного состава на ход и исход боя; умелое сочетание оборонительных и наступательных действий.

Своей военно-государственной деятельностью Ф.Ф. Ушаков внес существенный вклад в создание и функционирование второй антифранцузской коалиции 1798–1800 гг. Являясь участником переговоров (конференций) глав государств и правительств, официальных представителей союзных держав в Константинополе и Палермо, он непосредственно принимал участие в формировании коалиционной стратегии. Кроме того, ввиду отдаленности театра военных действий ему приходилось самому принимать многие решения.

Средиземноморская экспедиция эскадры Черноморского флота 1798–1800 гг. выявила еще один важный аспект в деятельности Ф.Ф. Ушакова. Впервые создание новой государственности на освобожденных территориях поручено представителю военного командования. Выполнение данного поручения потребовало от Ф.Ф. Ушакова максимального напряжения интеллектуального и духовного потенциалов, большой организационной работы со значительными физическими и эмоциональными затратами. В результате под его руководством на Ионических островах под протекторатом России и Турции было создано по существу первое национальное греческое государство нового времени – Республика Семи Соединенных Островов со своей конституцией.

Значительный вклад Ф.Ф. Ушаков внес в коалиционное взаимодействие с английской эскадрой контр-адмирала Г. Нельсона и неаполитанским военно-политическим руководством при освобождении Южной Италии, в том числе взятии Неаполя и Рима. Деятельность Ф.Ф. Ушакова по умиротворению

восставших в Неаполе и Риме, по мнению диссертанта, заложила основы проведения миротворческих операций.

Результаты его эффективной военно-государственной деятельности наложили определенный отпечаток на способы реализации внешнеполитических целей России. Это дает еще одно подтверждение важности субъективного (личностного) фактора в решении военно-политических задач, а также в реализации целей внешней и морской политики государства.

Произведен анализ и дана оценка сложившихся в 40–50-х гг. XX в. и преобладающих до настоящего времени взглядов отечественных историков на вклад адмирала Ф.Ф. Ушакова в развитие военно-морского искусства.

Как показало исследование, опыт боевой деятельности Ф.Ф. Ушакова неоднозначно оценен отечественными историками. В 40–50-х гг. XX в. возникло противоречие на вклад Ф.Ф. Ушакова в развитие военно-морского искусства, суть которого заключалась в выборе разноплановых критериев в определении тактики эпохи парусного флота. По оценке соискателя, утверждения советских историков о создании Ф.Ф. Ушаковым так называемой «маневренной тактики» вошло в противоречие с принципами научной систематики.

В этой связи, соискатель утверждает, что внутри тактики парусного флота не могло быть другой тактики. Она, несомненно, совершенствовалась, но только до тех пор, пака эволюционное развитие не переходило в революционное, с появлением нового качества – новой тактики. Поэтому утверждения советских историков о создании Ф.Ф. Ушаковым новой морской тактики, соискатель считает необоснованными, а сам термин «маневренная тактика» – некорректным.

В результате признания в системе периодизации морской тактики этапа «тактики парусного флота» сама система избавится от существующего внутреннего противоречия.

Обобщен и охарактеризован вклад Ф.Ф. Ушакова в развитие военно-морского искусства.

В ходе флотоводческой деятельности Ф.Ф. Ушаков внес весомый вклад в развитие военно-морского искусства, что нашло свое отражение как в умелой подготовке сил флота к ведению боевых действий, так и в совершенствовании способов ведения эскадренного боя.

При ведении боевых действий Ф.Ф. Ушаков уделял большое внимание такому важному виду обеспечения боевой деятельности флота, как ведению морской разведки, защите объектов флота от всех средств поражения, противодесантным действиям и навигационной обстановке в районах плавания. При этом он умело использовал просчеты противника в данном виде обеспечения боевых действий (сражения у о. Тендра и м. Калиакрия).

Перед каждым сражением Ф.Ф. Ушаковым производил быструю и точную оценку обстановки. При этом всесторонней оценке подлежали силы противника и собственные силы, район и время начала боевых действий, в результате чего, на основе тактического замысла, принималось наиболее верное решение на бой. В ходе боя Ф.Ф. Ушаков, сообразуясь со складывающейся обстановкой, выбирал наиболее оптимальный способ действий: последовательность нанесения удара, тактические приемы и построение боевого ордера (ордера баталии).

Чрезвычайно важное значение Ф.Ф. Ушаков придавал достижению внезапности. Внезапность позволяла ему нанести удар по неподготовленному к отражению атаки противнику. Неожиданность удара во времени и по направлению, оригинальность тактических приемов, которых противник не предвидел, стремительность выполнения маневров создавало благоприятную обстановку для атакующего Черноморского флота. Достижение внезапности способствовало подъему боевого духа личного состава Черноморского флота и подавлению духа противника.

Новаторство Ф.Ф. Ушакова в достижении внезапности выражалось в сокращении времени тактического развертывания, при котором последняя его

фаза (построение боевого ордера) совмещалась с первой фазой атаки (сближение с противником).

Характерной чертой действий Ф.Ф. Ушакова по осуществлению тактического развертывания и ведения боя следует считать начало перехода от соединенного маневрирования к раздельному, при котором эскадренным командирам предоставлялась определенная свобода действий. Именно с Ф.Ф. Ушакова в отечественном флоте наметилась устойчивая тенденция к раздельному маневрированию.

Особая заслуга Ф.Ф. Ушакова состоит в творческом подходе к построению боевых порядков. Он считал, что боевой порядок должен строиться исходя из конкретной тактической обстановки, «не удаляясь, однако, главных правил». Последовательно реализуя эти идеи, он на практике доказал, что всякие попытки закрепить постоянный боевой порядок, в особенности сковать его жесткими геометрическими формами, следует считать неоправданными. Среди его требований к боевому порядку соискатель отмечает его простоту и гибкость (применительно к своей эпохе), обеспечивающие возможность сосредоточения сил на главном направлении атаки и оказания взаимной поддержки частей флота.

Вопреки устоявшемуся правилу нахождения флагмана в середине боевого порядка, Ф.Ф. Ушаков смело менял место своего флагманского корабля, находясь на наиболее сложных участках сражения, как правило, на направлении главного удара – флагманские корабли противника. Цель – нарушение управления и организации его сил и нанесение гарантированного поражения. Именно поэтому атака на флагманские корабли приводила к воздействию на морально-психологическое состояние неприятеля и к дезорганизации его сил.

На направлении главного удара Ф.Ф. Ушаков, как правило, прибегал к сосредоточению сил. При этом он учитывал не только количественные показатели, но и профессиональные, и морально-боевые качества своего личного состава. Поэтому при сосредоточении сил Ф.Ф. Ушаков использовал

корабли с наиболее подготовленными экипажами. Вопреки установившемуся в практике морских сражений правилу, он сам находился не в центре боевого порядка, а в различных местах на направлении главного удара. Эти обстоятельства дают основание утверждать, что под сосредоточением сил Ф.Ф. Ушаков понимал не только создание количественного, но и качественного превосходства.

Другой заслугой Ф.Ф. Ушакова в области военно-морского искусства является творческий подход в использовании тактических приемов, которые применялись в соответствии со складывающейся на поле боя обстановкой. Если в сражении у о. Фидониси единственным способом отражения атаки противника являлась контратака его авангарда и вывод из боя передовых кораблей и флагмана неприятеля, то Ф.Ф. Ушаков не строил линию баталии в соответствии с существующими тактическими правилами того времени.

Получив опыт неэффективного преследования противника в строю кильватерной колонны в Керченском сражении, Ф.Ф. Ушаков в сражении у о. Тендра уже осуществлял преследование «по способности случая», т.е. без соблюдения ордера баталии, что дало возможность в максимальной степени использовать наиболее быстроходные корабли и фрегаты.

Ф.Ф. Ушакову принадлежит особая заслуга в овладении приморскими крепостями. Среди основных мероприятий по подготовке и взятию крепости Корфу в Ионическом архипелаге автор выделяет: организацию морской и сухопутной блокады крепости; морально-психологическую подготовку местного населения и воздействие на противника; подготовку сил и средств флота; организацию системы управления силами; бой за высадку; штурм крепости.

В основе способа действий Ф.Ф. Ушакова по штурму крепости Корфу была положена обоснованная точными расчетами идея комбинированной атаки береговых укреплений и сил флота противника. Ф.Ф. Ушаков произвел тщательную предварительную разведку крепостных батарей. Помимо их количества выявлены калибры орудий, методы ведения огня, система их

защиты, сильные и слабые стороны. Не упущена ни одна деталь, имеющая значение для выбора флотом способа действий.

При подготовке атаки на основании полученных сведений об обороне противника Ф.Ф. Ушаков составил точный расчет сил и средств, необходимых для ее подавления. Характерной чертой атаки крепости являлось ее решительность, выраженная в осуществлении перестроения флота на виду у противника и в зоне действия его батарей. Каждая часть эскадры имела по плану определенное задание и смело шла на свою позицию, стараясь развить эффективный огонь ранее, чем противник успеет ответить. При этом дальнейшее развитие получили правила выбора дистанции стрельбы. Подавление батарей противника велось на коротких дистанциях в совокупности с переменным маневрированием.

Следует отметить хорошее знание и точный учет адмиралом Ф.Ф. Ушаковым боевых качеств союзников, корабли которых при атаке о. Видо он разместил во второй линии и в промежутках между береговыми батареями, а в первой линии поставил лучшие российские корабли и фрегаты. Успех штурма был также достигнут благодаря четкому управлению силами эскадр посредством разработанных Ф.Ф. Ушаковым сигналов. Таким образом, штурм острова Корфу явился образцом совместных действий сил морского десанта и флота против морской крепости.

Подводя итог проведенному исследованию, соискатель заключает, что Ф.Ф. Ушаков сформировавшийся как личность в среде российского общества, на традициях русского народа и Русской православной церкви, получивший качественное военно-морское образование и воспитание, прошедший свое становление на боевых кораблях российского флота в плаваниях в различных широтах Мирового океана, находясь на передовых рубежах защиты Отечества под руководством лучших флагманов того времени, является выдающимся представителем отечественной истории, вобравшим в себя лучшие качества русского воинства. Его деятельность оказала существенное влияние на перспективы строительства отечественного флота и дальнейшее развитие

военно-морского искусства. Впервые в истории отечественного флота разработанная и внедренная им система обучения и воспитания личного состава, подготовка плеяды талантливых флагманов и флотоводцев, достижения в области искусства применения сил флота дают основание считать его основоположником отечественной школы военно-морского искусства.

Таким образом, на основе полученных новых знаний, уточняющих и существенно дополняющих сложившиеся в отечественной исторической науке представления о вкладе адмирала Ф.Ф. Ушакова в строительство отечественного флота и развитие военно-морского искусства дана современная оценка влияния флотоводческой деятельности Ф.Ф. Ушакова, в результате чего была разрешена обозначенная научная проблема.

Оценивая роль этой выдающейся личности в отечественной истории, соискатель сформулирует ряд **исторических уроков:**

1. При оценке качественных характеристик личности командира и военачальника необходимо учитывать, в какой мере этой личностью усвоен социальный опыт, культурный архитип, традиции и ценности своего народа.

2. Отличительными чертами выдающегося военачальника наравне высоким профессионализмом, комплексностью в подходах к решению задач строительства и применения вооруженных сил, способностью принимать самостоятельные решения, являются его высокие духовно-нравственные и морально-волевые качества, умение воодушевлять и мотивированность вверенные ему войска (силы) для достижения конечного результата решения.

3. В деятельностных функциях военачальника принципиально важным следует считать не только формальное исполнение обязанностей, но и умение творчески подходить к решению поставленных задач и достижения намеченных целей в интересах государства и на благо народа.

4. Соблюдение преемственности традиций отечественной школы военно-морского искусства, созданной Ф.Ф. Ушаковым, является выверенным временем ориентиром в поступательном развитии отечественного флота.

Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд **практических рекомендаций и предложений**:

1. В Ст. 1. Федерального закона от 13 марта 1995 г. N 32-ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России» внести правку, изменив в редакцию Дня воинской славы «День победы русской эскадры под командованием Ф.Ф. Ушакова над турецкой эскадрой у мыса Тендра (1790 год)» на «День победы русского флота под командованием Ф.Ф. Ушакова над турецким флотом у острова Тендра (1790 год)».

2. При переиздании Военной энциклопедии:

1) внести изменения в формулировки, относящиеся к морской тактике эпохи парусного флота, заменив термин *«линейная тактика»* на «тактика парусного флота», исключив предложение: *«В конце 18 – нач. 19 в. линейную Т. стала вытеснять маневренная, суть к-рой заключалась в охвате головы колонны пр-ка или прорезании строя с последующим окружением части его боевого порядка и ведением огневого боя с постановкой кораблей пр-ка, как тогда говорили, «в два огня» (см. Афонское сражение 1807)*[1]. Вместо указанного предложения – отразить изменения в морской тактике в XVIII в., указав вклад в ее развитие наиболее известных флотоводцев, в том числе Ф.Ф. Ушакова, Д.Н. Сенявина, Г.И. Бутакова и других;

2) внести дополнение в формулировку понятия *«флотоводец»*[2]**,** расширив подраздел *«специфические качества флотоводца»* – «способностью оценивать военно-политическую обстановку на морском театре и при необходимости принимать решения, направленные на достижение намеченных государством целей».

3. Внести соответствующие изменения в программу обучения курсантов военно-морских учебных заведений по дисциплине «история военно-морского искусства».

---

[1] Военная энциклопедия. М., 2004. Т. 8. С. 15.

[2] Там же. С. 267.

4. Учитывая положительный опыт деятельности Ф.Ф. Ушакова по созданию пункта базирования флота и расквартированию личного состава, Министерству обороны РФ предлагается построить благоустроенные жилые дома для временного проживания офицеров, военнослужащих по контракту и членов их семей в местах строительства и ремонта кораблей.

5. Министерству иностранных дел и Министерству обороны РФ использовать уникальный опыт создания и совместных действий русско-турецкой эскадры под командованием Ф.Ф. Ушакова в 1798–1800 гг. в качестве исторического обоснования в укреплении связей между Россией и Турцией в обеспечении безопасности и стабильности в Черноморско-Средиземноморском регионе, расширении торгового и культурного сотрудничества.

6. Учитывая опыт участия Ф.Ф. Ушакова в реализации политики «Вооруженного нейтралитета», внесшей весомый вклад в формирование и развитие морской политики России, успешного применения сил флота в качестве действенного инструмента внешней политики, в контексте реализации Морской доктрины России, утвержденной 27 июля 2001 г. Указом Президента РФ, предлагается следующая структурная схема формирования и реализации морской политики на современном этапе:

1) определение (уточнение) внешнеполитических и внешнеэкономических целей, направленных на обеспечение безопасности государства и его внешнеэкономической связей;

2) определение (уточнение) внутриэкономических целей, направленных на экономическое и социальное развитие страны;

3) государственная поддержка и развитие фундаментальных и прикладных научных исследований, находящихся в сфере реализации морской политики;

4) создание (поддержание на достаточном уровне) промышленной базы и инфраструктуры для строительства, ремонта и безопасной эксплуатации объектов (кораблей, судов, авиации, орбитальной группировки, трубопроводов и тому подобных), необходимых для успешной реализации морской политики;

5) строительство (закупка) и поддержание в технической исправности кораблей, судов, авиации, орбитальной группировки, трубопроводов и тому подобных;

6) создание и поддержание на достаточном уровне береговой инфраструктуры и других пунктов, связанных с реализацией морской политики;

7) подготовка и расстановка кадров;

8) постановка задач исполнительным и законодательным органам государственной власти, направленных на успешную реализацию целей морской политики.

9) решение задач по реализации целей морской политики.

Соискатель

В.Д. Овчинников

СПИСОК ТЕРМИНОВ

Абордаж – сцепление неприятельских судов с целью захвата судна и уничтожения противника в рукопашном бою.

Авангард – передовая часть боевого порядка флота или эскадры.

Авизо – парусное судно, используемое для посылок и разведки.

Адмиралтейство – место на берегу моря, залива или реки для постройки, вооружения, снабжения и ремонта судов.

Адмиралтейств-коллегия – центральный орган управления флотом, созданный Петром I в 1718 г.; ведала всеми делами флота и была составлена из флаг-офицеров и капитан-командоров, из которых под председательством генерал-адмирала и вице-президента составлялось присутствие Адмиралтейств-коллегии; при Екатерине II Адмиралтейств-коллегия была разделена на шесть экспедиций: комиссариатскую, интендантскую, казначейскую, артиллерийскую, счетную и инспекторскую; при Александре I заменена морским министерством, но еще некоторое время сохраняла свои хозяйственные функции под тем же названием.

Арматор (капер) – частное судно, которое во время войны вооружалось судовладельцем и получало от правительства свидетельство на право вредить морской торговле неприятеля; иногда под арматором (капером) понимают члена экипажа этого судна.

Арьергард – концевая часть боевого порядка флота или эскадры.

Барка – речное плоскодонное беспалубное судно для перевозки грузов.

Барказ – большая мореходная шлюпка.

Бейдевинд – курс корабля самый близкий к линии ветра.

Бизань-мачта – третья с носа мачта.

Бомбардирский корабль – судно с небольшой осадкой, вооруженное осадной артиллерией и мортирами для обстрела с моря крепостей и городов.

Боновые заграждения – плавучие бревна или плоты, соединенные цепями или тросом, служащие для запирания гавани.

Бот – небольшое одномачтовое судно с вооружением 4 – 10 пушек для ближнего боя; часто использовался для несения дозорной службы и подвоза на линейные корабли припасов, грузов и воды.

Брамсель – парус, подымаемый над марселем (верхняя часть парусов).

Брандер – судно, начиненное горючими и взрывчатыми веществами, предназначенное для сожжения неприятельского флота.

Брандскугель – зажигательный снаряд с негасимой водой жидкостью.

Бриг – двухмачтовое судно с прямыми парусами на прямых мачтах, водоизмещением 200 – 400 тонн, с вооружением 10 – 24 пушек, использовался для крейсерской, разведывательной и посыльной службы.

Бригантина – двухмачтовое судно с прямым парусом на передней мачте и косым на задней с вооружением 6 – 8 пушек малого калибра, использовалось в военных флотах Европы для разведывательной и посыльной службы.

Бриз – ветер, дующий ночью с берега на море, а днем с моря на берег вследствие перепада температур.

Бушприт – горизонтальный или наклонный брус, выставляемый с носа корабля для вынесения на нем вперед парусов с целью улучшения маневренных качеств судна.

Ванты – пеньковые снасти стоячего такелажа, которыми укрепляются с боков и сзади мачты, стеньги и брам-стеньги.

Вельбот – пяти-шестираспашная шлюпка с заостренными носом и кормой, служащая для перевозки экипажа с берега на корабль и с корабля на берег.

Верп – небольшой якорь, преимущественно употребляемый для завозов.

Ветер: а) брамсельный – ветер, сила которого позволяет судну нести брамсели без вреда рангоуту; б) марсельный – ветер, при котором можно нести только марсели; в) противный – ветер, дующий против курса корабля; г) попутный – ветер, дующий по одному направлению с курсом; д) выиграть ветер – пройти на ветер другого судна; е) круче к ветру – команда держать курс ближе к ветру.

Галера – гребно-парусное судно с треугольными и четырехугольными парусами в качестве вспомогательного движителя и вооружением до 20 пушек.

Галс – курс корабля относительно ветра; если, например, ветер дует с левой стороны, то говорят, что судно идет левым галсом.

Гардемарин – кадет старшего класса Кадетского корпуса.

Грот-мачта – вторая мачта с носа.

Дек – артиллерийская палуба парусного судна.

Дуббель-шлюпка – одномачтовое судно русского гребного флота второй половины XVIII века для действий в шхерах, лиманах и у берегов.

Кабельтов – мера расстояния на море, равная 0,1 мили, или 185,2 метра.

Кадет – воспитанник младших классов Кадетского корпуса.

Каик (кайка) – самая большая шлюпка на галере.

Кампания морская – период плавания флота в мирное время, а в военное, как оперативный термин, – период действия флота на театре боевых действий.

Канонерская лодка – относительно небольшое артиллерийское судно, предназначенное для ведения боевых действий в прибрежных районах.

Капер – см. арматор.

Капудан-паша – предводитель турецкого флота.

Катер – преобладающий тип шлюпок на флоте с более острыми обводами и более легкое, чем барказ.

Килевание – наклонение судна на бок для производства ремонтных работ с днищем.

Кильватерный строй – строй кораблей, при котором они следуют друг за другом в кильватерной струе.

Киоск – турецкое увеселительное судно.

Кирлангич – турецкое быстроходное гребно-парусное одно- или двухмачтовое судно с косыми парусами.

Команда – экипаж корабля, исключая командный состав.

Командор – начальник отряда судов, не имеющий адмиральского чина.

Комендор – морской артиллерист.

Компас – прибор, по которому определяют курс корабля.

Контр-марш – поворот, при котором суда, идущие в линии, последовательно поворачивают, приходя в кильватер поворотившего корабля.

Корабль (линейный корабль) – трехмачтовое парусное судно с вооружением 50 – 120 пушек, расположенных на двух-трех орудийных палубах (деках), водоизмещением 700 – 1100 и более тонн, предназначался для боя в линии и являлся главным классом кораблей.

Корвет – трехмачтовое судно с открытой батарейной палубой, предназначенное для разведки и крейсерских операций.

Кордебаталия – центральная (основная) часть боевого порядка флота или эскадры.

Корсар – морской разбойник.

Крейсерское судно – всякое судно, назначенное в крейсерство с целью нарушения морских перевозок противника, разведки и т. п.

Крюйт-камера – погреб на корабле для хранения пороха.

Куттер – двухмачтовое грузовое судно с косыми парусами и вертикальным форштевнем.

Лаг – в данном случае – борт судна.

Лансон – одно-двухмачтовое речное судно, предназначавшееся для транспортировки войск.

Линейный корабль – см. корабль.

Марсель – парус, который ставится между марса-реем и нижним реем (средняя часть парусов).

Миля – мера расстояния на море, равная 1852 метрам.

Мол – насыпь вроде стенки у гавани или рейда, защищающая суда от волн.

Морская политика – составная часть политики государства, направленная на достижение определенных целей посредством использования своего морского и военно-морского флотов.

Морская сила – совокупность средств вооруженной борьбы на море, необходимых для достижения государством определенных военно-политических целей.

Морские солдаты – нижние чины, используемые в качестве морского десанта.

Оверштаг – поворот, при котором изменение направления движения производится путем пересечения линии ветра носом.

Ордер – порядок построения кораблей при его движении в море.

Пакетбот – небольшое двух-трехмачтовое почтово-пассажирское судно с пушками малого калибра.

Пинк – небольшое трехмачтовое транспортное судно.

Полака – небольшое трехмачтовое судно, употребляемое на Средиземном море.

Прам – плоскодонное парусное судно, вооруженное пушками большого калибра для действия в прибрежных районах.

«Прибавить парусов!» – команда увеличить площадь стоящих парусов или ставить другие, кроме стоящих.

Рангоут – круглые деревянные приспособления (мачты, стеньги, реи и проч.) для постановки и растягивания парусов.

Рей – рангоутная деревянная планка, подвешенная за середину к мачте и служащая для привязывания паруса.

Рейд – 1) часть акватории порта для стоянки судов, защищенная берегом, островами или молом от ветра, течения и заносимости; 2) стремительное продвижение и боевые действия подвижных сил на коммуникациях и у побережья противника с целью разрушения его важных объектов, дезорганизации работы тыла, создания паники в войсках, нарушения коммуникаций и для добывания разведывательных данных.

Репетичное судно – судно, предназначенное для передачи команд флагмана.

Румб – всякое направление от центра видимого горизонта к точкам его окружности; из множества румбов 32 носят особые названия, в их числе два (Ост и Вест) называются главными; иногда под румбом понимают величину угла между двумя румбами равного 11 градусам 15 минутам.

Салют – отдание почести лицу, событию, месту и флагу установленным числом выстрелов.

Скампавея – малая быстроходная галера, предназначенная для перевозки войск, абордажного боя и разведки.

Стеньга – часть рангоута, служащая продолжением мачты.

Таития – легкое парусное 1–2-мачтовое вооруженное турецкое судно.

Такелаж – общее наименование всех снастей, составляющих вооружение (оснастку) судна; такелаж подразделяется на стоячий и бегущий.

Траверз – направление, перпендикулярное к курсу корабля.

Филюга – небольшое турецкое двухмачтовое судно.

Флагманский корабль – корабль, на котором находится флагман.

Флагман – адмирал, командующий эскадрой.

Флейт – большое судно, употребляемое для перевоза грузов.

Фок-мачта – первая мачта на судне.

Фордевинд – поворот, при котором изменение направления движения производится путем пересечения линии ветра кормой.

Форштевень – деревянный брус, составляющий переднюю оконечность судна.

Фрегат – трехмачтовое судно с закрытой батарейной палубой с вооружением 20 – 50 пушек.

Чектырма – легкое парусное 1–2-мачтовое турецкое судно грузоподъемностью до 50 т. Использовалось как посыльное судно и имело на борту до 4-х пушек.

Цейхмейстер – генерал, управляющий частями морской артиллерии; главный начальник морской артиллерии называется генерал-цейхмейстер.

Шебека – гребно-парусное судно с тремя мачтами с вооружением до 30 пушек.

Шканцы – часть верхней палубы от грот-мачты до бизань-мачты.

Шпринг – заведенный с кормы верп или трос, привязанный к становому якорю, на котором судно стоит таким образом, что при всех переменах ветра оно остается одним и тем же бортом к крепости или флоту.

Шхуна – судно с двумя или тремя наклонными мачтами и косыми парусами.

Эволюция – назначенное командиром или флагманом изменение в движении судна или эскадры.

Эскадра – отряд судов, идущих в море под командованием флагмана[1].

[1] Составлен по: *Вахтин В.В.* Объяснительный морской словарь. СПб., 1894; Военно-морской словарь. М.: Воениздат, 1989; Морской энциклопедический словарь. В 3 т. / Под ред. *В.В. Дмитриева.* СПб.: Судостроение, 1994–1996.

СПИСОК ИТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ

а) *Указы, грамоты, законы*:

1. Указы блаженныя и вечнодостойныя памяти государя императора Петра Великого, состоявшимся с 1714 по генваря 28 дня 1725 г. СПб., 1739. – 1024 с.

2. Указы Сената за 1736 г. ПСЗ РИ. Т. IX. № 6949.

3. Указы Сената за 1760 г. ПСЗ РИ. Т. XV. № 11.043.; № 11.197.

4. Грамота на права, вольности и преимущества российского дворянства; на права и выгоды городов (Городовое положение). 21 апреля 1785 г. СПб., 1785. – 24 с.

5. Указ Екатерины II «О дворянстве» от 18 июля 1785 г. СПб., 1785. – 24 с.

6. Указы Екатерины II. 1768–1769. СПб., 1786. – 92 с.

б) Уставы, инструкции, регламенты, доклады, постановления:

1. Гост П. (L’ Art des armees navales. Lion. 1697.) Искусство военных флотов или сочинение о морских эволюциях / Пер. с франц. И.Л. Голенищева-Кутузова. СПб., 1764. – 424 с.

2. Инструкция и артикулы военные, надлежащие к российскому флоту, напечатанные повелением Царского Величества в Москве. 1710. – 32 с.

3. Регламент Петра Великого о управлении Адмиралтейства и верфи. Апреля 5. 1722. СПб., 1722. – 199 с. (1778. – 248 с.).

4. Зотов Конон. Разговор у адмирала с капитаном о команде или полное учение как управлять кораблем во всякие разные случаи. СПб., 1724. – 40 с.

5. Книга полного собрания о управлении военных одного корабля и многих на море в мирное время; военное или экзерциция флота на море при якорном стоянии и в походе под парусами в благополучные погоды и в штормы о распоряжении целого флота на эскадры и дивизии и на разные ордеры о погоне

за неприятелем и о побеге от него одним кораблем и целым флотом и разных поступках флота во время штормов и бою с неприятелем. 1736. Рукоп.

6. Книга Устав морской. 1720, апреля 13. СПб., 1763. – 215 с.

7. Регламент Екатерины II о управлении адмиралтейств и флотов. Августа 24. 1765. СПб., 1766. – 151 с.

8. Кинсберген. Начальные основания морской тактики / Пер. с нем. И.Л. Голенищева-Кутузова. СПб., 1791. – 123 с.

9. Штаты российских флотов, содержащихся на Балтийском, Черном и Каспийском морях, по повелению Государя Императора Павла I, особым комитетом сочиненные в 1798 г.

10. Клерк Д. Движение флотов. В 2 ч. / Пер. с англ. Ю. Лисянского. СПб., 1803. – 139, 77 с.

11. Начальные основания морских эволюций. Для Морского кадетского корпуса. СПб., 1834. – 125 с.

12. Ученье действию орудиями морской артиллерии. СПб., 1837. – 226 с.

13. Приказы Высочайшие с 7 ноября 1796 по 1 марта 1797 г. СПб., 1796–1850. – 241 с.

14. Книга штатов / Полный свод законов Российской империи. Т. 44. Ч. 1.

15. Извлечения из приказов и инструкций адмиралов русского флота. СПб., 1888. – 100 с.

16. Устав военного флота. СПб., 1797. – 360 с.

17. Устав Военно-Морского Флота СССР. 1978 г. М.: Воениздат, 1986. – 447 с.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ)

Ф. 2 (ВКД). Оп. 6. Д. 4391.

Ф. 5. Оп. 1. Д. 585, 591, 595.

Ф. 20. Оп. 1. Д. 5.

Ф. 32. Оп. 6. Д. 747, 887.

Ф. 33. Оп. 2. Д. 116.

Ф. 35. Оп. 6. Д. 664.

Ф. 36. Оп. 1. Д. 547, 549.

Ф. 37. Оп. 5. Д. 54.

Ф. 41. Оп. 3. Д. 184, 191–195.

Ф. 48. Оп. 2. Д. 114–116, 123, 125.

Ф. 57. Оп. 1. Д. 16.

Ф. 70. Оп. 5. Д. 124, 212, 218, 265, 272–275, 348.

Ф. 76. Оп. 2. Д. 1246.

Ф. 89. Оп. 8. Д. 313, 484, 491, 494, 656, 687, 691, 697, 698, 700–702, 706, 708, 716, 752, 765, 870, 875, 876, 887, 2036, 2159, 2189.

Ф. 90. Оп. 1. Д. 678, 765, 1289, 1333, 1364, 1391, 1396, 1409, 1412, 1416, 1465, 1479.

Ф. 93. Оп. 6. Д. 1380.

Ф. 123. Оп. 3. Д. 2, 6, 40, 55, 88, 89.

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)

Ф. ВУА. Д. 2374.

Ф. 52. Оп. 1. Д. 72, 282, 399, 428, 431, 497, 511, 560, 594.

Ф. 2583. Оп. 1. Д. 47, 66, 81, 84, 100, 111, 139, 142, 144, 148, 158, 168, 171, 183, 195, 220, 244, 335.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА)

Ф. 20. Оп. 1. Д. 365.

Ф. 21. Оп. 1. Д. 63, 71, 83, 107.

Ф. 159. Оп. 1. Д. 495.

Фонд 286. Оп. 1. Д. 473; Оп. 2. Д. 499, 549.

Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГА ВМФ)

Ф. 315. Оп. 1. Д. 1891.

Ф. 406. Оп. 7. Д. 31, 36, 169, 178, 185.

Ф. 432. Оп. 5. Д. 335, 336, 1076, 1861, 2078, 3721, 4159, 4568.

Российский государственный исторический архив (РГИА)

Ф. 1343. Оп. 30. Д. 4573.

Центральны городской исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб)

Ф. 18. Оп. 5. Д. 2.

Государственный архив Ярославской области (ГАЯО)

Ф. 213. Оп. 1. Д. 3002, 3008, 4198, 4206.

Ф. 72. Оп. 2. Д. 1849; Оп. 3. Д. 100.

Ф. 170. Оп. 2. Д. 481, 902.

Филиал Государственного архива Ярославской области в г. Рыбинске

Ф. 4. Оп. 1. Д. 47.

Ф. 36. Оп. 1. Д. 3617, 3945, 4161, 4194.

Ф. 432. Оп. 9. Д. 2, 4, 6, 40, 41, 47, 49, 54, 56, 59, 77, 81, 93, 98, 123, 139, 144, 168, 177, 181, 200.

Филиал Государственного архива Ярославской области в г. Ростове

Ф. 197. Оп. 1. Д. 17, 21, 43, 46, 87, 186, 364, 659, 781, 809, 994, 974, 1111, 1168, 1209, 1329, 1360, 1475, 1938, 3336, 3341, 3579, 3763, 4060, 4334, 4524, 4691, 5038, 6068, 6712, 7016, 7376, 7646, 7836, 7875, 8127; Оп. 2. Д. 1575, 1837, 1972, 2227.

Государственный архив Николаевской области.

Ф. 243. Оп. 1. Д. 41.

СБОРНИКИ ДОКУМЕНТОВ И МАТЕРИАЛОВ

1. Шишков А.С. Собрание морских журналов или ежедневных записок, содержащих в себе плавания эскадр и судов Российских в 1797 г. Ч. I, II. СПб., 1800. – 276 с.

2. Бантыш-Каменский Д.Н. Ушаков Федор Федорович / Словарь достопамятных людей русской земли, содержащие в себе жизнь и деяния знаменитых полководцев, министров и мужей государственных, великих иерархов православной церкви, известных по участию в событиях отечественной истории. М., 1836. Ч. 5: С–Ф. С. 187–200.

3. Бумаги князя Г.А. Потемкина-Таврического 1788–1789. СПб., 1894. – 396 с.

4. Бумаги князя Григория Александровича Потемкина-Таврического. 1790–1793 гг. СПб., 1895. – 375 с.

5. Материалы для истории русского флота. В 12 ч. СПб., 1865–1904.

6. Новые документы А. Суворова, Ф. Ушакова, Г. Потемкина-Таврического, М. Кутузова / Сборник документальных материалов. Под ред. Ф.С. Загорских, А.Е. Соловьева. Симферополь, 1947. – 129 с.

7. Адмирал Ушаков. [Документы.] В 3 т. / Под ред. Р.Н. Мордвинова. М.: Военно-морское издательство, 1951–1956. – 772, 606, 562 с.

8. А.В. Суворов. Документы. В 4 т. / Под ред. Г.П. Мещерякова. М., 1949–1953. – 791, 687, 675, 675 с.

9. А.В. Суворов. Письма / Сост. В.С. Лопатин М.: Наука, 1986. – 808 с.

10. Екатерина II и Г.А. Потемкин. Личная переписка 1769–1791 / Сост. В.С. Лопатин. М., 1997. – 989 с.

МЕМУАРНАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Воспоминание о встрече на постоялом дворе: Рассказы старого моряка об Ушакове и о некоторых событиях войны 1807 г. [Статья] // Северная пчела. 1833. № 78–83.

2. Глинка С.Н. Записки. СПб., 1895. – 384 с.

3. Глухов И.А. Жизнь Ильи Алексеевича Глухова. [Статья] // Щукинский сборник. Вып. 6. М., 1907. С. 202–268.

4. Григорьев А.Б. Вера и Верность: Очерки из истории отношений Русской Православной Церкви и Российской армии. Жуковский, М., 2005. – 480 с.

5. Григорьев И.Г. Современные записки надворного советника Ивана Григорьевича Григорьева, им самим написанные. СПб., 1802. – 18 с.

6. Гудович И.В. Записка о службе генерал-фельдмаршала графа И.В. Гудовича, им самим составленная // Русский вестник, 1841. Т. 1. № 3. С. 607–681.

7. Данилов М.В. Записки // Русский архив. 1883. Кн. 2. Вып. 3. С. 1–67.

8. Данилов П.А. Жизнь моя (1756–1806) // Кронштадтский вестник. 1913. № 67–100.

9. Дримпельман Э.В. Записки немецкого врача о России в конце прошлого века. [Публ. А. Круглова] // Русский архив. 1881. Кн. 1. Вып. I. С. 32–51.

10. Ильинский Н.С. Воспоминания моей жизни // Русский архив. 1879. Кн. 3. Вып. 12. С. 377–434.

11. Комаровский Е.Ф. Записки графа Е. Ф. К. СПб., 1914. – 108 с.

12. Кравен Э. Путешествие в Крым и в Константинополь в 1786 году миледи Кравен, в котором она описывает часть Франции, Италии, Германии, Польши, России, Турции, бытность свою в С.-Петербурге и Москве, описывает те народы, которых она видела, делает историческое и географическое описание Крыма.... М., 1795. – 524 с.

13. Людольф де. Письма о Крыме. Перевод с рукописи // Русское обозрение. 1892. Т. 2. Март. С. 155–201.

14. Метакса Е. Записки флота капитан-лейтенанта Егора Метаксы, заключающие в себе повествование о военных подвигах Российской эскадры, покорившей под начальством адмирала Федора Федоровича Ушакова Ионические острова при содействии Порты Оттоманской в 1798 и 1799 годах. Пг., 1915. – 245 с.

15. Отрывки из записок севастопольского старожила // Морской сборник. 1852. № 1. С. 33–47.

16. Полномочный И.А. Род мой и происхождение. Краткие автобиографические записки офицера Черноморского флота Ивана Андреева Полномочного (1764–1833) // Записки Одесского общества истории и древностей, 1889. Т. 15. С. 683–710.

17. Поскочин И.С. Журнал капитана 2 ранга Поскочина, командовавшего отрядом российских и турецких военных судов, веденный при занятии острова Чефалонии, с 14 по 23 октября 1798 г. // Славянин. 1828. Ч. 8. № 46. С. 245–258.

18. Ромм Ш.Ж. Путешествие в Крым в 1786 г. / Пер. с франц. Л., 1941. – 79 с.

19. Сенявин Д.Н. Записки // Морской сборник. 1913. № 7. С. 99–142.

20. Степанов А.П. Страничка из истории воспитания в России конца прошлого века. Из воспоминаний // Русская школа. 1891 № 1. С. 9–27.

21. Стогов Э.И. Записки // Русская старина, 1903. Т. 113. № 1. С. 131–148.

22. Ханыков И.И. Подлинные записки флотского капитана Ильи Ивановича Ханыкова о донской экспедиции. Сообщ. А.А. Титовым // Записки Одесского общества истории и древностей, 1886. Т. 14. С. 66–90.

23. Храповицкий А.В. Памятные записки А. В. Храповицкого. М., 1862. – 298 с.

24. Шишков А. . Записки адмирала Шишкова, веденные им во время путеплавания его из Кронштадта в Константинополь. СПб., 1834. – 117 с.

25. Энгельгард Л.Н. Записки Льва Николаевича Энгельгардта 1766–1836. М., 1867. – 264 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алафузов В. Немецкая критика русского и советского флота // Военно-исторический журнал. 1964. № 12. С. 101.

2. Алекин В.А., Быков П.Д. Морская тактика. Учебник для Военно-морского училища им. М.В. Фрунзе. М., 1936. – 206 с.

3. Андрющенко А.И. Адмирал Ушаков. М., 1951. – 275 с.

4. Аренс Е.И. История русского флота: Екатерининский период. СПб., Николаев, 1897. – 460 с.

5. Барбашов Н.И. К истории мореходного образования в России. М., 1959. – 216 с.

6. Бахерат А. Способ к сохранению здоровья морских служителей и особливо в российском флоте находящихся. СПб., 1780. – 104 с.

7. Беляев А.А. Значение религии в деле воспитания // Духовное обозрение Реутов православный. 2004. № 4. С. 48–62 .

8. Березин Е. Морская тактика. Часть историческая. СПб., 1880. – 278 с.

9. Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII веке. М.: Воениздат, 1958. – 645 с.

10. Богданов В.И. Руководство к щастию и блаженству. Наставление отца к сыну о познании Бога и самого себя, от чего человек имеет свои несовершенства, которые ведут к порокам и всем слабостям, и как от оных надлежит сохранять себя. СПб., 1798. – 300 с.

11. Бубнов А.Д. Командующий флотом в сражении / Козырь И.В. От Цусимы до Рагузы. Приложение № 4. С. 140–246.

12. Бурде-де-Вильгюе (Le manoeuvrier. 1765 г.) Наука морская. Сиречь опыт о теории и практики управления кораблем и флотом военным / Пер. с франц. Н. Курганова. СПб., 1774. – 432 с.

13. Будищев Ф. Лоция или морской путеводитель, содержащий описание фарватеров и входов в порты, заливы на Азовском и Черном морях… СПб., 1808. Ч. 1. – 78 с.

14. Веселаго Ф.Ф. Морские училища при Петре Великом // Записки Гидрографического департамента. 1848. Ч. VI. С. 329–385.

15. Веселаго Ф.Ф. Очерк истории Морского кадетского корпуса с приложением списка воспитанников за 100 лет. СПб., 1852. – 366 с.

16. Висковатов А.В. Взгляд на военные действия россиян на Черном море и Дунае с 1787 по 1791 г. СПб., 1828. – 80 с.

17. Головачев В.Ф. История Севастополя как русского порта. СПб., 1872. – 260 с.

18. Грибовский В.Ю. Российский Черноморский флот в морских сражениях Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. СПб., 1994. – 54 с.

19. Грибовский В.Ю. Российский флот на Черном море. Страницы истории. 1696–1924 гг. СПб., 2012. – 200 с.

20. Гривель Р. О морской войне до новейших изобретений и после них. Атака и оборона берегов и портов. Война в открытом море. Исторический и стратегический этюд / Пер. СПб., 1871. – 323 с.

21. Жюрьен-де-ла-Гравьер Ж.Б. Морские войны времен Французской республики и империи. В 2 ч. / Пер. с франц. СПб., 1851. – 213, 198 с.

22. Звягин В.Н. и др. Исследование скелета адмирала Ф.Ф. Ушакова // Судебно-медицинская экспертиза. 2002. № 2. С. 21–25.

23. Ильин А. Практическая морская артиллерия. СПб., 1841. Репринт. СПб., 2011. – 436 с.

24. Ильинский В.П. К биографии Ф. Ф. Ушакова: Борьба с чумой в Херсоне в 1783 г. // Морской сборник. 1915. № 4. Неофициальный отдел. С. 10–15.

25. Ильинский В.П. Адмирал Ф.Ф. Ушаков: К 100-летию со дня смерти // Морской сборник. 1919. № 3. С. 57–84; № 4. С. 65–90; № 5–6. С. 83–103; № 7–8. С. 147–166.

26. Исаков И.С. Избранные труды. М., 1984. – 585 с.

27. История Русской армии и флота. СПб., 1913. Т. 1–10.

28. История отечественного военного судоремонта. Кн. 1. СПб., 2004. – 336 с.

29. История отечественного судостроения. В 5 т. / Под ред. И.Д. Спасского. СПб.: Судостроение, 1994–1996.

30. История военно-морского искусства. В 5 т. / Под ред. Р.Н. Мордвинова. Учебное пособие. М.: Воениздат, 1953.

31. Керсновский А.А. История русской армии. В 4 т. М.: Голос, 1992–1994.

32. Кладо Н.Л. Введение в курс истории военно-морского искусства. СПб., 1910. – 603 с.

33. Кладо Н.Л. Этюды по стратегии // Морской сборник. 1914. № 2. С. 65–91.

34. Коробков Н.М. Творец решительной и смелой тактики // Красный флот. 1942. 9 октября.

35. Коробков Н.М. Адмирал Ушаков: Боевые традиции русских флотоводцев // Красный флот. 1943. 12 ноября.

36. Коробков Н.М. Адмирал Ушаков – создатель русской военно-морской тактики // Красный флот. 1944. 22 марта.

37. Коробков Н.М. Творец русской наступательной морской стратегии // Красный флот. 1945. 14 октября.

38. Курганов Н.Г. Морской инженер, то есть теория и практика о укреплении напольных и приморских мест: о защищении флотов во укрепленных гаванях, и о бывших знаменитых атаках многих портов с присовокуплением науки о перспективе, о нападении и обороне разных крепостей и словаря инженерного. СПб., 1777. – 350 с.

39. Лакиер А. Русская геральдика. Книга 2. СПб., 1855. – 632 с.

40. Лещинский Л.М. Военные победы и полководцы русского народа второй половины XVIII века. М., 1959. – 223 с.

41. Листвицын В.И. Юридические акты. Из собрания тридцати трех явочных челобитий и двух отпускных // Ярославские губернские ведомости. Часть неофициальная, 1854. № 46. С. 366–382.

42. Ломоносов М.В. Краткое описание разных путешествий по Северным морям и показание возможного прохода Сибирским океаном в Восточную Индию. СПб., 1847. – 150 с.

43. Мазюкевич М. Прибрежная война. Десантные экспедиции и атака приморских укреплений. Военно-исторический обзор. СПб., 1874. – 401 с.

44. Макаров С.О. Разбор элементов, составляющих боевую силу судов // Морской сборник. 1894. № 6. Неоф. С. 1–106.

45. Макаров С.О. Рассуждения по вопросам морской тактики. СПб., 1904. – 299 с.

46. Масловский Д. Оборона берегов Суворовым (Кинбурнская операция 1787 г.) // Военный сборник. 1894. № 2. С. 219– 243.

47. Милютин Д.А. История войны 1799 года между Россией и Францией в царствование императора Павла I. В 3 т. СПб., 1852–1857. – 668, 574, 678 с.

48. Нужнов И.Н., Вахмистрова С. И. История становления и развития системы подготовки офицерских кадров Российского флота [Учебное пособие] / Военно-морская академия им. Адмирала Флота Советского Союза Н.Г. Кузнецова. СПб., 1997. – 60 с.

49. Отец и патриот. Религиозно-нравственное наставление отца к сыну. XVIII в. Без указания места и года издания; Священная история Ветхого и Нового завета с выбранными от святых отцов истолкованиями к исправлению нравов каждого христианина полезнейшими / Пер. с греч. СПб., 1763. – 383 с.

50. Павлович Н.Б. Основные факторы развития военно-морского искусства // Военно-исторический журнал. 1974. № 12. С. 48–53.

51. Павлович Н.Б. Развитие тактики военно-морского флота. М.: Воениздат, 1979. Ч. 1. – 318 с.

52. Параллели тактики эпох парусного и парового флота /Пер. с ин. яз. СПб., 1912. – 102 с.

53. Петров А.Н. Вторая турецкая война в царствование Екатерины II. 1787–1791 гг. В 2 т. СПб., 1880. – 237, 251 с.

54. Петров М.А. Морская тактика. Боевая деятельность флота. Л., 1924. – 238 с.

55. Петров М.А. Морская тактика. Л., 1926. Ч. 2. Бой. – 244 с.

56. Приемший огонь: жизнь, страдания, подвиги преподобного Феодора Санаксарского / Авт.-сост. Венедикт (Кулешов), игум. Саранск, 2011. – 304 с.

57. Преподобный Феодор Санаксарский. Наставления духовным чадам / Сост. иеромонах Венедикт (Кулешов). Рождество-Богородичный Санаксарский монастырь. 2009. – 191 с.

58. Ралль Ю.Ф. Наступательная тактика адмирала Ф.Ф. Ушакова // Морской сборник. 1945. № 7. С. 48–58.

59. Расторгуев В.И. Судостроение на верфях Воронежского края в 1768–1800 гг. Воронеж, 2003. – 464 с.

60. Ростунов И.И. Генералиссимус А.В. Суворов. М., 1989. – 496 с.

61. Сацкий А.Г. Федор Федорович Ушаков // Вопросы истории. 2002. № 3. С. 51–78.

62. Семечкин Л. Лекции о морской тактике и эволюциях. СПб., 1868. – 183 с.

63. Скаловский Р. Жизнь адмирала Федора Федоровича Ушакова. СПб., 1856. Ч. 1. – 444 с.

64. Скориков Ю.А. Севастопольская крепость. СПб., 1997. – 336 с.

65. Соколов А. Морские кампании 1798 и 1799 годов. 1: Русско-турецкие кампании в Средиземном море // Записки гидрографического департамента. 1850. Ч. III. [Разд.] II: История. С. 278–347. Прил.: 1. Письма Нельсона об Ушакове и к Ушакову [Декабрь 1798 г. январь 1800 г.]. С 348–361; 2. Два письма Ушакова к Нельсону [Сентябрь 1789 г. июнь 1800 г.]. С. 362–366. (Журнал).

66. Стязи благонравия или нравоучительные рассуждения. М., 1791. – 176 с.

67. Тарле Е.В. Адмирал Ушаков на Средиземном море. М.: Воениздат, 1948. – 238 с.

68. Теплов Г.Н. Наставление к сыну. СПб., 1768. – 95 с.

69. Ушаков И.Б., Бумай О.К. Святой адмирал Федор Ушаков о нравственном и физическом здоровье. М. – СПб. – Темников: Воронеж, 2003. – 84 с.

70. Черкасов П.П. Екатерина II и Людовик XVI. Русско-французские отношения. 1774–1792. М., 2001. – 528 с.

71. Штенцель А. История войны на море в ее важнейших проявлениях с точки зрения морской тактики / Пер. с нем. Пг., 1917. Ч. 3. – 526 с.

72. Шторм. Г.П. Страницы морской славы. М., 1954. – 433 с.

73. Экинс Ч. Описание сражений английского флота с 1690–1827. С критическим разбором / Пер. с англ. СПб., 1840. – 587 с.

74. Эйлер Л. Полное умозрение строения и вождения кораблей, сочиненное в пользу учащихся навигации / Пер. с франц. Н. Г. Курганова СПб., 1778. – 430 с.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Алафузов В. 38, 288, 330
Алекин В.А. 268, 330
Али-паша Янинский 236
Андрущенко А.И. 24, 195, 271
Апраксин Ф.М. 74, 262, 289
Арказ З.А. 17, 292
Аренс Е.И. 7, 18, 19, 86, 292, 330
Арсон де 104
Бадьянов А.Б. 32
Бальмен А.Б. 113
Бантыш-Каменский Д.Н. 47, 71, 79, 116, 131, 159, 160, 327
Баранов А.Г. 137
Барбашов Н.И. 87, 330
Баскаков Н.И. 92
Бахерат А.Г. 112, 330
Безбородко А.А. 176, 177
Бекир-паша 172
Белавенец П.И. 7, 19, 292
Белли Г.Г. 246, 254, 288
Беляев А.А. 76, 330
Бентам С. 122
Березин Е.В. 21, 261, 267, 292, 330
Бернотти Р. 35, 37
Берх В. 82–85, 94
Бескровный Л.Г. 195, 264, 271, 330
Бецкой И.И. 39
Блейк Р. 261, 275

Богомолов Н.А. 24
Болл А. 231
Бонапарт Н. 20, 224, 226, 227, 231
Борисов М. 92, 105
Бредаль П.П. 96, 262, 289
Бридж С. 35, 37
Брусилов Н.П. 48, 75
Бубнов А.Д. 22, 23, 61, 267, 286, 287, 331
Бугер П. 88
Будищев Ф. 185, 331
Бумай О.К. 32, 136, 335
Бурде-де-Вильгюс 147, 331
Быков П.Д. 268, 330
Вахмистрова С.И. 90, 333
Веселаго Ф.Ф. 7, 19, 46, 72, 82, 85–87, 90, 292, 331
Висковатов А.В. 7, 14–17, 189, 291, 331
Вобоа К.А. 230
Войнович М.И. 98, 154, 173, 174, 187, 207, 286, 303
Войнович Н.Д. 247, 288
Волконский Д.М. 251
Воронцов С.Р. 177
Ганнибал И.А. 99
Гармаш П.Е. 28
Гвоздев М. 83
Гельмерсен Г. 23
Гладышев Ю.П. 30
Глинка С.Н. 48, 75, 328
Глухов А.И. 50, 328
Голенищев-Кутузов И.Л. 33, 40, 86, 87, 264, 323, 324
Голенкин Г.К. 92, 288

Головачев В.Ф. 7, 17, 144, 292, 331
Гост П. 40, 87, 88, 95, 261, 262, 265, 294, 323
Гребенщикова Г.А. 7, 34
Грейг С.К. 22, 94, 262, 295
Гривель Р. 35, 36, 105, 331
Грибовский В.Ю. 7, 31, 38, 66, 122, 173, 180, 204, 205, 331
Григорьев А.Б. 30, 90, 328
Григорьев И.Г. 48, 75, 328
Гудович И.В. 48, 49, 210, 222, 328
Гуссейн-паша 193, 201, 212, 213
Данилов М.В. 48, 75, 328
Данилов П.А. 49, 143, 150, 196, 271, 288, 330
Дезин фон В.П. 91
Дезин фон М.П. 91
Джервис Д. 21, 229, 277, 288
Доможиров Д.А. 92, 142, 288
Доценко В.Д. 7, 31, 32, 33
Дримпельман Э.В. 50, 110, 111, 328
Дюкен А. 260, 274
Екатерина II 15, 34, 39, 40, 43, 48, 49, 85, 93, 102, 105, 108–110, 114, 119, 137, 153, 155–157, 176, 190, 191, 198, 199, 207, 208, 211, 221, 316, 323, 324, 328, 334, 335
Елизавета Петровна 73, 81, 82, 84
Елагин С.И. 46
Елчанинов М.М. 92, 288
Жохов Я.А. 92
Жубер Б. 252
Жюрьен-де-ла-Гравьер Ж.Б. 35, 37, 275, 331
Захаренко М.Г. 264

Звягин В.Н. 63, 72, 115, 116, 331
Зимонин В.П. 31
Золотарев В.А. 7, 28, 31
Зонин А.И. 24
Зотов К. 262, 323
Зюзенков И.П. 25
Ильин А. 242, 331
Ильинский В.П. 7, 19, 20, 26, 28, 66, 114, 332
Ильинский Н.С. 48, 76, 328
Исаков И.С. 24, 332
Иоанн (Снычев) митрополит 76
Италинский А.Я. 246
Кадыр-бей 228, 229
Каллистов Н.Д. 19
Карл XII 84
Карцов П.К. 91, 143, 249, 255
Каховский М.В. 141
Качиони Л. 212, 213
Кейт Д. 44
Келлер П.Ф. 23
Кинсберген И.Г. 33, 97, 98, 177, 264, 265, 289, 295, 324
Кладо Н.Л. 7, 21, 22, 61, 66, 263, 280, 291, 332
Клокачев Ф.А. 95, 110, 111, 295
Козлов Д.Ю. 143
Козлов И.А. 7, 25, 28, 31
Козлянинов Т.Г. 91, 99, 295
Коломб Ф.Х. 35
Колычев С.А. 225
Комаровский Е.Ф. 48, 75, 328
Корниенко Д.И. 24, 71

Корнилов В.А. 22
Коробков Н.М. 24, 25, 292, 332
Корявко В.И. 33, 34
Кочубей В.П. 224
Кравен Э. 50, 329
Красильников А.Д. 82
Кровяков Н. 24
Кроз ла М. 89
Круз А.И. 95
Курганов Н.И. 83, 88, 147, 237, 331, 332, 335
Куроедов В.И. 30
Кутузов М.И. 43, 200, 283, 327
Лакиер А. 69, 73, 321
Лебедев А.А. 7, 34
Лебрес Р. 35, 36, 105
Лежнев П.И. 91
Лероа 172, 179, 213
Лещинский Л.М. 195, 271, 3331
Лизакевич А. 248, 249, 252
Листвицын В.И. 80, 333
Ломоносов М.В. 87, 333
Лопатин В.С. 49, 241, 326
Лупандин В.Ф. 90
Людольф де 50, 329
Лялин П.П. 91
Мазюкевич М. 17, 18, 104, 233, 292, 333
Макаров М.К. 92
Макаров С.О. 20, 40, 41, 265 267, 268, 333
Мария-Каролина 246
Мартынов С.А. 90

Масловский Д.Ф. 141, 171, 176, 333
Масорин В.В. 145, 146
Машков В.А. 46, 221
Метакса Е.П. 20, 49, 124, 164, 235, 255, 256, 329
Мещерский Г.П. 46
Миленберн К. 102
Милославский Ф.С. 84
Милютин Д.А. 7, 17, 291, 333
Мишуру А. 246
Монк Д. 261, 275
Монаков М.С. 33
Мордвинов А.С. 219, 220, 222
Мордвинов Н.С. 44, 92, 122, 124, 174, 2190
Мордвинов Р.Н. 7, 24, 25, 45, 46, 66, 195, 264, 271, 274, 292, 327, 332
Мордвинов С.И. 262, 289
Московенко М.В. 30
Мосолов Н.А. 92
Мосолов Ф.А. 92, 99
Мусин-Пушкин-Брюс В.В. 243
Нагаев А.И. 83
Нассау-Зиген К.Н.О. 177
Нахимов П.С. 22
Нельсон Г. 20, 21, 23, 24, 28, 36, 38, 44, 227, 229, 231, 236, 245, 247, 248, 249, 251, 275, 278, 287, 290, 306, 334
Ницц Д.Ш. 231
Никитин В.И. 82
Новиков Н.В. 19
Носов Ф.В. 7, 24, 29, 66, 71

Нужнов И.Н. 90, 333
Обольянинов К.Е. 92, 106
Овцын И.Т. 92, 288
Одинцов Е. 99
Остерман И.А. 102
Павел I 17, 19, 27, 40, 85, 121, 133, 143, 224, 225, 226, 228, 235, 236, 243, 244, 245, 251, 252, 255, 324, 333
Павлович Н.Б. 120, 270, 333
Панин Н.И. 102
Петр I 23, 39, 40, 69, 70, 72–74, 81, 84, 85, 88, 95, 262, 289, 316, 323, 331
Петр III 84
Петров А.Н. 43, 334
Петров М.А. 268, 269, 272, 278, 279, 334
Петухов В.А. 136
Повалишин И.А. 92
Полетика Г.А. 86
Половинкин В.Н. 264
Полномочный И.А. 49, 50, 111, 116, 125, 126, 134, 153, 174, 329
Поль-Джонс Д. 177
Поскочин И.С. 49, 329
Потемкин-Таврический Г.А. 15, 34, 43, 44, 48, 49, 79, 98, 107, 109, 112, 113, 119, 121–123, 129–131, 139–142, 153–159, 163, 173, 175, 189–191, 193, 194, 198–201, 207–211, 215, 222, 273, 283, 327, 328
Похлебкин В.В. 46, 199, 228
Пустошкин А.С. 182
Пустошкин П.В. 92, 96, 228, 236, 246, 247, 249, 254, 288

Пущин П.И. 96
Пыж В.В. 264
Раздолгин А.А. 31
Ралль Ю.Ф. 24, 25, 260, 334
Расторгуев В.И. 96, 334
Репнин Н.В. 43, 210, 219, 221
Рибас де И.М. 199, 201
Римский-Корсаков А.М. 252
Родионов Б.И. 31
Родни Д. (Родней) 21, 32, 155, 177, 290
Ромм Ж. 50, 329
Ростунов И.И. 228, 252, 334
Румянцев-Задунайский П.А. 145
Руффо кардинал 243–246, 250
Рюйтер де М.А. 261, 275
Саид-бей 201, 205
Сацкий А.Г. 7, 29, 32, 66, 97, 102, 103, 114, 207, 334
Сеит-Али 212, 213, 217–220
Селивачев И.А. 92, 233, 288
Селим III 221
Семечкин Л.П. 18, 265, 266, 275, 292, 334
Сенявин А.Н. 95, 96, 262, 288, 294
Сенявин Д.Н. 21–23, 28, 49, 50, 123, 124, 159, 189, 191, 239, 263, 264, 277, 287, 312, 327
Симолин И.М. 208
Синявин Н.А. 262, 288
Скаловский Р.К. 7, 16, 26, 27, 29, 66, 71, 78, 83, 84, 130, 173, 176, 213, 235, 282, 2919, 334
Скориков Ю.А. 140, 141, 334
Скорняков-Писарев Г.Г. 74

Скуратов Н.А. 92, 99
Смирнов А.А. 29
Смит С. 231
Снегирев В.Л. 24, 71
Сорокин А.А. 230, 245, 246, 254, 288
Спасский И.Д. 174, 332
Спиридов А.Г. 92
Спиридов Г.А. 96, 262, 289, 295
Спиро 122
Станиславская А.М. 7, 27, 66
Степанов А.П. 48, 76, 329
Стогов Э.И. 48, 75, 84, 329
Суворов А.В. 20, 23, 25, 48, 49, 140, 141, 145, 171, 176, 223, 229, 241, 245– 247, 249, 250, 252, 253, 287, 327, 328, 333, 334
Суворов П.И. 82
Сухотин Я.Ф. 95, 97, 102–104, 111, 114, 295
Сюффрен П.А. 21, 177, 290
Таланов А. 24
Тарле Е.В. 7, 25, 26, 28, 235, 246, 264, 287, 292, 335
Теплов Г.Н. 48, 76, 335
Томара В.С. 132, 228, 242– 244, 246, 248, 252
Тромп М. 261, 275
Трубридж Т. 251
Тульчин 43
Тусен 179
Удет Е. 38
Ушаков Д.К. 69
Ушаков И.Б. 32, 136, 335
Ушаков И.В. 74

Ушаков И.И. 69, 70, 80, 115
Ушаков С.И. 70, 75
Ушаков С.Ф. 80
Ушаков Ф.И. 70, 74, 75
Ушаков Ф.Ф. 1–40, 42–50, 52–72, 74, 75, 77–86, 88–138, 140–160, 162–171, 173–179, 181–183, 187–200, 202, 203, 205–223, 225– 229, 231, 232, 234–239, 241–251, 253–260, 263, 264, 266, 268–315, 328–332, 334, 335
Фалеев М.Л. 134, 207
Фарварсон А.Д. 84
Фердинанд IV 245, 250
Филонов С.И. 31
Фолей Т. 273
Фрелих 248
Фукс Е.Б. 241
Ханыков И.И. 50, 96, 97, 329
Ханыков П.И. 92, 106, 295
Харламов В.И. 83
Хоу (Гоу) Р. 155, 290
Храповицкий А.В. 48, 49, 330
Хрущов Н. 92
Чернышев И.Г. 97, 98, 100, 102, 114, 295
Шабо, генерал 230, 240
Шишков А.С. 46, 50, 100, 325, 328
Шломин В.С. 31
Штенцель А. 35– 37, 41, 267, 273, 274, 335
Шторм Г.П. 26, 45, 71, 335
Шувалов И.И. 85
Юсуф-паша 172, 210

Юхарин Ф.И. 92, 288
Эбергард А.А. 23, 143
Эйлер Л. 87, 335
Энгельгард Л.Н. 222, 330
Эссен фон Н.О. 23
Языков Н.Л. 92
Darrieus G. 37
Keegan J. 38
Lenton J.R. 37
McKnight J.L. 37
Sapherson C.A. 37
Wheatcroft A. 38
White Colin 38

ВОЕННАЯ АКАДЕМИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА
ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

На правах рукописи

ОВЧИННИКОВ

Владимир Дмитриевич

АДМИРАЛ Ф.Ф. УШАКОВ: ВЛИЯНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА СТРОИТЕЛЬСТВО ОТЕЧЕСТВЕННОГО ФЛОТА И РАЗВИТИЕ ВОЕННО-МОРСКОГО ИСКУССТВА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVIII – НАЧАЛО XIX в.)

07.00.02 – Отечественная история

Приложения
к диссертации на соискание ученой степени доктора
исторических наук

Москва – 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

Приложение 1	Заключение экспертной группы отдела Идентификации личности Российского центра судебно-медицинской экспертизы Минздрава РФ о результатах исследования останков адмирала Ф.Ф. Ушакова. 24 марта 2000 г. …..….	5
Приложение 2	Обращение к Святейшему патриарху Московскому и всея Руси Алексию II с предложением канонизации Ф.Ф. Ушакова. 25 октября 1999 г. …….……....	9
Приложение 3	Обращение личного состава Военно-морского флота к Святейшему патриарху Московскому и всея Руси Алексию II с поддержкой идеи канонизации адмирала Ф.Ф. Ушакова ……..	10
Приложение 4	Родословная рода Ушаковых ……	11
Приложение 5	Состав Черноморского флота. 25 декабря 1786 г. ….…….	12
Приложение 6	Родословная Ушаковых. 1758 г. …….……..	14
Приложение 7	Родословная Ушаковых ……..…	15
Приложение 8	Родословная и доказательства о дворянстве рода Ушаковых ……...	16
Приложение 9	Запись о рождении Ф.Ф. Ушакова в Метрической книге церкви Богоявления-на-Острову. 13 февраля 1745 г. ……	17
Приложение 10	Страница из книги Н.Г. Курганова «Универсальная арифметика». СПб. 1757. …….……..	18
Приложение 11	Страница из книги адмирала С.И. Мордвинова «Полное собрание о навигации» СПб., 1753., используемой в качестве учебного пособия в Морском шляхетном кадетском корпусе ……...…..	19
Приложение 12	Титульный лист книги П. Госта «Сочинение о морских эволюциях» …….	20
Приложение 13	План карантинного лагеря под Херсоном, составленный Ф.Ф. Ушаковым. Октябрь 1783 г. ……..…...	21
Приложение 14	Указ Адмиралтейств-коллегии с представлением Ф.Ф. Ушакова к награждению орденом Св. Владимира. 9 сентября 1784 г. …….…..	22
Приложение 15	Рапорт Ф.Ф. Ушакова в контору Главного командира Черноморских флотов о вооружении назначенных в кампанию кораблей и недостатке для них личного состава. 15 марта 1798 г. …….……..	23
Приложение 16	Предложение контр-адмирала Ф.Ф. Ушакова в контору Севастопольского порта. 27 сентября 1790 г. ……..….	25

Приложение 17	Приказ Ф.Ф. Ушакова по эскадре о соблюдении порядка в госпитале. 15 мая 1791 г. ……...	26
Приложение 18	Краткая идея об укреплении Севастопольского пристанища (фрагменты). 1786 г. ……	27
Приложение 19	План строительства Севастополя, представленный Г.А. Потемкиным Екатерине II. Май 1786 г. ……..	33
Приложение 20	Краткая записка Ф.Ф. Ушакова о выполненных за время его командования флотом с 1790 по 1792 г. работах по исправлению кораблей, постройке казарм, госпиталей, магазинов, пристаней ……	35
Приложение 21	Из приказа Ф.Ф. Ушакова об обучении пушечной стрельбе матросов и канониров. 23 февраля 1792 г. ……..	37
Приложение 22	Приказ Ф.Ф. Ушакова о совместном плавании в составе эскадры. 17 июля 1794 г. ……..	38
Приложение 23	Приказ Ф.Ф. Ушакова о методах обучения артиллерийской стрельбе. 23 июня 1797 г. ……	41
Приложение 24	Приказ Ф.Ф. Ушакова об обучении матросов быстрому выполнению маневров с парусами. 27 июня 1797 г. ……	43
Приложение 25	Из приказа Ф.Ф. Ушакова о наказании за дезертирство, пьянство и воровство и об удовлетворении личного состава флота денежным содержанием из сумм флота, заимообразно отпускаемых из казначейства. 4 октября 1792 г. ……	44
Приложение 26	Письмо настоятеля Санаксарского монастыря иеромонаха Нафанаила Владыке Афанасию епископу Тамбовскому. 3 января 1829 г. ……...	46
Приложение 27	Состав турецкого флота. Июль 1785 г. ……	48
Приложение 28	Список судов турецкого флота. Сентябрь 1787 г. ……..	51
Приложение 29	Роспись турецкой эскадры, отправлявшейся на Черное море. 5 февраля 1788 г. ……	53
Приложение 30	Донесение лейтенанта Андрея Пустошкина П.А. Румянцеву-Задунайскому о пребывании в Константинополе с описанием турецкого 22-пушечного бомбардирского корабля ……..	56
Приложение 31	Точные сведения о возвратившемся из Черного моря турецком флоте и о новых судах, кои на будущую кампанию назначены. 24 сентября 1790 г. ……	58
Приложение 32	Ордер Г.А. Потемкина контр-адмиралу Ф.Ф. Ушакову о формировании эскадры кайзер-флага. 29 сентября 1790 г.	60
Приложение 33	Рапорт Ф.Ф. Ушакова Г.А. Потемкину о принятии к руководству указаний о боевом использовании эскадры кайзер-флага. 4 октября 1790 г. ……	61
Приложение 34	Рапорт контр-адмирала Ф.Ф. Ушакова генерал-аншефу	

	Н. В. Репнину о выходе флота в море. 10 июля 1791 г. ..…	62
Приложение 35	Рапорт контр-адмирала Ф.Ф. Ушакова князю Г.А. Потемкину о полном разгроме турецкого флота в сражении у мыса Калиакрия. 5 августа 1791 г. ……	63
Приложение 36	Перевод писем из Константинополя о морском сражении у мыса Калиакрия в Черном море ……	69
Приложение 37	Указ Павла I Ф.Ф. Ушакову о следовании с эскадрой к Константинопольскому проливу на соединение с турецким флотом для совместных действий против Франции. 7 августа 1798 г. …….	72
Приложение 38	Реляция В.С. Томары Павлу I о пребывании эскадры Ушакова в Константинополе. 1 сентября 1798 г. ……...	74
Приложение 39	Реляция В.С. Томары Павлу I об отправлении эскадры Ушакова из Константинополя и начале переговоров с турецкой стороной о союзном договоре. 15/26 сентября 1798 г. …….	77
Приложение 40	Обращение адмирала Ушакова к обывателям островов Венецких …….	80
Приложение 41	Письмо Ф.Ф. Ушакова В.С. Томаре о недостатках в снабжении эскадры продовольствием с соображениями о предстоящих военных действиях. 10 ноября 1798 г. …….	81
Приложение 42	Сигналы для атаки крепости Корфу, составленные Ф.Ф. Ушаковым	84
Приложение 43	Приказ Ф.Ф. Ушакова по соединенным эскадрам с планом атаки о. Видо. 17 февраля 1799 г. ……	85
Приложение 44	Рапорт Ф.Ф. Ушакова Павлу I о взятии крепости Корфу. 21 февраля 1799 г. …….	89
Приложение 45	Письмо Ф.Ф. Ушакова неаполитанскому королю о взятии крепости Корфу и о подготовке к отправке части эскадры в Бриндизи. 26 февраля 1799 г. …….	91
Приложение 46	Перевод письма короля Обеих Сицилий Фердинанда IV адмиралу Ф.Ф. Ушакову. 5 сентября н.с. 1799 г. ….……..	93
Приложение 47	Из реляции В. В. Мусина-Пушкина-Брюса Павлу I о походе десантного отряда с эскадры Ф.Ф. Ушакова на Рим. 27 августа / 7 сентября 1799 г. ……..……	95
Приложение 48	Реляция В.В. Мусина-Пушкина-Брюса Павлу I из Палермо. 20/31 октября 1799 г. ……..……	96
Приложение 49	Конвенция между Империею Всероссийскою и Портою Оттоманскою о Республике седьми соединенных островов, заключенная в Константинополе. 21 марта 1800 г. …	97
Приложение 50	Перевод циркулярной цидулы, писанной от Преизящного Сената к высокородным Президентам Соединенных Островов. 28 мая 1800 г. …….....	105

Приложение 1

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ЭКСПЕРТНОЙ ГРУППЫ ОТДЕЛА ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ РОССИЙСКОГО ЦЕНТРА СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ МИНЗДРАВА РФ О РЕЗУЛЬТАТАХ ИССЛЕДОВАНИЯ ОСТАНКОВ АДМИРАЛА Ф.Ф. УШАКОВА

24 марта 2000 г.[1]

1. Костные останки, обнаруженные в Рождество-Богородичном Санаксарском монастыре, достоверно принадлежали адмиралу Российского флота Федору Федоровичу Ушакову (1745–1817) по причинам, изложенным в пп.2–3.

2. Изображения черепов иеромонаха Феодора (в миру Ушаков И. И.) и адмирала Ф.Ф. Ушакова в анфас и профиль соответствуют друг другу по абсолютным размерам, краеобразующим контурам и форме основных элементов. Имеющиеся различия черепов, не считая тех, которые связанны с пародонтозом (см. п. 8), не существенны и не выходят за пределы индивидуальных анатомических вариаций. Подобное морфолигическое сходство может иметь место только у близких родственников. Признаки внешности, которыми был наделен Ф.Ф. Ушаков, унаследованы по мужской линии.

3. Сравнительное исследование черепа адмирала Ф.Ф. Ушакова и прижизненного художественного его изображения (портрет № 1), проведенное традиционными методами (скольжение, наложение, «словесный портрет»), а также с использованием современных компьютерных технологий (координатный анализ, количественный «словесный портрет»), свидетельствуют о достоверной их принадлежности одному и тому же человеку. Данные результаты свидетельствуют о том, что:

– портрет № 1 адмирала Ф.Ф. Ушакова был написан с натуры;

– автор портрета № 1 адмирала Ф.Ф. Ушакова отличался высоким профессиональным мастерством;

– при работе над этим портретом адмирала Ф.Ф. Ушакова автор, скорее всего, использовал технические средства типа камеры-обскуры или камеры-клары.

4. Результаты настоящего исследования подтверждают факт эксгумации останков адмирала Ф.Ф. Ушакова и правильность их идентификации, проведенной в 1944 году проф. М. М. Герасимовым по сопутствующим предметам погребения (остатки морского мундира Александровской эпохи, золотое шитье воротника, бортов, манжетов, правый адмиральский погон с тремя черными орлами на золотом фоне и др.).

Мнение М. М. Герасимова (1949 г.) о том, что «столь широко известный портрет Ф.Ф. Ушакова (автор располагал портретом № 2, скопированным в 1873 г. С. Александровым с портрета № 1), представляющий собой канонизированный образ адмирала, по существу дает ложное, неверное представление...» основано на недостаточно корректном наложении контурных схем черепа и портрета Ушакова, выполненных без учета масштаба и ракурсного положения сравниваемых объектов.

Следует отметить, что портреты № 1 и № 2 Ф.Ф. Ушакова очень близки друг к другу, обнаруживая незначительные различия лишь в общей асимметрии лица и размерах отдельных деталей глаз, бровей, лба и основания носа.

Не находит подтверждения и вывод М. М. Герасимова о том, что «... череп Ф.Ф. Ушакова значительно короче и шире живописного лица...». Более того, общие размеры лица на скульптурной реконструкции Ф.Ф. Ушакова (работы М. М. Герасимова) весьма близки к тем, которые запечатлены на прижизненном живописном портрете Ф.Ф. Ушакова.

5. По особенностям строения черепа Ф.Ф. Ушаков относился к среднеевропейскому антропологическому типу, обычному для русского населения Восточно-Европейской равнины. Данный тип характеризуется: умеренным ростом во-

---

[1] Второй экземпляр оригинала, переданный В.Н. Звягиным в личный архив В.Д. Овчинникова

лосяного покрова на теле, средним или хорошим ростом бороды, средней пигментацией волос на голове (шатены), прямой или волнистой их формой, светлым цветом кожи, светлыми глазами (в 30 – 50 % случаев), малой или средней высотой лица, средними значениями горизонтальной профилировки.

Соотношение размеров отдельных частей тела (туловища, конечностей и их сегментов) у Ф.Ф. Ушакова также соответствует группам современного русского населения.

6. Адмирал Ф.Ф. Ушаков отличался тонким (грацильным) телосложением, средним ростом (165–168 см), небольшой головой (соответствует 54 размеру головного убора), средней длиной рук и ног, довольно узкими плечами и тазом, небольшими ступнями (соответствуют 38–40 размеру обуви), узкими и длинными кистями рук (с уменьшенной разницей в длине II – V пальцев, как это и запечатлено на портрете № 1).

Наиболее вероятно, что Ф.Ф. Ушаков обладал грудным или грудно-мускульным соматотипом, для которых характерно: довольно слабое развитие опорно-двигательного аппарата, слабое или среднее развитие мускулатуры; пониженное жироотложение; плоская или уплощенная грудная клетка и плоский живот.

7. Для Ф.Ф. Ушакова была характерна неравномерность возрастной инволюции различных сегментов скелета с общей тенденцией к замедленному (гипогерическому) темпу старения. Установленный биологический возраст Ф.Ф. Ушакова составлял 67 ± 5 лет. Данный вывод соответствует воспоминаниям современников о том, что «Ф.Ф. Ушаков был... сухощав ... лицо имел моложавое приятное и в глубокой старости всегда играл на оном румянец ...» (Д. Н. Бантыш-Каменский, 1836).

8. В детском или подростковом возрасте Ф.Ф. Ушаков перенес болезнь Легга-Кальве-Пертеса – частичный асептический некроз головки правой бедренной кости, – последствия которой он мог ощущать всю жизнь. Для заболевания характерны неопределенные жалобы, различной интенсивности боли в правом та-

зобедренном суставе, усиливающиеся при ходьбе, чувство тугоподвижности в суставе (временами). Диагноз находит подтверждение в результатах инфракрасной спектрофотометрии костного вещества. Не исключено, что именно данная болезнь была причиной позднего поступления Ф.Ф. Ушакова в морской кадетский корпус (1761 г.).

В последние годы жизни Ф.Ф. Ушаков страдал пародонтозом. Клиническим проявлениями заболевания являются атрофия альвеолярного края челюстей, расшатывание и выпадение зубов, поддесневые абсцессы и др.

Среди других заболеваний, имевшихся у Ф.Ф. Ушакова, следует отметить пяточную шпору на правой ноге (сопровождалась периодической болезненностью при ходьбе) и деформирующий артроз срединного атлантоосевого сустава (вызывал ограничение движений при повороте головы и отчетливо слышный скрип).

В костях Ф.Ф. Ушакова обнаружено повышено содержание свинца, которое свидетельствует о длительном пребывании его в геохимическом регионе, неблагополучном по этому элементу.

9. Признаки внешности адмирала Ф.Ф. Ушакова, установленные нами по черепу и посткраниальному скелету, соответствуют его облику на прижизненном портрете (Рис. 1) с поправками, изложенными в разд. 1.2.1, 1.5, 3.2.3 и 3.3.2. Реконструкция облика адмирала Ф.Ф. Ушакова, (в графическом и пластическом вариантах), учитывающая вновь полученную информацию о его физических и физиономических особенностях, представляет, по нашему мнению, самостоятельную исследовательскую задачу.

Заведующий отделом, заслуженный врач
РФ, доктор медицинских наук, профессор В.Н. Звягин

Второй экземпляр из архива автора

Приложение 2

ОБРАЩЕНИЕ К СВЯТЕЙШЕМУ ПАТРИАРХУ МОСКОВСКОМУ И ВСЕЯ РУСИ АЛЕКСИЮ II С ПРЕДЛОЖЕНИЕМ КАНОНИЗАЦИИ Ф.Ф. УШАКОВА

25 октября 1999 г.

Ваше Святейшество !

Среди многочисленных подвижников и мучеников Русской Православной Церкви, прославленных в лике святых, была традиция прославлять и православных воинов, отличившихся не только ратными заслугами в защите православного Отечества, но и личным благочестием, верностью уставам и законоположениям Русской Православной Церкви. Таким примером может служить канонизация великого князя Дмитрия Донского.

Подобным благочестивым воином является и племянник преподобного Феодора Санаксарского – адмирал Феодор Ушаков, честные останки которого находятся в Рождество-Богородичном Санаксарском мужском монастыре Саранской епархии, при котором он провел несколько лет после оставления своего ратного поприща.

О земном пути воина Феодора Ушакова проведено историческое исследование, опубликованное в книге Владимира Овчинникова "Федор Ушаков" (М.: Новатор, 1998. – 419 с.). Результаты указанного исследования, по нашему глубокому убеждению, дает полное основание говорить о праведной жизни Феодора Ушакова, проявившего себя в мирской жизни поборником Православной веры, пламенным патриотом своего Отечества, выдающимся флотоводцем, умелым политиком и дипломатом, а также великим милосердцем.

Ваше Святейшество, обращаемся к Вам с просьбой рассмотреть вопрос о возможности канонизации Феодора Ушакова в лике местночтимых святых Саранской епархии.

С глубочайшим почтением,

Глава Республики Мордовия,
председатель попечительского
совета Фонда
Н. Меркушкин

Председатель правления Фонда,
депутат Государственной Думы
Российской Федерации
В.Лопатин

Биограф адмирала Ф.Ф. Ушакова,
старший научный сотрудник
Института военной истории МО РФ,
кандидат исторических наук
капитан I ранга
В. Овчинников

Приложение 3

ОБРАЩЕНИЕ ЛИЧНОГО СОСТАВА ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА К СВЯТЕЙШЕМУ ПАТРИАРХУ МОСКОВСКОМУ И ВСЕЯ РУСИ АЛЕКСИЮ II С ПОДДЕРЖКОЙ ИДЕИ КАНОНИЗАЦИИ АДМИРАЛА Ф.Ф. УШАКОВА

19 октября 2000 г.

ВАШЕ СВЯТЕЙШЕСТВО!

Личный состав Военно-Морского Флота России и ветераны флота, земляки Ф.Ф. Ушакова, Благотворительный фонд по восстановлению и модернизации крейсера "Адмирал Ушаков" с глубоким воодушевлением восприняли информацию о намерении Русской Православной Церкви рассмотреть вопрос о канонизации прославленного русского флотоводца адмирала Федора Федоровича Ушакова.

Федор Федорович Ушаков является не просто наиболее почитаемым российским флотоводцем. Своей праведной земной жизнью он явил миру ярчайший образец беззаветного служения Отечеству и своему народу, как на поле брани, так и на ниве благотворительности и милосердия, пример православного воина, которому была ниспослана помощь Божия.

Свидетельством этой помощи является небывалый во всей военной истории факт, когда в период русско-турецкой войны 1787-1791 гг. флот под командованием Федора Ушакова, вдвое уступавший противнику по численности, имел в сто раз меньшие потери в личном составе. Небесным Промыслом, не потеряв в сражениях ни одного судна, Ушаков нанес турецкому флоту невосполнимый урон более чем в 50 судов, отвоевав для России целый Черноморский регион. Так Господь прославил своего праведника за его Веру и Верность.

Адмирал, воспитанный в благочестии, сам воспитал целую плеяду талантливых флотоводцев, офицеров и просто верных сынов своей Родины - воинов Христовых, которые, не щадя живота своего, всегда до конца стояли за Веру и Отечество. По нравственным заповедям адмирала Ушакова Российский Военно-Морской Флот живет и ныне.

После оставления своего ратного поприща Ф.Ф. Ушаков, "уклонясь от светского шума", обосновал свое жительство близ Санаксарской обители (Республика Мордовия), где когда-то подвизался в молитвенном подвиге его родной дядя - преподобный Феодор Санаксарский. В конце жизненного пути Федор Федорович сознательно пришел к Храму Господнему, видя в служении Ему истинный смысл жизни православного человека.

Ваше Святейшество, от имени российских военных моряков, Благотворительного фонда по восстановлению и модернизации крейсера "Адмирал Ушаков" и многих православных мирян мы поддерживаем идею канонизации Феодора Ушакова и просим Вашего благословения на скорейшее рассмотрение этого вопроса в Комиссии по канонизации.

С глубочайшим почтением,

Главнокомандующий
Военно-Морским Флотом
Российской Федерации
адмирал флота — В.И. Куроедов

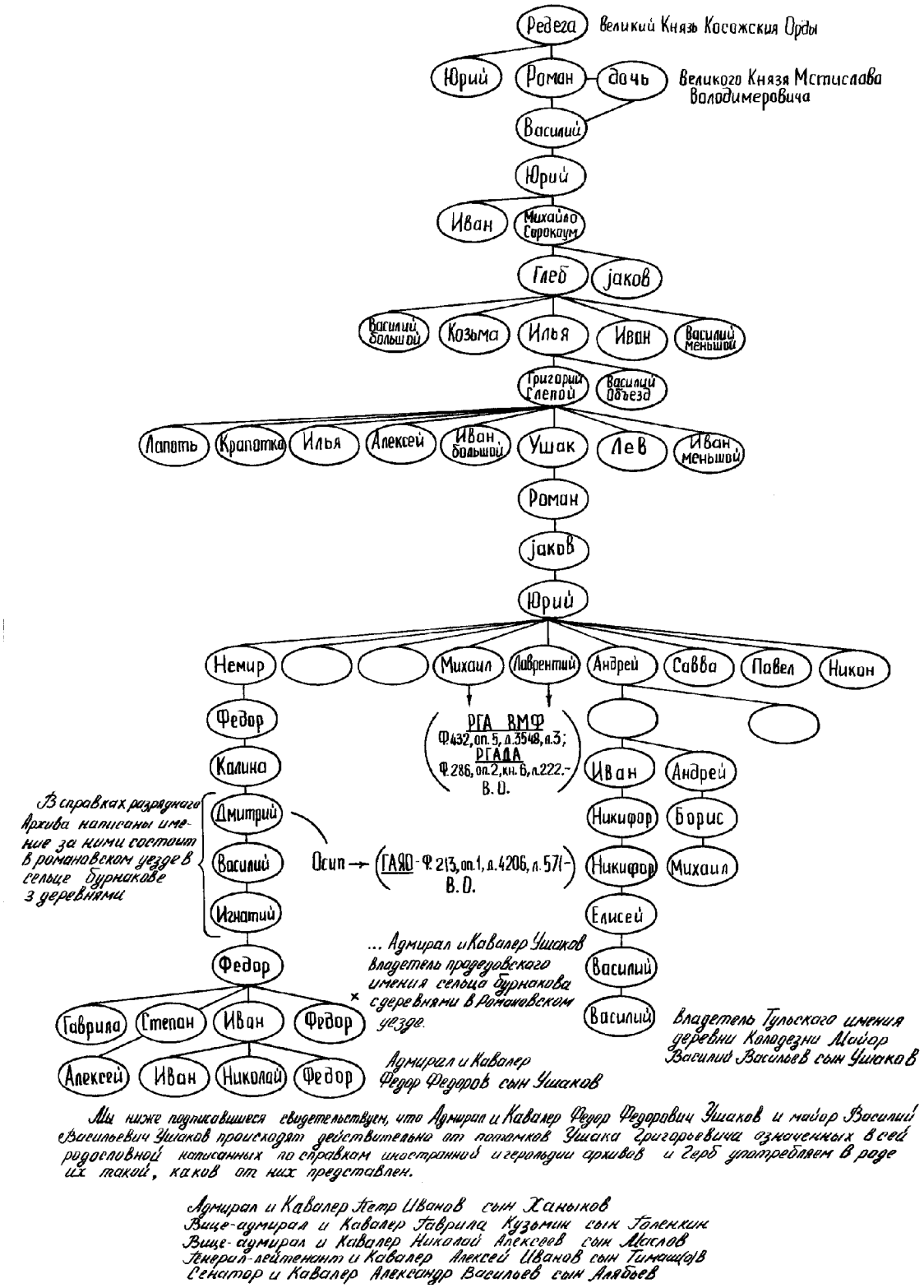
Глава Республики Мордовия,
председатель Попечительского
Совета Фонда — Н.И. Меркушкин

Председатель Правления Фонда
по восстановлению и модернизации
Крейсера «Адмирал Ушаков» — В.Н. Лопатин

Биограф адмирала Ф.Ф. Ушакова
капитан 1 ранга — В.Д. Овчинников

Приложение 4

РОДОСЛОВНАЯ РОДА УШАКОВЫХ[1]



[1] РГИА. Ф. 1343. Оп. 30. Д. 4573. Л. 30а (Копия с дополнениями автора).

Приложение 5

СОСТАВ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА
25 декабря 1786 г.[1]

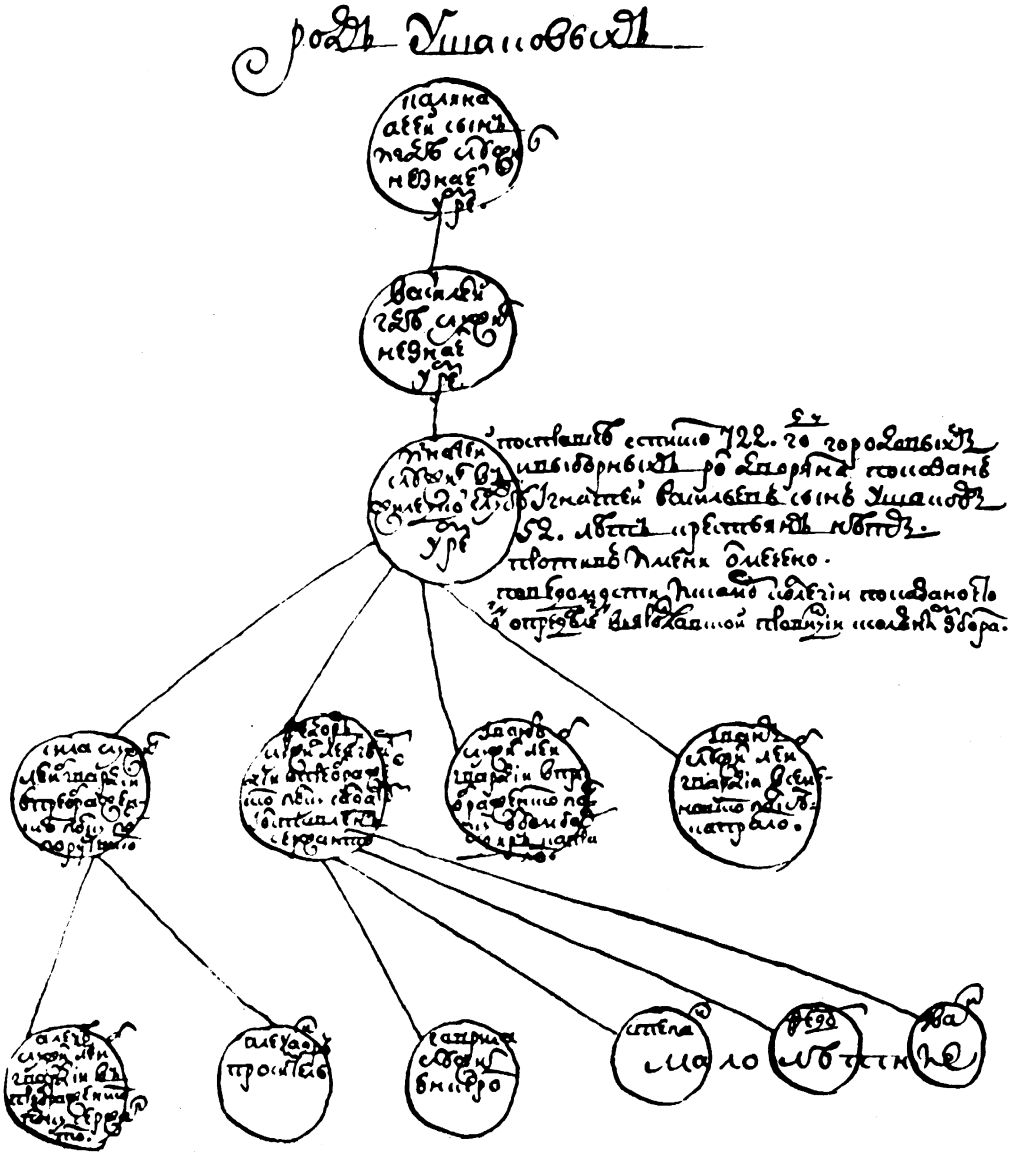
Наименование судов	**Количество пушек**	**Где находятся**
КОРАБЛИ		
Слава Екатерины	66	в Севастополе
Святой Павел	66	–"–
Мария Магдалина	66	–"–
Страшный (бомбардирский)	2-морт., 2-гауб., 10-пуш.	–"–
ФРЕГАТЫ		
Святой Георгий	54	в Севастополе
Святой Андрей	50	–"–
Херсон	32	–"–
Осторожный	40	–"–
Поспешный	40	–"–
Крым	40	–"–
Храбрый	40	–"–
Стрела	40	–"–
Победа	40	–"–
Перун	40	–"–
Легкий	40	–"–
Скорый	40	–"–
Вестник	30	–"–
Почтальон	24	–"–
Кинбурн	40	у Рогожскаго Хутора
Берислав	40	–"–
Фанагория	40	–"–
Таганрог	40	–"–
Святой Николай	26	в Збуривском заливе
ШХУНЫ		
Победослав	18	в Севастополе
Вещеслав	18	–"–
Измаил	18	–"–
ШХУНАРЫ		
Курьер	12	в Севастополе
Сокол	12	в Керчи
яхта Пчела	–	в Марегле

[1] РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 399. Ч. 5. Л. 125 об.–126 об.

Наименование судов	**Количество пушек**	**Где находятся**
яхта Милая	–	в Херсоне
БОТЫ		
Новопавловск	12	в Керчи
Калмиус	12	–"–
Елань	12	в Таганроге
Карабут	–	в Севастополе
Битюг	12	в Лимане
Санбек	12	в Херсоне
№ 7	–	–"–
ПОЛАКИ		
Святая Екатерина	12	в Таганроге
ПИНКИ		
№ 1 № 2	–	в Севастополе
ТРАНСПОРТЫ		
Кричев, Дубровна, Межа, Десна, Днестр, Ревка	–	в Херсоне
Намбал, Черепаха, Таганрог	–	в Таганроге
Александр, Бористень	–	у Глубокой пристани
ФЛАШХОЙТЫ		
№ 1, № 2	–	в Херсоне
Палтус, Морж, Каракатица, Кит	–	в Таганроге
ГАЛИОТЫ		
Верблюд	–	в Севастополе
Слон, Тарантул, Дрофа, Темерник, Цапля	–	в Таганроге
Лебедь	–	в Лимане
КАЗАЧЬИ ЛОДКИ		
№ 1, 2, 3	–	в Таганроге
ПОСТРОЕННЫЕ НА СТАПЕЛЕ В ХЕРСОНЕ		
корабль № 5	66	
фрегат № 3	50	
СТРОЯЩИЕСЯ В ХЕРСОНЕ		
корабль № 6	80	
фрегат № 4	50	

Приложение 6

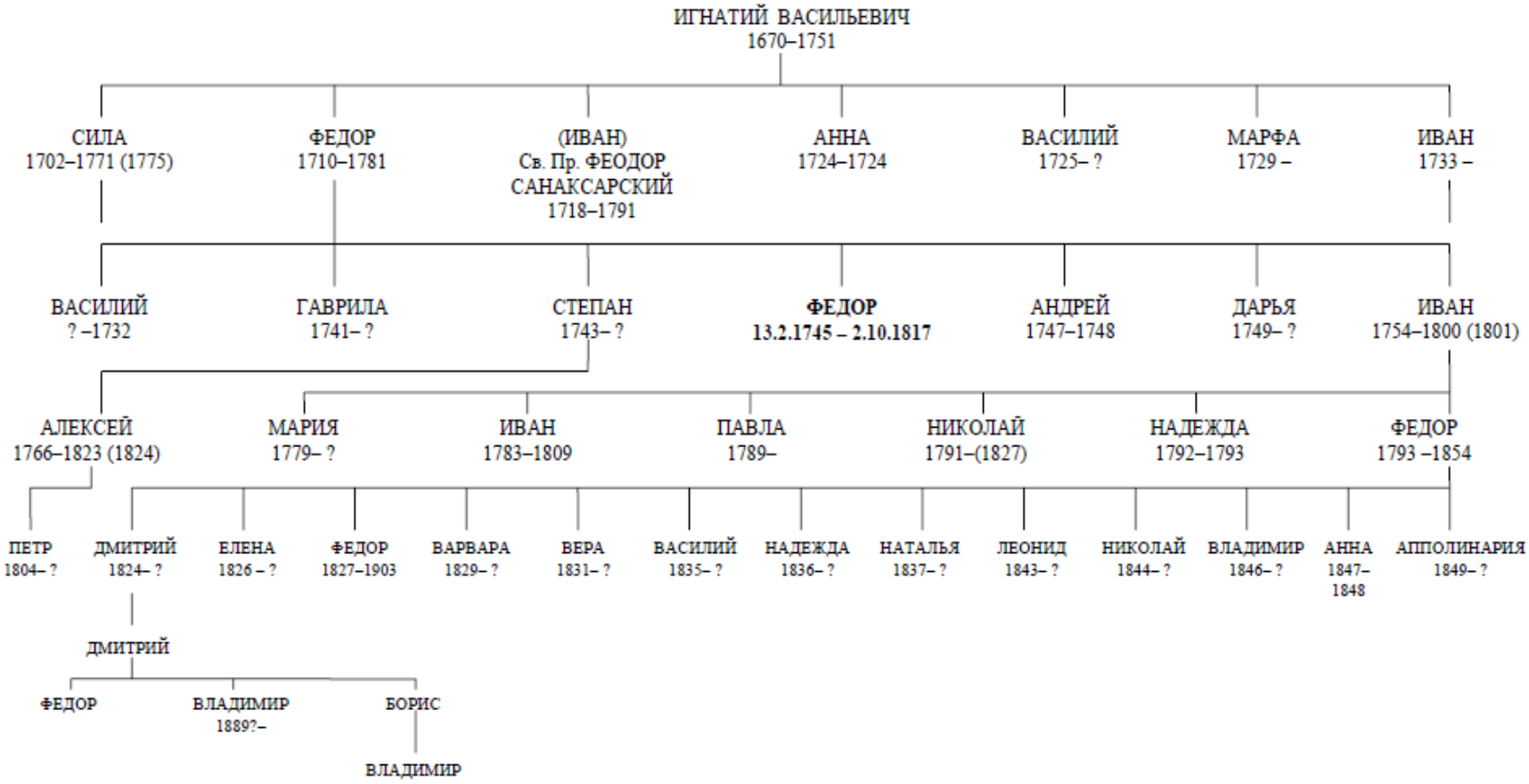
Родословная Ушаковых
1758 г.[1]



[1] РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 473. Л. 33.

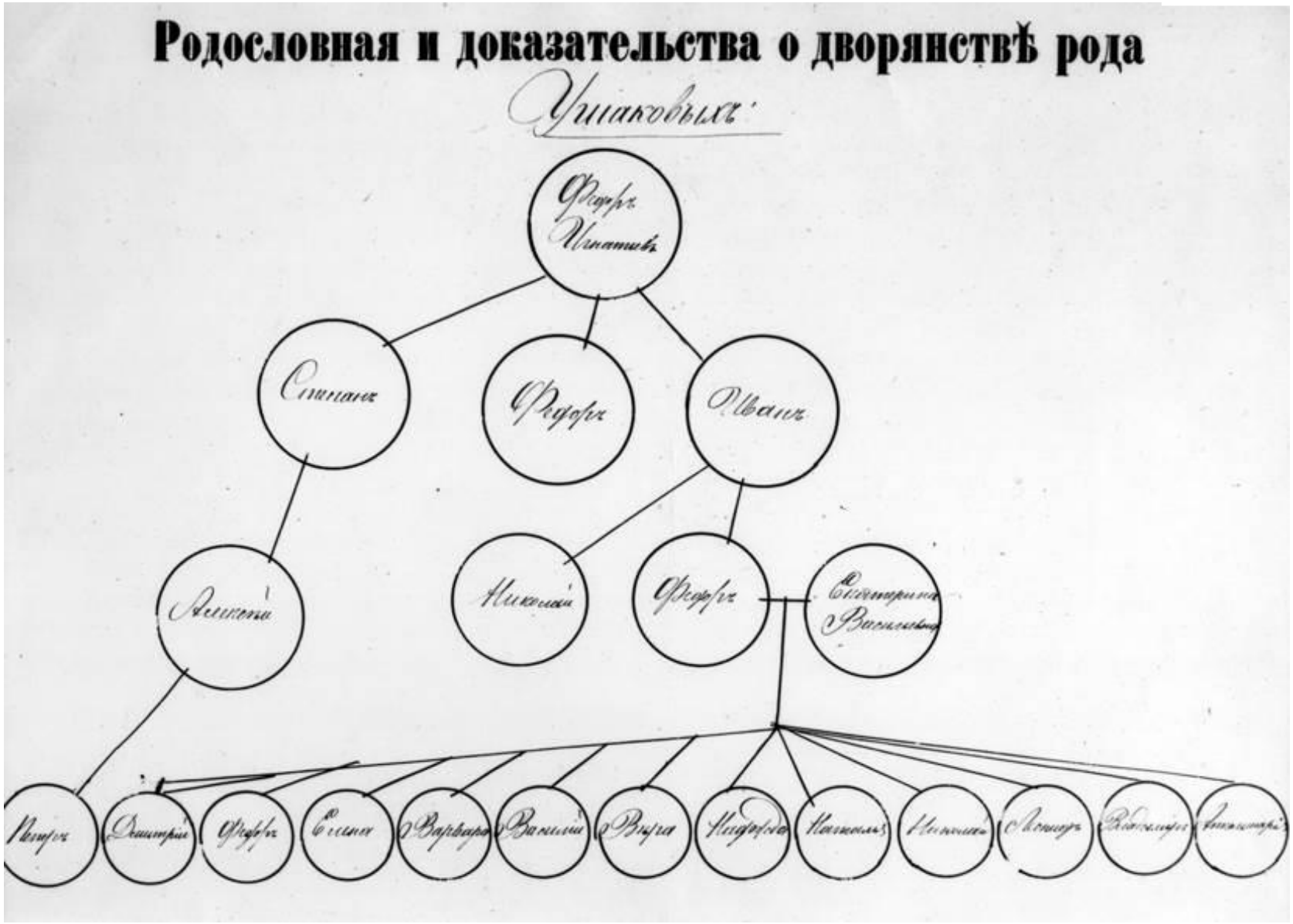
Приложение 7

РОДОСЛОВНАЯ УШАКОВЫХ



Составил: Овчинников В.Д.

Приложение 8



ГАЯО. Ф. 213. Оп. 1. Д. 4206. Л. 574.

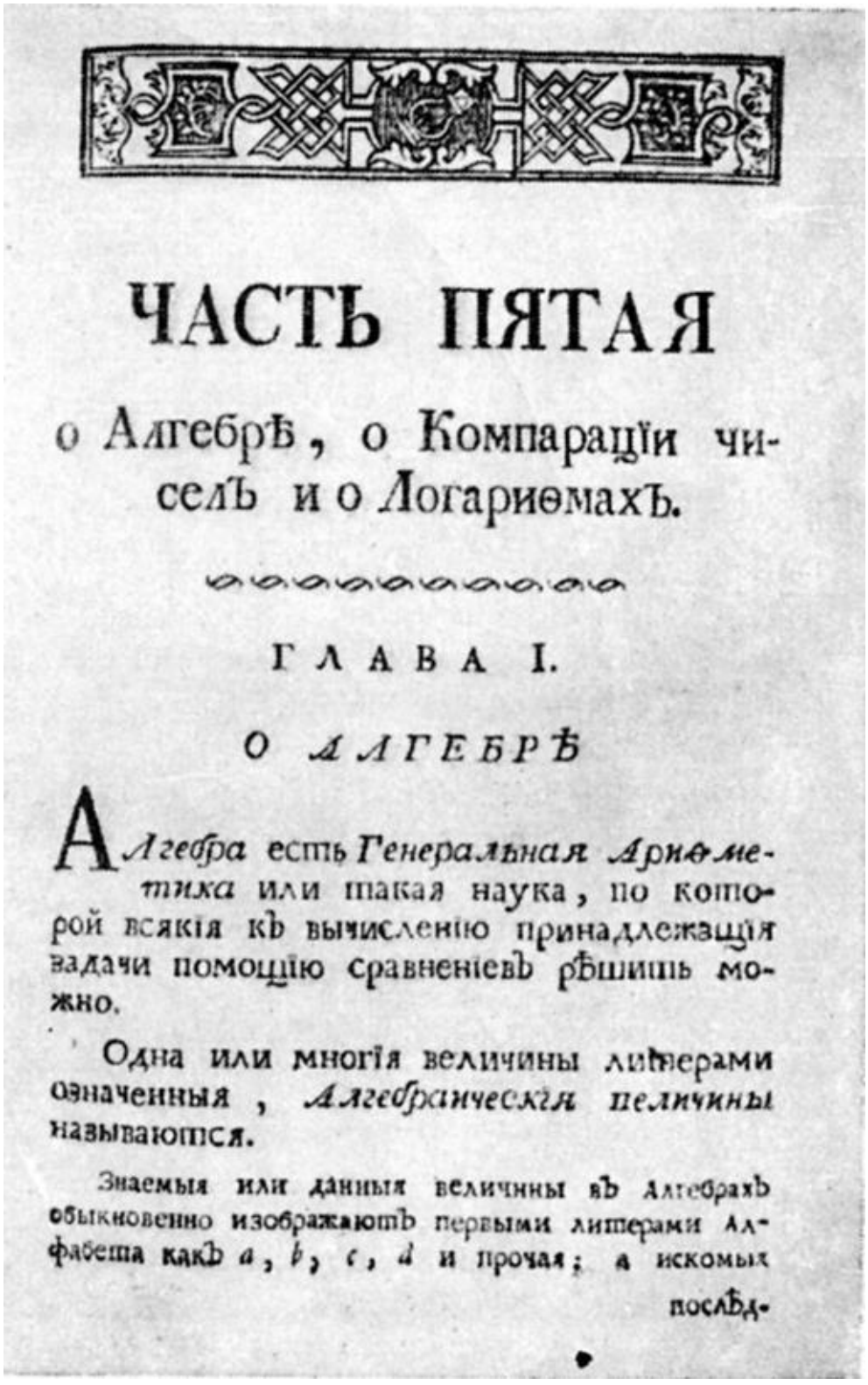
Приложение 9

ЗАПИСЬ О РОЖДЕНИИ Ф.Ф. УШАКОВА В МЕТРИЧЕСКОЙ КНИГЕ ЦЕРКВИ БОГОЯВЛЕНИЯ-НА-ОСТРОВУ 13 февраля 1745 г.[1]

[1] Филиал ГАЯО г. Ростов. Ф. 197. Оп. 1. Д. 781. Л. 14.

Приложение 10

СТРАНИЦА ИЗ КНИГИ Н. Г. КУРГАНОВА
«УНИВЕРСАЛЬНАЯ АРИФМЕТИКА». СПб. 1757.



ЧАСТЬ ПЯТАЯ

о Алгебрѣ, о Компараціи чиселъ и о Логариѳмахъ.

ГЛАВА I.

О АЛГЕБРѢ

Алгебра есть *Генеральная Ариѳметика* или такая наука, по которой всякія къ вычисленію принадлежащія задачи помощію сравненіевъ рѣшить можно.

Одна или многія величины литерами означенныя, *Алгебраическія величины* называются.

Знаемыя или данныя величины въ Алгебрахъ обыкновенно изображаютъ первыми литерами Алфабета какъ *a*, *b*, *c*, *d* и прочая; а искомыя послѣд-

Приложение 11

СТРАНИЦА ИЗ КНИГИ АДМИРАЛА С. И. МОРДВИНОВА «ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ О НАВИГАЦИИ» СПб., 1753., ИСПОЛЬЗУЕМОЙ В КАЧЕСТВЕ УЧЕБНОГО ПОСОБИЯ В МОРСКОМ ШЛЯХЕТНОМ КАДЕТСКОМ КОРПУСЕ

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

О НАВИГАЦІИ

ПРЕДЪ УВѢДОМЛЕНІЕ.

НАВІГАЦІА называется та наука, по которой корабль чрезъ моря отъ мѣста до мѣста во всѣ части свѣта пре проводят. двояка есть Навігаціа: одна малая, а другая большая.

Малая Навігаціа та, по которой преходятъ или преводятъ корабли, (мореплаватели) подлѣ береговъ и между земель, которая Навігаціа болше не требуетъ знать: какъ компасъ, признаки береговъ, якорные мѣста, фарватеры, камни, мѣли, теченіе моря, флюксъ и рефлюксъ, и карты плоскіе.

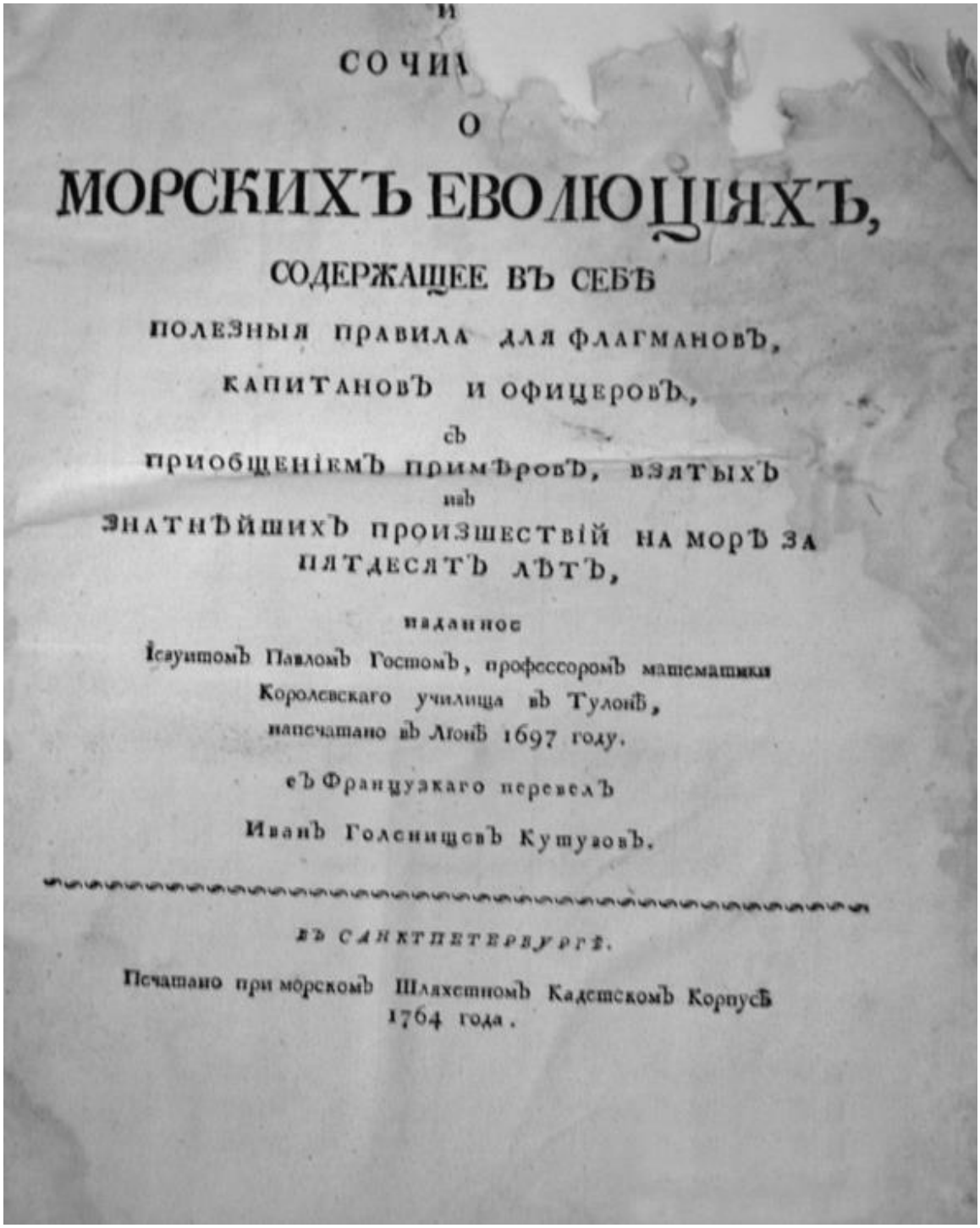
болшая Навігаціа та, по которой море-плаватели преходятъ кораблями чрезъ болшіе моря отъ мѣста до мѣста, при которомъ плаваніи по нѣсколко не малому времяни земель не видаютъ, а мѣста свои чрезъ обсерваціи свѣтилъ познаваютъ. чего для болшая Навігаціа требуетъ знать: сферу, трегонометрію сферіческую, проблемы Астрономическіе, трегонометрію плоскую, для изысканія пути плаванія гидрографическіе Карты, для обсервацей свѣтилъ Інструменты.

Но какъ всегда море-плавателямъ, случается плавать иногда въ доль береговъ, и между земель. а иногда и по болшимъ морямъ, гдѣ по нѣсколко дней, недѣль и мѣсяцовъ, береговъ не видаютъ. чего ради долженъ всякой мореплаватель знать, малую и большую Навігацію

Фундаме-

Приложение 12

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ КНИГИ П. ГОСТА
«СОЧИНЕНИЕ О МОРСКИХ ЭВОЛЮЦИЯХ»



И

СОЧИ\

О

МОРСКИХЪ ЕВОЛЮЦІЯХЪ,

СОДЕРЖАЩЕЕ ВЪ СЕБѢ

ПОЛЕЗНЫЯ ПРАВИЛА ДЛЯ ФЛАГМАНОВЪ,

КАПИТАНОВЪ И ОФИЦЕРОВЪ,

СЪ

ПРИОБЩЕНІЕМЪ ПРИМѢРОВЪ, ВЗЯТЫХЪ

ИЗЪ

ЗНАТНѢЙШИХЪ ПРОИЗШЕСТВІЙ НА МОРѢ ЗА ПЯТДЕСЯТЪ ЛѢТЪ,

ИЗДАННОЕ

Іезуитомъ Павломъ Гостомъ, профессоромъ машемашики Королевскаго училища въ Тулонѣ,

напечатано въ Лионѣ 1697 году.

СЪ Французкаго перевелъ

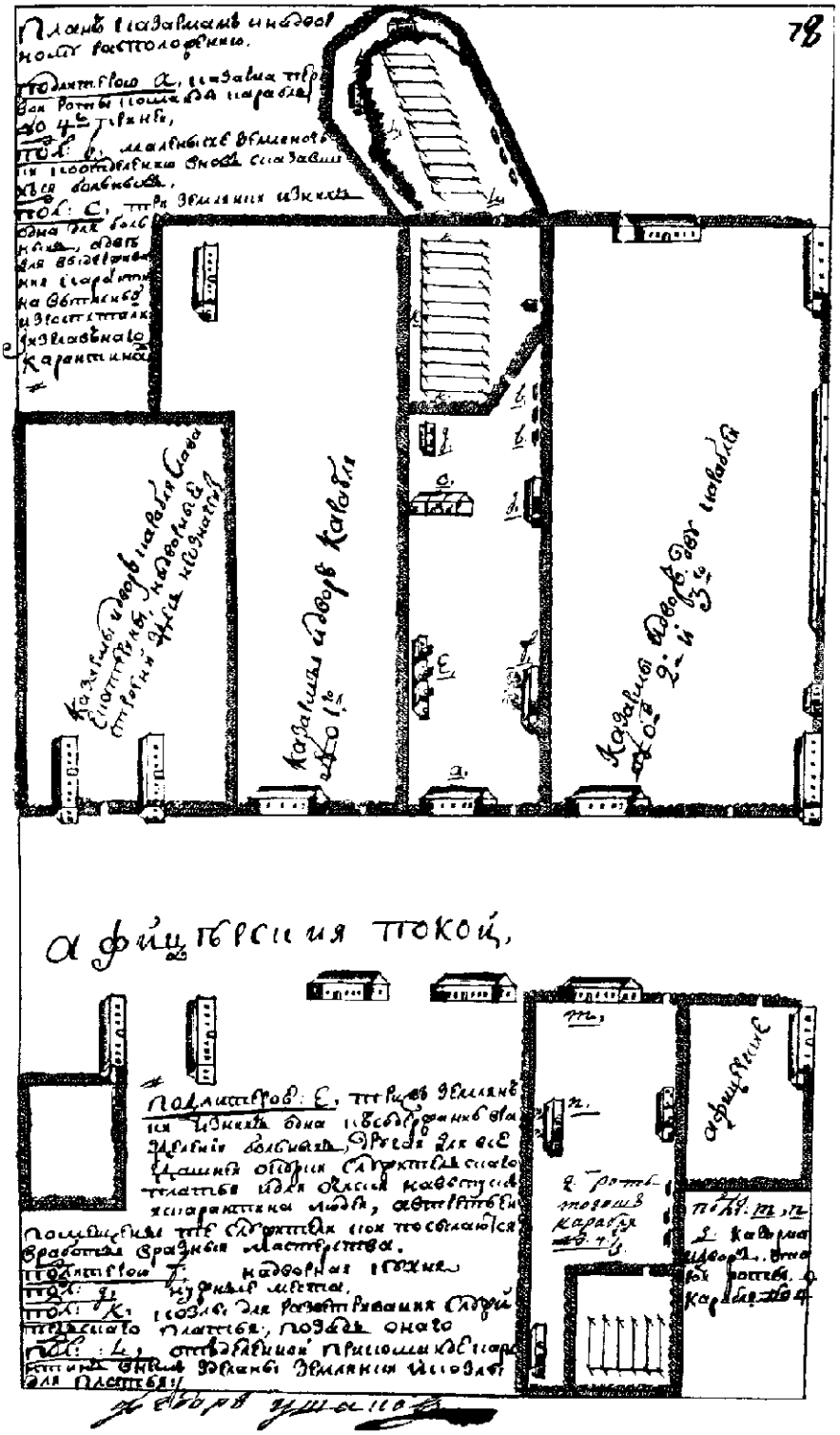
Иванъ Голенищевъ Кутузовъ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

Печатано при морскомъ Шляхетномъ Кадетскомъ Корпусѣ
1764 года.

Приложение 13

ПЛАН КАРАНТИННОГО ЛАГЕРЯ ПОД ХЕРСОНОМ,
СОСТАВЛЕННЫЙ Ф.Ф. УШАКОВЫМ.
Октябрь 1783 г.[1]



[1] Адмирал Ушаков. [Документы.] М., 1951. Т. 1. С. 37.

Приложение 14

УКАЗ АДМИРАЛЕЙСТВ-КОЛЛЕГИИ С ПРЕДСТАВЛЕНИЕМ Ф.Ф. УШАКОВА К НАГРАЖДЕНИЮ ОРДЕНОМ СВ. ВЛАДИМИРА 9 сентября 1784 г.[1]

Приобща формулярное о службе его, Ушакова, описание, поднесть Ее Императорскому Величеству всеподданнейший доклад, в котором донести, что, как об нем командующий на Черном и Азовском морях господин вице-адмирал Сухотин Коллегии двукратно представлял, что он, Ушаков, находясь в прошлом 1783 году, во время случившейся там заразительной болезни, исполняя наиприлежнейше повеления главной команды и употребляя всевозможные старания, також делая собственные свои распоряжения, отличил себя тем, что ту болезнь по вверенной ему части, не допуская ее к большему распространению, присек совершенно, гораздо скорее других командиров, за что ему от Коллегии приписано особливое ее удовольствие, что Коллегия, приняв в уважение таковой его, Ушакова, ревностный и отличный подвиг, не упоминая прочей его службы и сделанных им двадцати семи кампаний на море, по содержанию двенадцатого пункта статута ордена Св. Равноапостольного Князя Владимира, осмеливается всеподданнейше представить Ее Императорскому Величеству о всемилостивейшем пожаловании его, Ушакова, знаком того ордена.

[1] Ильинский В. К биографии адмирала Ф.Ф. Ушакова. Борьба с чумой в Херсоне (1783 г.) // Морской сборник. 1914. № 4. С. 12.

Приложение 15

РАПОРТ Ф.Ф. УШАКОВА В КОНТОРУ ГЛАВНОГО КОМАНДИРА ЧЕРНОМОРСКИХ ФЛОТОВ О ВООРУЖЕНИИ НАЗНАЧЕННЫХ В КАМПАНИЮ КОРАБЛЕЙ И О НЕДОСТАТКЕ ДЛЯ НИХ ЛИЧНОГО СОСТАВА

15 марта 1798 г.[1]

Назначенные на случай надобности в сходство высочайшего его императорского величества повеления корабли, фрегаты и прочие суда, в Севастополе состоящие, вооружением с поспешностию приуготовляются, но укомплектование оных, естли не взято будет с других остающихся здесь судов потребное число или отколь следует служители не будут доставлены, в таком случае служителей будет их весьма недостаточно, а особо солдатской команды, а притом и из наличных в комплекте на судах состоящих морских служителей некоторые частию находятся в госпитале, тож при команде больными и частию ж за болезнью уволенные от службы и сверх того должно и требуется хотя самое малое число по необходимостям оставить для содержания караулов при казармах, магазинах и пороховых погребах, посему и более на приуготовляющихся к походу кораблях и фрегатах служителей будет недостаточно, а притом в рассуждении весьма тяжелой на кораблях и фрегатах артиллерии, и комплект служителей, а особо артиллеристов по новому положению на случай действия против неприятеля (естли бы когда оное востребовалось) предвидится весьма же недостаточен, а особо артиллерийской команды, так что и к большим орудиям канонир и по одному человеку к пушкам не достает, ибо артиллерия на линейных фрегатах состоит не только на деке 24-фунтовые, но и на шканцах 18-фунтовые пушки, также и на кораблях на некоторых нижнего дека 36 — на других 30, а верхнего 18-фунтовые пушки; на корабле «Св. Павле» на нижнем деке 36, а на верхнем 24-фунтовые. Следовательно, по таковой сильной артиллерии к действию потребно и служителей гораздо превосходное число противу обыкновенного, а

[1] Адмирал Ушаков. [Документы.] Т. 2. С. 12.

инако надлежащих расторопных успехов как бы желалось в действие произвести вышеозначенное в резолюции о снабжениях достаточным числом служителей представить честь имею и прошу покорнейше, не повелено ли будет к укомплектованию судов морских и артиллерийских служителей взять их с остающихся здесь судов или отколь доставлены они будут, а особо команде по укомплектованию как повелено будет и откудова они на флот присланы быть имеют снабдить повелением. Также при случае, когда флоту на море вытить должно, позволено ли будет по самой необходимости малое число служителей из таковых, которые окажутся на море не весьма способны, оставить в караулах при командных казармах.

Приложение 16

ПРЕДЛОЖЕНИЕ КОНТР-АДМИРАЛА Ф.Ф. УШАКОВА В КОНТОРУ СЕВАСТОПОЛЬСКОГО ПОРТА
27 сентября 1790 г.[1]

Осматривая я морские госпиталя также и из рапортов госпитальных усматриваю, что служители беспрестанно умирают поносом; нахожу, что в содержании пищи и питье состоять некоторые недостатки, посему предлагаю конторе Севастопольского порта, для лучшего содержания их употребить всевозможное старание, приказать отпустить для варения им киселя и на печение булок достаточное число пшеничной муки, также и все что к лучшему их содержанию потребно приказать, откуда следует отпускать и надобности искупать, дабы лучшим содержанием людей подкрепить и привесть в здоровье, и тем отвратить великую убыль в людях, какая ныне происходит; тож и для прочих больных служителей, для которых следует на варение щей покупать капусту и прочее, что необходимо нужно, по сходству указа черноморского адмиралтейского правления, и стараться о здоровье служителей.

[1] Материалы для истории Русского флота. СПб., 1895. Ч. XV. С. 336.

Приложение 17

ПРИКАЗ Ф.Ф. УШАКОВА ПО ЭСКАДРЕ О СОБЛЮДЕНИИ ПОРЯДКА В ГОСПИТАЛЕ 15 мая 1791 г.[1]

В содержании морской госпитали, в счислении людей, в сохранении медикаментов и употреблении порций служителям оказался великий беспорядок, неустройства и некоторое подозрение, которое по отобрании подлежащих сведений не оставлю я приказать исследовать законным порядком; а между тем определяю быть при морской госпитали в исправлении всего подлежащего по должности старшему здесь штаб-лекарю Францу, которому рекомендую медикаменты и все что следует по закону при оной госпитали от штаб-лекаря Клерка принять в свое ведомство и охранение и, находясь при оной госпитали, исправлять подлежащую штаб-лекарскую должность со всяким рачением.

[1] Материалы для истории Русского флота. Ч. XV. С. 387–388.

Приложение 18

КРАТКАЯ ИДЕЯ ОБ УКРЕПЛЕНИИ СЕВАСТОПОЛЬСКОГО ПРИСТАНИЩА
(фрагменты)
1786 г.[1]

Севастопольское пристанище (Havre) лежит на западном берегу Херсонеса Таврического под 45-м градусом широты и около 52-х степеней долготы, разстоянием от Кинбурна 250, Козлова 60, Балуклавы сухим путем 15, Адда – или Березани – 270, Акермана 300, а от Константинополя – 560 верст.

… Проход Севастопольского пристанища шириною 450 сажень обращен на запад и находится между двух мысов, на которых построенныя батареи служат ему ныне обороною.

Разсматривая пользу сего места, находим мы, что по блискому его к турецким берегам положению оно весьма способно содержать в страхе все прилежащия к ним селения, прикрывать наши торги и подвозы, идущие от устья Днепрскаго и Азовскаго моря, тревожить купеческия неприятельския суда по всему Черному морю и самые его военные флоты встречать можно почти при самом их выступлении из Константинопольскаго пролива.

Сие пристанище вместить может самые многочисленные флоты, ибо там поверхность главнаго и меньших заливов, выключая мелководныя по Северному берегу губы, имеет больше полутора миллиона квадратных сажень; полагая пространство длиною и шириною по 100 сажень для каждого военного корабля и фрегата, выходит, что 150 больших судов в сем пристанище весьма просторно на якоре стоять могут, к чему также илистое его и иловатое дно весьма способствует. Нет там нигде опасных под водою камней, о которые суда повредиться могут.

---

[1] РГАДА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 365. Л. 153–175.

Меньшие заливы служат защищением от проходных чрез длину его …, а от прочих прикосновенныя берегам горы его совершенно закрывают.

В оврагах между сими горами находится множество сладкой воды источников, которые ожидают только художественной руки, чтобы быть соединенным в водоохраном для довольствия и запасу судов военных.

Во многих местах берега главнаго и меньших заливов имеют отлогие скаты, на которых производиться может разных судов строение.

Воздух в сем месте благорастворенной, и жаркие летние дни прохлаждаются морскими ветрами.

Земля в окрестностях тучная, как и во всем пространстве Таврической области.

Камень для строения находится в самой близости. Также и в месте для жжения извести, кирпича и черепицы недостатку быть не может.

Суда в сие пристанище входить могут 16-ю румбами, хотя по строгости правил и следовало бы таких румбов иметь до 24-х, но сие награждается шириною, которая позади мысов, заключающих проход, простирается до 700 сажень и в которой кажется, корабли могут, лавируя, выходить в море, невзирая на противный ветер.

От сего места на север до самого Козлова (Евпатории. – Авт.) морской берег несколько загнулся губою, отмелист, прикрытия судам не имеет; в самую Козловскую пристань входить могут только купеческия средней величины суда.

Но на запад до Балуклавы есть многие заливы, в которых довольно глубины не только для купеческих, но и для военных больших судов, и которые тем паче заметить следует, что в случае изнеможения сил наших неприятельской флот в них сыскать себе может от наступающей бури защиту, без чего бы он вынужден был возвратиться в свои пристани и удалиться от берегов наших.

Ближайший из оных к Севастополю залив есть Херсонесской, получивший себе звание от города Херсонеса, где, надобно думать, что наш великий князь Владимир восприял святое крещение.

Развалины сего города и поныне видны на западном берегу сего залива, который был его пристанью и которой имеет длины 800, ширины 130, глубины от 2-х до 10-ти сажень.

По другую сторону древняго Херсонеса прилегла губа, коей длина 160, ширина 130, глубина до 4 1/2-ю сажень, за оною находятся еще три залива…

Все сии заливы на 9-ти верстах от Севастополя, но далее по окружности Херсонесскаго мыса, или маяка, и Георгиевскаго монастыря до самой Балаклавы на расстоянии 19-ти верст берега крутые и каменистые, почему суда, не подвергнув себя опасности, к оным приближиться не могут.

Предложенное о Севастопольском пристанище и о близких к нему заливах служит приступом к изъяснению прожектированнаго там укрепления.

… Его Светлость Высокоповелительный Господин Генерал-Фельдмаршал и разных орденов Кавалер Князь Григорий Александрович Потемкин-Таврический в 1784 году, обозревая лично сие пристанище и его окрестности, разрешил сомнение и назначил под крепость место, на котором и прожект оныя здесь предлагается.

Сие место, находясь при самом устье Главнаго залива, имеет довольно ровную поверхность, которая с трех сторон, то есть с востока, севера и запада, окружается водою и каменными утесами. К заливу она имеет пологость, и на ниском ея береге быть могут для строения корабельнаго доки, или лини. Начальствующия крепостными линеями высоты, от коих бы закрыться было невозможно, отстоят все далее, нежели на пушечный выстрел.

При сочинении прожекта крепости предполагаются следующие три главные предмета:

1. Чтоб устье Севастопольскаго пристанища защитить сильным огнем и в то же время закрыть, сколько можно, соседственные к нему заливы.

2. Стенами сего укрепления оградить морские могазейны и доки для строения и починки кораблей.

3. Сие место должно быть столь сильно укреплено, что хотя б неприятель и, высадив на берег превосходныя силы, облег крепость с земли и моря, то бы она находилась в состоянии его нападению противиться, доколе из других пределов России не прибудет к ней помощнаго войска.

В разсуждении перваго для лучшей обороны прохода в пристанище полагается от Южнаго при оном мыса построить каменную плотину (mole) на глубине от 1 1/2 до 3 1/2, длиною до 150 сажень и на конце оной замок о двух рядах пушек, чтобы нижними очищать морскую поверхность, а верхними вредить неприятелю на дальнем разстоянии.

Противу всей плотины на Северном мысу построить другой замок, коего батареи к морю будут также о двух рядах пушек. Разстояния между сими замками для проходу в пристанище останется тогда только 300 сажень. И так замки будут себя защищать взаимно, и защищать устье перекрестными выстрелами. А как от Северного мыса на запад протягивается далеко в море мель, то корабли, которые бы покусились ворваться между сими замками в пристанище, должны еще будут проходить под пушечными выстрелами той части главныя крепости, которая лежит к Черному морю.

Другой предмет сей плотины, чтоб закрыть Адмиралтейство и его пристани от волнения западного ветра.

При сей плотине полагается построить фарос, или светильник, для показания пути кораблям в ночное время.

… Место для светильника назначается при плотине на скале ближняго к крепости мыса, потому что оттуда лучи его под большим углом устремятся на морскую поверхность и, отражаясь от блискаго крепостнаго строения и гор, удобнее осветить могут пути судам при входе в пристань, а, наконец, для того, что в сем месте башня его от неприятельской стрельбы будет совершенно закрыта.

… Доки для строения и починки кораблей назначены на низменном и прикосновенном к заливу месте, где они удалением своим от противнаго берега и

крепостным валом будут довольно закрыты от неприятельской прямолинейной стрельбы.

… Водоохраны в Севастополе нужны не только для наполнения доков, но сверх сего они необходимы для довольствия и запасу на случай осады тамошняго городоваго войска и жителей пресною водою, которая почти во все города Таврической области проведена трубами от находящихся в окрестностях водочей, невзирая на то, что многие из сих городов лежат при речках, ибо сии речки при малом в горах дожде в разсуждении своего крутаго падения и тучных берегов несут мутную и нездоровую воду.

… В окрестностях Севастополя, хотя не весьма в блиском разстоянии, однако находится множество ключей и источников, которые, проведены будучи в крепость, наполнят там водоохран. Тогда, хотя бы неприятель и пресек водовод, однако чрез сие он не может принудить сие место к преждевременной сдаче.

… Воду для наполнения корабельных доков содержать можно во рвах на той стороне крепости, которая лежит к Артиллерийскому заливу, где также в береге быть могут построены лесные могазейны, места же канатным, парусным и прочим для вооружения флота припасам назначаются близ Адмиралтейства внутри крепости.

В случае чрезвычайной надобности корабельное строение производиться может не только в крепости, но и в разных местах при главном и при меньших заливах, ибо, как выше сказано, там находятся пологие и способные для елингов берега. Лес и прочие для строения припасы из главных могазейнов туда доставлять можно водою.

… Главныя ворота в крепость с сухаго пути назначены только двои: одни от юга по хребту горы, а другие на западе к херсонессому заливу. В прочих местах спады столь круты, что тяжелыя повозки на гору подниматься не могут, и для сего там будут только выходы для сообщения с наружными пристройками каждаго полигона.

Солдатския жилища расположены подле главного вала, а пороховые погреба в гортанях (GORGES) бастионов.

Улицы назначены таким образом, чтобы в них крутизна мест, сколько можно меньше была чувствительна. Три площади служат сборными местами для военных людей. Перед круглою положен водоохран для запасной на время осады воды. А сверх сего и во всех обывательских домах должно иметь системы, которые будут наполняться дождевою водою, или из водоохрана.

Нижняя часть крепости оставляется для Адмиралтейства и его могазейнов, начальников, служителей и мастеровых людей.

Матрозы, на корабли распределенные, могут иметь свои жилища при берегах главнаго и меньших заливов, дабы они во всякое время были вблизости судов своих.

… На постройку по сему чертежу потребно денег 4.628.474, 37 1/4 (рублей), времени – 10 лет, из которых первой год употребится на приготовление к работе и доставление нужных припасов.

Рабочих, солдат или матрозов, чтобы все строения совершить в положенное время, требуется ежегодно до 3000 человек.

Мастеровых, как то: каменщиков, плотников и прочих – до 500 человек.

Из представления Екатерине II по военному и морскому ведомству

Приложение 19

ПЛАН СТРОИТЕЛЬСТВА СЕВАСТОПОЛЯ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЙ Г.А. ПОТЕМКИНЫМ ЕКАТЕРИНЕ II

Май 1786 г.[1]

Построить в Севастополе жилища для рабочих команд, кирпичные и известные заводы, чтобы сим же летом (1786 г.) заготовить довольное количество кирпича и извести. Для работ сих определить солдат из полков находящихся в Тавриде. Для жжения кирпича и извести отвести несколько десятин кустарнику, который разделить на части с тем, чтоб ежегодно употреблять по одной части. С сим хозяйством Севастопольская крепость и по своем совершении на предбудующие времена в дровах не будет иметь недостатка.

1787 г. или первый год работ.

Когда жилища для рабочих готовы и кирпичные и известные заводы и каменоломни основаны, доставить туда всю потребную по смете рабочую команду и произвести можно следующее: совершенно окончить замок, что полагается на северном мысу для обороны судового в пристанище прохода, отрыть треть линий главной крепости, водовод также и водоохран, который при оном в крепости получается, а сверх сего заготовить для будущего лета полное количество кирпича, черепицы и извести.

Второй год работ.

В сей год можно отрыть достальную часть линий главной крепости, одеть кирпичом на сементе или замазке водовод и водоохран, заготовляя при том к следущюему году камень на одежды, кирпич, черепицу и известь.

Третий год работ.

Доставить воду в крепость для творения извести, можно одеть камнем половину крепостных линий, а при том настроить несколько пороховых погребов и кладовые для съестного запасу.

Четвертый год.

Окончить каменную одежду крепостных линий со всеми подземными стрельницами, ходами и подкопами, а также достроить остаточные пороховые погреба и кладовые.

Пятый год.

Построить солдатские жилища, плотину с ее замком и светильником, также одеть бруствера и галасис деревом. Таким образом, через пять лет сие место будут приведено в оборонительное состояние.

Шестой год.

Построить два отделенные в море замка и начать доки корабельные, адмиралтейство и принадлежащие к оному кладовые.

Седьмой год.

Достроить доки и принадлежащие к адмиралтейству строения.

Восьмой год.

Построить жилища адмиралтейских чинов и пристани с машинами для выгрузки корабельных припасов.

Девятый год.

Построить остальное публичное строение, как то церкви, гостиные дворы, комендантский дом и прочее.

1796 г. или десятый год работ севастопольских оставляется, чтоб привести к окончанию и наградить непредвиденные препятствия и остановки, которые в предыдущих девяти годах случаться могли.

Из «Журнала подносимых Ее Императорскому Величеству записок». № 62.

---

[1] РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 72. Л. 206–211.

Приложение 20

КРАТКАЯ ЗАПИСКА Ф.Ф. УШАКОВА О ВЫПОЛНЕННЫХ ЗА ВРЕМЯ ЕГО КОМАНДОВАНИЯ ФЛОТОМ С 1790 ПО 1792 г. РАБОТАХ ПО ИСПРАВЛЕНИЮ КОРАБЛЕЙ, ПОСТРОЙКЕ КАЗАРМ, ГОСПИТАЛЕЙ, МАГАЗИНОВ, ПРИСТАНЕЙ[1].

Со вступления моего в командование флотом 1790 года.

По приезде моем из Ясс в Севастополь в апреле месяце флот при великих недостатках и малейше был не готов; но нимало не мешкав, успел я в половине мая выйти на первый случай с эскадрою и обошел Анадольские и Абазинские берега, при известных действиях оного.

А затем, приуготовя все подлежности, действовал флотом против неприятеля с известною пользою.

После первой баталии, по возвращении в Севастополь, день и ночь происходила работа, и неусыпным попечением и трудами все повреждения с поспешностию в самой скорости исправлены; на место перебитых мачт, стеньгов и реев сделаны новые, и флот вторично с известной пользою имел сражение, после которого возвратясь в Севастополь, таким же положением поспешно исправлен с переменою перебитых мачт, стеньгов и реев.

И еще в сию кампанию успел к препровождению гребного флота в Дунай и находился для обеспечения оного при устьях сей реки до глубокой осени, в которое время крейсерские суда имели некоторые известные успехи при Калиакрии и Варне.

А от сего времени зимою и весною 1791 года при бывших многотрудных исправлениях весь флот, корабли, фрегаты и прочие до одного судна килеваны, обожжены и исправлены благонадежно и в кампанию оного года флот также имел с отменной пользою сражение против неприятеля и, получа повеление о перемирии, находясь близ Константинопольского пролива, оставя все полезности, какие бы от успехов сей баталии быть могли, возвратился в Севастополь.

По вступлении моем в командование флотом для сбережения служителей казарм и госпиталей, кроме ветхих нескольких только малых строениев (на низких и нездоровых местах сделанных), почти совсем не было. Но неупустительно во время упомянутых же действиев, а особо по окончании войны с прошлого лета все корабельные команды чрез неусыпные старания и труды имеют ныне на лучших возвышенных местах при открытом воздухе казармы с лучшим рас-

[1] Адмирал Ушаков. [Документы.] Т. 1. С. 564, 565.

положением вновь построенные порядочной величины с надлежащими пристройками каждая команда по две, по четыре, а большие некоторые корабли и по шести казарм.

Госпитали на открытом же возвышенном месте и чистом воздухе вновь ныне построены, один довольно видный флигель в два этажа на 48 саженях с надлежащими на первый случай пристройками. Чрез это служители с довольным успехом сбережены, больных при команде против прежних времен по расчислению количества людей почти в три раза менее, а в такой же почти пропорции и убыль умершими уменьшилась.

Все упомянутые работы производимы были адмиралтейскими, а большей частию флотскими служителями, и следует оным выдача заработных денег по положению бывшего светлейшего князя, ибо по неимению денежной казны, выдачи оных не было. Магазины для разных надобностей, также каковы они есть, поддержаны исправлением безо всякого ж казне убытка.

А за сим господа командующие кораблей и фрегатов с неусыпным старанием продолжают строение казарм, к ним разных пристроек и при берегах гавани, где поставлены суда, против оных сделаны пристани и между собою по набережной соединены проспектами и приводятся еще в лучшее положение. На оных же пристанях против каждого корабля делаются корабельные магазины и стараются при сбережении служителей также сберегать вверенные им суда, припасы и материалы под собственным своим присмотром и охранением.

По неимению покоев для житья господ штаб и обер-офицеров и некоторых разных чинов служителей при Севастополе сделаны многие собственные разные строения, а также купечество российское и иностранное, большей частию из греков и разные люди имеют дома и лавки для торговли и от времени до времени умножаются. Во всем городе при разных потребных расположениях соблюдаются тишина и порядок к благоденствию служащих.

Флот на нынешнюю кампанию исправлениями большей частию совсем уже приуготовлен, великий недостаток только состоит в такелаже, разных припасах, материалах и морской провизии, которые в надлежащее время неупустительно требованы и ожидаются в присылку. Также и в прошедшие времена все надобности, какие следовали, неупустительно ж требованы были и частию, сколько при стараниях моих успевать было можно, получались.

Федор Ушаков

Приложение 21

ИЗ ПРИКАЗА Ф.Ф. УШАКОВА О ОБУЧЕНИИ ПУШЕЧНОЙ СТРЕЛЬБЕ МАТРОСОВ И КАНОНИРОВ
23 февраля 1792 г.[1]

По наступлению ныне удобного времени к подлежащему обучению служителей к пушечной экзерциции предписываю по требованию артиллерии капитана 3 ранга Масса для сего батарею и щит от порта исправить всеми подлежностями. А между тем господа командующие кораблей, фрегатов и прочих судов благоволят приказать наличным матросам и канонирам, сочиня списки, отослать к нему, господину Массу. По исправлении ж батарей, немедленно начать оное обучение, напервее с кораблей, а потом и с прочих судов по очереди, как значит в приложенном реестре примерно, а после и действительною пальбою с ядрами, старых по три, а рекрут по 5 выстрелов. От команд же ко обучению служителей посылать при офицерах, к содержанию пороха и всех припасов и снарядов при той батарее определяется, равно и для записывания выстрелов, кто куда свои ядра положит, с корабля «Иоанна Богослова» артиллерии унтер-лейтенанта Зеленского и к нему в помощь послать с эскадры первой и третьей знающих грамоте двух сержантов или унтер-офицеров, а по окончании обучения всех служителей, те списки с показанием выстрелов представить мне.

[1] Адмирал Ушаков. [Документы.] Т. 1. С. 559.

Приложение 22

ПРИКАЗ Ф.Ф. УШАКОВА О СОВМЕСТНОМ ПЛАВАНИИ В СОСТАВЕ ЭСКАДРЫ 17 июля 1794 г.[1]

В предуведомление имею честь командующим рекомендовать, в ходу под парусами всякая надежность сама по себе видна, как и в каком месте должно содержать суда; стараться всегда по удобности быть ближе корабля командующего флотом, не стесняя только один другого, чтобы не быть в опасности и не сойтись между собою.

Исполнение по сигналам чинить ту ж самую минуту неотложно, как скоро какой сигнал поднят будет. Касательно ж о прибавке парусов, никогда не дожидаться сигнала, лучше иметь их излишнее число, нежели недостаток; никогда не полагаться на ход своих судов, и парусов не убирать до тех пор, пока прямо придут в свое место; подходить же к оному ближе, а потом, убавя паруса, можно сделать всякую сноровку к остановлению хода, ежели оно вознадобится. Буде же сигналом требовано будет прибавить парусов, в таком случае не разумеется, чтобы поднять один какой-либо парус, должно показать весь вид полным числом, что прибавка учинена. Кто имеет все паруса, таковому о прибавке другой сигнал быть уже не может, разве особо заметится какая-либо неисправность, и для того на требование по сигналу паруса прибавлять или иметь их все поднятыми, хотя бы и невелика в них была надобность, можно чрез 5–6 или и чрез 3 минуты их подобрать, а вид делать всегда в полном числе, то что исполнение учинено. При всякой эволюции, или ордере каком бы то ни было, нижние паруса отнюдь не должны быть закреплены; иметь их на гитовых готовыми, дабы в одну минуту исполнение можно было ими учинить. Колоннам содержать себя одна от другой в умеренной дистанции по свойству пятого ордера демарша, а особо передовым надветренной и подветренной колонн иметь осторожность

[1] Материалы для истории Русского флота. Ч. XV. С. 466–467.

быть всегда в своих местах безотлучно, а прочим выравнивать дистанцию, не распространяя оную между другим, сколько можно ближе и недалее 100 сажень один от другого, содержать себя всегда в линиях, не выходя из оных.

Ежели где потребуется целыми колоннами спуститься параллельно один другому, начинать исполнение всем вдруг, словом сказать, всякое требование показать исполнением полным видом, чтобы было заметно, а потом уже делать сноровку, прибавляя и убавляя паруса, где надобность требует быть под малыми парусами, такой и вид делать, чтобы излишних не было, а что должно исполнять подо многими парусами поднимать все и потом делать уже сноровку. Примыкаться всегда к передовым, ежели они в своих местах, не распространяя дистанцию, разве особо надобность потребует ожидать задних, ежели они, идучи в своих местах под всеми парусами ходом успевать не могут, во всяком случае их должно несколько ожидать и не весьма разрывать линию, но заметно было, что некоторые, не имея вовремя довольного числа парусов, отстают и заставляют себя дожидаться, таковых ждать нельзя, а паче сказать с неудовольствием должно принуждать их сигналами. Особо даю заметить, чтобы в отдаленности назади находящимся всегда иметь все паруса, или, сколько возможно, и не убавлять, пока не будут точно в своих местах или близко корабля командующего, буде не в ордере, а наипаче упавшим под ветер никогда парусов не должно убавлять, пока не войдут в свои места, придерживаясь к ветру или поворотом чрез контрамарш, проходя далее вперед, чтобы одним оборотом можно попасть в свое место так, как и в прошлые годы я об оных писал объяснительно; все оное наблюдать с точностию. Заметил я корабль «Св. Троица» часто убавляет паруса, далеко еще не дошед до своего места, и большей частию отделяется далеко, также и по сигналам прибавку парусов чинит медлительно; рекомендую командующему оного корабля корабль содержать всегда ближе в над лежащем месте и по сигналам исполнение чинить ту ж минуту, не дожидаясь повторения. Эскадра под начальством моим в море находится для обучения практики и эволюции; не есть уже эволюция, ежели исполнение начинается медлительно или неполным ви-

дом. Я объясняюсь обо всем оном подробно и не в какое-либо неудовольствие, но желая исполнить долг возложенной на меня надобности, и паки напоминаю, никто не должны считать своим неудовольствием, ежели кому деланы будут или повторены сигналы; кто все надлежащее исполнит сам собою, по предусмотрительности или по первоучиненному сигналу, таковому повторение делано не будет, а кто-либо не скорым исполнением понудит повторять сигналы, тот сам себе наведет неудовольствие и не на кого другого пенять не может, или будет оно несправедливо.

Приложение 23

ПРИКАЗ Ф.Ф. УШАКОВА О МЕТОДАХ ОБУЧЕНИЯ КОМАНД АРТИЛЛЕРИЙСКОЙ СТРЕЛЬБЕ 23 июня 1797 г.[1]

Для обучения служителей пушечной экзерциции с пальбою заряды для пушек уменьшить, как означено в приложенной при сем ведомости, чрез что можно, сберегая порох, экзерцицию с пальбою сделать два или три раза и посему положению картузы на первый случай, сколько потребно, иметь готовые, но единовременно много выстрелов не палить и стараться служителей, как наивозможно, приучить и довесть в совершенство. Я особо рекомендую всем господам командующим приказать примерно наблюдать, чтобы в цель наводили, как должно и аккуратно. Для сего намерен я еще несколько раз сделать ученье спышками, а после с действительной пальбою…

В экзерциции, при обучении служителей пушками в двух колоннах, стараться, сколько можно, содержать дистанцию ровнее и непременно содержать себя [на] траверзе один против другого, дабы удобнее было пушками наводить и прицеливаться; при экзерциях прицел служителей, кому надлежит поверять, чтобы дула пушечные не опускали низко и не возвышали излишне, а наводили бы точно в желаемые места против кораблей, а не мимо. Примерами только и долговременным употреблением можно служителей к сему приобучить, а инако без довольного присмотра замечается — служители сами собою пушек в цель почти не наводят, об оном напоминаю, в присмотре всевозможное старание и прилежность иметь самим господам командующим, также и в линии дистанцию сохранять между собою равную, близко один к другому не находить и не разрывать.

При обучении же экзерциции служителей артиллерийские офицеры должны к сведению весьма растолковать и дать понятие пушкарям, что в близкой ди-

---

[1] Адмирал Ушаков. [Документы.] Т. 1. 675–677.

станции пушка, горизонтально наведенная, берет выше того места, в которое она нацелена, а в дальнея дистанции ниже, ибо при горизонтальном выстреле пушечное ядро параболу свою делает выше горизонтальной линии, а потом опускается. Господа артиллеристы по долгу своему имеют пушкарям объяснить, в какой дистанции как выстрелами действовать должно, посему необходимо в пальбе надлежит иметь сноровку.

Федор Ушаков

Приложение 24

ПРИКАЗ Ф.Ф. УШАКОВА ОБ ОБУЧЕНИИ МАТРОСОВ БЫСТРОМУ ВЫПОЛНЕНИЮ МАНЕВРОВ С ПАРУСАМИ 27 июня 1797 г.[1]

Весьма надобно служителей обучить скорому и расторопному управлению парусов, подбиратъ и распускать оные, а особо брать рифы с крайней и всевозможной расторопностью и притом необходимо надобна бережливость, чтобы паруса не драли. При таковом времени, как я для обучения людей беру рифы, непростительно вахтенным офицерам, когда рвут во оное время марсели (каковы бы они ни были). Это ничто иное есть, как недовольная навычка. Господам командующим рекомендую при обучении офицеров и служителей иметь собственный свой присмотр и каждому по долгу, кому об чем следует, давать наставление. Весьма часто случиться могут надобности брать рифы и делать разные обороты в виду и в близости неприятеля, на таковые случаи потребны во всем отличная исправность, скорость и аккуратность всякого действия. Посему и паки напоминаю: офицеров и служителей стараться во всем обучениями довести до совершенства. Я намерен при удобных временах по нескольку часов быть сам на каждом корабле и фрегате и приказать для пробы производить разные действия пушками и парусами, о чем благовременно сим господ командующих и известить имею.

Вице-адмирал Федор Ушаков

[1] Адмирал Ушаков. [Документы.] Т. 1. С. 679, 680.

Приложение 25

ИЗ ПРИКАЗА Ф.Ф. УШАКОВА О НАКАЗАНИИ ЗА ДЕЗЕРТИРСТВО, ПЬЯНСТВО И ВОРОВСТВО И ОБ УДОВЛЕТВОРЕНИИ ЛИЧНОГО СОСТАВА ФЛОТА ДЕНЕЖНЫМ СОДЕРЖАНИЕМ ИЗ СУММ ФЛОТА, ЗАИМООБРАЗНО ОТПУСКАЕМЫХ ИЗ КАЗНАЧЕЙСТВА

4 октября 1792 г.[1]

§ 1

Явившегося из бегов корабля «Рождество Христово» клерка унтер-офицерского чина Ивана Батагова за самовольную от команды отлучку, за пьянство, в котором он обращается весьма часто, и дурное поведение, написал я в матросы во 2 статью и рекомендую к воздержанию впредь от таковых продерзностей наказать его при команде по рассмотрению.

§ 2

Пойманного из бегов, находящегося на Глубокой пристани штурманского ученика Герасима Федорова во исполнение присланного ко мне из Черноморского Адмиралтейского правления от 18 числа сентября указа, ежели и подлинно он так объявляет, имел там от командира притеснение для чего ближе, в Херсоне, явясь к команде, не принес жалобы, а отлучился далее и если бы не был пойман, конечно б, и поныне старался б укрываться. Рекомендую господину примьер-майору Говорову наказать его жестоко при разводе фрунта и определяю его на корабль «Сошествие Святого Духа» в комплект, куда приняв, внесть в список и довольствовать, чем следует.

§ 3

Явившегося из бегов корабля «Богородица Казанская» писаря Ивана Шершнева и пойманного каторжного невольника Ивана Михайлова рекомендую первого за пьянство и 5 дневную от команды отлучку наказать при команде по рассмотрению, а невольника господину примьер-майору Говорову наказать

---

[1] Адмирал Ушаков. [Документы.] Т. 1. С. 582, 583.

при собрании прочих нещадно кошками и, освободя из-под караула, отослать, куда надлежит.

§ 4

По рапорту господина командующего корабля «Рождества Христова» матроса 1 статьи Абрама Петрова за утрату самовольно всего казенного мундира, кроме тулупа парусинного, за пьянство и воровство и весьма худое поведение, написал я во 2 статью и рекомендую наказать его при команде шпицрутенами чрез 1000 человек один раз и из-под караула освободить, вместо ж утраченного мундира выдать ему из имеющегося при команде оставшего после умерших, а за прежний, что следует, взыскать из его жалованья, о чем дать знать и конторе Севастопольского порта.

§ 5

Известно мне, что за неполучением давнее время денежного жалованья служители при командах терпят в пропитании себя крайнюю нужду, так что на покупку к заготовлению в зимнее время капусты и прочего в наличии денег у себя не имеют, почему данным от меня сего числа правящему казначейскую должность господину капитану Попову ордером велено отпустить заимообразно на большие корабли по 200, на малые по 150, на фрегаты большие по 100, на малые по 80, на два аката и на судно «Полоцк» по 40, во второй черноморский батальон 300 рубл., которые при отпуске в команды жалованья должны быть возвращены в подлежащую сумму. Рекомендую господам командующим приказать из здешнего казначейства оные деньги принять с расписками и употребить на покупку служителям надобностей, а при отпуске жалованья в казначейство возвратить.

Приложение 26

ПИСЬМО НАСТОЯТЕЛЯ САНАКСАРСКОГО МОНАСТЫРЯ ИЕРОМОНАХА НАФАНАИЛА ВЛАДЫКЕ АФАНАСИЮ ЕПИСКОПУ ТАМБОВСКОМУ[1]

Высокопреосвященнейший Владыко!

Милостивейший отец и Архипастырь!

На полученное Вашего Высокопреосвященства архипастырское отцелюбезнейшее писание о доставлении сведения о последнем времяни жизни покойнаго Адмирала Феодора Феодоровича Ушакова сим с потщанием моим всеугоднейше спешу донести. Оный Адмирал Ушаков, сосед и знаменитый благотворитель Санаксарской обители, по прибытии своем из Санктпетербурга около 8-ми лет вел жизнь уединенную в собственном своем доме, в своей деревне Алексеевке разстоянием от монастыря через лес версты три, который по воскресным и праздничным дням приезжал для богомолия в монастырь к службам Божиим во всякое время, а в Великий Пост живал в монастыре в келье для своего пощения и приготовления к приобщению Святых Тайн по целой седмице и всякую продолжительную службу с братиею выстаивал не упустительно и слушал Благоговейно. В послушаниях же монастырских ни в каких не обращался, но по временам жертвовал от усердия своего обители значительным Благотворением, также бедным и нищим творил всегдашния милостивыя подаяния и вспоможения. В честь и память Благодетельнаго имяни своего зделал во обитель в соборную церковь дорогия сосуды, важное евангелие и дорогой парчи одежды на престол и на жертвенник. Провождал остании дней жизни своей крайне воздержано, и окончал жизнь свою как следует истинному христианину и верному сыну святыя церкви 1817-го года октября 2-го дня, и погребен по желанию его в монастыре подле сродника его из дворян, первоначальника обители сей иеромонаха Феодора по фамилии Ушакова ж, кроме же вышеописаннаго, других достопа-

[1] РГА ВМФ.Ф. 315. Оп. 1. Д. 1891. Л. 2–3.

мятных каких-либо действий его в монастыре не происходило. О чем с глубочайшим ко особе Вашего Высокопреосвященства высокопочитанием достоверно донеся, остаемся с чувствительнейшею признательностью, будучи крайне осчастливлены благосклонным вашим архипастырским нас грешных приветствием с Христово Рождестовым праздником. Вашего Высокопреосвященства милостивейшаго и всеблагодетельнейшаго отца и архипастыря всепреданнейший и усерднейший послушник и богомолец Санаксарского монастыря настоятель иеромонах Нафанаил с братиею.

Генваря 3-го дня 1829-го года.

Приложение 27

СОСТАВ ТУРЕЦКОГО ФЛОТА
Июль 1785 г.[1]

Именной список кораблям, фрегатам, шебекам и бомбардирским судам турецкаго флота, в показании в котором — ходу оные по флоту причислены, где построены, какой материи и по-сколько имеют пушек, исчислено на конец Июля 1785.

Число кораблей фрегатов и прочих судов	Имена	Где построены и подарены	Когда построены	Сколько по ширине могут по 19 дюймов пушек на бортах	Сколько пушек.
1.	Мелицул-бахри, Царь морской	В Константинополе	1776	57½	70
2.	Анкай бахри, Морская царь птица	там же	1772	55½	66
3.	Фетхул-фиттах, Имеет победы	там же	1771	53½	62
4.	Фейзи Худа, Благодать Божия	там же	1777	51½	58
5.	Мисрие, Щастливой	В Синопе	1772	51½	58
6.	Тевфик-бахри, Морской Царь	там же	1777	51½	58
7.	Абдулла Эсседыд, Новой Митилинской	В Митилине	1761	51½	58
8.	Пулад-бахри, Морской Булат	В Измаилове	1782	51½	111
9.	Хабиб Худа, Охраняемый Богом	В Родосе	1777	51½	58
10.	Тевфик-Илаги, Руководительный Богом	там же	1777	51½	58
11.	Меид-фетхуль, Вместимь победы	В Синопе	1776	51½	58
12.	Еждер-бахры, Морской дракон	В Родосе	1782	51	58
13.	Сенгер-бахри, Конь Морской	В Константинополе	1783	51	58
14.	Инает Хань, Милость Божия	там же	1773	47½	54
15.	Нусрет Ордын, помощь Божия	В Синопе	1782	47½	54
16.	Улаб-бахри, Ястреб Морской	там же	1783	47½	54
17.	Фюрюн-бахри, Волк Морской	В Константинополе	1783	47½	54
18.	Мансури-бахри, Морской щастливой пришлец	там же	1783	47½	54
19.	Кедиктюл-Инаять, Дарь Царя	В Тарсе	1777	46½	54
20.	Ешир-Зафарь, Вместимь победы	В Константинополе по Малой Азии	1784	46½	54
21.	Османи-бахри, Османской Морской	В Константинополе	1777	45	52
22.	Насир-бахри, Морской помощник	там же	1778	45	52
23.	Инаять Нусрет-бахрь, подобшийся Морской помощи	В Тарсе	1783	45	52

[1] АВПРИ. Ф. 89, Оп. 8. Д. 656. Л. 45–46.

24.	Тыловымъ бакри, Морское тыловыманье — . —	Въ Родосѣ	1783	45	52
25.	Хрид-Іафаръ, Отступная побѣда — . — . —	тамъ же	1783	45	52
26.	Хардъ-Іафаръ, полная побѣда — . — . —	Въ Галацѣ	1778	43½	46
27.	Мурадіе, Оглашеніе — . — . — . — . —	Въ Родосѣ	1776	43½	46
28.	Эджеръ-башлы, Голландской драгунъ — . — .	Въ Галацѣ	1778	43½	46
29.	Мавзаръ тевфикъ, подобшійся Адмиральскаго рукоподатства —	Отъ Франціи Изъ подарк	1774	43½	46
30.	Романъ бакри, Морское финикъ — . — . —	въ Родосѣ	1776	43½	46
31.	Бар-бакри, Морское лодокъ — . — . —	тамъ же	1767	43½	46
32.	Шаландъ-бакри, Морское молодецъ — . — . —	тамъ же	1779	43½	46
33.	Кавакъ бакри, Морская башня — . — . — . —	Въ Смирнѣ что на Архипелагскомъ морѣ	1783	43½	46

На грудь 43½ пишь написанныя, въ скобкахъ сдѣлать могутъ ещѣ прибавить по И. пушки.

Фрегаты и Шебеки.

34.	Фрегатъ-бакри, Морское подобіе — . — . —	Въ Шкодрѣ	1779	41½	42
35.	Чишъ-пай, Шебетиковы — . — . — . —	Въ Синопѣ	1780	41½	42
36.	Мавзаръ Кадетъ, подобшійся Благополучія — .	Отъ Адмирала путныя	1778	41½	42
37.	Морг-бакри, Морская птица — . — . — .	въ Родосѣ	1775	41½	42
38.	Шебекъ-Іафаръ, побѣдою прозванный — .	Въ Понтійскомъ тихомъ	1782	41½	42
39.	Ёръ-Іафаръ, по побѣдѣ подобшій } Потровы и Одиссейскій	Въ Тассѣ	1764	41½	42
40.	Эдъ-кавъ, Совомъ данъ — } Капитанъ-Паши	Въ Смирнѣ	1764	41	42
41.	Чудный Іафаръ, побѣдоносная Звѣзда — . — .	тамъ же	1772	37½	32
42.	Чурри бакри, Морское Орлы — . — . — .	тамъ же	1772	37½	32
43.	Хрид-фрегатъ, Отступная побѣда — . — .	тамъ же	1772	37½	32
44.	Кеберъ-Чуретъ, путеводитель побѣды — . — .	Въ Понтійскомъ тихомъ	1784	37½	32
45.	Ешилъ кавакъ, Крѣпость Ешилъ — . — .	въ Синопѣ	1784	37½	32
46.	Кинъ-Іафаръ, тысяча побѣдъ — . — . — .	тамъ же	1784	37½	32
47.	Мавзаръ-Кадетъ, подобшійся дарованія — .	Отъ Адмирала путныя	1776	35½	28
48.	Капитанъ-башлы, Голландской бакръ — . — .	Отъ Смирны Изъ Архипелагскаго моря	1774	33½	28

Бомбардирскія Корабли.

49.	Кеид-бакри, Громъ морской } — . — . — .	въ Понтійскомъ тихомъ	1778	29	20
50.	Ешилъ-Кеидъ, Громовой конь } Побѣдной литья 9 Мортиръ	тамъ же	1785	29	20
51.	Атешъ-бакри, Морское пламя } — . — . — .	тамъ же	1785	29	20

6. Галеръ

12. Кырлангычей.

NB. Число имѣющихся на Корабляхъ и прочихъ судахъ пушекъ, положено здѣсь по слѣдующему чинимому Корабельными Мастерами расчисленію:

При строеніи судовъ употребляемой здѣсь пикъ содержитъ 24. пальца, или 19. вершковъ обыкновеннаго Россійскаго Аршина, слѣдовательно Корабль 57½. пикъ, имѣетъ всего 1380. пальцовъ, съ каждыхъ ста вычитаютъ по 17½ для-каюты и бака, за чемъ и остается чистаго мѣста въ нижней батарее для пушекъ 1140. пальцовъ, то есть 47½ пикъ. Между пушками на Корабляхъ, исключая фрегатовъ и другихъ мелкихъ судовъ, полагаютъ здѣсь разстоянія по 3. пика и 4. пальца, или по 63. вершка, а посему и выводятъ, что 1-й Корабль въ нижнихъ батареяхъ имѣетъ на сторонѣ по 15. въ верхнихъ по 13. на Шканцахъ 12. и Набакѣ 2. а всего 70. пушекъ. При всемъ томъ однакожъ не только умноженіе и уменшеніе на Корабляхъ пушекъ, да и самая оныхъ закладка, какъ зависитъ здѣсь отъ воли Капитан-пашинской, которой все теперь исполняетъ по своимъ более прихотямъ, почему и ни какъ невозможно учинить порядочнаго онымъ исчисленія: напримѣръ въ 1782. году отстроенное въ Лемносѣ 51½ пикъ судно Пулад-бахри, теперь подъ флагомъ Реалы въ Архипелагѣ плавающее, хотя и долженствовало бы носить соображаясь съ расчисленіемъ 58. пушекъ, а дѣйствительно находится по причинѣ построенной на немъ одной только батареи 44. пушки.

Въ прочемъ по признанію здѣшнихъ Корабельныхъ Мастеровъ между судами отъ 51½ до 41. пика, находится до 12. почти со всемъ къ употребленію неспособныхъ.

Приложение 28

СПИСОК
СУДОВ ТУРЕЦКОГО ФЛОТА
Сентябрь 1787 г.[1]

Ранг (количество орудий)	**на море количество**	**в постройке количество**
корабли		
74	–	2 к маю 1788 г.
72	2	1
68	1	1
66	4	-
64	1	1
60	3	-
58	6	-
56	1	1
54	1	1
52	11	-
50	3	-
фрегаты		
48	1	-
44	3	-
38	1	-
36	4	-
34	5	-
32	10	-
30	2	-
28	–	1

[1] Донесение русских агентов из Константинополя. АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 702. Л. 24.

26 или 24	7	-
22	3	-
20	1	-
корветы		
20 16 14	4 2 4	- - -
12	19	-
10	3	-
канонер. шл.	6	5
бомбард. кор.	7	5
галер	6	3

Приложение 29

РОСПИСЬ
ТУРЕЦКОЙ ЭСКАДРЫ, ОТПРАВЛЯВШЕЙСЯ НА ЧЕРНОЕ МОРЕ
5 февраля 1788 г.[1]

	ПУШКИ	КАПИТАНЫ
	КОРАБЛИ	
	60	Емир Мустафа
	60	Араб Юсуф
	50	Измаил
	50	Агбет-бей
	50	Ариф
	ФРЕГАТЫ	
	34	Ибрагим
	34	Омер
	34	Хассан
	32	Кел-Осман
	30	Гуссейн
	БОМБАРДЫ С БОЛЬШИМИ МОРТИРАМИ	
	22	
	22	
	ПАКЕТ-БОТЫ	
	22	
	22	
	КИРЛАНГИЧИ	
	14	
	14	
	14	
	14	

[1] АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 2036. Л. 10–11 об

Пятнадцать канонерских шлюпок, каждая имеет по 32-фунтовой пушке

Эскадра, находившаяся в Чингане Скелеси

под командою Патроны

	ФРЕГАТЫ	
	32	Джезаирли Гуссейн
	32	Арнаут Ахмет
	30	Лаз-Ибрагим
	30	Арнаут Хаджи Ибрагим
	30	Борну Осман

Восемь канонерских шлюпок, на каждой по 32-фунтовой пушке

В Синопе

Корабль	56
Фрегат	20

В Галацах

Два судна	по 40

Под командою капитан-паши

	КОРАБЛИ	
	70	Капитан-пашинский
	74	Вице-адмиральский, Патрон
	66	Контр-адмиральский, Реала
	66	Скендерли Агмет
	66	Камдиот Сали
	66	Арнаут Хассан

	72	Кандиот Омер
	66	Халил
	60	Сали
	54	Кадыр
	50	Али
	50	Курт-Мегмед
	ФРЕГАТЫ	
	40	Гусейн
	40	Арнаут Али
	40	Хаджи Омер
	40	Али Магмуд
	ШЕБЕКИ	
	32	Гусейн
	32	Кыбрызлы Мегмед
	32	Мустафа
	32	Лази-Ибрагим

Пять бомбард по 22

Восемь кирлангичей 14

25 канонерских шлюпок по 1

2 бомбардирские шлюпки с 2 пушками и 1 мортирою

6 галер

На верфи

Корабль	50	Капитан Гассан
–"–	50	Скендер-Али
Фрегат	40	Джезар

В Будруме

2 корабля по 54.

Приложение 30

ДОНЕСЕНИЕ ЛЕЙТЕНАНТА АНДРЕЯ ПУСТОШКИНА П.А. РУМЯНЦЕВУ-ЗАДУНАЙСКОМУ О ПРЕБЫВАНИИ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ С ОПИСАНИЕМ ТУРЕЦКОГО 22-ПУШЕЧНОГО БОМБАРДИРСКОГО КОРАБЛЯ[1]

Стоя в Константинополе, за долг службы моей счел приложить старание рассмотреть конструкцию и орудия на ново построенном в адмиралтействе бомбардирском турецком корабле, и как по приуготовлении оного со всем от турецкого адмирала прошедшего месяца мая 24 числа оный корабль стоял противу Галаты и в оное время имел я пользоваться случаем на оном корабле быть и приметить по возможности в короткое время все имеющиеся на оном военные орудия, также скорым образом снять с мортир, единорогов и пушек калибры, а длину, ширину и прочее, что до величины принадлежит оного корабля, вымеряв собственными своими шагами и приводя в футы, сделал на оное описание и, за долг службы к Отечеству поставляя, с покорностию моею предложить вашему высокородию дабы были об оных известны.

Оной корабль построен французским мастером Дюсеном (Тусеном – Авт.) и спущен на воду сего 778 года апреля 28 числа.

Длина оного корабля вымерена шагами, а по мере английских футов имеет поверх палубы вообще с ютом и баком 72 фута, ширина оного 22 фута.

Имеющиеся на корабле две мачты бизань и грот. Оснастка оного корабля исправна с обыкновенными парусами при оных на мачтах.

Отступя от грот мачты к форштевню на 8 футов, имеется мортира медная, поставленная на палубе, высотой на элевацию 45 градусов, которая имеет калибр дула 12 2/10 дюймов аглицкого фута. Оная поставлена на деревянном станке, сделанном по турецкому манеру, которая сидит и со станком на канатном футе или подушке вкруг сверченный оной канат и прикреплен к палубе неподвижно. Сделано сие для легкости корабля во время выстрелов из оной мортиры. Оная ж мортира со станком поворачивается свободно на канатном футе во все стороны. Еще в разстоянии от грот мачты к ахтерштевню на 6 футов находятся две мортиры, одна из оных имеет диаметр в дуле 8 7/10 дюймов, а калибр ее бомбы два пуда. Другая – 1 1/2-пудовая.

---

[1] АВПРИ. Ф. 90. Оп. 1. Д. 765. Л. 46–47.

Примечено мною, что при положении оный в корабль различных калибров бомб, которые при мне свешивая, турки на кантарь сказывали 3 1/2, 2, и 1 1/2-пудовые, что и я утверждаю не более, также и разных зажигательных для судов составов в бочках, как то у нас бывает на брандерах. Разведав же я от оного французского мастера, что в запас еще к бомбардирскому кораблю положено на два турецкие корабля, а именно на капитан-пашинский до 1000 бомб и гранат на другой, называемый Капитана до 900.

Также усмотрено мною на бомбардирском корабле имеется три единорога полевых 8-фунтового калибра со станками. Калибр оных единорогов подписано российскими литерами, почему и уповаю, что оные были наши российские, с которых, сказывают турки, что оной мастер делает 6 единорогов такого же калибра.

Имеется на грот марсе оного корабля два бочонка с гранатами в каждом щетом по 50, оные бросают на корабли для зажигания.

Чугунных пушек имеется на оном корабле около 6-фунтового калибра всех числом 22. Расставлены оные пушки в следующих места: по обеим сторонам корабля по девяти, две на баке и две на юте, да промежду пушечными портами имеются для единорогов еще места по семи на стороне, которые и находятся порожние и никаких других орудиев не поставлено, кроме вышеупомянутых наших российских 8-фунтовых единорогов, а по сделании оным мастером постановятся во оные места такого же калибра единороги.

Высота оного корабля вымерена мною от воды до пушечных портов 6 футов, а от портов до шкафута 2 фута. А сколько в грузу фут оный обстоит, то оного промерить не мог, а слышно от оного мастера, что глубина его в воде 9 футов.

Константинополь флота лейтенант Андрей Пустошкин

6 июня 1778 г.

Приложение 31

ТОЧНЫЕ СВЕДЕНИЯ
О ВОЗВРАТИВШЕМСЯ ИЗ ЧЕРНОГО МОРЯ ТУРЕЦКОМ ФЛОТЕ И О НОВЫХ СУДАХ, КОИ НА БУДУЩУЮ КАМПАНИЮ НАЗНАЧЕНЫ
24 сентября 1790 г.[1]

ВОЗВРАТИВШИЕСЯ ИЗ ЧЕРНОГО МОРЯ:

12 линейных кораблей,

14 фрегатов,

4 бомбарды,

11 кирлангичей,

12 канонерских лодок,

1 бригантина,

1 бриг,

итого 55 парусов.

НАХОДЯЩИЕСЯ НЫНЕ В АРХИПЕЛАГЕ:

2 линейных корабля,

11 фрегатов,

4 канонерские лодки,

6 кирлангичей,

Итого: 78 парусов.

2 галеры, находящиеся в здешнем арсенале, нынешний год не выехали. 1 новый фрегат, который ожидают, он строится в Синопе. 1 фрегат построен в Архипелаге. 3 линейных корабля, которые по словам капитан-паши оставлены в Синопе для препровождения нового реченного фрегата.

Итого 85.

[1] АВПРИ. Ф. 41. Оп. 3. Д. 184. Л. 85 об.–86 об.

В сем состоит вся сила оттоманская, для будущей кампании назначенная. Капитан же паша подал записку Порте, что недостающую флотилию оставил он в разных черноморских гаванях, как то:

30 канонерских лодок и 20 кирлангичей – в устье Дуная, называемом Килли Багаси,

15 канонерских лодок и 15 плоских лодок – в другом устье Дуная, называемом Сунне Багаси,

2 бомбарды, 16 кирлангичей и 8 канонерских лодок – в другом устье Дуная, называемом Портица Багаси,

10 канонерских лодок и 4 бригантины – в Измаиле,

7 канонерских лодок, 5 кирлангичей и 2 бригантины – в Варне и Каварне,

4 кирлангича и другие транспортные суда – в разных пристанях черноморских.

Итого 138.

Сие есть число судов во флотилии, которую капитан-паша оставил в Черном море, выключая правды.

Донесение русских агентов из Венеции

Приложение 32

ОРДЕР
Г.А. ПОТЕМКИНА КОНТР-АДМИРАЛУ Ф.Ф. УШАКОВУ
О ФОРМИРОВАНИИ ЭСКАДРЫ КАЙЗЕР-ФЛАГА
29 сентября 1790 г.[1]

Известно вам мое замечание, что как во флоте турецком бывает сбит флагманский корабль, то все рассыпаются; для сего приказал я вам иметь при себе всегда «Наварахию Вознесение», «Макроплию Святого Марка» и фрегат «Григорий Великия Армении», и наименовал их эскадрою Кайзер-флага. Всеми прочими кораблями, составляющими линию, занимайте другие корабли неприятельские, а с помянутою эскадрою тискайтесь на флагманский, обняв его огнем сильным и живым, разделите: которое судно должно бить в такелаж, которое в корпус, и чтоб при пальбе ядрами некоторые орудия пускали бомбы и брандскугели. Что Бог даст в руки, то Его милость; но не занимайтесь брать, а старайтесь истреблять, ибо одно бывает скорее другого. Требуйте от всякого, чтобы дрались мужественно, или, лучше скажу, по-черноморски; чтобы были внимательны к исполнению повелений и не упускали полезных случаев. Подходить непременно меньше кабельтова. Бог с вами! Возлагайте твердую на Него надежду. Ополчась Верою, конечно победим. Я молю создателя и поручаю вас ходатайству господа нашего Иисуса Христа.

---

[1] Адмирал Ушаков. [Документы.] Т. 1. С. 359, 360.

Приложение 33

РАПОРТ Ф.Ф. УШАКОВА Г. А. ПОТЕМКИНУ О ПРИНЯТИИ К РУКОВОДСТВУ УКАЗАНИЙ О БОЕВОМ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЭСКАДРЫ КАЙЗЕР-ФЛАГА
4 октября 1790 г.[1]

По сходству ордера вашей светлости, писанного по секрету от 29-го дня сентября, донесть честь имею: если случится иметь бой с неприятелем, употреблю все мои старания произвесть оный по точному расположению вашей светлости, поощрю всех командиров и подчиненных к лучшему порядку и наблюдению выгодностей, и чтоб старались, как наивозможно, подходить ближе, усердно желаю иметь случай употребить себя с эскадрою кайзер-флага. Если удастся отделить из флагманских кораблей, сие большей частию может случиться в погоне, присоединю к себе еще и из других легкие корабли, о вспоможениях будем просить Всевышней Власти и полагаю надежду на Его всещедрую волю.

Контр-адмирал и кавалер Федор Ушаков

[1] Адмирал Ушаков. [Документы.] Т. 1. С. 372.

Приложение 34

РАПОРТ КОНТР-АДМИРАЛА Ф.Ф. УШАКОВА ГЕНЕРАЛ-АНШЕФУ Н. В. РЕПНИНУ О ВЫХОДЕ ФЛОТА В МОРЕ 10 июля 1791 г.[1]

Сего числа с вверенным мне Черноморским флотом с Севастопольского рейда при первом начинающемся благополучном ветре вышел на море, и со всевозможной поспешностию пойду к стороне Анапа и Еникальского пролива, где по уведомлению, полученному мною от господина генерал-аншефа и кавалера Михайлы Васильевича Каховского, показался главный и весь флот неприятельской, который при продолжающихся от западной и юго-западной стороны ветрах должны быть ныне в той стороне, по сему и пойду искать его, где окажется, соображая случай и обстоятельства, употреблю всевозможное старание сыскать его, и, призвав Бога в помощь, атаковать и исполнить все предписанные мне повеления Его сиятельства и Вашего сиятельства.

Флот мне вверенный, с которым я сего числа вышел на море, состоит в числе 16 кораблей, двух фрегатов, двух бомбардирских, двух брандерах, одного репетичного и 22 крейсерских, всего 45-ти судах, о чем Вашему сиятельству сим и донесть честь имею.

Контр-адмирал и кавалер Федор Ушаков

[1] РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 594. Л. 318.

Приложение 35

РАПОРТ КОНТР-АДМИРАЛА Ф.Ф. УШАКОВА КНЯЗЮ Г. А. ПОТЕМКИНУ О ПОЛНОМ РАЗГРОМЕ ТУРЕЦКОГО ФЛОТА В СРАЖЕНИИ У МЫСА КАЛИАКРИЯ

5 августа 1791 г.[1]

По сходству повеления В. Св., июля 29-го со флотом мне вверенным вышел я на море в числе 16 кораблей, 2-х бомбардирских, 2-х фрегатов, одним репетичным, одним брандером и 17-ю крейсерскими судами, для поисков флота неприятельского, и продолжая плавание к румельским берегам, 21 числа усмотрел оный стоящий на якоре в линии при Калиакрии против мыса Калерас-Бурни под прикрытием сделанной на оном береговой батареи; я со флотом под выстрелами оной прошел близь самого берега и отрезал его от берега, будучи на ветре спешил атаковать. Неприятель устрашенный нечаянным приходом нашего флота, проиграв ветр, отрубил якоря, лег под парусами и, будучи в замешательстве, некоторые корабли, при довольно крепком ветре; сошлись между собою, и на двух тотчас оказалось повреждение: с одного упала бизань-мачта, а на другом переломился бушприт; поврежденный без бушприта ушел к стороне Варны, а второй остался при флоте. Флот неприятельский состоял в числе 18 больших кораблей, (из которых 9 под флагами на брам-стеньгах), 10-ти линейных фрегатов, 7-ми малых, и многочисленных разного сорта мелких судов. Капитан-паша со флотом бежал под ветер и начал строить линию баталии, переменяя галс. Я, пользуясь сим замешательством, нагонял его, со флотом мне вверенным, будучи в ордере марша трех колонн. Капитан-паша некоторую часть кораблей своих устроил уже в линии правого галса, но известный алжирский паша Саит-Али, пошед с отделенной частию флота, состоящего под красными флагами, передовым, оборотил весь флот за собою, устраивая линию на левый галс, чему последовал и капитан-паша. Я, гнавшись за ними, учиненным сигналом приказал с поспешностию строить линию баталии при ветре северо-восточном параллельно флоту неприятельскому, и оною спускался на него со всевозможной поспешно-

[1] Материалы для истории Русского флота. Ч. XV. С. 400–404.

стью же; при том же заметил я, что Саит-Али с вице-адмиральским кораблем красного флага, и другим большим и несколькими фрегатами, будучи сам передовым, спешил отделиться вперед, выигрывая ветер; потому для предупреждения его намерений погнался я с кораблем Рождеством Христовым за ним, следуя вперед нашей линии, и сигналом подтвердил флоту исполнять повеленное, и сомкнуть дистанцию. Построя ж линию нашего флота в самом близком расстоянии против неприятельской, и догнав передовой корабль паши Саит-Али, сигналом приказал всему флоту спуститься к неприятелю на ближнюю дистанцию, а корабль под флагом моим Рождество Христово, приближась к передовому пашинскому кораблю в дистанцию полукабельтова, атаковал его, обойдя несколько с носу, и по учиненному сигналу всею линиею началось жестокое сражение, и продолжалось от 5 до половины 9 часа пополудни. В сие время с помощью Божиею прежде всех сбит передовой и лучший корабль неприятельского флота паши Саит-Али от производимого беспрерывно жестокого на него огня, тот час остался поврежденным, без фор-стеньги, без грот-марселя, с расстрелянными нижними парусами, и в прочих частях разбит до крайности, поворотился в закрытие в средину своего флота; место ж, его заступил вице-адмирал красного флага, с помощью еще одного большого корабля и 2-х фрегатов, но и оные сбиты ж и с немалым повреждением, также оборотились в соединение ко флоту, защищая однако от последующих за мною кораблей пашу Саит-Али. Передовые наши корабли, бывшие за мною Александр, Предтеча и Феодор Стратилат, исполняя мое повеление, спустились от ветра, окружили передовых бегущих неприятельских кораблей, и с великой живостью производили по ним и вдоль всего флота беспрерывный огонь, а между тем корабль Рождество Христово, спустясь за корму корабля Феодора Стратилата, спешил приблизиться к бегущему в средину флота кораблю паши Саит-Али, дабы его не опустить, и производил сильный огонь по оному и вдоль всего неприятельского флота, который от последующей за передовыми всей нашей линии был весьма разбит, замешан и стеснен так, что неприятельские корабли сами друг друга били своими выстрелами: Наш же флот всею линиею передовыми и задними кораблями совсем его окружил, и производил с такою отличной живостию жестокий огонь, что, по-

вредя многих в мачтах, стеньгах, реях и парусах, не считая великого множества пробоин в корпусах, принудил укрываться многие корабли один за другого, и флот неприятельский при начале ночной темноты был совершенно уже разбит до крайности, бежал, от стесняющих его беспрестанно, стесненной кучею под ветер, оборотясь к нам кормами, а наш флот, сомкнув дистанцию, гнал, и беспрерывным огнем бил его носовыми пушками, а которым способно и всеми лагами. Особо разбиты и повреждены более всех пашинские корабли. При таковой дарованной от Всевышнего совершенной победе, неукосненно надеялись мы нескольких корабли взять в плен, но от сего спасла их перемена ветра и совершенная густая темнота ночи. В половине 9-го часа при сгустившейся от дыма ночной темноте, флот неприятельский, будучи весь в дыму, начал закрываться из виду, ветер затихая совсем заштилел, и сделалось переменное маловетрие, от стороны северо-запада, при котором неприятель остался на ветре, а корабли нашего флота переменным маловетрием и течением склонило под ветер в разные стороны и оставались долгое время без действия парусами; напоследок ветер сделался от севера-северо-запада, при котором весь флот приведен бейдевинд левого галса и лег к северо-восточной стороне, дабы поворотясь на другой галс быть у неприятеля на ветре. В 12 часов пополудни, поворотясь лег я со флотом на правый галс, и шел с поспешностию, уповая прямо на флот неприятельский, ибо в темноте ночи при мрачной еще погоде было его невидно. Сверх же чаяния при рассвете августа 1-го дня в виду его не оказалось, а хотя при погоне за ним в 6 часов пополуночи и оказался виден он от нас с салинга в отдаленности моря под ветром бегущий к стороне Константинополя, я прибавляя сколько можно парусов, старался его нагнать, но северный ветер, усиливаясь час от часу, сделался весьма крепкий и развело великое волнение, при котором, имея я на флоте также повреждения, в стеньгах, реях и парусах и на корабле Александр от подводных простелов пушечных великую и опасную течь, при том не имея в той стороне безопасного убежища к исправлению, с крайним сожалением сию погоню принужденно оставил и подошел со флотом в закрытие под берега мыса Эмене, не в дальнем расстоянии остановился на якорях, где все повреждения флота исправлены; разбития стеньги, реи и лонга-саленги переме-

нены новыми, подводные пробоины пушечные заделаны и исправлены благонадежно, и флот, мне вверенный, состоит в хорошем состоянии. По рапортам командующих оказалось во время бою убитых на всем флоте унтер-офицеров 1, рядовых 16, раненых капитан-лейтенант Ганзер, лейтенант Головачев, штурман прапорщичьего ранга Жмузин, унтер-офицеров 2, рядовых 23, всего 28 человек. Во время исправления флота посланные от меня крейсер под препровождением Макроплеи Св. Марка, при румельских берегах, а особо при Эмене, Мисемрии, Фаросе и Сизополе, многие суда, в том числе некоторые транспортные, с хлебом везомым в армию, загнали на берега и выстрелами при оных затопили; людей бежавших с них при сопротивлении во множестве побили и потопили и 4 малые судна, взяв в плен, привели ко флоту, а как оные оказались взять с собою неспособны, то также затоплены; пленных людей на оных взято 14 человек; а прочие все на барказах бежали, и в погоне за ними побиты и потоплены, 2-го числа сего месяца шедшая от стороны Варны большая турецкая шебека под военным флагом, хорошо вооруженная, крейсерскими судами и Макроплиею, не могучи уйтить, загната на каменный подводный риф мыса Эмене, где, став на мель, от волнения налилась водою; люди бывшие на оной в великом множестве большею частию алжирские и дульцениоты, чрез бурун каменного рифа побросались вплавь на берег, но в волнении большей частию потонули, также некоторые побиты с наших барказов выстрелами, а прочие спаслись, и взошед на крутость горы, взяв от обывателей ружья, стреляли по нашим барказам, и препятствовали взойти на судно, но выстрелами ж от наших отбиты. С одной шебеки на крейсерское судно Панагия Апотуменганы лейтенантом Звороно, сняты две модные 12-фунт. пушки и флаг кормовой, догнал сие судно, от которого оно и побежало на берег; более ж с него за крепостию ветра, ничего снять было неможно, потому совсем его экипажем сожжено, 4-го числа флот был к походу и действию готов, но при противном переменном ветре и течении в желаемый путь следовать было неможно; с утра ж оного числа подошли в близость к нашему флоту от стороны Варны 4 шебеки под алжирскими флагами и 12 индриотских лодок с косыми парусами, похожие на вид кирлангичей, и заметно ошибкою почитали они наш флот своим, но, осмотрясь, побежали к стороне

Константинополя, и всеми нашими крейсерскими судами под препровождением Макроплии Св. Марка весь день чинена за оными погоня; а как они были далеки еще на ветре, потому рассыпавшись в разные стороны успели уйти, некоторые к стороне Константинополя, а другая к Варне. По уведомлению ж от пленных узнал я, что кроме оных в Варне находится флотилия в немалом числе судов, под командою алжирского начальника, потому, не мало не мешкав, с флотом и отправился к Варне, дабы все оные суда заставь там истребить, а оттоль пойду к стороне Константинополя искать флот и судов неприятельских. Во время бывшего июля 31 дня сражения все командующие судов, и разные чины флота черноморского служители находящиеся во оном, с крайним рвением и беспримерной храбростию и мужеством выполняли долг свой, а паче отличились начальники эскадр: авангардии генерал-майор флота капитан Голенкин, арьергардии бригадир флота капитан Пустошкин, которые по учиненным от меня сигналам, устроя части им вверенные, первые спустились на ближнюю дистанцию к неприятелю, и, подавая пример прочим, производили бой, беспрестанно теснили неприятеля, с таким отличным искусством, рвением, мужеством и храбростию, что на бывших против их кораблях тотчас заметны были повреждения, и неприятель бежал и укрывался от поражения; равно и командующие кораблей, следуя примеру начальствующих, отличились таковым же успешным по долгу своему исполнением производимого действия рвением, мужеством и храбростию: флота капитаны 1 ранга: Св. Павла Шапилов, Рождества Христова Ельчанинов, Св. Александра Языков, Иоанна Предтечи Баранов, Федора Стратилата Селивачев, Преображении Кумани, Св. Георгия Эльфинстон, 2-го ранга: Царь Константин Ознобишин, Св. Андрея Сарандинаки, Св. Николая генеральс-адъютант Львов, Иоанна Богослова Шишмарев, Марьи Магдалины Ишин. Командующие кораблей флота капитаны 1 ранга: Петра Апостола Заостровский, Леонтия Обольянинов, Наварахии генеральс-адъютант Сенявин, хотя во время бою, также оказали храбрость и мужество, но спускаясь от ветра нестоль были близки к линии неприятельской, как прочие. Командующие бомбардирских судов капитаны 2 ранга Иеронима Демор и фрегата Нестора Преподобного Ларионов, во время боя находились в резерве против передовой части, и с ревностию исполняли

долг свой; командующий Макроплии Св. Марка флота капитан 2 ранга Великошапкин с отдельным резервом: малым бомбардирским и крейсерскими судами, находился также при определенном ему месте, исполнял долг свой рачительно, и во время погони за судами со оными многие суда неприятельские загнаты на берег, затоплены, а некоторые сожжены, бегущего неприятеля люди во множестве ж побиты и потоплены; при чем он Великошапкин употребил отличное старание, храбрость и мужество, равно и все командиры крейсерских судов, при оном употребили ревность, храбрость и мужество. Репетичного судна Полоцк командующий флота капитан-лейтенант Белле, во время бою с отменной храбростию, искусством и расторопностию выполнял долг свой; артиллерии капитан 2 ранга Юхарин, исправляя должность цейхмейстера на корабле Рождество Христово, находился во всех деках при действии и распоряжении пушками и с отличной храбростию и искусством, ободряя людей, действовал во все время бою весьма исправно. Я за долг почитаю всем им отдать справедливость, и представляю все сие дело и оных, на милостивое уважение В. Св. Также многие подкомандующие штаб- и обер-офицеры будучи на кораблях употреблены были к важным должностям, а особо при командовании деками и отдельными частями пушек с отличным же рвением, мужеством и храбростию исполняли повеленное, и действия производили весьма успешно, о которых В. Св. особо представить не премину.

Приложение 36

ПЕРЕВОД ПИСЕМ ИЗ КОНСТАНТИНОПОЛЯ О МОРСКОМ СРАЖЕНИИ У МЫСА КАЛИАКРИЯ В ЧЕРНОМ МОРЕ[1]

№ 1

13-го сего месяца (2 августа по старому стилю. – Авт.) с кирлангича, нарочно отправленнаго с турецкаго флота, получено известие о морском сражении, воспоследовавшем в день Курбан-Байрама 11-го сего же месяца (31 июля по старому стилю. – Авт.). Что ж из онаго по ныне уведано в народе, состоит в следующем, а именно, что капитан-паша в продолжении двух недель, разъезжая то на фордевинте, то под ветром российскаго флота, не мог найти удобнаго случая для вступления с оным в бой; что напоследок российский флот вошел обратно в Севастополь, и тогда де он, капитан-паша, направил паруса свои в Калегару (Калиакрию. – Авт.), обширный порт, лежащий между Варною и Каварною, для запасу пресной воды, в которой оскудел его флот; что флот российский по получении ведомости о входе турецкаго флота в Калегару для помянутаго намерения, неукоснительно поднялся опять из Севастополя накануне Байрама и при помощи дующаго с Севера сильнаго ветра прибыл по полудни в день Байрама на высоту Калегарскую; оттуда оный был усмотрен стражею, и капитан-паша уведомлен о столь неожиданном посещении; что сей адмирал без потери времени велел отрубить на своих судах якорные канаты и, придвинувшись вперед с своим флотом, не успел построить его всего в боевую линию, но поставил в оную токмо несколько кораблей, как российский флот настигнул их и принудил к сражению, что сия атака началась в три часа по полудни, и бой продолжался даже после полуночи при лунном сиянии. Тут прибыл чаус, отправленный с таковым известием, будто б было затоплено несколько российских судов, но Порта не открывает о том иного как токмо, что оба флота до крайности повреждены и сделаны почти неспособными к действиям. Подлино же то, что ви-

[1] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 5. Д. 218. Л. 70–71 об.

це-адмирал Сеит-Али смертельно ранен в бою, который он выдержав с своим кораблем, с тремя другими линейными кораблями и с двумя меньшими судами и что за сею ескадрою гнался отряд российскаго флота даже на разстояние немногих миль от устья, куда оная эскадра прибыла вчера по утру без мачт и весьма поврежденная. В самой день прихода ея в устье, отправился туда каймакан с терсане-эмини для освидетельствования оной. Он неукоснительно приказал набрать сколько можно войска для посылки в оное место к охранению там крепостей и устья. Напоследок же сведано, что турецкой флот разсеян был в сражении, что может быть несколько судов досталось в плен и что капитанпашинский корабль взорван; а что же приключилось остальному флоту, не знают еще ничего.

15 августа (по новому стилю) 1791 года

№ 2

О турецком флоте есть уже точные известия, удостоверяющие, что кроме двадцати однаго корабля, из коих было 12 линейных, а прочие фрегаты, другие суда не имели соучастия в сражении, бывшем 11-го числа сего месяца (31 июля по старому стилю. – Авт.); что и сам капитан-паша не мог вступить в бой; что флот сражался без всякаго устроения в линию и без наблюдения порядка и что кроме одного турецкаго корабля (который чаятельно после баталии потонул, потому что нет поныне об оном никакой вести) не произошло никакого в кораблях урона ни с той, ни с другой стороны. Помянутый Сеит-Али тяжко ранен в руку, в щеку и в горло, он в сражении потерял 700 человек из своего экипажа, а сему соразмерна и трата на прочих линейных кораблях. Особливо отличился он в сем деле, так что султан восхотел его посетить лично. Корабль его с 7 другими линейными и многими фрегатами, поднесь в устье появившимися стоят там починиваясь и набирая матросов, дабы вытти в море, как скоро возможно будет. Разные фрегаты, унесенные сего утра страшною бурею, пришли под самый Буюкдере. Капитан-паша же с остальным флотом находится вне устья, удержи-

ваясь на море и токмо пресной воды, за которою он отрядил 40 кирлагичей, ожидая для атакования российскаго флота, который весь вместе обретается и исправляет починки в Эмине Бурне, лежащем на мало миль разстояния от устья.

18 августа (по новому стилю) 1791 года

Донесение русских агентов из Неаполя

Приложение 37

УКАЗ ПАВЛА I Ф.Ф. УШАКОВУ О СЛЕДОВАНИИ С ЭСКАДРОЙ К КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОМУ ПРОЛИВУ НА СОЕДИНЕНИЕ С ТУРЕЦКИМ ФЛОТОМ ДЛЯ СОВМЕСТНЫХ ДЕЙСТВИЙ ПРОТИВ ФРАНЦИИ

7 августа 1798 г.[1]

Господин вице-адмирал Ушаков!

По отношению к нам пребывающего в Константинополе министра Нашего тайного советника Томары о желании Блистательной Порты вступить с нами в теснейший союз и требовать от Нас помощи противу зловредных намерений Франции, яко буйного народа, истребившего не токмо в пределах своих веру и богом установленное правительство и законы, водимого единым хищением и граблением чуждого, разрушившего все правила честности и все связи общежития, но и у соседственных народов, которые, по неучастию, были им побеждены или обмануты вероломническими их внушениями, чему показали очевидный пример, сделав ныне впадение во владении Блистательной Порты, в Египте, на порт Александрию.

Вследствие чего и повелели Мы приступить к таковому союзу министру Нашему, но доколе все нужные статьи утверждены будут, повелеваем Вам со вверенною в команду вашу частию флота, согласно повелению, данному от Нас от 25 июля, следовать немедленно к Константинопольскому проливу и, остановясь у входа оного, тотчас послать легкое судно или берегом нарочного с уведомлением о приходе Вашем Нашего министра, и буде Порта требовать будет, то Вы тотчас следовать должны будете туда, где Ваша помощь нужна будет, о чем и получите извещение от Нашего министра.

Вошед в Константинопольский канал, должны Вы иметь всевозможную осторожность от заразительных болезней, по случаю чего Наш министр не оста-

---

[1] АВПРИ. Ф. 90. Оп. 1. Д. 1289. Л. 25–26.

вит Вас известить о нужных мерах сей предосторожности и где должны Вы чего опасаться.

Буде нужда потребует, можете действовать соединенно с турецким флотом как у Дарданелльских крепостей в Мраморном море, так и в самом Архипелаге; равномерно, имея Мы союз и с Великобританией и одну цель с нею, благосостояние соседних держав, дозволяем Вам, когда обстоятельства потребуют, действовать соединенно с английскою эскадрою, находящеюся в Средиземном море и делающею поиски над хищным французским флотом.

Пределы, до которых плавание Ваше быть должно в Средиземном море, имеют распространиться не далее Египта, Кандии, Мореи и Венецианского залива, смотря по нужде и обстоятельствам; проходить же каналы не прежде, пока получите на беспрепятственное возвращение назад в Черное море от стороны Порты через министра Нашего удостоверение.

Донесения Ваши к нам о плавании и действиях эскадры, коль скоро войдете в канал или уже и пройдете оный, имеете доставлять через министра Нашего с купеческими судами, пакетботами или нарочною авизою, смотря по важности дела.

Впрочем, надеемся Мы на Вашу благоусмотрительность, осторожность, храбрость и усердие к службе Нашей. Пребываем к Вам благосклонны.

Павел

Приложение 38

РЕЛЯЦИЯ В. С. ТОМАРЫ ПАВЛУ I О ПРЕБЫВАНИИ ЭСКАДРЫ УШАКОВА В КОНСТАНТИНОПОЛЕ 1 сентября 1798 г.[1]

Прошедшего августа 25 числа эскадра Вашего Императорского Величества под начальством вице-адмирал Ушакова при поспешном северном ветре, в ясный полный день вступила в канал Константинопольский и стала на якорь против министерского Вашего Величества дома в Буюк-Дере. Того же дня каймакан паша присылал к вице-адмиралу драгомана адмиралтейства с фруктами и цветами, а 26-го драгоман Порты именем султана поздравил его с благополучным приездом и в знак удовольствия за скорое прибытие эскадры подвес ему богатую осыпанную бриллиантами табакерку, вручая при том Декларацию Порты за подписью и печатью реис-ефендия в ответ на Ноту мою о невозбранном проходе обратно эскадры и прочее, с которой турецкую копию представляю.

В тот же день султан объезжал эскадру инкогнито. Он, придворные и гребцы на шести с ним лодках были в боснякском одеянии.

Публика более еще ею обрадована, нежели я полагал. Правление удивляется строгой дисциплине. Юсуф-ага на собрании у визиря говорил, что 12 линейных кораблей российских менее шуму делают, нежели одна турецкая лодка. Вице-адмирал запретил было петь песни матрозам кораблей, близ домов на рейде стоящих: сие всех изумило; и ныне к общему удовольствию публики на всех кораблях петь дозволил. Формы обхождения министров переменились: драгоман Порты был у меня на бале, а потом на обеде и вечеринке.

Сверх сношений вице-адмирала Ушакова с драгоманами Порты и адмиралтейства, о беликчи /обер-секретарем Бл. Порты/ и лиман-рейсом /капитаном здешнего порта/, назначенным к отведению флота а Дарданеллы, и чрез которых

---

[1] АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 875. Л. 1–8.

Порта наведывалась о предложениях вице-адмирала в рассуждении следующей кампании, имел он еще конференцию с Измет-беем, реис-ефендием и терсана-эмини /генерал-интендатом/ в присутствии английского министра; я был на всех сих сношениях.

Предложение вице-адмирала, не теряя нимало времени следовать соединенными эскадрами к островам Венецким, и при появлении тамо, атаковать во всех пунктах твердой земли со стороны Албании французов весьма Порте понравилось, которая в сие время встревожена известием, полученным чрез патриарха, об усилении тамо французов войсками, посылаемыми из Анконы. При сближении эскадр к островам положено предварить обывателей объявлениями о соединении сил российских, турецких и английских для освобождения их от ига французов. Проект такового объединения, сообщенный мною турецким и английскому министрам, здесь высылаю.

Неведение мое виною, что до прибытия эскадры Вашего Императорского Величества не предуведомил я министерство турецкое, что общему обыкновению европейских держав вспомогательная эскадра должна содержание получать от Порты Оттоманской. Но, увидя теперь из письма вице-адмирала Кушелева противное, я с драгоманом Порты о том объяснился и господин вице-адмирал Ушаков вследствие высочайших к нему повелений тоже исполнил. Князь Ипсиланти отвечал, что, по-видимому, договоры союза вскоре начнутся и что сие положительно учредится, а между тем Порта все надобное для эскадры доставлять будет.

Вследствие высочайшего повеления от 28 июля и отзыва генерала от инфантерии гр. Гудовича от 14 августа, предъявил я Порте помощь Вашего Величества на сухом пути армией более 70 тыс. человек, естьли нужно противу французов, или отрядом в подкрепление войск Порты, держащих в осаде Видин. Предложения сии приняты как должно с наичувствительнейшей признательностию. В армии противу французов Порта не предвидит еще надобности, надеясь, по средствами вышесказанного плана соединенных эскадр выгнать францу-

зов из Венецких островов, а противу Видина, сколь ни желает падения оного, христианские войска употребить министры опасаются. Позван-Оглу повсеместно меж чернью слывет защитником древнего обычая...

… Фирманы от Порты отправляются во все пристани Средиземного моря о вспомоществовании и доставлении всего нужного эскадре российской и таковые же в острова Родос, Метелин и Бурдрум, где имеются верфи для строения военных кораблей на случай нужной какой починки…

Манифест объявления войны с Францией мне уже сообщили, но оный так длинен, что несколько дней надобно для переводу.

Обстоятельное известие адмирала Нельсона об истреблении эскадры французской на рейде Абукир или, как адмирал Нельсон называет, при реке Нил, здесь влагаю, тако ж и план оной рейды и баталии.

Бонапарте, по известиям, находится в лагере под Каиром, которым повелевает. Он потерял много на последнем сражении при Джизе, сие утверждается точно. Коммуникация его с Александриею арабами пресечена.

Эскадра Вашего Императорского Величества окружаемая беспрестанно переменяющимися зрителями на лодках и на берегу собирающимися.

Его Величество султан прислал чрез драгомана Порты для раздачи нижним чинам эскадры 10 тыс. пиастров…

Приложение 39

РЕЛЯЦИЯ В. С. ТОМАРЫ ПАВЛУ I ОБ ОТПРАВЛЕНИИ ЭСКАДРЫ УШАКОВА ИЗ КОНСТАНТИНОПОЛЯ И НАЧАЛЕ ПЕРЕГОВОРОВ С ТУРЕЦКОЙ СТОРОНОЙ О СОЮЗНОМ ДОГОВОРЕ

15/26 сентября 1798 г.[1]

Высочайшие два рескрипта Вашего Императорскаго Величества от 13 августа с приложением союзнаго оборонительнаго трактата и сепаратных артикулов удостоился я получить 4-го числа сего течения, и как ескадра Вашего Величества тогда уже находилась в готовности следовать в Средиземное море, то дабы не задержать ее здесь, поспешил я при самом извещении о высочайшем уполномочии меня к заключению союзнаго трактата, которое исполнил сам на свидании с драгоманом Порты в доме его, объясниться положительно, что содержание ескадры сходственно со всеобщим обыкновением и предписаниями мне, должно быть на щет Порты. Сие принято было министерством без малейшаго затруднения и ескадра Вашего Императорскаго Величества отправилась для соединения с турецкою к Дарданеллам 8-го сего месяца, дав в двух недельном пребывании своем здесь опыт неслыханного порядка и дисциплины. Отряд турецких военных кораблей и фрегатов, здесь изготовленный под командою капитана здешнего порта (лиман-рейси), отправился вслед за нею к Дарданеллам.

Уполномоченными для трактования со мной назначены: Саид Ибрагим-бей в чине кадилискера Анатольскаго и Атыф-Ахмет ненешний реис-ефенди, с которыми и вступил я уже в негоциацию. На первой конференции, держанной в Бебеке 13 числа, читаны были подлинные полномочия и разменяны копии с оных…

Потом приступили мы к делу и с самаго начала встретили со стороны турецких министров причины к медлительности, которых и предвидеть было не можно. Оба полномочные, наполненные ненавистью противу французов, не до-

вольны были кратким заглавием в проекте нашего трактата, никакой вражды к французам не предъявляющим. Реис-ефенди, взяв бумагу, написал сам заглавие трактата по его мнению обстоятельствам более приличное и которое могло бы служить в прибавок к манифесту объявления войны французам…

Конференции назначены в неделю по понедельникам и четвергам в Бебеке.

Ныне для продовольствия ескадры взяты кажется лучшия меры и какие видимым образом происходят от благонамерения правления угодить Вашему Величеству и обласкать вице-адмирала, которым все вообще весьма довольны. Включая строгих о том повелений в приморские провинции и в Архипелаг отправлен при соединенных ескадрах драгоман адмиралтейства Алеко Сучо, прямой начальник Архипелага и берегов на твердой земле под тем же названием турками разумеемых. Он по нещастию корыстолюбив до крайности, но лично при том нам предан.

Вице-адмирала турецкаго описывают благонравным и уступчивым; он в Дарданеллах соединится с нашею ескадрою и ему только от Порты именем султана внушено почитать нашего вице-адмирала яко учителя, но писано к капитану-паше под Видином, чтобы то же самое ему подтвердил: и, судя по поведению с вице-адмиралом чинов здесь в адмиралтействе начальствующих, повеления таковые исполняться могут.

Согласил я турков на осьмилетний срок трактата… Реис-ефенди от радости говорил, что соединение сил наших и последствия предлагаемого союза могут и в самом деле переменить вид Европы.

Его Величество султан послал адмиралу Нельсону бриллиантовое перо (челенг) по обыкновениям турецким, дающиеся победителям, и 10 тыс. пиастров для раздачи раненым.

О худом положении генерала Бонапарте а Египте известия подтверждаются. Сей час получила Порта чрез нарочного курьера из Родоса верное известие о

---

[1] АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 875. Л. 23–30.

созжении остальной части ескадры французской и транспортных судов в пристани Александрийской следующим образом:

Командующий отрядом ескадры адмирала Нельсона блокировал пристань Александрии, вооружил несколько мелких судов, каждое одной пушкой и при поспешном ветре ввел их в пристань. На судах были заготовлены раскаленные ядра; первые выстрелы в такую робость привели французов, что они начали спасаться с кораблей: тогда англичане употребили приготовленный брандер. Сожжено 4 линейных корабля, 8 фрегатов и 150 транспортных судов. Известие о сем прислано мне от драгомана Порты, яко никакому сомнению неподвергающееся.

Приложение 40

ОБРАЩЕНИЕ АДМИРАЛА УШАКОВА К ОБЫВАТЕЛЯМ ОСТРОВОВ ВЕНЕЦКИХ[1]

Его величества Императора и Самодержца Всероссийского вице-адмирал и кавалер Ушаков командующий эскадрою государя своего, с эскадрою Блистательной Порты соединенною приглашает обывателей островов: Корфу, Занте, Кефалонии, Св. Мавры и других прежде бывших Венецких воспользоваться сильною помощию соединенного оружия государя своего и Его Величества султана для извержения несносного ига похитителей престола и правления во Франции и для приобретения прямой свободы, состоящей в безопасности собственной и имения каждого под управлением сходственным с верою, древним обычаем и положением их страны, которое с их же согласия на прочном основании учреждено будет.

[1] АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 875. Л. 12.

Приложение 41

ПИСЬМО Ф.Ф. УШАКОВА В. С. ТОМАРЕ О НЕДОСТАТКАХ В СНАБЖЕНИИ ЭСКАДРЫ ПРОДОВОЛЬСТВИЕМ С СООБРАЖЕНИЯМИ О ПРЕДСТОЯЩИХ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ 10 ноября 1798 г.[1]

Почтеннейшие письма вашего превосходительства октября от 19 дня и приложения при оных я имел честь получить. За все благоприятства и попечительное старание вашего превосходительства и особо о снабдении вверенной мне эскадры провиантом и за уведомление приношу покорнейшую мою благодарность; известить честь имею, провиантов на эскадре теперь у меня весьма мало, хотя я в бытность мою в Буюк-дере, поговоря с вами, согласно показал, что провианту у меня, кроме соленых мяс и масла коровья, было декабря по 1-е число, но при отправлении из Севастополя людей на эскадру взято было несколько в добавок, и на них в дополнение провианта взять не успели, потому и сделалось на несколько дней в недостатке, а притом во время продолжительной кампании, как я с начала весны нахожусь в море, частию сухари и из прочей провизии несколько испортились, потому и остается ее теперь некоторой сего ноября до половины, другой по 20-е и по 25-е числа сего месяца, хотя экономиею можно продовольствовать служителей по декабрь месяц или несколько и поболее, но некоторых, а особо соленых мяс, совсем нет, свежее же во время действия наших и с места на место перехода весьма редко получаем и получать его неудобно, кроме случайного времени. Хотя мы по декабрь месяц или немного далее служителей как-нибудь продовольствуем прочей провизией из экономии, но за заслуженную недостающую должно будет служителям выдать деньгами, они боятся, чтобы ее из собственного своего не потерять, также и не остались бы в долгу, которого и за прошедшие времена они еще получали; откудова и как оное число к удовольствию людей получить можно будет? Прошу вашего превосходительства благосклоннейше меня уведомить, как вы об оном полагать бу-

дет. Офицера для приема провианта в Морею я пошлю, но все это будет нескоро; я имел сношение с командующим турецкой эскадрою Кадыр-беем и весьма предупредительно просил его употребить старание, как наискорее провиант в эскадру доставлять; он писал в Морею, сносился с кем следует, и посланы суда для привозу оттоль провизии, но предвижу, что получать будем мы ее редко и по самой малости, так что никогда достаточно ее у нас не будет, а чрез то действия наши приостановятся или будут совсем неудобны, без провианта далее Корфу итти нельзя, но за всем тем, все, что только можно, буду я стараться десантов французских не допускать; а ваше превосходительство прошу покорнейше об том взять надлежащие меры и исходатайствовать, чтобы провиант к нам привозим был каждый раз числом по крайней мере не менее как на два, на три или на четыре месяца; с малым числом провианта никуда отдаляться нельзя. Офицера особого к вам теперь отправить верно оказии не имею, а полагаюсь на ваше превосходительство, что; вы соизволите определить к осмотру доброты провианта человека надежного, в чем я и сумневаться не могу. Мы с соединенными эскадрами на сих днях пришли в Корфу и теперь подходим ближе к крепости, намерены атаковать напервые остров Видо и будем стараться взять его десантом, а затем действия наши располагать будем по случаям обстоятельств, как удобнее окажется; островские жители у меня были и с радостию нас принимают и помогать нам будут. В крепости и на острове Видо считают французов с присовокуплением разных людей три тысячи человек, на французском корабле 74-пушечном – восемьсот, на другом, пленном от англичан 60-пушечном – неполный комплект, на фрегате, на двух бомбардирских, на нескольких шебеках и разных судах, под крепостию находящихся, комплект неполный, а на других и совсем нет. Хотя один полк русских солдат был бы со мною, то при помочи жителей надеялся бы я Корфу взять непременно; будем стараться и теперь, но каковы будут успехи в рассуждении чрезвычайно сильной крепости и немалого гарнизона, в победе и взятие оной увериться еще нельзя, ибо снарядов и прови-

---

[1] АВПРИ. Ф. 90. Оп. 1. Д. 1396. Л. 123–124об.

анта имеют много. Жители островские убедительно просят меня, чтобы других войск, кроме наших, никаких не употреблять, особо боятся они войск Али-паши, как сущего их разорения, говорят, ежели они будут, то все жители будут защищать крепость и французов в защищение себя от разорения. А с нами все поголовно обещаются быть с охотою. Засим, что происходить будет, не премину уведомлять ваше превосходительство.

Федор Ушаков

P.S. В рассуждении беспримерных жестокостей и бесчеловечия господина Али-паши я не намерен всех бумаг плачевного состояния отправить к вашему превосходительству, посылаю из них только одну под литерою А, из которой усмотреть соизволите, а осмелятся ли когда-либо бедные жители сего [острова] места возвратиться в тои места; просьбы наши к нему успехов не имели, я, описав все подробности к вашему превосходительству, до случаю удержал у себя доходящие до меня бумаги во множестве, в том числе и переписка его в крепости с оставшими досталась ко мне же в руки и, ежели что от него последует против меня неисправедливое, все эти бумаги я на таковую надобность представлю.

Приложение 42

СИГНАЛЫ ДЛЯ АТАКИ КРЕПОСТИ КОРФУ,
СОСТАВЛЕННЫЕ Ф.Ф. УШАКОВЫМ[1]

№ флагамъ	F	№ Исполненіямъ	Сигналы для Атаки Острова видо и крѣпости корфу.
0		616	Пріуготовиться итьтить атаковать Островъ видо.
1		617	Итьтить атаковать первую батарею, и стараться збить снѣе пушки, и людей отогнать отъ пушекъ.
2		618	Подойтить на ближнюю дистанцію.
3		619	Подойтить на картечной выстрелъ.
4		620	Стать на якорь шпрингомъ чтобы удобно действовать въ желаемые мѣста. Примѣчаніе. Имѣть прозорливость палить во те те мѣста гдѣ можно уповать прикрытова и спрятавшагося, не пріятеля.
5		621	Стать на якорь шпрингомъ, а напервѣе не натягивая шпрингъ, завести съ поспѣшностію съ кормы кабѣльтовъ закрепить забокъ и его разорвать и оттянуть прочь.
6		622	Завести перлинъ или кабѣльтовъ на берегъ, закрепить за накиданные деревья на берегу, и ихъ оттаскивать прочь и очистить мѣсто для дѣсанта
7		623	Подойтить еще ближе къ берегу, что бы можно картечею все мѣста очищать.
8		624	Подвинуться на право.
9		625	Подвинуться на лѣво.

[1] АВПРИ. Ф. 90. Оп. 1. Д. 1479. Л. 125.

Приложение 43

ПРИКАЗ Ф.Ф. УШАКОВА ПО СОЕДИНЕННЫМ ЭСКАДРАМ С ПЛАНОМ АТАКИ О. ВИДО 17 февраля 1799 г.[1]

При первом удобном ветре от севера или северо-запада, не упуская ни одного часа, по согласному положению намерен я всем флотом атаковать остров Видо; расположение кораблей и фрегатов, кому где при оной атаке находиться должно, означено на планах, данных господам командующим. По учинении сигналов приуготовиться иттить атаковать остров Видо и сняться с якоря надлежит, чтобы все на гребных судах было уже готово, корабли и фрегаты во всем были бы готовы к бою, по сигналу иттить атаковать остров: напервее следовать фрегату «Казанской» к первой батарее, и, проходя, стараться ее сбить, а потом стать на назначенном месте на якорь шпрингом, а не худо иметь и верп с кормы буде вознадобятся; за ним, не отставая нимало, следовать турецкому фрегату «Херим Капитану» и также стать на свое место; за ним в близком же расстоянии фрегат «Николай», которому также проходить первую батарею и сбивать, ежели она осталась от первых еще не сбита, а притом, проходящую батарею, стрелять по двум стоящим в бухте между первой у и второй батареей французским судам и стараться выстрелами их потопить или людей с них согнать на берег, чтобы их оставили, между оными же судами стрелять на берег во все места, где есть закрытые французы за маленькими канавками и за маленькими же брустверами, для ружей сделанных; ежели где есть между ними поставленные пушки, то и оные идучи сбить непременно, и потом каждому стать на свои назначенные места лечь шпрингом, оборотя борты к батареям так, чтобы оного борт был против 1-й батареи, а другого против судов, стоящих в бухте, а третьего фрегата «Николая» против 2-й батареи и все потребное встречающееся на виду сбивать пушками; за первыми же двумя фрегатами иттить шхуне № 1

[1] Адмирал Ушаков. [Документы.] М., 1952. Т. 2. С. 378–380.

и будучи носовыми пушками стрелять по батарее и по судам, стоящим в бухте, а по том остановиться в средину бухты и пушками около себя очистите все берега, и когда со всех мест от пушек и из траншей французы выгнаны будут вон, тогда оной шхуне стараться очистить берега, приготовляя их для сходу десанта; ему помогать фрегатам «Николаю» и «Херим Капитану», также и от эскадры послана буде к нему помощь на вооруженных барказах; за фрегатом «Николаем» в близкой же дистанции следовать фрегату «Григорию Великия Армении». Ему, проходя 1-ю и 2-ю батарею, и проходя стрелять во все места, где надобность потребует, потом проходя 3-ю батарею и, обходя мыс с маленьким каменным рифом, как можно сбивать 3-ю батарею, и между 3-й и 4-й становиться якорь шпрингом, как назначено, сбивать батарею и очищать берег сильною канонадою; за ним близко ж следовать турецкому фрегату «Мехмет-бея», ему проходить тою же дорогою за фрегатом «Армении», стрелять по батареям и на берег в потребные места и потом стать на якорь шпрингом во своем месте, «Панагия Апотоменгана» иттить за ними чинить то ж исполнение и стать в определенном месте на якоре шпрингом; всем оным фрегатам и «Панагии Апотоменгана» стараться очистить потребные места на берегах для десанта, оттаскивая набросанные деревья прочь, вспоможение им сделано будет барказами от разных судов; за ними же фрегатами весь флот пойдет к острову, каждый в назначенные свои места и остановится шпрингом на якорях. Подходя к острову во время своего прохода до настоящих мест, каждому стрелять по батареям и при берегах по всем закрытым местам; тож в половине горы и на гору, где заметны будут укрывающиеся французы, и, став на якоря шпрингом, докончить очистку места пальбою; как же скоро замечено мною будет, что французы все со здешней стороны острова ушли и на виду их нет, тогда прикажу я вести десант во все удобные места острова, где ссаживать оный способно; гребным судам, везомым десант, промеж собою не тесниться, для того и посылать их не все вдруг, а один за другими; передовые из оных должны очистить дорогу на берегах, закиданную рытвинами, тотчас забросать землею или чем только возможно, а где не-

удобно сходить на берега и переходить места закрытые, там набрасывать лестницы с каждого корабля и фрегата с собою взятые, и сверх лестниц бросать доски по оным и пушки перевозить на берег; где передовыми таковые мосты набросаны будут, оставить их на месте для последующих за ними для переправы, а прочие лестницы и доски нести с собою для всяких могущих встретиться препятствий, от которых они способствовать будут. Говорят, будто местами есть несколькие перекопы канавками, лестницы и доски служить будут через оные мостами; также сказывают, хотя и невероятно, будто есть ко острову в которых-то местах набросанные колючки, засыпаны землею и позакиданы натрускою травой, так что без осторожности можно на оных попортить ноги; господам командирам десантным штаб-, обер- и унтер-офицерам, кто будет напереди, иметь осмотрительность, ежели это справедливо, то в таких местах потому ж для переходу бросать лестницы и сверх оных доски, они и могут служить мостом безопасным и потом господам батальонным командирам, командующим десантными войсками искать неприятеля, разбить или побрать в плен, и остров от оного стараться освободить; вместо знамен иметь с собою флаги; флагов с собою иметь надлежит до десяти. Все батареи, которые овладены будут, поднимать на них флаги, оные означать будут нашу победу, флаги поднимать во всех местах, где только война наша случается, а куда потребен будет сикурс, для показания оного даны будут особые сигналы, требующим сикурсу друг другу помогать. Когда войска наши взойдут на верх горы, иметь осмотрительность, и где потребно будет, там укрепляться пушками и закрывать себя поспешно легоньким окопом или турами, но это в самой только важной надобности делать надлежит, а инако, не теряя времени, стараться овладеть всем островом и отнюдь не замедливать; а я буду иметь смотрение и беспрестанно сикурс подкреплять буду. Господам командующим пушки, снаряды, лестницы, доски, топоры, лопатки, веревки и все потребности иметь в готовности, положенные на гребные суда, также и десантные служители чтоб все были в исправной готовности. Как скоро благополучный ветр настанет, тотчас я снимусь с якорей и со всем фло-

том буду спешить исполнять, как означено. Десантными командирами определяю в авангардии под начальством господина контр-адмирала и кавалера Пустошкина состоящий баталионный командир господин подполковник Скипор, а средней и задней части, под моим ведомством находящейся, господину майору Боаселю, в средине ж между оными, ежели вознадобится отделение послать от передовой части, майора Гамана и всем оным чинить исполнение со всякой осторожной осмотрительностью и с добрым порядком по оказавшимся случаям и обстоятельствам поступать с храбростию благоразумно, сообразно с законами прошу благословения Всевышнего, и надеюсь на ревность и усердие господ командующих.

Приложение 44

РАПОРТ Ф.Ф. УШАКОВА ПАВЛУ I О ВЗЯТИИ КРЕПОСТИ КОРФУ 21 февраля 1799 г.[1]

Вашему Императорскому Величеству всеподданнейше доношу: сильными действиями соединенных эскадр, атакующих крепости Корфу, принудили мы напоследок к сдаче оные на договоре. По стечению разных обстоятельств, понуждающих к скорой решительности, предпринял я обще с командующим турецкой эскадрою Кадыр-беем атаковать оные всеми силами с моря и сухого пути решительно. 18 числа сего месяца, по приуготовлении всех надлежностей к штурмованию крепостей и острова Видо с северной и восточной стороны, остров Видо обошли мы многими кораблями и фрегатами на самую ближайшую дистанцию, даже на действительный картечный выстрел, став на якоря, шпрингом оборотясь бортами против батарей, траншей и окопов, закрывающих осажденных кругом всего берега; произведена сильная канонада ядрами и картечью по местоположению. Сколь ни выгодны были к защищению себя, батареи все оные сбиты, французы, укрывающиеся в окопах, принуждены большей частию со оных мест бежать во внутрь острова, в другие укрепленные места, а прочие полегли на берегу в траншеях; в ту ж минуту по учиненным сигналам свезен от нас десант на берег, и храбростию победоносных войск вашего императорского величества, спомоществуемых турками, которые, соединясь с нашими, с таковой же храбростию бросились во все места острова, неприятель разбит и побежден. Из бывших в сие время на острову до осьмисот французов со всем их подкреплением из крепости едва успели немногие только на гребных судах возвратиться в крепости, прочие побиты и потоплены. В плен взяты генерал от инфантерии Пиврон, комендант острова, многие офицеры и солдат до двухсот, о убитых и потопленных обстоятельно еще неизвестно. С нашей стороны с обеих эскадр убитых и раненых весьма малое число: российской эскадры не более 15 человек, с турецкой сколько, обстоятельно также еще неизвестно. Во время ж

[1] Адмирал Ушаков. [Документы.] Т. 2. С. 385, 386.

производимого действия на острове войска наши, соответствием, по данным им повелениям, находящиеся на батареях, соединясь с албанцами, атаковали наружные укрепления крепостей и из оных штурмом, производя сильный бой с неприятелем, взошли на Сальвадор и оным овладели; французов при оном сражении также убито и ранено немалое число, а с нашей стороны вверенной мне эскадры убитых 21, раненых до 55 человек, турок и албанцев также небольшое количество, да на батареях при деревне Мандукьо и на мысу Св. Пантелеймона убитых и раненых российских войск до 20-ти человек.

19 числа из крепости Корфу от командующих генералов прислано ко мне письмо с просьбою на малое время, на сколько я положу, прекратить военные действия и пролитие крови храбрых войск обоюдных сторон и приступить к договорам о сдаче крепостей. Я по согласию с командующим турецкой эскадры Кадыр-беем положили сроку на 24 часа и в сие время с обеих сторон договоры нами кончены и подписанные от французов нами получены, таковой же и с нашей стороны им дан. Крепости Корфу с артиллериею и со всеми их принадлежностями сданы будут нам чрез один день от подписания договоров, какого содержания письмо, присланное ко мне от генералитета французского, и договор, между нами сделанный, точные копии вашему императорскому величеству всеподданнейше подношу. Морские войска вашего императорского величества и все командующие оными порученные на них дела и исполнения производили с беспримерной храбростию и радением, о которых и об отличившихся ревностию и усердием, по собрании сведениев обо всех обстоятельствах, с подробностию всеподданнейше донесу вашему императорскому величеству особой реляциею, а теперь по экстренному случаю отправляющегося на судне курьера в Триест никаких подробностей и обстоятельств, требующихся к донесению, описать не успел.

Приложение 45

ПИСЬМО Ф.Ф. УШАКОВА НЕАПОЛИТАНСКОМУ КОРОЛЮ О ВЗЯТИИ КРЕПОСТИ КОРФУ И О ПОДГОТОВКЕ К ОТПРАВКЕ ЧАСТИ ЭСКАДРЫ В БРИНДИЗИ

26 февраля 1799 г.[1]

Ваше королевское величество!

Письмо, коим ваше королевское величество удостоить меня соблагоизволили чрез достойного министра вашего господина кавалера Антония Мишеру, имел счастье получить. В ответ имею честь всенижайше донести, благодаря всевышнего город и крепости Корфу сдались оружию обеих империй. Сие знаменитое завоевание дает мне способ употребить вверенные мне силы в пользу приятеля и союзника его императорского величества августейшего императора всея России, который есть ваше королевское величество; вследствие чего дал я наиноспешнейшее приказание приготовить без малейшего замедления половину вверенной мне эскадры, то есть четыре корабля линейных, три или четыре фрегата и несколько малых судов, равно и половину оттоманской эскадры, то есть два линейных корабля, три фрегата и другие малые суда приуготовляются, и ежели не сделает мне остановки провизия, которую я ожидаю привозом на эскадру, то, нимало не умедля, со оным числом судов отсюдова отправляюсь я сам и поспешу окуражить и помочь городу Бриндичи и другим городам провинций Пуле, после чего, не теряя времени, пойду в Мессину я Палерму к выполнению воли и желания вашего королевского величества.

Достойный вашего королевского величества министр всеподданнейше доложит о циркулярных письмах, которые я послал в города всей провинции Пули, равномерно и о войсках, коих я ожидаю, и о том, какие обстоятельства по сие время с эскадрою приостанавливают.

Рекомендуя вашему королевскому величеству достойного сего вашего министра, который, умножая искренними своими просьбами мое стремление к

службе советами вашего королевского величества, помогал мне своими советами при взятии крепостей Корфу и в прочих случаях, имею честь уверить о глубочайшем высокопочитании, совершенной преданностию и повиновением вашему королевскому величеству всепокорнейший слуга.

Командующий российскою императорскою эскадрою Федор Ушаков

---

[1] АВПРИ. Ф. 90. Оп. 1. Д. 1479. Л. 92–93.

Приложение 46

ПЕРЕВОД ПИСЬМА КОРОЛЯ ОБЕИХ СИЦИЛИЙ ФЕРДИНАНДА IV АДМИРАЛУ Ф.Ф. УШАКОВУ
5 сентября н.с. 1799 г.[1]

Господин адмирал Ушаков!

Оказанные Вами со времени многих месяцев важные услуги, возбудили во мне живейшую признательность. Я поспешил уже принести Его Императорскому Величеству Императору Всероссийскому Августейшему Государю Вашему засвидетельствование сей моей чувствительности, а по оказанным ныне стараниям Вашим ощущаю я особливое удовольствие, ибо оные произвели в Неаполитанском моем королевстве важные следствия, разверзд около провинции Адриатического залива соединенной эскадры российской и турецкой в тот час вселил в моих верноподданных одобрение, и тем противостать они могли стремлению прельщения и возмутительным козням; покровительство, доставленное моим верноподданным от российского корпуса, высаженного в Марфедонию, заставило их присоединиться к оному, каковому примеру последовали и в трех моих провинциях, где вооружение жителей воспоследовало, а потом и выступление в поход как многих корпусов, так и армии калабрийской к столице совершилося. Услуги этих же самых россиян, соединенных со многими моими союзниками, оказанные в атаке Неаполя и крепостей оного, в осаде Сант-Ельма и крепости Кпуи, были сколь отличны, столь и полезны. Я должен отдать справедливость кавалеру Белле, командующему сим корпусом храбрых Ваших морских войск, за употребленное им всепопечительное старание и прозорливость, дабы утвердить успехи таковых действий. Со времени даже как королевство совершенно освобождено от ига неприятельского, не менее были важны прилежность и бдительность сего корпуса. Оный корпус содержит спокойствие, которое столь нужно теперь всем в столичном городе. Благоустройство сего корпуса

[1] АВПРИ. Ф. 90. Оп. 1. Д. 1479. Л. 501–502.

принято там в пример, которым и строгое наблюдение военного порядка (...) между вновь набранными войсками, там соединившимися. Сии услуги, господин адмирал, в нынешнее время возыметь будут важные следствия на восстановление там благочестия, разрушенного по поводу бывших обстоятельств, которые лишь только одною военною силою приведены быть могут в порядок. Я требую о продолжении и приращении тех же самых способов, которые долженствуют ускорить возвращение благоустройства, по толиким причинам столь желательное и необходимо нужное. Вы видите, сколько я имею причин быть к Вам признательным, равно и ожидать и требовать от превосходного духа, которым Вы одарены, и личных Ваших добродетелей дальние действия добрых Ваших услуг в пользу Обеих Сицилий, и Италии, и общего праведного дела, в котором ныне все мы соучаствуем, приимите, господин адмирал, уверения о почитании, которое я Вам посвятил, я молю Всемогущего Бога, дабы сохранил Вас пред святым и божественным Своим Покровом.

Фердинанд

Приложение 47

ИЗ РЕЛЯЦИИ В. В. МУСИНА-ПУШКИНА-БРЮСА ПАВЛУ I О ПОХОДЕ ДЕСАНТНОГО ОТРЯДА С ЭСКАДРЫ Ф.Ф. УШАКОВА НА РИМ

27 августа / 7 сентября 1799 г.[1]

После многих сношений у генерала Актона с адмиралом Ушаковым, лордом Нельсоном и Кадыр-беем, касающихся до дальнейших действий соединенной российско-оттоманской эскадры, сделано наконец решительное постановление, дабы оная следовала в Неаполь на пребывание, где по причини продолжающихся городных волнений присутствие ее весьма нужно для прекращения оных и для восстановления на законных правилах прежнего порядка и благочиния. В следствие такого постановления эскадра сия в непродолжительном времени отправиться в Неаполь, откуда по повелению лорда Нельсона зачали уже разъезжаться английские линейные корабли для следования в Минорку и Гибралтар. Адмиралу Ушакову сделаны письменные от Его Величества короля прошения, касаемые до действий его в Неаполе. Кроме того двор желает, чтобы он составил корпус войск для следования в Рим. До тех пор, пока российские воины не будут готовы выйти в поход к Риму, ничего не будет предпринято регулярным войском на освобождение онаго города от ига французов.

[1] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 5. Д. 274. Л. 91, 92.

Приложение 48

РЕЛЯЦИЯ В. В. МУСИНА-ПУШКИНА-БРЮСА ПАВЛУ I ИЗ ПАЛЕРМО 20/31 октября 1799 г.[1]

Г-н адмирал Ушаков письмом своим от 7/18 октября уведомил меня, что с приездом его в Неаполь сделано там российскими войсками на приращение пользы королевства неапольскаго; объявил мне причины, для которых не может он решиться следовать поспешно в Мальту по желанию лорда Нельсона, и прислал в то же самое время письмо к Его Величеству королю. В оном адмирал Ушаков, извещая подробно Его Королевское Величество о подвигах российскаго воинства в Неаполе, оказывает сожаление свое о воспоследовавшей капитуляции с французами, находящимися в Риме, которая никак несовместна с высоким достоинством союзных держав; доносит при том, что кардинал Руффо, командор Трубридж и генерал-майор Буркард, не взирая на сделанные им неоднократно внушения пресечь вредные с французами переговоры, и не подписывать сей невыгодной для союзных держав капитуляции, привели все по собственной своей воле в действо; наконец адмирал Ушаков уведомляет Его Величество, что необходимая нужда предстоит, дабы он поспешно возвратился в Неаполь для вящего присутствием своим утверждения чувств преданности, каким исполнен народ короне неапольской и для возстановления там общаго спокойствия и добраго порядка.

[1] АВПРИ. Ф. 70. Оп. 5. Д. 273. Л. 36 об.–38.

Приложение 49

КОНВЕНЦИЯ МЕЖДУ ИМПЕРИЕЮ ВСЕРОССИЙСКОЮ И ПОРТОЮ ОТТОМАНСКОЮ О РЕСПУБЛИКЕ СЕДЬМИ СОЕДИНЕННЫХ ОСТРОВОВ, ЗАКЛЮЧЕННАЯ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ 21 марта 1800 г.[1]

Божиею милостию МЫ ПАВЕЛ ПЕРВЫЙ, Император и Самодержец Всероссийский: ...Наследник Норвежский, Герцог Шлезвиг-Голстинский, Стормарнский, Дитмарсенский и Ольденбургский, Государь Еверский и Великий Магистр Державнаго Ордена Святаго Иоанна Иерусалимскаго, и прочия, и прочия, и прочия. Объявляем сим, кому о том ведать надлежит, что 21 дня месяца Марта сего 1800 года между НАШИМ ИМПЕРАТОРСКИМ ВЕЛИЧЕСТВОМ и Его Величеством Императором Оттоманским, Преизрядных Султанов Великим и Почтеннейшим, Королей Лепотнейшим Мекским и Мединским и защитителем Святаго Иерусалима и Королем и Императором пространнейших провинций, поселенных в странах Европейских и Азиятских и на Белом и на Черном море, Светлейшим и Державнейшим и Величайшим Императором, Султаном сыном Султанским и Королем и сыном Королей, Султаном Селимом Ханом, Сыном Султана Мустафы Хана, в следствие полных мочей, данных с НАШЕЙ стороны НАМ Любезноверному Василию Томаре, НАШЕМУ Тайному Советнику, Чрезвычайному Посланнику и Полномочному Министру при Блистательной Оттоманской Порте, Кавалеру Ордена Святых Анны перваго Класса и Командору Державнаго Ордена Святаго Иоанна Иерусалимскаго, а со Стороны Его Величества Императора Оттоманскаго Ессеиду Ибрагиму Бею, облеченному достоинством Действительнаго Румелийскаго Кади Ескера, бывшему Стамбул Ефендию и Ахмет Атиф Ефендию Действительному Рейс-Ефендию, настоящая Конвенция постановлена, заключена и подписана, которая от слова до слова гласит тако:

Во имя Господа Всемогущего.

Принадлежащия прежде Венецкой бывшей Республике Области, во владение французов поступившия, будучи с помощию Всевышняго побед Творца освобождены от ненавистнаго им ига соединенными Ескадрами Российскою и Оттоманскою, споспешествуемыми общим рвением и подвигами обывателей своих, ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО ИМПЕРАТОР Всероссийский и Его Величество Император Оттоманский, держась твердо правил человеколюбия и безкорыстия, служащих основанием союзнаго между ИМИ Трактата, и сверх того, почитая долгом достоинства своего, исполнить данное от Обоих ИХ торжественное обещание, определили учредить в тех Областях Правление таким образом, чтобы с одной стороны безопасность и спокойствие соседних с ними владений Блистательной Порты не могли быть нарушены, а с другой стороны, чтобы обыватели, избавленные от ига Правительства, везде Божественные и человеческие уставы тайно и явно испровергающаго, приобрели правление, им самим благоугодное и с верою, законами и обычаями их сходственное. В следствие чего ИХ ИМПЕРАТОРСКИЕ ВЕЛИЧЕСТВА, желая, что спасительное дело сие возымело всю твердость и ненарушимость торжественнаго между ИМИ договора, назначили и уполномочили для совершения онаго, а имянно: ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО ИМПЕРАТОР Всероссийский благоурожденнаго и Превосходительнаго Василия Томару, СВОЕГО Тайнаго Советника, Чрезвычайнаго Посланника и Полномоченнаго Министра при Блистательной Порте Оттоманской,.. а ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО ИМПЕРАТОР Оттоманский Превосходительных господ... Эссеид Ибрагим Бея и действительнаго РейсЕфендия Ахмет Атиф Ефендия, которые по предъявлении взаимных своих полномочий, найденных в доброй и надлежащей форме, постановили и заключили нижеследующия статьи:

Артикул первый.

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО ИМПЕРАТОР Всероссийский, приемля во уважение, что прежде бывшие Венецкие острова по приближенному положению их к Мо-

---

[1] АВПРИ. Ф. 76. Оп. 2. Д. 1246. Л. 1–6.

рее и Албании, имеют великое влияние на безопасность Порты Оттоманской и спокойствие Ея Владений, соизволяет, чтобы оные образовались в Республику наподобие Рагузейской, правом Верховной власти Порте Оттоманской подверженную и управляемую знатнейшими и почтеннейшими из обывателей своих. ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО ИМПЕРАТОР Всероссийский обещает за Себя и Высоких Преемников Своих ручательствовать целость владений вышесказанной Республики, соблюдение ея Конституции, по предварительному разсмотрению и утверждению оной от Обеих Высокодоговаривающихся сторон и сохранение навсегда даваемых Ей привилегий. А Его Величество Император Оттоманский, принимая на Себя и Высоких Преемников Своих Качество Верховных властелинов новой Республики по Васальству ея, то есть, области зависящей, подчиненной и Блистательною Портою покровительствуемой, обязуется свято хранить долг таковаго покровительства.

Артикул второй.

В следствие сказаннаго в 1 Артикуле, острова Корфу, Зант, Кефалония, Мавра, Итака, Паску, Цериго и все прочие большие и малые, обитаемые и необитаемые острова, противу берегов Мореи и Албании лежащие, от прежде бывшей Венецкой Республики отторженные и ныне обоюдным оружием приобретенные, будучи подвластны Блистательной Порте, под названием Республики седьми соединенных островов, сказанная Республика и подданные ея имеют пользоваться, в разсуждении политических своих дел, внутренней их Конституции и торговли, всеми преимуществами, которыми пользуется Республика Рагузейская и ея подданные. И Обе Высокодоговаривающиеся Стороны во удовлетворение надлежащим образом праву завоевания, Ими на вышесказанные острова приобретенному, признают и утвердят торжественными актами внутреннюю Конституцию сей Республики, по предварительному и согласному разсмотрению оныя.

Артикул третий.

Вышесказанная Республика седьми соединенных островов, сохраняя в точности верность и повиновение, коими по вассальству своему обязана к Блистательной Порте, имеет пользоваться по всем внутренним и внешним расположениям своим совершенно теми же правилами и преимуществами, которыми пользуется Республика Рагузейская. Подданные ея, в областях Блистательной Порты торгующие или обитающие, состоять должны в непосредственном ведении Консулов и Вице-Консулов своих, и те же самыя установления, которыя наблюдаются в разсуждении особ и имений Рагузейцов, соблюдаемы будут во всей точности и в разсуждении особ и имений подданных сея Республики. Блистательная Порта приложит все старания свои, дабы суда и купечество сей Республики обеспечены были от Корсеров африканских Кантонов, таким же образом, как обезпечены от оных суда и купечество Республики Рагузейской.

Артикул четвертый.

Вышесказанная республика в знак вассальства своего и верховной власти Его Величества Султана обещает платить в казну Его всякие три года семдесят пять тысяч пиастров. Дань сия будет представляема чрез торжественное Посольство к Блистательной Порте по примеру Республики Рагузейской. Сказанная сумма не может быть никогда ни умножена, ни уменьшена. Исключая сей дани, вышереченная Республика не должна платить никакой другой подати и подданные ея в областях Блистательной Порты находящиеся, изъемлются по примеру Рагузейцев от платежа Харача и всяких других поборов, какого бы оные звания ни были, и сходственные сему повеления имеют быть разосланы во все места Империи Оттоманской.

Артикул пятый.

Крепости и все вообще укрепления, в вышесказанных островах находящиеся, оставаясь в полном распоряжении новой Республики, Правительство ея долженствует без сомнения, приняв оныя в свое попечение, учредить для защиты их собственные гарнизоны по своему благоусмотрению; но дабы охранить острова сии от всяких возможных в продолжении войны приключений, и в случае,

что Правительство их не имело бы достаточных к тому сил собственных, предоставляется свобода Российскому ИМПЕРАТОРСКОМУ Двору и Блистательной Порте Оттоманской или начальствующим обоюдными Их Эскадрами, ввести в крепости Республики седьми соединенных островов регулярныя их войски, с согласием однако ж вышесказанной Республики и по предварительному взаимному условию обеих Высокодоговаривающихся сторон или Начальствующих морскими Их силами. Введенныя таким образом для гарнизона войски останутся в крепостях, пока обстоятельства дел того не востребуют; по окончании же войны, Оба Высокие союзники обязуются упразднить острова и вывести из оных непременно силы Их как морския, так и сухопутныя.

Артикул шестый.

Купечество и шкипера вышесказанных островов, пользуясь искони кораблеплаванием на Черном море, Обе высокодоговаривающиеся стороны условились дозволить им пользоваться оным и впредь единственно под собственным их флагом.

Артикул седьмый.

Блистательная Порта Оттоманская в искреннем попечении своем о благоденствии и спокойствии обывателей вышесказанных островов обещает хранить прежния установления, касательно свободнаго кораблеплавания и торговли в морях, острова сии омывающих, и наблюдать, дабы ничего не последовало вопреки артикулов, коими выговорены торговля и безопасность в древних трактатах Порты Оттоманской с соседними Державами. В следствие чего даны будут Правительствам Африканских кантонов строжайшия и точнейшия повеления не переходить морской линии, от многих лет оными Трактатами постановлений.

Блистательная Порта в знак отличнейшаго благоволения своего к вышесказанной Республике обещает, что военныя ея суда не будут без крайней надобности переходить вышеупомянутую морскую линию; а в случае настояния такой необходимости и по предварительному извещению Республики и пребывающего здесь Консула, дозволено будет военным турецким судам следовать в остро-

ва; но экипажи отправляемых туда судов долженствуют сообразоваться правилам карантина и всем прочим земским установлениям тех мест, где они приставать будут.

Артикул осьмый.

Преждебывшия Венецианской Республики владения на твердой земле: Перевеза, Парга, Воницца и Бутринто в разсуждении прикосновения их к Албании поступают с принадлежностями их во владение Порты Оттоманской и впредь принадлежать ей будут. Но как всех вышесказанных мест жители суть без изъятия Христиане, то привилегии касательно обрядов веры и судопроизводства по примеру княжеств Молдавскаго и Воложскаго, в коих обыватели суть равно все Христианскаго исповедания, будут во всей точности соблюдены и в разсуждении обывателей вышеобъявленных мест; в следствие чего обыкновения их, касательно управы гражданской и уголовной, существенныя права владений и порядок наследия не должны быть переменены. Запрещение Магометанам приобретать собственности и поселяться в оных местах, останется в прежней своей силе по примеру вышереченных княжеств Молдавскаго и Воложскаго. Но как сии области поступают во всю собственность Империи Оттоманской, то дозволяется учредить там одного начальствующаго чиновника, который должен быть непременно магометанин; и как великое число подданных Республики седьми соединенных островов владеют поместьями в той набережной Албании, то Блистательная Порта Оттоманская, обещает ныне же точно определить достоинство онаго чиновника, существо и права его должности, також место его пребывания, и все сие образом угодным вышесказанной Республике.

Артикул девятой.

Его Величество Император Оттоманский обещает и обязуется сохранить жителям вышесказанных селений на твердой земле свободное веры исповедание и публичное отправление обрядов церковных, на том же точно основании, как оныя до сего существовали. В следствие чего предоставляется им полная власть

починивать свои церкви, строить новыя и употреблять колокола без малейшаго препятствия.

Артикул десятый.

Его Величество Император Оттоманский, руководствуясь правилами человеколюбия и желания привлечь к себе сердца новых своих подданных, обещает обложить жителей Парги, Перевезы, Воницы, Бутринто и принадлежностей самою умеренною податью, равною платимой ими прежде Венецианской Республике, и в уважение понесенных обывателями притеснений во время порабощения их французами и потом чрез последствия настоящей войны, Его Величество Император Оттоманский освобождает их от всяких податей на целые два года, щитая со дня подписания сей Конвенции.

Артикул первыйнадесять.

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО ИМПЕРАТОР Всероссийский, в вящее доказательство искренней дружбы своей к Его Величеству Императору Оттоманскому и союзническаго попечения своего о благосостоянии Блистательной Порты, обещает употребить свое старание, чтоб все основания во 2, 5, 7 и 8 артикулах сей Конвенции изложенныя, касательно формы политическаго бытия как вышесказанных островов, так и областей на твердой земле, были при заключении общаго мира признаны и гарантированы союзными державами и другими, которыя к тому приглашены будут.

Артикул вторыйнадесять.

Сия Конвенция имеет быть от обоих Их Величеств ИМПЕРАТОРА Всероссийскаго и Императора Оттоманскаго ратификована и взаимныя оной ратификации разменены в Константинополе в два месяца с половиною или скорее, буде возможно.

Во уверение чего Мы нижеподписавшиеся по силе наших полных мочей сию Конвенцию подписали и утвердили приложением наших печатей. В Константинополе Марта 21 дня 1800 года.

М. П. Василий Томара.

По довольном разсмотрении сей Конвенции МЫ за благо приняли, подтвердили и ратификовали, якоже сим за благо приемлем, подтверждаем и ратификуем во всем ея содержании, обещая ИМПЕРАТОРСКИМ НАШИМ Словом все постановленное помянутою Ковенциею ненарушимо содержать и исполнять, и для вящщаго утверждения того МЫ сию НАШУ ратификацию собственноручно подписав, Государственною НАШЕЮ печатью утвердить повелели. Дана в Гатчине Августа 15 дня 1800, а государствования НАШЕГО четвертаго года.

Павел.

Приложение 50

ПЕРЕВОД С ЦИРКУЛЯРНОЙ ЦИДУЛЫ, ПИСАННОЙ ОТ ПРЕИЗЯЩНОГО СЕНАТА К ВЫСОКОРОДНЫМ ПРЕЗИДЕНТАМ СОЕДИНЕННЫХ ОСТРОВОВ 28 мая 1800 г.[1]

Его Высокопревосходительство г-н адмирал и кавалер Ушаков, освободя сии острова геройственною своею рукою, учредив отеческими своими благорасположениями соединение их, образовав нынешнее временное правление, обратил он, яко знаменитый освободитель, все свое попечение на пользу и благоденствие искупленных им народов.

Для достижения главной сей цели, достойной изящных чувствований его души, употребил он с особливым рвением и благоразумием достохвальное содействие Его Высокоблагородия г-на капитан-лейтенанта Тизенгаузена, сведения коего деятельность и честность были ему совешенно известны; возложив на него важное поручение, учредить порядок и на прочих островах на основании плана и возстановить на оных благоустройства, спокойствия и тишины.

Сей почтенный муж, исполнив совершенно возложенную на него обязанность, заслужил по всей справедливости тамошних народов и одобрение главного своего препоручителя, равно как и от Сената.

Но как недавно на некотором из благоустроенных островов нарушено тишину и согласие, кои оный Тизенгаузен тщался водворить чрез великодушные свои пожертвования, то и усматривается невозможность иначе отвратить гибельные раздоры и возстановить прежнее спокойствие как только деятельным его посредством и преполезными его расположениями.

На такой конец, быв устранены мудрые наставления Его Высокопревосходительства, и Сенат, соображаясь почтенные его письмом от 21-го текущего месяца, предписывает, чтобы на всех островах благопомянутым г-ном кавалером Тизенгаузеном образованных во всей точности наблюдаем был добрый порядок,

им введенный, и чтоб также исполняемо было непременно все, что от него и впредь имеет быть поставлено соответственно верховным поручениям Его Высокопревосходительства для общаго спокойствия и тишины.

Итак, вы, высокородные господа, будучи о сем извещены, имеете поступать сообразно решениям сего Сената и воле Его Высокопревосходительства г-на адмирала, мы же желаем вам исполнения совершенных благоденствий.

---

[1] АВПРИ. Ф. 57. Оп. 1. Д. 16. Л. 19–20об.